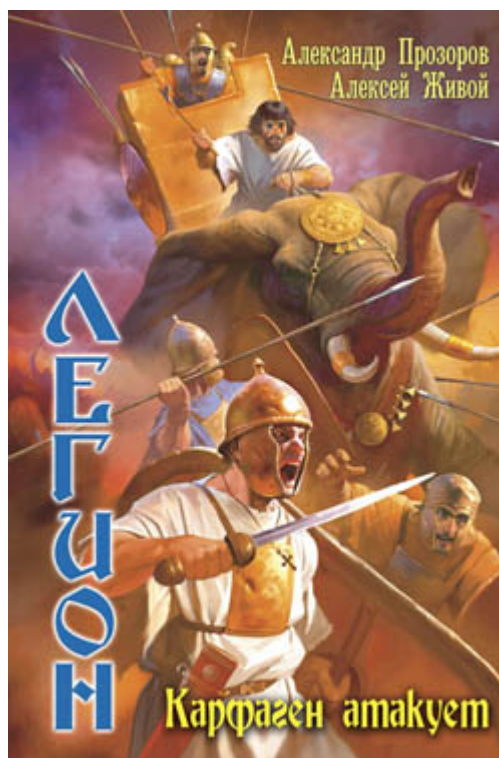


Александр Дмитриевич Prozоров А. Я. Живой Карфаген атакует

Легион – 2



Текст предоставлен изд-вом <http://litres.ru>

«Прозоров А., Живой А.Я. Легион. Карфаген атакует.»: Лениздат; СПб; 2008
ISBN 5-289-02598-7

Аннотация

Не колеблясь, Ганнибал бросает свои войска в поход на Рим. Вторая Пуническая война началась. Федор Чайка и Леха Ларин, морские пехотинцы из России, занесенные в эту эпоху волею судьбы, отвоевывают себе место под солнцем в новом для них мире. Один среди солдат Карфагена, другой среди скифских воинов.

Очутившись после морского сражения с римскими кораблями на испанском берегу, морпех Карфагена Федор Чайка попадает в сухопутную армию Ганнибала и вместе с ней проходит весь грандиозный путь, полный опасностей, от Пиренеев до Альп. Спустя много месяцев, многотысячная армия воинов Карфагена вторгается на итальянские земли и начинает свое победоносное шествие, перемалывая римские легионы на пути к столице враждебного государства. Ее ждут великие битвы, которые войдут в историю. Но Рим не намерен сдаваться.

**Александр Prozоров, Алексей Живой
Карфаген атакует
(Легион — 2)**

**Часть первая
Путь Геракла**

Глава первая

Новые друзья

Мощная волна саданула в борт, заставив судно накрениться, и попутно обдала лицо стоявшего у поручней морского пехотинца холодными брызгами, заставив его вздрогнуть. Флагманская квинкерема¹ «Удар молнии» слегка завалилась на бок, нырнув в яму меж двух больших волн, но быстро выровнялась, продолжая рассекать острым тараном беспокойное море у берегов Испании.

Федор Чайка оторвал взгляд от горизонта, на котором маячили римские суда, и перевел его на свой корабль. Ветер, наполняя прямоугольные паруса на мачтах, толкал квинкерему вперед. Кроме паруса, передняя мачта гордо несла на себе штандарт с изображением диска и полумесяца — символ Карфагена. На палубе, развернутые вполоборота в сторону врагов, стояли метательные машины. Корпус грандиозного корабля завершался массивной, но изящной кормой в виде загнутой вверх балки, напоминавшей морпеху хвост доисторического животного.

Квинкерема ходко шла под парусами, развивая скорость в несколько узлов. Порты для весел на всех пяти ярусах были надежно задраены кожаными пластырями, чтобы не набрать воды. Вдоль поручней, опоясавших весь корпус, виднелись закрепленные овальные щиты морских пехотинцев.

Гребцы, скрытые под палубой, отдыхали. Морпехи, готовые в любой момент вступить в бой, тоже. Хотя кое-кто бродил по палубе или, как Федор с двумя товарищами, располагался у ограждения, рассматривая потенциального противника. Корабли римлян шли параллельным курсом на приличном расстоянии от эскадры Карфагена.

Проводив одного из «римлян» взглядом, Федор Чайка поднял голову и прищурился на солнце, недавно миновавшее зенит. Неторопливо, с наслаждением, вдохнул полной грудью свежий ветер, гулявший над морскими волнами.

Уже третий день корабли карфагенян бороздили прибрежные воды Испании, следуя вдоль скалистых холмов и лишь изредка удаляясь в открытое море при появлении неприятеля в зоне видимости. Однако, римляне, маячившие на горизонте, пока не стремились ввязываться в открытый бой, ограничиваясь разведкой, несмотря на то, что превосходили морское охранение выступившей в поход армии Ганнибала, как минимум, вдвое.

На охранение возлагалась задача не подпускать римских разведчиков к берегу до тех пор, пока армия Ганнибала не углубится в земли кельтов. Это была серьезная задача, учитывая тот факт, что небольшой флот состоял всего лишь из пятнадцати квинкерем и восьми триер. Их сопровождали еще три небольших суденышка, быстроходные биремы, предназначенные не столько для боя, сколько для организации связи между соединениями.

Конечно, они представляли не весь карфагенский флот, дюжина квадрирем и почти столько же триер оставались в Новом Карфагене для защиты штаба испанской армии, которой в отсутствии самого Ганнибала командовал его брат по имени Гасдрубал. Ожидались и подкрепления из столицы, где спешно достраивался новый флот. Но пока, к большому огорчению моряков, былая слава властелина морей все еще ускользала от Карфагена. Сейчас в западном средиземноморье хозяйничали римляне, имевшие неоспоримо больше кораблей. Но, несмотря на это, они давно не рисковали вступать в открытые

¹ Квинкерема (Пентера) — (от латинских *quinque* — пять и *remus* — весло) — военный корабль, имевший, кроме парусов, пять рядов весел с каждого борта. Хотя исследователи расходятся во мнении по этому вопросу. Экипаж: 300 моряков и гребцов плюс 120 пехотинцев (по некоторым данным пехотинцев тоже было до 300 человек). Скорость — 3–4 узла. Вооружение: таран и метательные машины.

Согласно принятой классификации античных гребных кораблей по количеству рядов весел Квинкерема (пентера) — имеет пять рядов, Квадрирема — четыре, Трирема (триера) — три, а Бирема — два.

столкновения с более маневренными кораблями финикийцев, имевшими на борту хорошо обученные экипажи и опытных морпехов.

Да и повода пока не находилось — о том, что Ганнибал двинул свои войска на восток, сенаторы в Риме наверняка еще не знали, прошло слишком мало времени с момента падения Сагунта. Даже если в войске или поблизости от него находились римские шпионы — а римляне повсюду имели своих шпионов — то еще нужно было передать эту информацию в столицу, а потом дожидаться приказа из Рима. А без приказа сената ни один римлянин не мог вступить в войну. Субординация прежде всего. Эти порядки Федор успел хорошо изучить за несколько месяцев, проведенных по воле случая на римской службе, в морской пехоте Тарента. Туда его занесло после крушения во время шторма финикийского судна, шедшего из далекого Крыма.

Многочисленная армия Ганнибала, в отличие от римских вооруженных сил, уже имела приказ своего сената перейти в наступление, и четвертый день продвигалась в глубине прибрежной территории, скрываясь за скалами и стараясь выиграть время. Римляне не могли видеть ее с моря. А флот карфагенян должен был до последнего момента оставлять морскую разведку римлян в неведении.

Так, во всяком случае, новоиспеченному морпеху Карфагена объяснил Софоникс, командир его спейры, аналога римской манипулы. В отличии от немногословного Гнея Атилия, занимавшегося воспитанием Федора в римском мире, местный «центурион» не гнушался разговорами по душам со своими подчиненными, тем более, что здесь во флоте служили только состоятельные граждане Карфагена и наемники из далеких земель. Многие знатного происхождения.

Впрочем, до панибратства не доходило. Софоникс держал всех морпехов в узде. И знатных, и не знатных. Он вообще показался Федору достаточно профессиональным командиром, четко определявшим, когда солдата нужно гнуть к ногтю, а когда поговорить с ним по душам, расположив к себе. Федор, похоже, не показался ему слишком глупым, а потому за неполные две недели службы отношения со своим командиром у морпеха сложились вполне нормальные.

Хотя до конца всех тонкостей Федор еще не изучил. Он не знал, например, как тут обстоит дело с подношениями и откупам от трудных работ, о которых постоянно приходилось думать на службе у римлян. Но до сих пор с него здесь никто не пытался «вытрясти» денег сверх меры, если не считать покупки обмундирования за свой счет.

От службы Федор не отлынивал, несмотря на то, что деньги у него теперь водились. Один тугой кошелек, наполненный мелкими серебряными монетами с чеканным изображением пегаса, хранился у казначея корабля в специальном крепком ящике, обитом железными листами. А второй кошелек с золотыми монетами, на которых красовался вездесущий слон и профиль Ганнибала, — у главного казначея, в Новом Карфагене. Там, где находилась походная казна всей испанской армии. Под охраной кельтов и африканцев брата вождя Гасдрубала.

Копать траншеи морпеха пока никто не заставлял. Лагерь ставить тоже — до выхода в море они обитали во вместительных и по-походному комфортных бараках уже отстроенного лагеря на побережье недалеко от Сагунта. Этот испанский город, чьи жители выразили желание перейти на сторону римлян, был недавно сожжен Ганнибалом. Прочие же «прелести» походной жизни — тренировки, марш-броски по прибрежным скалам, отработка abordaja и битвы на мечях — являлось нормальной службой, уже вполне привычной для Федора после прохождения «курса молодого бойца» в составе четвертого легиона Тарента, морского союзника Рима, где он пребывал несколько последних месяцев, пока не сбежал и не оказался по воле судьбы здесь, среди солдат Карфагена.

За время своей недолгой службы Федор уже сошелся с двумя солдатами-финикийцами. Оба сейчас стояли рядом с Федором, наблюдая за морем. Сам Чайка, как и его друзья, был облачен в кожаный панцирь темно-синего цвета с нашитыми поверх него металлическими пластинами. Верхнюю часть бедер защищало подобие юбки из кожаных ремней, а ступни

уютно устроились в сандалиях на очень толстой подошве. Федор мог спокойно наступить на металлический гвоздь, не беспокоясь о том, что повредит стопу.

Вооружение морпехов состояло из короткого меча и крепкого овального щита синего цвета с железным умбоном. Имелся также и дротик для метания, находившийся сейчас в арсенале под верхней палубой. Щит же крепился на поручне в десяти шагах от мирно беседовавших приятелей. Каждый морпех на квинкереме «Удар молнии» знал, где висит его щит, и в случае внезапной атаки мог подхватить его одним заученным движением. Софоникс всего за неделю выдрессировал своих солдат так, что любой мог отыскать свое вооружение с закрытыми глазами.

Один из стоявших рядом финикийцев, такой же новобранец, как и Федор, был сыном купца средней руки и происходил родом из соседнего с Карфагеном богатого города Керкуана. Его отец в последние годы занимался поставкой для армии Карфагена коней из жаркой Нумидии и нажил на этом неплохие барыши. Он хотел, чтобы сын продолжил его дело, но парня потянуло на романтику армейской службы. Сказались гены. Ведь и его отец, и его дед перед тем, как осесть на берегу, всю свою молодость провели на кораблях купцов-мореплавателей, проникавших в неведомое. Туда, откуда возвращались далеко не все. И когда в Керкуане вновь стали раздаваться голоса вербовщиков, он долго не раздумывал.

Звали парня Урбал. На вид он был чуть старше Федора, лет двадцати пяти. Невысокий, широкий в плечах. Черноволосый, как все финикийцы, с узким лицом. Знал толк в лошадях и торговле, но совсем не походил на человека, думающего только о барышах. Урбал, как выяснилось, много читал и знал о путешествиях своих предков. Из-за любви к чтению, обнаружившейся совершенно случайно, они и сошлись.

У них с Федором всегда находились темы для разговора. От него любознательный Чайка, бывший сержант морской пехоты России, по воле рока перенесшийся в этот мир из двадцать первого века вместе со своим сослуживцем Лехой Лариным, многое узнал о тех временах, что предшествовали его появлению. Сын торговца конями из Керкуана, как выяснилось, успевал не только торговать, часто выезжая вместе с отцом в соседнюю Нумидию, но и проводить дни напролет в библиотеках, коих здесь существовало достаточно. Как в самом Керкуане, так и в столице.

— Слушай, Урбал, — спросил его как-то раз Федор, когда они, закончив тяжелейший марш-бросок и сложив на теплые камни оружие, с разрешения Софоникса переводили дух на скалистом берегу, разглядывая спокойную гладь моря, — у вас ведь много было всяких мореплавателей, расскажи о ком-нибудь из великих.

Урбал, как и все солдаты спейры, знал, что Федор не местный, а прибыл из далеких северных земель, поэтому его слова «у вас» не вызвали особого удивления. Хотя Федор недавно сам стал гражданином Карфагена.

— Да, ты прав Чайкаа, — ответил Урбал, произнося имя Федора немного нараспев. Но здесь все так делали, и морпех уже привык, — наши предки совершили множество экспедиций. Гимилькон во время одного из плаваний добрался до Бретани и даже побывал в землях северных кельтов. Но, возможно, самое великое свершение — это путешествие Ганнона Мореплавателя к берегам Западной Африки.

— Расскажи, — попросил Федор, оглядываясь на Софоникса, совсем не торопившегося прервать затянувшийся отдых морпехов и наслаждавшегося безмятежностью моря в одиночестве, — я интересуюсь.

И сын торговца конями с удовольствием начал свое повествование. Он по праву считался здесь лучшим рассказчиком. Поэтому, услышав его голос, поближе подтянулись еще несколько бойцов, желавших послушать о славных путешествиях предков.

— Однажды Ганнон Мореплаватель решил узнать, что находится за пределами Мелькартовых столбов² и раздвинуть еще шире границы Карфагена.

² Гибралтарский пролив.

Сделав такое заявление, Урбал замолчал, оглядывая собравшихся вокруг него морских пехотинцев. Все, затаив дыхание, слушали, ожидая, что будет дальше.

— Нашлось немало купцов желавших вместе с ним совершить это плавание и посмотреть на неизвестные земли, — продолжил Урбал. — На его зов откликнулось почти тридцать тысяч человек. Они принесли жертву Баал-Хамону, погрузились на шестьдесят квинкером и отправились в дальний путь.

— И что с ними случилось? — спросил один из солдат.

— Оставив Мелькартовы столбы позади, они повернули на юг и долго плыли вдоль побережья, исследуя новые земли, — ответил Урбал. — Эти места так поражали путешественников своим великолепием, что многие сходили на берег, чтобы основать там новое поселение.

— А что, — уточнил Федор, — африканские аборигены, то есть местные жители, всегда встречали их мирно? Хлеб-соль, баня, блины с икрой и все такое?

— Я тебя не совсем понял, — поразмыслив немного над словами странного сослуживца, заявил Урбал. — Ведь они пришли торговать, а этот язык понимают все.

— И никто не выступал против поселенцев? — не унимался Федор.

— Карфагеняне умеют договариваться, — улыбнулся Урбал, но справедливости ради добавил. — Конечно, не все местные жители оказались мирными. Иногда происходили стычки. Но ведь финикийцы приплыли на квинкеремах, а эти корабли умеют не только волны рассекать, ты же сам знаешь.

— Знаю, — согласился Федор, вспомнив о метательных машинах, установленных на палубе. — Если надо они в состоянии утихомирить любого нерадушного аборигена. Торговля — дело тонкое.

— Ганнон Мореплаватель провел в этом путешествии несколько лет, — продолжал Урбал, — и доплыл до большого залива с огромным островом в самом сердце жаркого континента.

Федор не удержался, попросив Урбала нарисовать ему примерную карту этого пути. Урбал не заставил себя долго ждать — он являлся большим знатоком карт. Вынув кинжал из ножен, новобранец начертил на сухой земле между камнями довольно точные контуры Африки, поставив крестик где-то в районе знакомого Федору из прошлой жизни Камеруна. Получалось, что купцы действительно обогнули половину черного континента, основав там массу городов и населив их финикийцами.

— Нормально сплавали, — подтвердил Федор, отрываясь от рисунка на земле.

Урбал справедливо считал, что память о таких великих людях, как Ганнон Мореплаватель, переживет века. Федор не спорил, ему даже кое-что припомнилось из прочитанных в прошлой жизни стихов Гумилева, поминавшего добрым словом одного из финикийских мореплавателей. Возможно, того самого.

— Это ты о каком Ганноне рассказываешь? — вмешался в разговор Федора и Урбала сидевший рядом здоровяк, который, воспользовавшись минуткой отдыха, чистил свои кинжалы и краем уха слушал рассказ. Кинжалов было целых три, и этот морпех, казалось, с ними никогда не расставался.

— Это не он сначала всыпал мавританцам, а потом решил сэкономить на жаловании наемников и недоплатил им? — поинтересовался здоровяк. — Наемники — народ горячий. Это ты сам знаешь. Им, попробуй, недоплати. Не долго думая, взялись за оружие, пожгли полстраны и даже осадили Карфаген.

Высказавшись, здоровяк, наконец, оторвался от чистки кинжалов и посмотрел прямо в глаза Урбалу, добавив для солидности:

— Хоть это и случилось двадцать лет назад, у нас в Утике об этом еще помнят.

— Нет, — отрицательно мотнул головой Урбал. — Тот Ганнон, что был великим мореплавателем, давно умер. А этот, — Урбал осмотрелся по сторонам и произнес, понизив голос, — осел, да накажет его Баал-Хамон, еще жив. Он сенатор, богат и процветает. Хотя по всему видно, что упрям и глуп. Говорят, этот Ганнон раньше ненавидел Гамилькара Барка,

отца Ганнибала. А с тех пор, как тот погиб, ненавидит нашего вождя и вообще все его семейство.

— А мне плевать, кого он там ненавидит, этот Ганнон, — заявил воин, рассматривая лезвие блестевшего на солнце кинжала. — Ганнибал отличный вождь, он победил многих, солдаты ему верят, и я тоже пойду за ним до конца. Что бы там ни мутил этот Ганнон, который не мореплаватель.

Федор уже привык к тому, что местная знать не баловала своих подданных обилием имен. Впрочем, как и римская. А потому люди здесь различались в основном по прозвищам, дававшимся им друзьями или недругами за какую-либо черту характера или внешности. Барка, например, на финикийском означало «Молния». Из множества известных Федору римлян, включая уже умерших и еще не народившихся, — он когда-то узнал о них из книг, прочитанных еще в прошлой жизни, — морпех, прежде всего припомнил Цицерона, прозвище которого в переводе означало «Горох». Сенатор Катон звался так, потому что слыл «Ловким», ну а Брут вообще означало «Туповатый». Не очень лестная кличка, но правдивая. «Так что ты не прав, „кислый помидор“», — вспомнился Федору анекдот из прежней жизни, уже подернутой пеленой забвения и давно казавшейся ему сном.

Солдата, что прибыл во флот из соседней с Карфагеном Утики и не разбирался в запутанной истории с Ганнонами, звали Летис. Этот здоровенный и слегка грубоватый парень вымахал почти на голову выше Федора. Летис был третьим сыном богатого ремесленника, владельца гончарной мастерской, тоже не захотевшим просиживать штаны в лавке отца. Вместо этого он решил попытать счастья на военной службе. Благо его старшие братья не отходили от гончарного круга и постоянно подменяли в лавке главу семьи.

В отличие от Урбала морпех Летис читать особенно не любил, зато не расставался с мечом, а в свободное время тренировался метать кинжалы. Делал он это, надо сказать, превосходно. С вдохновением. Даже Федор, прошедший школу российской морской пехоты, был удивлен, увидев впервые, как это делает простой гончар из Утики, только вчера попавший во флот. Его профессиональная гордость оказалась уязвлена.

Однажды, с разрешения Софоникса, они решили повеселить сослуживцев и устроили состязания прямо на палубе плывущего корабля, метая кинжалы в нарисованную мишень на раскачивавшейся мачте с расстояния в двадцать шагов. Победил к удивлению экс-сержанта, уверенного в своем превосходстве, здоровяк Летис.

Техники ему, на взгляд Федора, не хватало, но крепыш компенсировал ее скоростью и убийственной точностью броска. Его рука разгибалась за долю секунды и выбрасывала пружинящим движением довольно тяжелый клинок точно в цель. Изящества японских ниндзя Летису, конечно, не доставало. Но для того, кому брошенный кинжал вопьется в шею быстрее, чем тот успеет схватиться за оружие, это роли не играло. Раз — и ты уже в царстве мертвых. Переживать больше не о чем.

Отсчитав под общий хохот победителю пару мелких серебряных монет с изображением пегаса, Федор немного поговорил с ним о жизни, познакомился. В общем, с Летисом они сошлись на почве любви к оружию и спортивным тренировкам.

И Летис, и Урбал слыли людьми не бедными, но, выяснив, по чьей протекции Федор попал во флот, стали уважать его в два раза сильнее. Хотя Летис сначала сомневался, о каком именно Магоне идет речь, но Урбал доходчиво объяснил ему, что как раз о том самом сенаторе, одном из совета судий, или, как его называли в народе «совета ста четырех». Именно этому совету, а не сенату и не народному собранию, на деле принадлежала вся власть в обширной республике финикийцев.

Узнав об этом, Федор испытал странное чувство. До сих пор он считал, что Магон — богатый купец и сенатор, но понятия не имел, насколько высокого полета птицу ему удалось спасти от стрел грозных скифов. За такой поступок его могли бы сразу сделать генералом или хотя бы начальником морских пехотинцев.

Но, поразмыслив о своей судьбе в свете новых знаний, Федор решил, что все случилось правильно. Магон не назначил его генералом, хотя являлся одним из тех, кто выбирал

главнокомандующего армией Карфагена. Сенатор Магон не первый год находился у высшей власти, безусловно зная все ее нюансы, и неплохо разбирался в людях. Иначе и быть не могло. Он наверняка рассуждал так: Федор, конечно, молодец, но еще слишком молод и не знает местной жизни. Ведь беглый римский морпех пробыл в Карфагене немногим более месяца. Ему еще только предстояло показать себя, а для этого совсем неплохо изучить жизнь республики с самых низов. Например, начиная с места рядового солдата.

Впрочем, Федору Чайке было грех жаловаться. Его ведь не предали, не обманули и не продали рабство, когда он под видом римского гражданина прибыл во враждебный Риму Карфаген, где его считали утонувшим. Но сенатор добро помнил. А службу в армии Федор выбрал сам, после долгих раздумий. Его никто не принуждал. Да и служить пошел туда уже не безродным иностранцем, а полноправным гражданином Карфагена. И не бедным, надо заметить, гражданином.

За свое спасение Магон подарил ему обставленный мебелью дом в огромном предместье столицы под названием Мегара. Дом, по меркам местных богачей, был небольшим — всего лишь трехэтажным, окруженным садом строением. Вокруг жили купцы среднего достатка и знатные воины. К дому также прилагались три смуглолицых охранника, исполнявших роль слуг, одна кухарка и нумидийская рабыня для развлечений.

Кроме своего дома в Карфагене Федору отошло небольшое деревенское имение, где, кроме многочисленных огородов, росли пятнадцать плодоносящих оливковых деревьев. Обрабатывали все это сельское хозяйство десять рабов под надзором управляющего, подобранного ему Акиром, приказчиком и правой рукой Магона.

Так что, рядовой морпех карфагенского флота Федор Чайка, конечно, еще не стал генералом, но уже являлся законным владельцем дома, имения и массы людей. Проще говоря, рабовладельцем. И это, не считая кошелька с золотом на прощанье. Как относиться ко всему свалившемуся на него, словно с неба, богатству, Федор еще так до конца и не осознал. А насчет карьеры тоже сильно не беспокоился — даже после всех этих подарков путь в дом сенатора ему не был заказан.

Скоро ветер на море начал стихать.

— Смотрите, — заметил вдруг Урбал, отрывая стоявшего рядом Федора от приятных воспоминаний, — римляне поворачивают к берегу. Неужели что-то заметили?

Федор повернул голову сначала в сторону приближавшейся римской эскадры, а затем, прищурившись, посмотрел на берег, мимолетом пожалев, что когда-то продал свой, случайно захваченный из «старого мира» бинокль Магону. Правда, за десять золотых «слонов». Но и без бинокля он увидел, что на одном из горных перевалов, находящихся у самого берега, блестят доспехи, и солнце играет на копьях солдат армии Ганнибала, золотой змейкой перетекавших из одной долины в другую. Похоже, римлян тоже заинтересовали эти блики, и они решились приблизиться к берегу, рискуя нарушить шаткое перемирие.

Морпехи, заметив перестроения врага, загомонили. Но тотчас над палубой разнесся звук горна, означавший боевую готовность.

— Пехотинцы! — крикнул Софоникс. — Римляне приближаются. Разобрать оружие и щиты! Построиться по спейрам вдоль бортов!

Огромный военный корабль ожил и стал готовиться к битве. По палубе зашуршали кожаные подошвы башмаков. Прислуга баллист зарядила орудия каменными ядрами. Расстояние между кораблями финикийцев и римской эскадрой постепенно сокращалось.

Глава вторая

У берегов Испании

Судя по маневрам, римляне вознамерились подойти к самому берегу, во что бы то ни стало. А может быть, и высадить десант, чтобы попытаться остановить продвижение армии финикийцев. Они отлично понимали, что в этом случае боя не избежать, но больше и не стремились к этому. Римляне на ходу перестроились в две линии, первая из которых

состояла из десяти квинкерем. А вторая, насколько мог рассмотреть Федор со своего места в ряду морпехов у борта, примерно из двадцати. И это, не считая еще дюжины триер, маячивших отдельной группой на левом фланге.

Римляне почти вдвое превосходили противника. Тем не менее, флотоводец Адонисл, командовавший морским охранением карфагенян, решил дать бой. Десять его квинкерем, развернувшись в линию, устремились навстречу римлянам. Остальные пять массивных кораблей и восемь быстроходных триер сформировали вторую линию, которой отводилась роль резерва. Флагманский корабль «Удар молнии» с Адонислом на борту тоже находился среди них. Но Федор был уверен, что резерв долго не останется без дела — слишком не равны силы. Связные биремы, лишившись одной, немедленно отправленной Адонислом с сообщением к берегу, тоже шли рядом.

Тем временем ветер почти стих, а корабли первых линий начали сближение. И тотчас с ними, прямо на глазах Федора, начали происходить метаморфозы. Исчезли сначала паруса, а затем и обе мачты, снятые проворными матросами и аккуратно уложенные на палубе. После этого все квинкеремы карфагенян разом уменьшились в размерах почти вдвое, и Чайка увидел, как вдоль бортов забегали моряки, накидывая на ограждения шкуры, словно развешивая белье. По палубе, между метательных орудий, они тоже разбросали немало таких шкур, обильно полив все это забортной водой.

— А это еще зачем? — удивился Федор и подтолкнул стоявшего рядом Урбала.

За время службы Риму, о которой его новые соратники ничего не ведали, он ни разу не видел ничего подобного. Как убираются съемные мачты, видел — так всегда делали перед боем, когда использовались только весла. Но вот прием карфагенян с мокрыми шкурами оказался для него в новинку.

— Защищаются от горшков с зажигательной смесью, — пояснил всезнающий Урбал.

Затем послышались звуки горнов и свистки, означавшие, что в дело вступают гребцы. Тотчас в бортах открылись порты, и в воду погрузились длинные весла, окрашенные в черный цвет. Все пять рядов, включая нижний. Римляне также перевели свои корабли на гребной ход.

— Ну, сейчас мы им покажем, — заявил Летис, в нетерпении сжимая меч. Он тоже стоял рядом с Чайкой. — Наши корабли быстроходнее. И маневрируют лучше.

— Это так, — кивнул Федор, — но их больше.

Морпех, внимательно вглядывавшийся в корабли римлян, рассмотрел среди квинкерем противника большое количество судов с «воронами» на носу — абордажными мостиками, увенчанными острым крюком. Он не знал, приходилось ли карфагенянам испытывать на себе это «секретное оружие» римлян, и знакомы ли с ним местные капитаны. Оказалось, хорошо знакомы. И довольно давно. Федор осмелился задать этот вопрос находившемуся поблизости Софоникусу, указав рукой на массивные сооружения, венчавшие носы римских квинкерем.

— Видели, — ничуть не обиделся Софоникс на проявленную подчиненным бдительность, — опасная штука. Немало наших кораблей римляне с ее помощью в прошлой войне потопили. Но ничего, у нас теперь тоже есть кое-что в запасе.

Тем временем первые линии эскадр, подойдя на расстояние выстрела баллисты, начали артиллерийскую дуэль. Послышались звуки горнов, и с обеих сторон в небо взметнулись десятки ядер. Большинство из них цели достигли. Это Федор понял по грохоту проламываемых досок и воплям, доносившимся даже сюда. Вторую линию карфагенян отделяло от первой всего метров триста. Несколько солдат с борта ближайшей к ним квинкеремы упало за борт. Тут же вторая волна ядер накрыла корабли. А потом и третья.

Бой разгорался. Прислуга баллист — баллистарии, как их называли римляне, — на нескольких кораблях сменили боеприпасы и в небо взметнулись огненные шары. Оставив за собой в небе черный дымовой след, горшки посыпались на палубы кораблей. Но римляне горели «охотнее», чем суда карфагенян. Видно, мокрые шкуры неплохо выполняли свою задачу.

Спустя двадцать минут обстрела зажигательными снарядами, три квинкеремы из

первой линии римлян запылали, словно подожженные бензовозы, и попытались выйти из боя. Один объятый пламенем корабль, на полном ходу даже протаранил соседнюю квинкерему. Раздался страшный треск, когда его ростр³ пробил ее борт ниже ватерлинии, обломав заодно и все весла. В довершение закрепленный вертикально на специальных приспособлениях абордажный мостик, тоже объятый пламенем, от удара сорвался и рухнул на палубу второго корабля, намертво связав оба судна. Потеряв ход, римляне так и остались дрейфовать сцепленные вместе. А скоро пожар перекинулся с пылающего корабля на соседний. По его палубе замельтешили обезумевшие матросы, отчаянно пытаясь потушить разбушевавшийся огонь, но время оказалось упущено. Многие прыгали в воду и плыли назад к римским кораблям.

— Ты это видел! — толкнул Летис в бок Федора. — А ты говорил — «их больше»! Сейчас мы их всех отправим в царство мертвых.

Мастерства финикийцам, действительно, было не занимать. Еще не достигнув строя римлян, они сумели нанести противнику значительный урон. Пять кораблей первой линии получили повреждения. Строй атакующих смешался. Карфагеняне же потеряли пока лишь одну квинкерему, чья команда увела ее в сторону, пытаясь бороться с пламенем. Остальные, хоть и испытали на себе обстрел ядрами баллист и горшками с зажигательной смесью, получили незначительный урон. Они продолжали бой и скоро, прекратив обстрел, сошлись с противником для абордажного боя.

Так думал Федор, но, вероятно, не капитаны карфагенских квинкерем, стремившихся уничтожить противника без помощи морской пехоты. Они прекрасно знали о неплохой подготовке римских солдат и не желали предоставлять им возможность выиграть бой на море за счет сил абордажных команд, хотя сами несли на борту достаточно умелых бойцов. Рукопашную схватку, в отличие от римлян, они рассматривали как последнее средство, ведь у них имелись и другие. И когда метательные орудия сделали свое дело, и карфагеняне получили тактическое превосходство над первой линией противника, они прибегли к излюбленной тактике проплыва и тарана.

Сразу две квинкеремы с разных сторон ринулись навстречу одной римской, оторвавшейся от своего смятого строя. И хотя римляне отлично видели атаку, они до последнего момента не знали, как среагировать, ведь их атаковало сразу два корабля. Разогнавшись до большой скорости, обе квинкеремы подошли под углом к римскому судну — на мгновение Федору даже показалось, что они идут к разным кораблям — совершили молниеносный поворот и, убрав весла, прошли в нескольких метрах от борта ошарашенных римлян. Капитан атакованного корабля, видимо, ожидал таранного удара, но его не последовало. Зато он потерял все весла, разлетевшиеся в щепки, и опоздал с применением «ворона». Незадолго до того, как его хищный крюк устремился вниз, карфагенская квинкерема, немного отклонилась в сторону и успела уйти на приличное расстояние. Этого хватило — «ворон» лишь царапнул по борту, обрушив часть ограждения, но больших разрушений не причинил и, более того, сам рухнул в воду, вырвав часть собственной палубы.

— Ты гляди! — не унимался Летис. — Вот молодцы! Ну, теперь ему конец.

Римский корабль, действительно, ждала незавидная участь. Лишенный хода и абордажного мостика он стал легкой добычей третьей карфагенской квинкеремы, вспарывавшей волны следом за первыми. Сделав изящный поворот, она протаранила его высокий борт, несмотря на яростный обстрел из римских баллист. Но это был жест отчаяния. В момент контакта раздался страшный треск, и уже израненное судно окончательно потеряло шансы на спасение. После того, как карфагеняне дали «задний ход», расцепившись со своей жертвой, и римская квинкерема сползла с тарана, в открывшуюся пробоину хлынула вода. Корабль быстро накренился на бок, и все, кто находился на палубе и кто еще

³ Таран.

не упал за борт, посыпались в море вместе с метательными орудиями.

Но в сотне метров от этой схватки римлянам удалось все же зацепить «воронами» два корабля противника, на которые тотчас же ринулась морская пехота. Там завязался ожесточенный абордажный бой. С обеих сторон до последнего момента в упор «работали» баллисты, пока еще не захваченные неприятелем, превращая солдат атакующей стороны в кровавое месиво. Но у римлян была еще и башня, с которой они вели огонь из стрелометов по бойцам противника. На одном из кораблей озлобленные разгромом первой линии римляне скоро взяли верх. Но вот наблюдая за другой схваткой, Федор увидел еще один поразивший его маневр.

К сцепленным с помощью «ворона» кораблям, где шла кровавая бойня, приблизилась карфагенская квинкерема. Еще до ее подхода морпехам финикийцев удалось изгнать неприятеля со своей палубы и почти разрубить абордажный мостик. Второй корабль на большой скорости скользнул мимо римлян со свободного борта и на ходу с кормы зацепил его длинной балкой с большим крюком. Балка сверкнула на солнце матовым боком, и Федору показалось, что она вся состоит из металла. Благодаря скорости перемещения карфагенянам удалось оторвать борт нападающих от борта своих соратников и сдвинуть с места римский корабль с изумленным экипажем, оттащив его на свободную воду. Чем тут же воспользовалась еще одна финикийская квинкерема, сходу протаранившая борт вражеского судна, всего пять минут назад предвкушавшего победу.

Наблюдая за очередным унижением воинов Рима, Федор посмотрел на Софоникса — тот довольно улыбался. «Видимо, это и есть тот секретный маневр, — подумал Федор. — Похоже, финикийцы держали его про запас для того, чтобы нейтрализовать абордажные мостики противника. Хитро.⁴ Ему понравились слаженные действия моряков, превративших атаку гордых римлян в неожиданный и полный разгром их первой линии.

Но после вскружившего голову успеха наступило протрезвление от хмеля легкой победы. Разметав напавшие на них корабли, карфагеняне, словно вырвавшиеся на простор морские хищники, настолько увлеклись атакой, что позабыли об осторожности. Пока они вели бой с первой линией противника, корабли находившейся за ней второй, вдвое превышавшие по численности зачинщиков, раздвинули фронт и почти охватили финикийцев полукольцом. И теперь вся эскадра Адонисла находилась под угрозой окружения.

С левого фланга к ним спешила быстроходная флотилия римских триер. Справа заходили многочисленные квинкеремы противника. Еще немного, и они могли полностью замкнуть кольцо. Флотоводец отреагировал так быстро, насколько это представлялось возможным в возникшей ситуации. Сначала он отослал оставшиеся суда связи по двум разным маршрутам. Одно снова ушло к берегу, где виднелись аванпосты армии Ганнибала, уже не таившиеся и наблюдавшие за схваткой с римскими кораблями. А другое на большой скорости заскользило вдоль берега на юг, в сторону Сагунта и Нового Карфагена, неся весть о случившемся. Бой еще не был проигран, квинкеремы финикийцев еще в азарте добивали разрозненного противника в центре, но ситуация менялась с каждой минутой.

— Кораблям первой линии отойти к берегу! — приказал Адонисл, и тотчас над водой разнесся пронзительный рев горна.

Получив сигнал, пять целехоньких квинкерем финикийцев, сделав быстрый разворот, устремились ко второй линии своих кораблей, за которой виднелся недалекая полоска прибоя. Им вслед полетели ядра и горшки с зажигательной смесью. Один из кораблей загорелся, потерял ход и скоро был протаранен настигшей его квинкеремой противника. Другие римские суда отсекали увлекшиеся атакой корабли финикийцев от второй линии. Поняв, что уйти без схватки не удастся, те приняли бой, вспыхнувший с новой силой.

— Атаковать флотилию триер противника! — отдал новый приказ Адонисл.

И все восемь карфагенских триер устремились навстречу римлянам. Трем квинкеремам

⁴ На самом деле, этот маневр карфагеняне изобрели только к концу второй пунической войны.

из второй линии Адонисл приказал атаковать самый край правого фланга. А сам, вместе с оставшейся квинкеремой, решил отойти ближе к берегу и напасть на прорвавшие левый фланг корабли. Римляне явно собирались высадить десант и рвались к галечной отмели. Они успешно связали на втором этапе боя почти все суда неприятеля, заманив их в ловушку. И, похоже, решив, что их участь predetermined, не обращая больше внимания на оставшийся финикийский флот, устремились к берегу.

— Не успеем, — спокойно и как-то даже отстраненно заметил вслух Федор, наблюдая, как пять римских квинкерем, обойдя зону схватки триер, отрезают их от берега. Но Картал, капитан квинкеремы «Удар молнии», и не помышлял о бегстве. Напротив, повинаясь приказу находившегося здесь же командующего, он направил таран своей квинкеремы на корпус ближайшего римского судна. То же самое сделал и капитан второй квинкеремы.

Берег приближался, но римляне оказались проворнее. Морпехи Карфагена буравили недобрыми взглядами корабли противника, на палубах которых уже можно было рассмотреть легионеров. Заметив атаку сзади, две ближайшие квинкеремы римлян стали совершать маневр отсечения финикийцев, чтобы оставшиеся корабли спокойно достигли берега, но делали это не слишком быстро. «Удар молнии» настиг одну из них раньше, чем та успела полностью развернуться, и врезался в ее кормовую часть.

Корабль, мчавшийся на всех веслах, вдруг резко остановился на месте. От столкновения двух массивных корпусов многие морпехи Карфагена пошатнулись, а некоторые даже попадали на палубу. Федор, к счастью, удержался, схватившись за ограждение. Зато римляне десятками посыпались в море с палубы своего корабля.

Удар достиг цели. Тупое острие тарана проделало огромную пробоину в борту римской квинкеремы. Раздался свисток для гребцов, и «Удар молнии», поразив врага, быстро дал «задний ход», высвобождая свой таран. И все же римляне были еще далеки от уничтожения. С палубы тонущего корабля, пока он неторопливо кренился, несколько раз огрызнулись баллисты — рядом раздался крики и стоны. В двух шагах от Федора упало несколько обезображенных тел. Прямое попадание каменного ядра — жуткое зрелище. От человека, даже прикрытого доспехом, остается мешок окровавленных костей, если он вообще не разорван на части.

— Приготовиться к бою! — разнеслась команда над головами морпехов.

Обернувшись на шум, Федор увидел, что второй финикийский корабль тоже успешно протаранил римскую квинкерему. Но тут их самих атаковал поспешивший на помощь своим «римлянин».

Тарана избежать не удалось. Их застали врасплох. Но капитан Картал все же успел немного изменить положение корпуса, и удар пришелся вскользь. Ростр римской квинкеремы со скрипом и грохотом пробороzdил борт карфагян, соскользнув в сторону. К счастью, пробоины удалось избежать. Федор впервые убедился, что металлическая броня из пластин, опоясывавшая квинкерему карфагян ниже ватерлинии, сделана не зря. Зато от удара сорвалась со своих креплений на корме и упала в воду шлюпка. Тут же Федор убедился и в другом: наличие «ворона» в ближнем бою — это преимущество. Неудачно протаранив борт противника своим ростром, удивленные римляне на этот раз не растерялись и тут же применили абордажный мостик, с грохотом рухнувший на палубу «Удара молнии», намертво сцепив две квинкеремы. Благо, они уже встали борт к борту. И на палубу финикийского судна тотчас ринулись римские пехотинцы.

В первую секунду Федор решил, что у него «дежа вю». Всего несколько месяцев назад он сам точно также, правда, в тренировочных схватках, прыгал на борт корабля противника, облаченный в римские доспехи и крепко сжимая skutum. И вот теперь на него набегали те же римские солдаты, с которыми он сам ходил в атаку плечом к плечу. Только сейчас, подняв меч и прикрывшись щитом, облаченный в доспехи другого цвета, Федор стоял в линии спейры морпехов Карфагена и сверлил взглядом римлян, ожидая увидеть среди них своих бывших товарищей по оружию.

Но не увидел. Первый римлянин, бросившийся на него с мечом, оказался ему незнаком.

Как ни странно, это успокоило. Будь это сослуживец Квинт, которому он некогда спас жизнь, или сам центурион Гней, то Федор, возможно, немного замешкался бы, прежде чем убить своего противника. Но теперь он мгновенно перешел в состояние боевой машины и, приняв удар на щит, нанес ответный в область живота. Меч с треском вспорол кожаный панцирь легионера, рассекая внутренности. Римлянин пошатнулся, упал на колени и, выронив оружие, уткнулся лицом в палубу. Федор снова принял боевую стойку, бросив короткий взгляд в сторону. Их линия держалась, отбив первую атаку римлян, но те тут же предприняли новую.

На правом фланге нападавших размахивал мечом и орал на своих легионеров здоровяк со щербатым лицом в шлеме с поперечным «ирокезом» — римский центурион. Софоникс заметил его и, крикнув «В атаку!» вместо привычного для уха «Держать строй!», увлек за собой морпехов Карфагена, напав на римского центуриона первым.

Успев заметить, что невдалеке вторая квинкерема финикийцев тоже сцепилась с римской, а триеры ведут успешный бой с превосходящими силами противника, Федор вместе с товарищами бросился вперед. Две линии солдат — коричнево-алая римская и темно-синяя карфагенская — сшиблись у кормы квинкеремы и стали давить друг друга щитами. С носа на корабль финикийцев проникла вторая манипула римских воинов, предварительно связав борта абордажными крюками, — чтобы не растащили.

«Поумнели, сволочи», — с раздражением отметил Федор, отталкивая щитом своего противника, и слегка присев, рубанул его по выставленной чуть вперед левой ноге. Раздался звон — римлянина спасли поножи — металлический щиток, прикрывавший ногу ниже колена. Зато, получив удар по ногам, легионер слегка опустил и отвел в сторону щит. Увидев это, Федор распрямылся, сделал выпад вперед и угодил в бок противника, слегка разрубив панцирь. Римлянин отпрыгнул назад, словно ужаленный, снова закрылся.

В пылу схватки Чайка успел рассмотреть по уже знакомым ему признакам, что против них быются бывалые морпехи из «принципов» — уже послуживших солдат, а не молодые «гастаты». И Федор на себе ощутил, что противник ему попался крепкий. Но выбирать не приходилось («хороший римлянин — мертвый римлянин!») — и он снова бросился на врага. Они рубили друг друга в исступлении еще несколько минут, позабыв обо всех вокруг, и за это время измочалили в конец свои щиты. Отбросив их, сжали покрепче мечи.

Встав в прочную стойку, Федор выжидал, прищурившись на солнце, и римлянин бросился на него первым. Морпех ушел от рубящего, направленного в голову удара, присел и нанес удар в пах. А когда тот достиг цели, добил согнувшегося, но продолжавшего двигаться по инерции противника ударом меча по шее, отрубив ему голову. Когда обезглавленный римлянин рухнул на палубу, Федор поднял меч повыше и осмотрелся по сторонам.

Их атака нанесла римлянам большой урон. На корме легионеры были почти уничтожены и отброшены к мостику. Софоникс зарубил центуриона. Но вот на носу квинкеремы римляне побеждали, выкосив почти всю вторую спейру морпехов Карфагена. Им активно помогали «огнем» из двух «Скорпионов» стрелки римлян, засевшие на башне своего корабля, откуда они видели всю схватку, как на ладони. Римлянам удалось поразить из своих мощных стрелометов уже не меньше десятка финикийцев, беззащитных перед ударом крепкой стрелы длиной чуть меньше метра.

«Эх, жаль, гранат нет, — расстроился Федор, вспомнив службу в морской пехоте двадцать первого века, — один бросок — и нет башни. А еще лучше гранатомет бы...» Но гранаты, естественно, остались в прошлой жизни, а тем более гранатомет, зато в руках был меч. Приходилось воевать тем, что есть.

Рядом сражался Урбал. И неплохо сражался для сына торговца лошадьми. Он отправил на тот свет уже трех римлян, а четвертый только что напоролся на его меч, придавив своей тушей. Урбал поднатужился и скинул мертвого римлянина с себя, испачкавшись в его крови. Затем встал на грудь поверженного легионера ногой и выдернул свой застрявший меч.

Летис, словно легендарный герой древнегреческих мифов, наносил размашистые удары

своим врагам. Сразу трем легионерам. Причем ни один не успевал приблизиться к нему больше, чем на пару метров прежде, чем получал новый удар и едва успевал прикрыться щитом. Присмотревшись, Федор решил, что Летис скорее напоминает своими повадками разъяренного кельта, и римляне, судя по всему, думали так же. К противникам Летиса добавилось еще двое, и Федор решил прийти ему на помощь, но пока он подбирался, финикиец успел убить двоих. Федор уложил еще одного, а подскочивший Урбал третьего. С оставшимся Летис разделался сам.

Расчистив часть кормы от римлян, три финикийца оказались на открытом пространстве и сразу привлекли внимание стрелков с башни.

— Берегись! — крикнул Федор, заметив направленные на них жала сразу двух «Скорпионов» и отпрыгивая в сторону. Летис с Урбалом успели поднять щиты. Выпущенные стрелы пробили их насквозь, но застряли, не причинив вреда.

И тут Летис, бросив меч на залитую кровью палубу, резким движением выхватил сразу два кинжала из висевших на поясе ножен и молниеносно метнул их в сторону башни, возвышавшейся на палубе римского корабля. На зарядание «Скорпионов» требовалось время, а его-то Летис римлянам и не дал. Оба стрелка, схватившись за горло, рухнули с башни на палубу, успев издать только предсмертный хрип.

— И гранат не надо, — с удовлетворением заметил Федор.

— Ты о чем? — не понял его Урбал.

— Не бери в голову, — ответил Федор, — лучше скажи, что делать будем.

Урбал перевел взгляд на палубу и понял, о чем толкует морпех. Римляне победили. Весь нос и большая часть палубы находилась уже в их руках. В сторону кормы, где скопилось всего пять оставшихся в живых финикийцев, считая Софоникса и еще одного парня, осторожно приближался строй римских легионеров, прикрываясь щитами. В пылу схватки погибли все, включая капитана корабля и самого Адонисла. Они оба лежали чуть поодаль среди десятков окровавленных трупов. Один с рассеченной головой, другой со стрелой в спине.

— Солдаты! — раздался негромкий приказ командира спейры, — я приказываю вам покинуть корабль. Мы проиграли. Плывите к берегу и добирайтесь до армии Ганнибала. Кто выживет, расскажет обо всем, что случилось.

Летис выхватил из ножен последний кинжал и ловким движением распорол завязки на боках панциря, скинув его на палубу. Отдав кинжал Урбалу, он поднял с палубы два меча и встал рядом с Софониксом, ожидая римлян, которые совсем не спешили. Бежать карфагенянам было некуда. Урбал замешкался с завязками, и когда дело дошло до Федора, римляне оказались уже в двух шагах, а командир спейры и Летис с трудом отбивались от десятка солдат, наседавших на них со всех сторон.

Урбал прыгнул в воду первым, Федор, так и не успев снять панцирь, за ним. Тяжелый доспех сразу же потянул его под воду, но морпех успел вдохнуть побольше воздуха и распорол завязки кинжалом, который так и не выпустил из рук. Сорвав панцирь уже на глубине, он успел всплыть, едва не задохнувшись.

Пока он жадно глотал воздух, пытаясь рассмотреть берег, рядом в воду грохнулось что-то массивное — это был Летис, и еще одна фигура поменьше показалась невдалеке — солдат имени которого Федор не знал. Морпех первым заметил, что в сотне метров на волнах качается шлюпка, та самая, упавшая с их квинкеремы в воду после тарана римлян.

— Плыдем туда, — крикнул он вынырнувшему Летису и барахтавшемуся невдалеке Урбалу.

Плавали все, как выяснилось, неплохо. Могли при необходимости доплыть и до берега, тем более, что до него оставалось совсем немного, на глаз не больше полукилометра. Но не пришлось. В лодке оказались прикрепленные весла, целых три пары для шести гребцов. Но их спаслось всего четверо, считая малознамого солдата. А вот командира они не досчитались.

— Софоникс погиб, — сообщил Летис, поглядывая в сторону сцепленных кораблей, по

палубе которых носились римляне, показывая в сторону удалявшейся шлюпки. — Успел зарубить еще троих, а потом закололи и его.

Римляне их не преследовали. Флагман финикийцев был захвачен, сам флотоводец убит. А четырех спасшихся солдат они не боялись. Но Федор, посматривая с быстро удалявшейся шлюпки в сторону римских кораблей, заметил, что победа у испанских берегов досталась им дорогой ценой. Две трети кораблей римского флота горело или тонуло, а оставшиеся квинкеремы, отвернули от берега, отказавшись от высадки десанта. Тем более, что их на берегу поджидали, — вдоль кромки скал постоянно курсировали конные разъезды. Но и финикийцы потеряли почти все суда. Лишь три квинкеремы и несколько триер прорвались и уходили сейчас вдоль берега в сторону Сагунта.

— Не зря сражались, — заметил вслух Федор.

— Не зря, — подтвердил Урбал.

Глава третья Снова в армии

Пока они подгребали к скалистому берегу, обрамленному небольшой полоской песчаного пляжа, Федор, обернувшись, заметил в нескольких сотнях метров в стороне еще одну триеру финикийцев, севшую на мель. Солдаты выпрыгивали из нее, и вплавь добирались до суши. Кроме того, сидевшие в шлюпке морпехи по дороге выловили еще трех солдат Карфагена с других судов, взяв их на борт.

С высокого берега за ними наблюдали конные разведчики Ганнибала. А когда лодка уткнулась килем в песок, и спасенные морпехи, одетые только в исподнее, выбрались на песок, их встретила половина спейры пеших солдат, вооруженных щитами и мечами. У всех мечников были большие вытянутые щиты бордового цвета, похожие на кельтские, и короткие мечи. Головы укрывали странные кожаные шлемы с невысоким гребнем, но без всяких наверхий. Носили они только белые туники, окаймленные пурпурной полосой. Панцирей Федор не заметил. Впереди стоял командир — загорелый бородатый мужик в высоком шлеме с наверхием и плюмажем из перьев.

«Судя по одежке, — подумал Федор, разглядывая их туники, перетянутые ремнями, и вспоминая рассказ погибшего Софоникса, — иберийские пехотинцы».

— Вы с корабля Адонисла? — спросил бородатый ибериец в шлеме.

— Да, — кивнул Федор.

— Ганнибал послал нас узнать, что случилось с флотом. Жив ли Адонисл? — спросил он, разглядывая всех прибывших на шлюпке.

— Он погиб, — ответил Федор, сплевывая соленую слюну и стараясь отдышаться после быстрой гребли, — вместе с капитаном корабля.

— А ваш командир жив? — уточнил ибериец.

— Нет, его тоже убили, — на этот раз ответил Урбал, покосившись на Летиса, — вот он видел это своими глазами.

— Это правда? — уточнил ибериец, переводя взгляд на рослого морпеха.

— Да, бой был жаркий. И его закололи римляне на моих глазах, — подтвердил Летис, с которого ручьями стекала вода вперемешку с потом, — но, Софоникс успел унести с собой немало римских жизней.

Командир иберийцев помолчал, отвернувшись в сторону песчаной отмели, откуда к ним спешили морпехи с триеры севшей на мель неподалеку.

— Что же, вы бились славно, — проговорил, наконец, командир иберийской пехоты. — Я доложу об этом Ганнибалу. А вы дожидаетесь остальных и следуйте все вместе в лагерь. Он стоит у перевала, вы легко найдете его. Там примут решение, что с вами делать дальше.

Сказав это, ибериец развернулся и стал подниматься по тропе между скал. Его солдаты последовали за ним. А пехотинцы с «Удара молнии» — Федор, Урбал, Летис и малознакомый им боец — присев на край шлюпки стали дожидаться остальных морпехов.

Среди них оказался командир спейры, рослый африканец, которого звали Магна. За неимением другого командира, он принял на себя командование объединенными силами спасшихся после битвы морпехов и повел их в лагерь, куда они прибыли через пару часов. Вместе с Федором и компанией из погибшего флота Адонисла здесь набралось человек восемьдесят морских пехотинцев.

Когда они прибыли в лагерь, стоявший у подножия горы, то обнаружили, что он почти пуст. В нем оставалось для охраны лишь несколько сотен пеших воинов-иберийцев и кельтов. Да еще примерно триста иберийских всадников. Вся армия уже ушла на север, а Ганнибал, похоже, не сильно опасался римского нападения с тыла, словно знал, что его не будет.

Охрана препроводила морпехов к пустому бараку, где они смогли немного отдохнуть и поесть — еду им принесли туда же. А затем, едва пехотинцы закончили обед, в барак неожиданно явился сам Ганнибал в кирасе почти черного цвета, богато украшенной золотым орнаментом. Его сопровождали пять неизвестных Федору военачальников в не менее богато отделанных доспехах. Кто это такие, морпех не знал, а объяснить было некому.

Увидев вождя, которого все знали в лицо, солдаты вскочили со своих мест. Ганнибал поднял руку в знак приветствия и, выйдя на середину широкого барака, громко спросил:

— Мне доложили, что Адонисл погиб. Кто из вас видел смерть моего флотоводца?

Летис, узрев перед собой вождя армии, от удивления потерял дар речи. Федор толкнул его в бок, но сын владельца гончарной мастерской продолжал молча смотреть на Ганнибала, так и не издав ни звука. Урбал тоже молчал. Тогда Федор решил спасти ситуацию и сказал, нарушив затянувшуюся тишину:

— Мы втроем это видели, — он указал на Летиса и Урбала, стоявших рядом.

— Как он погиб? — спросил Ганнибал, строго глянув на Федора.

— Его убили римляне из «Скорпиона», стрелой в спину — пояснил Федор и добавил. — А капитана корабля зарубили мечом.

Ганнибал ненадолго замолчал, словно обдумывая что-то.

— Вы с честью выполнили свой долг, — снова заговорил военный вождь Карфагена, — и хотя флот разбит, вы все равно настоящие герои. Мы проиграли морское сражение, но выиграли время. Римляне не смогли помешать нам пройти этот важный перевал, а теперь уже поздно.

Он сделал несколько шагов и остановился, скрестив руки на груди, словно принимая решение.

— Армия уходит дальше, — заявил Ганнибал, — у меня нет свободных судов, чтобы отправить вас в Новый Карфаген. И я тороплюсь. Поэтому вы отправитесь в поход на Рим вместе со мной. Вам выдадут новое оружие и доспехи. Если так случится, то я снова отправлю вас служить на корабли. Но теперь, — он обернулся в сторону одного из военачальников, бородатого крепыша, — вы солдаты сухопутной армии и поступаете в распоряжение Атарбала, командира моих африканцев. С этого дня вы будете исполнять все, что он вам прикажет.

Закончив свою короткую речь, Ганнибал развернулся и вышел наружу, придерживая ножны меча. Полководцы последовали за ним. Лишь сам Атарбал задержался, чтобы узнать, есть ли среди спасшихся морпехов командиры. Отозвался только Магна.

— Ты будешь командиром этой спейры, — подтвердил его полномочия новый начальник, — немедленно следуй ко мне в шатер. Там я сообщу тебе, что ты должен будешь делать завтра.

Когда Атарбал, наконец, покинул барак в сопровождении Магны, Федор выдохнул и мысленно подытожил случившееся за последнее время: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день». Получалось, что он теперь снова должен отправиться в итальянские земли. Да не просто на прогулку, а с экспедиционным корпусом Ганнибала, мечтавшего покорить или уничтожить ненавистный Рим. Чем это дело закончилось через шестнадцать лет, Федор отлично помнил из прочитанного в прошлой жизни, но его подобный конец совершенно не устраивал. Идти

просто на бойню совсем не хотелось. Но в глубине души вдруг родилось какое-то смутное предчувствие, что раз уж он появился здесь вопреки здравому смыслу, то, значит, бывают на земле и другие чудеса. Кто знает, чем закончится этот поход великого Карфагенянина. И если Федор теперь служил Карфагену, а судьба снова отправляла его в римские земли, то морпех решил как-нибудь применить свои исторические познания в предстоящем походе на благо армии финикийцев. Авось, поможет.

Одно беспокоило его во всем этом сильнее, чем своя собственная судьба — Юлия. Что же будет с ней, если Ганнибал победит? Вернее, что будет с ними? Любовь к юной римлянке, дочери сенатора Марцелла, внезапно вспыхнувшая в его сердце, заставила Федора бежать из Рима в Карфаген сразу после их единственного свидания. Что случилось со знатной девушкой, ответившей на чувства простого legionera вопреки воле отца, собиравшегося скоро выдать ее замуж, он не знал, но очень хотел бы знать. Тем более, что обещал Юлии никогда не забывать о ней. Да он и не мог. Она снилась ему по ночам такой, как в день их последнего свидания — в изящной вышитой узорами столе⁵ с яркими платиновыми волосами, уложенными в вычурную прическу. Он видел словно наяву ее узкое личико, обрамленное пышной короной волос, и умный взгляд серых глаз. Помнил запах этих волос и тепло юного тела.

Об их краткой связи в Карфагене не знал никто, включая благодетеля Магона. Федор решил не рассказывать даже ему о своей личной жизни у римлян, только о службе. Зато знал об этом отец Юлии, сенатор Марцелл, и запросто мог задушить дочь своей собственной рукой. С него станется. Тот еще зверь. Матерый. Никого не прощает. И Федор боялся даже подумать о том, что Юлии уже нет в живых. В любом случае, он собирался как-нибудь разузнать о судьбе римлянки во время похода и надеялся, что судьба ему подскажет, что делать. А пока выбор оставался невелик: следовать за Ганнибалом.

— Ну, как тебе такой поворот? — толкнул его в бок неожиданно повеселевший Урбал, оторвав от воспоминаний.

— Ты о чем? — не понял Федор.

— Я о том, что нам предстоит поход, о котором сложат легенды, — заявил он. — Мы идем на Рим. И, может быть, мы с тобой прославимся в этом походе, а наши имена попадут в свитки историков. А потом, спустя столетия, люди прочтут о нас в библиотеках Карфагена.

— Я так далеко не заглядывал, — честно признался Федор и посмотрел на Летиса. — А ты что думаешь обо всем этом?

— А мне все равно, — ответил здоровяк, отряхивая еще влажную тунику от крошек после недавнего обеда. — Я пойду за Ганнибалом хоть по морю, хоть по суше. На корабле, конечно, быстрее, но и на земле можно повоевать. Главное, чтобы дали кинжалы.

— Думаю, тебе не откажут, — заметил на это Федор, — особенно, если ты им продемонстрируешь, как ты их кидаешь.

Этим вечером они заночевали в полупустом лагере. Римские корабли ушли, не высадив десанта. А наутро началась новая жизнь. Морпехам, потерявшим во время боя и бегства амуницию, по приказу Атарбала выдали новую. Таких солдат оказалось немного, всего семеро. Четверо — из состава спейры погибшего Софоникса и еще трое, выловленных ими из воды по пути к берегу, — с другой квинкеремы. Все остальные морпехи, служившие под началом Магны на триере, свое оружие и доспехи сохранили. Ее капитан погиб в бою, часть морпехов тоже. Гребцов с разбитого корабля отправили служить в осадный обоз, благо дел там хватало. А из остальных сформировали спейру тяжелых пехотинцев, добавив в нее еще пятьдесят финикийцев и ливийцев, оставшихся после осады Сагунта без своих подразделений.

У морпехов с триеры были свои темно-синие панцири и короткие прямые мечи. А вот Федору и его товарищам, вместо таких панцирей выдали кожаные доспехи коричневого

⁵ Стола — верхняя одежда римлянок. Похожа на очень широкую тунику с большим количеством складок.

цвета, обшитые на груди пластинами из металла. Хорошо хоть шлемы им достались нормальные, железные, греческого образца, а не из кожи, как у иберийских пехотинцев. Федор на прочность его, конечно, не проверял, но тот факт, что у иберийской пехоты не усматривалось на теле, кроме туники, никаких панцирей и кольчуг, наводил его на мысль, что они легко могли служить Ганнибалу расходным материалом, как легковооруженные велиты у римлян. Правда, иберийцев было несравнимо больше. И не только пеших.

Единственной вещью синего цвета, предоставленной ему, оказался круглый щит с массивным умбоном. Такие же щиты вручили и всем остальным пехотинцам, оставшимся без амуниции. Пополнившие ряды новой спейры финикийцы и ливийцы были одеты и вооружены так же, как и Федор. Так что получалось, что морпехи Магны теперь немного выделялись из общего ряда своими панцирями, овальными щитами и прямыми мечами. Тем более, что Федору в качестве оружия выдали не привычный испанский меч-гладий,⁶ а ту самую изогнутую и слегка тяжеловатую фалькату, что он уже видел у пехотинцев в лагере возле Сагунта. Это было надежное оружие с клинком примерно в полметра.

Немного помахав приобретением в воздухе и сделав несколько рубящих движений, Федор остался доволен новым оружием, оценив его возможности. Круглый щит оказался значительно легче римского skutuma, он даже годился для замаха, хотя и прикрывал не половину тела, а только треть. Зато фальката весила значительно больше меча, и от ее удара не спасала практически никакая защита. Кроме того, фалькатой можно было не просто колоть и рубить, а рубить «с оттягом», благодаря изогнутой форме более широкого в передней части клинка.

Федору дали также кинжал с отдельными ножнами. Сначала он решил прикрепить их к широкому ножнам фалькаты, как это делало большинство воинов в испанской армии Ганнибала, но потом надумал повесить на пояс.

Летису, кроме аналогичного вооружения, к его большой радости тоже выдали кинжалы работы местных кельтских кузнецов. К тому же сразу два, о чем он специально попросил. Не удержался. Он хотел выклянчить еще два, но на этот раз ему отказали. Однако, та пара, что уже находилась у него в руках, была добротной работы и доставила вчерашнему морпеху настоящее удовольствие. Длинные прямые лезвия. Каждый в узких ножнах. Едва заполучив их в свое распоряжение, Летис тут же стал доводить до нужной кондиции и без того острые, на взгляд Федора, клинки.

Урбал удовольствовался одним кинжалом, как и все. Тяжелая фальката ему тоже пришлась по вкусу.

— Надежное оружие, — рассудил Урбал, взвесив его в руке.

Теперь спейра под командой Магны насчитывала сто тридцать бойцов, имела седьмой номер и входила в состав двадцатой хилиархии двадцатитысячного корпуса тяжелой ливо-финикийской пехоты, которым командовал полководец Атарбал.⁷ Федор впервые слышал о таком подразделении, но Магна, его новый командир, во время коротких привалов утреннего марш-броска, когда они, преодолев перевал и оставив море за спиной, догоняли основную армию, охотно объяснил «иностранцу» с далекого севера, что хилиархия — это соединение примерно в тысячу воинов. Иногда больше. Оказалось, что Ганнибал мог менять в зависимости от родов войск и просто по своему усмотрению численный состав хилиархий и спейр. Например, спейра кельтов в этом войске могла содержать не сто с лишним, а двести или даже двести пятьдесят воинов.

⁶ Многие солдаты армии Ганнибала пользовались прямым остроконечным мечом, который позже обрел бессмертие, после того как его взяли на вооружение римляне. Они так и называли его *gladius hispaniensis* — испанский гладий. Но более популярным оружием среди испанцев была изогнутая фальката.

⁷ Атарбал — имя также широко распространенное среди финикийцев, как, например, Ганнибал и Ганнон. Во времена Первой Пунической Войны жил флотоводец Карфагена с подобным именем. В данном случае Атарбал — личность вымышленная.

Федор, с одной стороны, этому был рад, но, с другой, не мыслил армию без дисциплины и боялся увидеть в скором времени разброд и шатание. Особенно среди кельтов. Тем не менее, никакого разброда и шатания в войске не наблюдалось. В этом он скоро убедился, когда морпехи настигли, наконец, растянувшийся по горной дороге осадный обоз, охраняемый многочисленными иберийскими всадниками.

Правда, первые, увиденные им части испанской конницы показались Федору немного странными. Нет, они четко держали строй и одеждой походили на тех пехотинцев, которых он видел ранее на берегу и в лагере: белая туника, отороченная красной полосой, на голове колпак из жил, украшенный гребнем из конского волоса. За спиной круглый щит бордового цвета, в руке у каждого — копье, а на боку — уже знакомая Федору фальката. Станным было то, что они ехали по два человека на одной лошади, восседая в одном широком седле.

— У них, что, лошадей не хватает? — не удержался Федор от вопроса, когда Магна разрешил короткий привал, и морпехи уселись прямо на камни у обочины неширокой дороги.

— Почему не хватает? — удивился командир спейры. — Лошадей достаточно. Просто во время боя один, а то и оба спешиваются.

— Интересная конница, — только и сказал Федор, стараясь быстрее отдышаться.

Пока они рысцой обгоняли обоз, Федор насчитал не меньше сотни различных метательных орудий, большинство из которых оказались не полевыми, а осадными. Основную массу везли разобранными на возах, но попадались и иные, самые легкие, поставленные на деревянные колеса, их тянули за собой упряжки коней или быков. По всему было видно, что Ганнибал готовился к серьезной войне, где предстояло не только уничтожить легионы пехотинцев, но и брать города.

Обогнав грандиозный обоз и пехотные хилиархии иберийцев, они к обеду настигли африканские части, в составе которых им предстояло совершать свой путь дальше. Заняв свое место в колонне, определенное порядковым номером хилиархии и спейры, Федор перешел на шаг и смог, наконец, отдышаться, привыкая к другому ритму. Когда морпех пришел в себя, то стал смотреть по сторонам, впитывая новую информацию. А посмотреть было на что.

С двух сторон дорогу сжимали высокие коричнево-желтые скалы, а впереди поднималось облако пыли, почти перекрывая видимость. Люди, даже в большом количестве, так пылить не могли. Приглядевшись, Федор увидел впереди целое стадо из нескольких сотен боевых слонов, устроивших на горной дороге настоящую пыльную бурю. Животные резво шли вперед, размахивая бивнями из стороны в сторону. На каждом слоне сидел погонщик, позади него виднелась притороченная к спине благородного животного кабинка с крышей и деревянными бортиками, за которыми могли легко укрыться сразу несколько солдат-лучников.

Федор долго и с интересом разглядывал эти ходячие «танки» античности. Неожиданно один из слонов заревел, заставив Федора вздрогнуть. Морпех даже инстинктивно дернулся, толкнув шагнувшего рядом Урбала.

— Ты чего? — поднял голову тот. — Слонов испугался?

— Немного, — кивнул Федор, — с непривычки. Подумал, вдруг он взбесится и на нас бросится. Потопчет всех.

— Не успеет, — успокоил его Урбал.

— Почему? — искренне удивился Федор. — Кто же его остановит? Летис, что ли, со своими кинжалами?

Летис, шагавший позади Федора, не расслышал издевки товарища.

— Почему Летис? — Урбал снисходительно улыбнулся. — Хотя, если он прицелится...

Житель Керкуана поднял руку и указал на ближайшего слона.

— Видишь, у каждого боевого слона на шее сидит махут, погонщик.

— Вижу, — подтверди Федор, — ну и что? Да слон его одним ударом хобота расплющит.

— Не расплющит, — возразил словоохотливый Урбал. — Махут дрессировал этого слона много лет. Слон его слушается.

— А если он все же взбесится? — не унимался Федор. — От зажигательных стрел, например.

— Ну, если боевой слон взбесился, — терпеливо объяснял Урбал, — и погонщик его не может успокоить, тогда, чтобы не потоптал своих пехотинцев, придется применить металлический клин.

— Какой клин? — не понял Федор.

— У махута на такой случай имеется при себе специальный клин, — не торопясь, рассказывал Урбал. — Довольно длинный, чтобы проникнуть глубоко.

— Ну... — начал понемногу догадываться Федор.

— Так вот, если слона уже не успокоить, — спокойно закончил Урбал, — махут просто вобьет этот клин одним ударом ему в затылок, чтобы обезвредить животное. Каждый погонщик этому специально обучен. Ведь если слон впал в бешенство, то надо спасать людей.

— Гуманно, — заметил пораженный предусмотрительностью местных полководцев Федор, припоминая, что против слонов в античных войнах, с целью испугать животных и направить их на своих солдат, применяли не только зажигательные стрелы. Был один греческий гений (Федор читал о нем), который разработал прототип противотанкового минного поля. В землю вбивались железные клинья, связанные цепями и закрепленные так, чтобы наступающий слон разорвал в кровь свои нежные ступни. Ведь этот исполин хоть и толстокожее животное с мощными бивнями, но ступни у него — самое уязвимое место. Греки не только изобрели подобное замечательное средство борьбы с могучей наступательной силой противника, но и успешно испытали его в боях, изувечив немало животных.

Федор присмотрелся к погонщику ближайшего слона, как раз объезжавшему очередное препятствие и ненадолго попавшему в поле зрения морпеха при развороте животного. Чайка действительно заметил у него на боку длинный металлический клин. На некоторое время Федору стало жалко слонов. «Это до первого случая, — тут же поправил себя он, отогнав размягчающие мысли, — пока слон не попер на меня самого».

К вечеру они прибыли в походный лагерь, точнее, целую систему лагерей, растянувшуюся по широкой долине на несколько километров и вопреки правилам не огороженную высоким частоколом. Удивленному Федору, прихваченному Магной с собой, в составе команды из двадцати солдат для получения палаток со склада, находившегося в дальнем конце лагеря, командир объяснил, что они передвигаются все еще по своей территории.

— Вот через пару дней, когда дойдем до реки Ибер, — пояснил Магна, поправив меч на боку, — будем уже строить лагеря регулярно. Да и с миром нас никто через Пиренеи не пропустит. Придется повоевать.

— А что там, за этой рекой? — искренне удивился Федор, припоминая, что до Рима еще далеко, и легионов поблизости размещаться не может.

Магна изумленно посмотрел на Чайку, но все же ответил, очевидно, приняв во внимание историю его появления у финикийцев:

— Там кончаются владения Карфагена.

«Интересно... — размышлял Федор, вместе с другими солдатами закидывая на повозки большие кожаные палатки, в которых им предстояло спать в походе, напоминаясь более шатры на пятнадцать человек. — Это что же получается? Для того, чтобы напасть на Рим со стороны суши, придется захватить все земли и государства, находящиеся на пути к нему? Однако! Ганнибал по мелочам не разменивается...»

Он стал последовательно вспоминать все, что располагалось между Испанией и Италией, куда вела пара очень старых дорог, точнее, два торговых маршрута, прозванные еще древними греками «путями Геракла». Сначала пунктир дорог шел через Пиренеи, затем

мимо болотистых прибрежных земель через Рону, или Родан, как эта река сейчас называлась у римлян, в сторону греческой Массалии. За Массалией главная дорога разделялась еще на два ответвления. Один из них, как помнилось Федору, шел вдоль лигурийского побережья в сторону Генуи, где он уже успел побывать дважды. На этом пути жило множество кельтских племен, основавших свои города и укрепленные поселки. А второй заворачивал в Альпы, где тоже жили кельты. Там их селилось великое множество, все эти племена отличались воинственностью и далеко не всегда дружили даже между собой. Какой дорогой поведет Ганнибал свою армию, и договорился ли он предварительно с кельтскими вождями, Федор не знал.

Для начала предстояло миновать все горные племена, что живут здесь по обе стороны Пиренеев и посматривают на Рим в ожидании помощи против Ганнибала. А потом уже думать про Галлию, исконные земли кельтов,⁸ именуемые так римлянами. До них оставалось пока далеко. В конце концов, он не командир корпуса, хилиархии или даже спейры, а простой солдат. Стратегия сейчас не его забота.

Но окружающее не переставало его живо интересовать. Проходя рядом с повозками через лагерь огромной армии, раскинувшийся на всю долину, Федор с интересом рассматривал многочисленные и непохожие друг на друга подразделения, собранные здесь из разных концов обширных владений финикийской республики.

Иногда он расспрашивал Магну, откуда пришли и как называются те или иные солдаты. И, слушая ответы командира спейры, Федор начинал думать, что Ганнибал не стремился к излишнему единообразию в армии, на первый взгляд представлявшей собой многочисленное собрание разных народов, одетых и вооруженных по-своему, и этим сильно отличавшейся от римской, где все были «на одно лицо».

Каждым подразделением, собранным из кельтов или нумидийцев, командовал собственный вождь на своем родном языке. Солдаты из десятой хилиархии иберийцев могли абсолютно не понимать, о чем говорят их сослуживцы из пятой хилиархии ливийцев. А объединенное командование у карфагенян, скорее всего, осуществлялось только на батальонном уровне. Как Ганнибал ухитрялся управлять всей этой разношерстной массой, новобранец седьмой спейры двадцатой хилиархии африканцев Федор Чайка пока не понимал. Но, видимо, вождь Карфагена отлично знал, какие пружины в этом механизме надо приводить в движение, чтобы он работал бесперебойно. И он, судя по всему, работал.

Вечером, когда морпехи установили огромный шатер и, уставшие после первого дня похода, улеглись спать, Федор поделился своим сомнениями со всезнающим Урбалом. И с удивлением услышал от него, что верховные военачальники финикийцев считают, будто солдаты, не знающие языков друг друга, никогда не смогут составить заговор и поднять серьезное восстание против власти Карфагена.

— Из тех же соображений, говорят, Ганнибал, перед походом отослал многих иберийцев из Испании в Африку, защищать столицу, на которую могут напасть римляне, — вполголоса сообщил Урбал, — а сюда вывез ливийцев, поменяв их местами.

В принципе, Федор был с этим согласен, но управлять такой массой «иностранцев», наверняка, являлось делом не самым легким. С одной стороны, не знаешь, какой язык учить. Но с другой, в иноземный отряд тебя точно служить не отправят. Будешь тянуть лямку только со своими, с теми, кого понимаешь. Так что особых проблем именно для него не существовало.

Глава четвертая

За рекой Ибер

⁸ Народ, о котором идет речь, кельтами называли греки. Но римляне именовали его по-своему: галлами (*Galli*). Как и страну, из которой они пришли.

Как и обещал Магна, корпус африканцев достиг берегов реки Ибер, по которой походила граница владений Карфагена в Испании, через пару дней, ближе к полудню. А когда Федор, Летис и Урбал увидели эту реку своими глазами, половина финикийской армии уже находилась на другом берегу.

Весь предыдущий день они шли вниз, спускаясь с гор, и к полудню следующих суток почти оказались на равнине. Ибер в этом месте был довольно широк и плавлен, огибал невысокие прибрежные холмы, поросшие редкими деревцами. К своему удивлению, Федор увидел не просто сотни лодок и плотов, предназначенных для переправы огромной армии Ганнибала, но и довольно широкий мост, выстроенный инженерными частями в самом узком месте реки. По нему сейчас переходила Ибер первая хилиархия африканцев под командой Атарбала. Тяжелая испанская конница и слоны были уже на другом берегу, а осадному обозу только предстояло туда попасть. Параллельно мосту сновали в обоих направлениях многочисленные лодки, перевозя легкие пехотные части, выстроившиеся у временных деревянных причалов в ожидании своей очереди.

Увидел Федор чуть в стороне и небольшую флотилию бирем с морпехами на борту — Ибер оказался судоходен в этой части для небольших кораблей. Всего насчитывалось восемь бирем, охранявших переправу с воды. Заметив на реке суда, все морпехи, словно по команде, переглянулись, сожалея о том, что вынуждены идти пешком. Но вслух никто не высказался. Приказы Ганнибала не обсуждались.

К счастью, африканцы Атарбала должны были пересечь Ибер по мосту, и долго ждать не пришлось. Организация инженерного дела находилась на должном уровне. Этого Федор не мог не заметить. Да и прочность моста не вызывала сомнений, раз уж по нему уже провели слонов. Единственное, чего не понимал Федор, — почему никто их не атаковал на переправе, ведь, по сути дела, они уже вторглись в чужие земли. Но, присмотревшись, увидел многочисленную конницу, маячившую в нескольких километрах впереди, у холмов, предвещавших очередную гористую область прямо по курсу. Там же располагалось несколько подразделений легкой иберийской пехоты, прикрывавшей переправу армии Ганнибала, по большей части уже втянувшейся на вражескую территорию и устремившейся вперед, не встречая пока сопротивления от местных племен.

Скоро и седьмая спейра двадцатой хилиархии африканцев оставила реку позади.

— Ну что же, — озвучил это событие Федор, толкнув Урбала в бок, — Ибер перейден. Назад дороги нет.

— Да, — подтвердил сын торговца конями, — значит, скоро начнется бойня.

— Ты уверен? — усомнился Федор. — Пока что-то тихо.

— Это потому, что передовые отряды, наверняка, отогнали иллергетов подальше от побережья Ибера, — пояснил всезнающий Урбал, — но это ненадолго. Весть о приближении Ганнибала скоро разнесется по всем предгорьям, и на нашем пути возникнет не одно войско местных племен.

Когда солдаты отошли на несколько километров от переправы, Федор заметил у дороги с десятков трупов, одетых в черные кожаные рубахи. Здесь явно случилась скоротечная схватка с небольшим отрядом горцев. Все убитые были длинноволосыми и бородатыми, как кельты. Только не носили боевой раскраски. Попадались и мертвые африканцы.

— А кто здесь живет? — поинтересовался Федор.

— В этих местах и вдоль моря, там, куда направляются наши передовые части, живут иллергеты, — ответил Урбал, — а в нескольких днях пути, уже высоко в горах, стоит Илерда, их главный город. А вон там, — он махнул рукой влево, в сторону далеких скалистых гряд, из которых брал начало Ибер, обитают васконы. Сильное и многочисленное племя. Еще дальше бероны. А за ними, до самых истоков Ибера в Кантабрийских горах, еще много других племен, не считая самих кантабров.

— И что, все они будут с нами воевать? — задал вопрос Федор.

— А я откуда знаю? — просто ответил ему Урбал, но тут же добавил. — Думаю, что просто так они нас не пропустят. Они очень воинственны. Да и Ганнибал не тот вождь, что

оставит у себя в тылу такую угрозу своим коммуникациям. Ведь если мы пойдем на Рим, оставив все, как есть, то иллергеты и васконы тотчас начнут грабить наши обозы.

— А договориться с ними никак нельзя? — осведомился морпех, тщетно пытаясь отыскать в глубинах своей памяти хоть какие-нибудь знания о племенах, перечисленных Урбалом. Но все названия абсолютно ни о чем не говорили Федору. Единственное, что ему удалось припомнить, это то, что васконы, кажется, являлись предками знаменитых даже в двадцать первом веке басков, обитавших все в тех же местах. И это обстоятельство уже само по себе означало немало. Да и остальные племена, наверняка, не отличались тихим нравом, раз их до сих пор никто не смог покорить.

— Если бы Ганнибал смог, то договорился бы, — ответил Урбал, — но, судя по этим трупам иллергетов, переговоры закончились довольно быстро.

— Короче, мы тут застряли надолго, — подытожил Федор, настороженно всматриваясь в ближайшие холмы, между которыми петляла колонна африканцев, прикрытая с двух сторон конным и пешим охранением.

— О чем вы тут болтаете? — вступил в разговор Летис.

— Я говорю, скоро будет весело, — кратко передал ему суть разговора Федор, указав на новую порцию трупов, валявшихся у дороги.

— Это верно, — кивнул Летис, погладив ножны своих кинжалов, — скорей бы.

До самого вечера никаких столкновений не случилось. Во всяком случае, спейра Федора Чайки в них участия не принимала, хотя морпех видел многочисленных разведчиков из нумидийской конницы, пронесившихся со скоростью ветра вдоль строя основных частей в сторону ближних холмов. Вскоре, перед наступлением темноты, африканские части вошли в укрепленный частоколом, но еще не достроенный до конца лагерь. Его возводили все те же инженерные части и, по первым наблюдениям, возводили достаточно капитально. Похоже, Ганнибал приказал обосноваться здесь надолго. Лагерь находился на вершине высокого каменистого холма, у основания которого проходила дорога, соединявшая переправу со страной иллергетов, — еще незнакомых Федору горцев.

Приказав одному из своих помощников по имени Цербал руководить расстановкой палаток, привезенных в обозе, Магна отправился к Атарбалу на срочное совещание командиров спейр. Цербал, как уяснил себе Федор, был правой рукой командира спейры, то есть чем-то вроде опциона, лейтенанта у римлян.

Расставив палатки и отужинав в специальном бараке копченым мясом с овощами, морпехи с разрешения Цербала залегли спать в своем шатре, не дождавшись возвращения командира спейры с затянувшегося совещания. Возблагодарив Баал-Хамона за то, что их опять не поставили в караул, Федор и его друзья с удовольствием растянулись на своих походных лежаках, сколоченных из длинных досок. Ночных нападений не случилось, но всю ночь им мешал спать шум топоров и молотков, раздававшийся во всех концах лагеря.

А наутро, после плотного завтрака, стоя в строю и получая указания от Магны, Федор не узнал лагеря. Он вырос почти вдвое и теперь вмещал в себя по самым скромным подсчетам никак не меньше сорока тысяч солдат, причем половину из них составляли африканцы Атарбала. Еще не до конца достроенный лагерь занимал весь холм и представлял собой вытянутый четырехугольник высокого частокола с выдававшимися вперед угловыми полукруглыми бастионами, на которых уже установили метательные машины. Кроме этих бастионов в стены были встроены четыре больших башни с воротами, снабженные навесными мостами, и еще несколько наблюдательных башен поменьше. Вокруг всего лагеря тянулся ров глубиной не менее двух метров. Внутри обширный лагерь, состоявший из тысяч шатров, палаток, барачных корпусов и конюшен, разгораживался таким же частоколом на несколько зон, отделявших африканцев от кельтов и других частей. Все необходимое от форума до святилища Баал-Хаммона присутствовало в нем так же, как и в лагере, запомнившимся Федору у Сагунта.

«Если враг даже прорвется в эту твердыню, — размышлял Чайка, осматривая окружающие его строения, — то ему придется брать лагерь по частям. Его никогда не

захватить одним ударом».

Седьмая спейра, как и вся двадцатая хилиархия африканцев была расквартирована у восточной стены, неподалеку от нумидийской конницы. Топот коней этих неистовых обитателей пустыни слышался постоянно, даже минувшей ночью, вперемешку со стуком топоров. Видно, разведка Ганнибала, не теряя времени, пыталась собрать максимальное количество сведений о врагах, с которыми скоро предстояло столкнуться.

Но, как вскоре выяснилось со слов Магны, большая часть армии во главе с Ганнибалом еще вчера ушла вперед, атаковав и рассеяв войско иллергетов. Сегодня они уже должны были достичь Илерды и осадить ее. А здесь, в лагере, командовал младший брат вождя финикийцев Гасдрубал. И он приказал трем африканским хилиархиям Атарбала, среди которых числилась и двадцатая, выступить сегодня же на запад, вверх по течению реки Ибер, с тем, чтобы провести разведку боем в ближайших землях иллергетов. Для выполнения задачи Атарбалу придавалось несколько метательных орудий, пятьсот нумидийских всадников, две сотни балеарских пращников и еще одна хилиархия кельтов. Другой корпус, вдвое превосходивший силы отряда Атарбала, отправлялся в сторону моря с целью подчинить все земли, лежащие в дельте Ибера и дальше вдоль морского побережья, раздвинув при этом владения Карфагена вплоть до города Тарракона.

Получив приказ Гасдрубала, предводитель африканского корпуса немедленно распорядился выступить в поход. И почти пятитысячная армия под его личным командованием выдвинулась из лагеря вдоль пологих холмов долины Ибера. Еще две трети его африканцев были распределены между корпусами, атаковавшими Илерду и отправленными в Тарракон. Оставшиеся несколько тысяч солдат смешанного ливо-финикийского корпуса под командой Гасдрубала вместе с хилиархиями кельтов и частями испанской конницы охраняли базовый лагерь армии, где находились слоны, обозы и запасы провианта.

Покинув лагерь, Атарбал выслал вперед две сотни нумидийских конных разведчиков — одних по дороге вдоль берега, других в сторону ближайших холмов — и, поставив первой хилиархию кельтов, усиленную пращниками, разместил за ней две тысячи африканцев и обоз с продовольствием. Замыкала колонну двадцатая хилиархия под командой Акрагара, в центре которой вышагивал Федор Чайка со своими друзьями.

Придерживая одной рукой ножны кинжала, а другой бившую по бедру фалькату, закинув за спину крепившийся на ремне круглый щит, морпех осматривался по сторонам. Дротики им не полагалось, для этого имелись две первые спейры, состоявшие сплошь из копейщиков, в чьих руках Федор с удивлением заметил на построении не только по два коротких пилума для метания, но и еще один длинный, с зазубренным наконечником, сделанный целиком из железа. Разглядывая это массивное, почти трехметровое копье, Чайка поинтересовался на первом же привале у друзей, как оно называется.

— Это саунион, — ответил ему Летис, шурясь на солнце, — я как-то тренировался его метать. Но мне не очень понравилось. Слишком тяжелый, хотя пробивает любой щит.

— Я слышал, что бойцов в первую и вторую спейры специально набирают покрепче, — сообщил Урбал и предложил Летису, оглядев его массивную фигуру. — Может, тебе тоже туда попроситься?

— Зачем? — не понял шутки Летис. — Я больше люблю клинки и кинжалы. Копье при случае тоже сойдет, но вообще это не для меня.

До обеда все шло хорошо. Небольшая армия, по численности равнявшаяся римскому легиону без учета союзников, продвигалась вдоль берега полноводного Ибера, на чьих просторах ее сопровождало две биремы охранения с морскими пехотинцами. Но стоило дороге чуть забрать в сторону, нырнув за холмы, а горам подступить к самой реке, сузив вдвое долину, как состоялся первый контакт с иллергетами. Едва биремы охранения пропали из вида, а обоз втянулся в зажатую с двух сторон долину, как послышался грохот падающих камней. Вскинув голову, Федор заметил, что справа по крутому склону на них катятся валуны, поднимая тучи пыли. А еще выше, по гребню скалы, выстроились сотни одетых в

черные кожаные рубахи солдат, потрясавших мечами.

Удар пришелся в самый центр замыкавшей колонну хилиархии.

— Расступись! — крикнул Магна, углядев опасность.

Но пехотинцы и так уже разбегались в стороны, пытаясь увернуться от подпрыгивавших на каждой кочке камней. И все-таки увернуться удалось не всем. Разогнавшись до огромной скорости, валуны, словно гигантские шары в знакомом Федору по прошлой жизни боулинге, на бреющем полете врезались в шеренги солдат, оставляя после себя кровавые следы. Один из таких камней угодил в шеренгу морпехов, вмиг размазав по дороге пятерых финикийцев, служивших под началом Магна еще на триере. Это случилось так близко, что Федор услышал даже жуткий хруст перемалываемых костей и треск раздавленных черепов. В мгновение ока на земле образовалась каша, среди которой только по темно-синим, залитым кровью доспехам можно было опознать тела пяти погибших солдат. И подобные широкие борозды от больших камней пролегли в порядках африканцев еще в десятке мест. Камнями помельче убивало одного-двух солдат, калеча одновременно еще нескольких.

Когда внезапный камнепад прекратился, а пыль немного осела, то на изумленных солдат обрушился сверху целый рой стрел. Послышались новые стоны.

— Поднять щиты! — рявкнул Магна. — Построиться в шеренги!

Седьмая спейра, потерявшая во время каменного схода человек двадцать, выполнила приказ незамедлительно. Федор едва успел вскинуть щит, как в него со стуком впилось сразу две стрелы. Стоявшего рядом пехотинца стрела поразила в шею. Еще одного прямо в глаз. У Летиса отскочила от шлема. Рядом раздались крики других командиров. И пока в остальных поредевших спейрах, а именно в пятой и шестой, спешно наводили порядок, ожидая атаки, иллергеты с воплями уже бежали вниз по склону горы, черной лавиной накатываясь на выстроившихся внизу африканцев.

Но и карфагеняне не забыли своей выучки. Где-то во главе двадцатой хилиархии раздалась команда Акрагара, и перед строем пятой и шестой спейры, мгновенно оказались копейщики из второй. Перехватив одной рукой тяжелые саунионы, а в другой зажав по два пилума,⁹ они растянулись длинным строем и ждали, пока первые ряды иллергетов добегут до самого низа. И едва это произошло, и между разъяренными горцами и копейщиками осталось не более тридцати метров — пыльный воздух рассекала короткая команда, и в иллергетов полетели копья.

Первая шеренга нападавших легла на месте. Ничто не могло противостоять удару тяжелого копья, пущенного умелой рукой. Федор своими глазами видел, как саунион прошивает тела в доспехах, и часто вместе со щитами, выставленными для прикрытия. Не дожидаясь новой команды, заранее заученными движениями, солдаты-копейщики произвели еще пару бросков, с близкого расстояния уложив пилумами не один десяток горцев, а затем, сделав свое дело, мгновенно просочились назад в просветы между выстроенными спейрами.

Несмотря на то, что первую спесь с горцев сбили, ярости у них еще хватало. Федор перехватил покрепче фалькату, еще ни разу не пущенную им в дело, и вперил взгляд в бежавших на него солдат противника. Иллергеты в черных доспехах наступали по всему фронту одновременно, но не плотной массой, а просто толпой. Такая тактика была Федору уже знакома. Так бились многие «дикие» народы. И он заранее знал, что более организованные карфагеняне победят. Но, видев однажды атаку кельтов, еще на службе у римлян, привык откладывать самовосхваления на потом. Те кельты наступали вообще без доспехов, почти голые, и сумели покосить своими длинными мечами все организованные и

⁹ Воины армии Ганнибала использовали в бою короткое деревянное копьё для метания с металлическим наконечником, — пилум. Предположительно пилум, как и меч-гладий, был перенят римлянами и взят на вооружение после Второй Пунической Войны. Однако, нельзя утверждать с полной уверенностью точные сроки этого события. Поэтому в данном альтернативно-историческом повествовании римляне уже имеют пилум среди своего вооружения.

хорошо вооруженные манипулы легионеров. И если бы не вовремя подоспевшая подмога, то победа была бы за ними. Точнее полный разгром. «Не надо недооценивать ярость», — решил тогда Федор. И сейчас он отгонял в сторону все подобные мысли, сжимая фалькату и прикрывая плечо и бок круглым щитом.

Федор стоял в первой шеренге. И уже ясно видел распаленные лица иллергетов. В отличие от кельтов их вооружение состояло из коротких мечей, которыми они размахивали одновременно со щитами, такими же круглыми, как и у карфагян, но чуть меньшего размера.

Наконец, черная лавина достигла первых рядов карфагян и захлестнула их, потеснив в нескольких местах. Но тут же откатилась. И началась мясорубка. Федор схватился с длинноволосым воином — шлемов иллергеты не признавали — с ходу обрушившим на него сразу несколько ударов меча и один раз попытавшимся толкнуть его щитом. Морпех, удивленный скоростью горца, едва не перепрыгнувшего через него с разбега, все же удачно прикрылся щитом и увернулся от удара. А затем, не долго думая, взмахнул рукой сам и снизу вверх полоснул фалькатой по груди раскрывшегося на мгновение бойца. Удар морпеха прошел с трудом — все же это оружие было для него еще тяжеловатым и непривычным — но слегка задел доспех, распоров его верхний слой. Горец вскрикнул и шарахнулся назад. Федор, перейдя в атаку, нанес сильный удар сверху, раскрошив легкий щит иллергета, а затем, отбив ответный удар, нанес еще один. На этот раз тяжелый клинок фалькаты, рассек ключицу и вошел в плоть нападавшего, словно в мягкое тесто, едва не отрубив руку.

— Хороший клинок, — Чайка сплюнул застрявший на зубах песок, глядя, как горец, выронив меч, рухнул ему под ноги.

Рядом упал еще один. Это Летис, обезоружив своего противника, поразил его резким выпадом в голову. Тот вскинул руки и залившись кровью, завалился, испустив дух.

— Ты прав, — крикнул Летис, поймав взгляд Федора, — отличный клинок!

Урбал бился со своим горцем в нескольких метрах поодаль, но кто из них победил, морпех не успел увидеть. На него напал еще один иллергет, в ярости вращавший мечом над головой. Первым ударом он заставил Федора отступить на несколько шагов, вторым присесть, а вот третьего он нанести не успел. Сделав движение рукой на себя, словно выкашивая траву серпом, Федор полоснул его фалькатой по ноге и глубоко рассек ничем не защищенную икру, из которой тут же выплеснулась кровь. Взыв от дикой боли, воин выронил щит, но и не подумал отступать. Вместо этого он подпрыгнул на здоровой ноге и наотмашь рубанул мечом по голове Федора, и морпех от неожиданности не успел защититься. Удар пришелся по касательной, снеся часть плюмажа на шлеме, но голова осталась цела. Чайка с трудом распрямился и сделал ответный выпад, проткнув тело раненого острым клинком. Тот плотно уперся обеими ногами в землю, словно перестал ощущать боль, затем харкнул кровью и, словно нехотя, завалился на спину.

Поразив врага, Федор отскочил от поверженного тела, прикрылся щитом и бросил взгляд по сторонам. Урбал метким ударом все же расправился со своим противником, не смотря на то, что в пылу схватки остался без щита. Летис, слегка раненый в руку, яростно атаковал сразу двух иллергетов. Одного он проткнул так же, как и Федор, а второму рассек череп сильнейшим ударом сверху.

— Солдаты! — разнесся крик Магны, вдруг оказавшегося в десяти шагах от друзей. — В атаку!

И седьмая спейра с устрашающими воплями перешла в наступление, отбросив оставшихся в живых нападавших к самому подножью горы. Недавние морпехи Карфагена — хотя, по мнению Федора, бывших морпехов в природе не существует — сплотив ряды, обрушили могучий удар своих клинков на врага, быстро рассеяв его и без того разрозненные порядки. То же самое предприняли остальные спейры по всему фронту, обратив оставшихся иллергетов в бегство. И лишь загнав врага обратно на склон, карфагяне прекратили преследование. Военачальники посчитали, что враг разбит, предоставив завершение боевых действий копейщикам и нумидийской коннице.

В карабкавшихся вверх по склону иллергетов снова посыпались дротики, разя их наповал. А тех, кто успевал избежать летучей смерти, выпущенной из рук метателей, на своих быстрых конях настигали конные нумидийцы и добивали копьями. Уйти смогли только несколько десятков лучников, засевших на самой вершине горы.

— Чертовы горцы, — выругался Летис, вытирая свой клинок о доспех одного из мертвецов, облаченного в черную кожу, и поглядывая на раненное предплечье, из которого сочилась кровь, — только попадитесь мне еще раз. Уложу не меньше десятка.

— Успеешь, — заметил на это Урбал, — они еще не один раз постараются устроить нам подобное.

Спустя полчаса разгром противника был завершен. Когда по приказу Акрагара все командиры спейр построили своих солдат после боя и провели переключку, подсчитав потери, выяснилось, что больше всего досталось пятой спейре. Она не досчиталась тридцати шести человек, львиную долю которых задавило камнями еще до боя. Основные потери в других спейрах тоже имели причиной камнепад, устроенный иллергетами. А от рук самих горцев погибло не более сотни человек во всей хилиархии. Получалось, что если нападавшим, использовавшим внезапность, удалось убить не больше спейры солдат армии Ганнибала, то сами карфагеняне в этом бою уничтожили целое племя иллергетов. Не меньше пятисот человек. Хотя в момент атаки казалось, что их бегут тысячи. Особенно отличились в бою Летис и Федор, пожалованные за храбрость благодарностью Магны.

Посчитав мертвых и погрузив раненых на телеги обоза, замыкающая колонну хилиархия снова заняла свое место. А спустя пару часов был получен приказ Атарбала становиться на ночлег. Лагерь разбили на холме, вблизи реки, в том месте, где биремы сопровождения смогли подойти к берегу.

На сей раз Федор вместе с Урбалом и Летисом, которому помог забинтовать руку, впервые принял участие в строительстве лагеря. Двадцатой хилиархии поручили возвести западную стену походного лагеря. Они втроем выкопали в каменистой почве несколько метров траншеи и забили в нее выструганные колья, привезенные в обозе. Частокол получился не выше человеческого роста, но это было лучше, чем ничего. Римляне, насколько знал Федор из своего опыта, строили такой же, если лагерь ставился на одну ночь.

Ему эта работа оказалась вполне знакома, а вот его друзья не могли привыкнуть к мысли, что после недавнего боя их еще и заставляли вколачивать колья. Это, похоже, случилось впервые за период их недолгой службы в морской пехоте, временно сменившейся службой в пехоте обычной.

— Наш новый военачальник Атарбал мог бы захватить с собой и строителей, оставшихся в лагере, — бурчал себе под нос Летис, потирая раненную руку.

— Действительно, чего нам здесь корячиться, — вторил ему изможденный Урбал, перехватывая очередной кол и мечтательно добавляя. — Эх, если бы мы плыли сейчас на корабле, вот было бы здорово.

Федор помалкивал, слушая жалобы друзей. У Гасдрубала на строителей, вероятно, имелись свои виды. Наверняка, ему не хватало инженерных частей на все задачи, внезапно возникавшие перед воинством Карфагена. Они только вчера вторглись в чужие земли, и у огромной армии уже обозначились более важные направления ударов, а то, в котором проводилась разведка боем силами солдат Атарбала, являлось, скорее всего, второстепенным.

Так они и вкалывали до самой темноты, посматривая на две биремы с морпехами, вытасценные на берег неподалеку от лагеря.

После горячего ужина, приготовленного им в специально выстроенном бараке, солдаты завернулись в свои походные шерстяные плащи и улеглись спать, возблагодарив в очередной раз Баал-Хамона за то, что их ко всему еще не поставили в караул, выпавший на долю третьей и четвертой спейры. Ночь прошла спокойно, и на лагерь, в котором скопилось почти пять тысяч человек, никто не осмелился напасть. Хотя бы на сегодня с иллергетами было покончено.

Глава пятая

Перевалы

На следующее утро Атарбал решил поберечь свои силы и побольше разузнать о врагах, прежде чем двигаться дальше. Вчерашнее нападение научило его осторожности. Он приказал продолжить разведывательные действия малыми силами, не дожидаясь, пока враг устроит новую засаду. Основную часть солдат — три хилиархии, включая кельтов, — он оставил в лагере с обозом. А той, где служил Федор, приказал прошерстить ближайшие к лагерю горы, там нумидийцы еще вчера обнаружили небольшие посты у перевалов, что могло означать только существование селений иллергетов.

Почему он выбрал именно побывавшее в бою и понесшее потери соединение, Федор не понял, но пришел к выводу, что, видимо, героизм арьергарда во вчерашнем бою произвел на их военачальника впечатление. И Атарбал решил выковать из двадцатой хилиархии самое закаленное подразделение своих африканских пехотинцев. Акрагар — командир полка, как называл его Федор, — в свою очередь продублировал боевую задачу подчиненным ему офицерам. И уже непосредственное начальство спейры на рассвете следующего дня довело ее до солдат.

— Нужны разведчики, — заявил Магна, стоя перед строем седьмой спейры, поднявшейся по команде ни свет, ни заря. — Есть добровольцы?

И тут Федор, не ведая причины, толкнувшей его на подобные действия, шагнул вперед. Тотчас рядом с ним оказались Летис и Урбал.

— Отлично! — заявил Магна. — Вы пойдете первыми. Надо скрытно подняться в горы и разнюхать, что замышляют иллергеты, спрятавшиеся за перевалами. Задача понятна?

Все трое кивнули.

— Ты будешь старшим, — приказал Магна, посмотрев на Федора.

Но, после недолгого размышления, командиру спейры показалось, что для выполнения боевой задачи троих слишком мало, и он «добил» новоиспеченный взвод разведчиков еще десятком человек.

Еще толком не рассвело, и речной туман не успел слишком оторваться от поверхности воды, а они уже пробирались меж камней, закинув за спину щиты. Старались ступать осторожно, чтобы ненароком не вызвать осыпь, наделавшую бы много шума. Следом за ними, на расстоянии километра, очень медленно продвигалась вся седьмая спейра, а за ней еще две, готовые в любой момент прийти на помощь, если начнется бой.

— Слушай, Урбал, — обратился Федор к другу, когда они в очередной раз переводили дух за большим камнем, ежась от холода, — а кто живет с той стороны реки? Тоже эти... как их... иллергеты?

Урбал повернулся в том направлении, куда указывал Федор, и ответил, не отрывая взгляда от едва различимых холмов.

— Нет, там еще наша земля.

Скрываясь в складках местности, они беспрепятственно добрались по середине подъема в гору. И там, когда уже рассвело совсем, шедший первым Федор заметил нескольких прятавшихся за камнями людей, одетых в знакомые кожаные рубахи. Жестом подозвав Летиса — Чайка вошел в роль командира разведчиков ненавязчиво и быстро, правда, никто этого и не оспаривал — он указал на три скорчившиеся за камнями фигуры. Часовые, выставленные на пути в горную деревню, похоже, спали.

— Сможешь отсюда аккуратно снять? — спросил Федор вполголоса. — Кинжалом.

Летис смерил расстояние взглядом и кивнул.

— Смогу, но придется немного приблизиться.

— Давай, — распорядился Федор, — только осторожно. Не наделай шума.

Здоровяк Летис, получив приказ, снял щит, выхватил кинжалы и обогнув камень стал пробираться вверх по насыпи. Но не успел он пройти и пяти метров, как из-под подошвы

башмака выскользнул камень и сорвался вниз, увлекая за собой небольшой камнепад. Заснувшие часовые встрепенулись, один из них вскинул лук. Тут бы Летису и конец, если бы не его умение бросать кинжалы. Две руки резко разогнулись, и оба горца схватились за шеи, испустив предсмертные хрипы. Третий, узрев разведчиков, бросился бежать вверх по склону, петляя между камней.

Федор подозвал ливийца-лучника, одного из трех, приданных его отряду, и приказал достать беглеца. Никто в деревне не должен был узнать об их приближении. Ливиец натянул короткий лук, подождал не больше секунды, пока убегающий не покажется на мгновение из-за камня, и выпустил стрелу, с чавканьем вошедшую в спину иллергету. С внешним охранением было покончено.

Разведчики из седьмой спейры беспрепятственно взобрались на перевал, где обнаружили и прикончили еще двоих, спавших под шерстяными плащами горцев. Обоих сморило в уютном уголке, у каменной стены. Никому из них так и не пришлось дотянуться до своего копья, стоявшего рядом.

А, спустившись с перевала, они обнаружили деревню примерно в полукилометре от скал. Несмотря на то, что иллергеты знали о стоявшем в соседней долине войске, они и не думали бежать. Видимо, надеялись на скорую помощь от соседних племен или не собирались уступать свою землю без боя, предпочитая смерть. Но все это сейчас не сильно волновало новоиспеченного командира разведчиков. Федор, Летис и Урбал подобрались как можно ближе к небольшой, погруженной в сон деревне, обнесенной грубо сработанной стеной из камней, и, спрятавшись на холме, внимательно все оглядели. Скорее всего, там находился отряд человек в шестьдесят или восемьдесят пеших горцев. У крепких ворот, закрытых от возможного неприятеля, маячило пятеро. Окажись у Федора за спиной хотя бы одна спейра, он и без подмоги попытался бы управиться сам. Но сейчас он предпочел вернуться за перевал и, оставив на нем двоих наблюдателей, лучинка и мечника, дожидаться основных сил. Еще одного бойца Чайка отправил вниз с посланием к Магне, приказав сообщить, что двигается к соседнему перевалу.

Всемером они добирались до него всего лишь около двух часов, да и то потому, что Федор не стал спускаться, а пошел траверсом между двумя соседними вершинами, благо там имелась тропка. Незаметная обычному глазу, она просто бросалась в глаза человеку, привыкшему находить путь в горах. А Федор, в прошлой жизни хаживавший в горные походы, хоть и не считал себя мастером, но уже сталкивался и с «горной болезнью», и с эйфорией после нее: когда стоишь на краю обрыва, а тебе не страшно, даже наоборот — хочется прыгнуть вниз и расправить несуществующие крылья.

Вот и сейчас, несмотря на грозившую отовсюду опасность, Чайка невольно отвлекся на воспоминания, осторожно выбирая место для того, чтобы поставить ногу и не сорваться на небольшой ледничок, видневшийся прямо под тропой. Вопреки размерам, ледник оказался весь испещрен глубокими трещинами, и при падении на него обратно можно было и не выбраться. Никто из африканских сослуживцев Федора не обладал даже простейшими навыками горных путешествий. Не говоря уже о применении ледорубов, кошек и веревок. «Кстати, — подумал вдруг Федор, — местные кузнецы — умельцы что надо. Сложную кольчугу в два счета собирают. А если им показать, что надо выковать, могут ведь и ледоруб с кошками легко изготовить. А веревки в лагере и так есть. Надо бы перетереть с Магной этот вопрос. Глядишь, выпестуем лучшее для своего времени подразделение горных разведчиков».

Сделав короткий привал за камнями, Чайка стал рассматривать своих спутников с учетом только что родившихся в голове мыслей. Одеты они были в стандартную амуницию — туники, кожаные панцири, сандалии на толстой подошве. И никаких штанов. Холодновато для гор, однако! Поэтому на ночь воинам полагались шерстяные плащи, на время задания оставленные ими внизу. Сейчас, постоянно перемещаясь по скальным поверхностям, они не то что не замерзли, а даже взопрели. Тем более, что за спиной у каждого висел круглый щит, а на поясе болтался меч. Впрочем, на такой высоте движение —

вещь необходимая, иначе быстро замерзнешь и околеешь. «Ладно, — рассудил Федор, вставая, — этот экстремальный выход мы как-нибудь переживем. А там видно будет».

Все солдаты, к удивлению Федора, оказались неплохо подготовленными для горных прогулок, хотя и родились в песчаных холмах Африки. Спрятавшись за валунами, в изобилии разбросанными по склону, Федор оглядел сначала снежный козырек, нависавший над ними, а затем иллергетов, также притаившихся за валунами метрах в ста ниже. И смотрели они, к счастью, тоже вниз, ожидая нападения оттуда. На этот раз часовых оказалось больше — десять человек. Зато на широком перевале, как смог удостовериться Федор, на первый взгляд не было ни души.

Некоторое время он размышлял, не пробраться ли тихо за спинами иллергетов и не посмотреть ли для начала, что там, за перевалом. Но потом решил, что всего не предугадаешь. Тихо может и не получиться. Небольшой камешек под ногой — и они окажутся между двух огней. Так что придется действовать, как обычно.

— Слушай, Летис, задачу, — позвал Федор друга.

Одного лучника он поставил наблюдать за перевалом. Мало ли что могло оттуда надуть. А все остальные осторожно, насколько позволяла сноровка, приблизились со спины к горцам. Но те недаром провели здесь всю свою жизнь. И второй раз за одно утро карфагенянам не выпало удачи нарваться на спящих. Когда их разделяло метров пятнадцать, иллергеты заметили нападавших, подняли крик и схватились за оружие.

Но Летис не зря получил задание. Двое рухнули, сраженные кинжалами. Еще двоих Федор взял на себя и тоже не промазал. Хотя одному угодил не в открытую шею, а в грудь. Но кинжал был хорош, а бросок силен. Так что горца не спасла и кожаная рубаха. Еще двоих убили лучники, прикрывавшие диверсантов. С оставшимися пришлось повозиться — бились они на мечах яростно. Один — здоровенный одноглазый бугай, со шрамом через всю щеку — умудрился завалить двоих ливийцев. Но его самого, в конце концов, зарубил подоспевший Летис. Двоих оставшихся записали на свой счет Федор и Урбал. Оба вышли победителями и не получили ран. Правда, теперь их осталось всего пятеро.

Оглядев убитых и выдернув из мертвых свои кинжалы, карфагеняне направились вверх. Федор приказал идти на перевал, где по-прежнему царили тишина и покой. Но едва они оказались на вершине широкой, похожей на большую проезжую дорогу седловины, как в изумлении остановились и рухнули за ближайшие камни. Снизу, из соседней долины, к перевалу двигалось огромное войско иллергетов, безошибочно узнаваемых по черным кожаным рубахам. Причем в авангарде на этот раз виднелись и всадники, числом не менее трех сотен. Следом за ними двигались воины, облаченные в стеганные куртки серо-коричневых цветов, с почти квадратными щитами, длинными копьями и мечами. Всего солдат в этой армии горцев насчитывалось, в первом приближении, около двух тысяч человек, но конца колонны с перевала не просматривалось. Он терялся за огромной скалой.

— Твою мать! — только и выдавил Федор. — Ничего себе, деревня за перевалом!

Деревня, кстати, имела место. Буквально в двух шагах, домов тридцать. Но там сейчас не было ни души. А те горцы, которых они уделали пять минут назад, вероятнее всего, являлись разведчиками наступавшей армии.

Федор оглянулся налево, пытаясь разглядеть соседнюю деревню, найденную ими два часа назад. Он ожидал увидеть там бойню, но не увидел ничего. Вопреки его опасениям, все там оставалось по-прежнему. То ли Магна решил не нападать на нее, то ли уже захватил селение, но не закатывал праздник по этому поводу. Во всяком случае, отсюда она была видна и выглядела именно спящей горной деревней, хотя рассвет уже давно наступил, и солнце пробивалось сквозь рваные облака. Но вот снизу обзор этого гнездовища горцев перекрывала скала, поэтому его обитатели не могли наблюдать приближавшегося войска. Да и солдаты не могли видеть деревню, хотя к ней из долины поднималась извилистая тропа.

Ветер на перевале гулял приличный, и разведчики быстро замерзли, лежа на холодной земле и поглядывая на скопившийся в ложбинах снег.

— Это кто такие? — спросил Федор Урбала, указав на вторую часть колонны, где

двигались неизвестные солдаты в серо-коричневых куртках.

— Не уверен, — ответил начитанный Урбал, присматриваясь, — но, вероятно, это васконы. Их земли лежат дальше, за владениями иллергетов. Очень воинственное племя. И если они уже объединились, то нам придется не сладко.

— Догадываюсь, — кивнул командир разведчиков, осторожно поднимаясь. — Ладно, слушай приказ. Встаем и бегом вниз. Не так, как сюда пришли, а прямо по дороге с перевала. Иначе не уйдем. Или, того хуже, окажемся в тылу у армии горцев. Надо быстрее сообщить в лагерь об этих...

Он взмахнул рукой и вдруг увидел, как ближайšie к перевалу конники прищипорили коней. Они могли оказаться здесь минут через двадцать.

— Слушай, Федор, — начал было Урбал, — а что если...

— Все, базар окончен, — оборвал его морпех, — бегом вниз, а то схлопочем по стреле в спину.

И все пятеро, пригибаясь за камнями, бросились вниз. Но предчувствие не обмануло Федора, последним покидавшего перевал, — конники приближались довольно быстро. Стараясь отогнать от себя мысль о том, что лошадь скачет быстрее, чем бежит человек, Федор рысью кинулся догонять товарищей. Перепрыгивая с камня на камень, он успокаивал себя тем, что и коням здесь придется не сладко. Хотя дорога, очень похожая на широкую тропу, здесь несомненно имелась. И вела она в ту самую долину, из которой они сюда поднялись.

Когда они очутились у основания предперевального взлета, Федор обернулся и увидел, как на седловине показались фигурки всадников. Они быстро спустились к тому месту, где лежали их мертвые сородичи, и, огласив долину криками, бросили коней вниз. Теперь уже никого не стоило уговаривать бежать быстрее. Чтобы срезать путь, все карфагеняне свернули с тропы, забиравшей сильно в сторону, на насыпь из мелких камешков и запрыгали по ней, как заправские горные козлы. И хотя временами они утопали в камешках почти по колено, насыпь съезжала вместе с ними. Так они добрались почти до самого подножия склона, где Летис и один из лучников упали, зарывшись лицом в камни. Но тут же, не обращая внимания на ссадины, снова вскочили на ноги.

— Быстрее, ребята, — подбадривал их Федор, то и дело оглядывавшийся назад, — еще немного — и мы дома.

Они находились уже почти у подъема на первый перевал, по-прежнему казавшийся пустынным, равно как и долина вокруг них. «Черт, где же наши?» — выругался Федор, разглядывая склоны горы и путь наверх, частично перегораживаемый большой скалой. Всадники иллергетов, числом человек в двадцать, их уже нагоняли.

— Вперед! — заорал Федор. — Бегом за скалу... Приготовиться к бою!

Когда они добежали до скалы, им вслед уже летели стрелы. Они свистели над головами беглецов, словно разозленные осы. Одна вонзилась в щит, прикрывавший спину, и Федор возблагодарил Баал-Хаммона, что тот не оставил его в беде. Правда, морпех тут же сообразил, что здесь, внизу, им уже не убежать от коней.

— Лучники! — заорал он, останавливаясь и выхватывая меч. — Стрелять по врагу! Остальные ко мне!

Все, кто бежал, остановились, как вкопанные. Лучники, развернувшись, открыли стрельбу по приближавшимся всадникам. А спустя мгновение рядом с Федором уже стояли Летис и Урбал, обнажив фалькаты и прикрывшись щитами. Втроем они образовали короткую шеренгу.

Но когда конные иллергеты приблизились, в ярости размахивая мечами, произошло непредвиденное. Из-за спины приготовившихся к последнему бою друзей в нападавших вдруг полетели саунионы. В одно мгновение все иллергеты оказались поверженными и валялись теперь на земле, пронзенные копьями и стрелами, поскольку по ним «работали» еще и лучники.

Обернувшись, Федор с радостью увидел две спейры африканцев под общей командой

Магны, показавшихся из-за скалы. Карфагеняне явно прятались там и давно заметили конных, но не спешили показываться им до самого последнего момента.

— Все живы? — деловито, как будто ничего не случилось, осведомился командир седьмой спейры, разглядывая, однако, не своих бойцов, а больше поверженных всадников. И заключил. — Иллергеты.

— Да, у нас все нормально, — ответил в тон ему Федор. — Только мгновение назад мы уже собрались умереть за Карфаген.

— Не спеши, — успокоил его Магна, приблизившись. — Такой случай вам еще представится. Мне нужны храбрые бойцы. Ну, что там, за перевалом, из-за которого явились эти всадники?

— Там большое войско, примерно тысячи две пехотинцев и пара сотен всадников, — отпартовал Федор, запихивая фалькату в ножны. — Авангард мы убрали, но нас заметили конные. Остальное известно.

— Две тысячи, говоришь, — заметил Магна, что-то прикидывая в уме.

— Да, и еще, — вспомнил Федор, взглянув на Урбала. — Похоже, там не только иллергеты. За ними идут солдаты в серо-коричневых панцирях. Урбал утверждает, что это васконы.

Магна поднял голову.

— Васконы уже здесь? — казалось, он не верил своим ушам. — Что же, если ты прав, это не очень хорошее новости. Но вы успели вовремя. Это главное.

— Они будут здесь очень скоро, — еще больше огорчил его командир разведчиков.

— Эй, Цербал, — позвал своего лейтенанта Магна, — возьми половину спейры и поднимайся на перевал. Как увидишь, что противник втянулся в бой, ударишь ему в тыл.

— Там же деревня, — напомнил Федор.

— Она уже наша, — усмехнулся Магна. — Твой посыльный прибыл вовремя.

— Я с половиной своей спейры и спейрой копейщиков останусь здесь, за скалой. Буду ждать врага, — продолжил Магна. — А вы бегите в лагерь и доложите Акрагару или Атарбалу о приближающейся войне. Я уверен, они пришли для того, чтобы уничтожить нашу базу, и надеялись застать нас врасплох. Но благодаря тебе это им не удастся.

— А потом? — спросил Федор. — Вернуться сюда?

— Оставайся в лагере, — приказал Магна и, увидев недовольное выражение лица командира разведчиков, добавил. — Думаю, мы примем только первый бой и скоро тоже вернемся. Если Атарбал не решит иначе.

Приказ есть приказ, и Федор, велел соратникам следовать за собой, устремился в лагерь. Туда они прибыли спустя еще час. К этому моменту в ущелье уже, вероятно, завязался бой. Решив не нарушать субординацию, хотя очень хотелось, Федор разыскал Акрагара, сообщив ему о приближающейся войне иллергетов и васконов. Командир полка затребовал подробности. Узнав, как действовали разведчики, которым удалось осмотреть оба перевала и уйти от погони, он сообщил, что их наградят.

— Разрешите нам вернуться в строй спейры? — попросил Федор, польщенный похвалой, но больше стремившийся помочь своим. — Там наверняка уже идет бой.

— Нет, — отрезал Акрагар, уже облачавшийся в свои боевые доспехи с помощью слуги. — Твоя спейра скоро вернется. Мы отправим в помощь ей кельтов. А когда они войдут в лагерь, встретим наступающего противника метательными машинами.

Уяснив план, поведенный Акрагаром, снизошедшим до подчиненного, Федор с товарищами занял место за частоколом, рядом с метательными машинами, уже собранными и развернутыми в сторону наступающего врага. Скоро из ворот показалась и легким бегом устремилась вверх по склону спейра кельтов, но, учитывая, что врагов насчитывалось в десять раз больше, это был лишь отвлекающий маневр. Их обогнала сотня конных нумидийцев. И, тем не менее, Федору стало легче на душе — бойцов из его спейры погибнет меньше. Видно, главнокомандующий поддержал план Акрагара заманить наступавших иллергетов под огонь метательных машин, прежде чем вступить в решающую схватку.

В лагере, тем временем, все готовились к битве. Африканцы и кельты разделились по своим хилиархиям и заняли места в соответствии с приказами. Африканцы, копейщики и лучники — вдоль частокола. Оставшиеся мечники и кельты построились в глубине лагеря по спейрам, ожидая сигнала к контратаке.

Противник не заставил себя долго ждать, и скоро Федор увидел, как его седьмая, сильно потрепанная, спейра и копьеносцы из первой отступают, сдерживая натиск врага. Удар кельтов и нумидийцев отсек их от противника и позволил отойти к лагерю, где их впустили сквозь открытые ворота. Следом показались отступающие кельты, умудрявшиеся при этом рубить наседающего противника на части, устилая путь отступления трупами. Последними в ворота лагеря ворвались нумидийцы, изрядно потрепавшие противника своими атаками. Глядя, как лихо чернокожие африканцы, у которых из доспехов и вооружения имелись только туника, щит, копье и два дротика, носились из конца в конец ущелья, нанося разящие удары неповоротливым иллергетам, Федор оценил их по достоинству. Эти всадники не использовали ни удила, ни поводьев и скакали даже без седла, словно индейцы. И, тем не менее, они ловко терроризировали противника, заставляя его на ходу менять план наступления.

Конечно, для фронтального боя с тяжеловооруженной конницей они не годились, но в роли застрельщиков и догоняющих были бесподобны. Когда нумидийцы, изрядно разозлив наступавших иллергетов, вернулись под защиту частокола и метательных машин, горцы уже буквально висели у них на хвосте. Но их ждали.

Не успели конные иллергеты приблизиться к стенам лагеря, опередив колонну пеших, как воздух рассекла команда, и им навстречу устремился десяток каменных ядер, мгновенно превратив в кашу первые ряды наступавших. Второй залп усилил впечатление Федора, с интересом наблюдавшего за этой войной машин и людей. Машины побеждали. Тем более, что лагерь стоял на холме, а наступавшие сгрудились на обширной площадке прямо под ним. Артиллеристам даже не было особой необходимости целиться, поскольку наступавшие иллергеты заняли все свободное пространство от частокола до ближайших скал. Исходя из того, что он уже видел, Федор решил, что здесь собралась добрая половина армии горцев.

И, тем не менее, в ярости первые ряды иллергетов достигли частокола и бросились на штурм. Они прыгали в ров, затем лезли вверх, цепляясь руками за осыпающуюся землю и бревна, а обороняющиеся, в числе которых находились Федор, Летис и Урбал, просто рубили эти руки и головы сверху.

Обстрел, тем не менее, не прекращался. Он велся навесом, через головы солдат первых шеренг нападавших. Метательные машины прекратили свою сокрушительную работу лишь после того, как ворота открылись, и сквозь них по врагу ударили сразу две хилиархии — кельты и африканцы — быстро отогнав врага от стен лагеря. После часа такой мясорубки карфагенянам удалось выкосить подчистую почти всех иллергетов и вступить в бой со второй армией, солдаты которой оказались действительно васконами.

Они бились храбро и держались долго, уничтожив много финикийцев, но последних все же оказалось гораздо больше, чем рассчитывали встретить нападавшие. Федор и его друзья, снова вставшие в ряды седьмой спейры, приняли участие в этом бою, умертвив немало васконов. Сначала, после ожесточенной стычки, они отбросили васконов в долину, а затем обратили в бегство, преследуя их до самого перевала и перебив почти всех. А потом Атарбал пустил по следу отступающего врага нумидийскую конницу, так что уйти удалось лишь немногим.

В том бою погиб Цербал, и Магна сделал своим помощником Федора, проявившего в этот день всю свою удаль. А главнокомандующий корпусом африканцев, выяснив, что иллергетам помогали васконы, на общем сборе победившего войска карфагенян объявил:

— Васконы выбрали свою судьбу. Мы идем в их земли.

Но финикийцам пришлось потратить еще не одну неделю на усмирение оставшихся иллергетов и захватить немало горных крепостей и деревень по левому берегу Ибера, прежде чем они вступили во владения самих васконов, лежавшие в среднем течении реки. Теперь

отряд африканцев был усилен еще двумя хилиархиями, которые Ганнибал, узнав об успехах на этом направлении, разрешил снять с других, где сопротивление оказалось менее сильным. Кроме того, Атарбалу прислали еще пятьсот тяжеловооруженных испанских всадников и пять осадных орудий — высоко в горах у васконов имелись укрепленные города.

Предсказание Урбала сбылось. Ганнибал, к тому моменту уже почти взявший Илерду и окруживший Тарракон, прежде чем идти дальше на Рим, похоже, решил захватить все земли по эту сторону Пиренеев от моря и вплоть до самых истоков Ибера. А направление удара, на котором находились африканцы Атарбала, из второстепенного неожиданно сделалось главным.

Глава шестая

Леха Ларин и скифы

Дождь в Крыму — явление редкое. Хотя иногда и случается. Как сегодня утром. В такие дни Леха Ларин любил сидеть у выхода из юрты и смотреть, как стекают теплые капли по крепким «елочным» листикам можжевельника, росшего в двух шагах от порога. Вода струилась ручейками по траве и быстро пропадала, впитанная соскучившейся по влаге землей. А Леха все сидел и вдыхал тяжелый запах можжевельника, излечивающий, говорят, многие болезни.

Беспокоиться ему было особенно не о чем. Соседние племена пока вели себя мирно и проблем воинам его благодетеля Иллур не создавали. Крупных военных походов ни на восток, к Боспорскому царству, ни на юг, к Херсонесу, где плотно обосновались хитроумные греки, скифские племена давно не предпринимали, а все остальные земли в Крыму находились в их власти. Сиди себе в юрте, да радуйся жизни. Вместе с наложницей. Либо скачи на быstroногом коне по степям, заставляя хвататься за луки беспокойных соседей.

Вспомнив о Херсонесе, Леха немного загрустил. Последний поход на этот крупный греческий город, с которым скифы то торговали, то воевали, оказался печально памятным. Незадолго перед ним Иллур сделал его начальником десяти скифов-разведчиков. Понятное дело, конных разведчиков, поскольку пешие скифы в природе не встречались. Вместе с ними Леха должен был выступать впереди войска, разыскивая неприятеля раньше, чем тот сам найдет скифов из племени Иллур, служившего местному царю Палаку¹⁰ и совету старейшин. Свой первый поход в качестве десятника, как он сам себя называл, Леха провел бодро, но безрезультатно. Греки, отсиживаясь за крепкими стенами Херсонеса, отбили все попытки скифов взять город. Да и попытки эти, надо сказать, являлись не очень удачными.

Воины Иллур, конечно, рассеяли греческую конницу в поле, но вот опыта захвата укрепленных городов у них было маловато. Давно не практиковались в этом деле. Тем более городов, ошетилившихся метательными орудиями, что превращали своими каменными ядрами скифских храбрецов в окровавленные мешки костей и мяса. С моря тоже ничего значительного предпринять не удалось, хотя и имелись у скифов собственные корабли, да только в бою с греками-мореходами они все равно сравниться не могли. Не хватало выучки экипажей, да и самих боевых кораблей тоже не доставало. Скифы все больше развивали морскую торговлю да строили зерновозы и прочие торговые суда. Неплохо, надо сказать, строили, но для серьезного ратного дела они все равно не годились. Вот и получалось, что одна триера из флотилии Херсонеса с обученными гребцами успевала пустить на дно залива не меньше трех двухрядных скифских судов, чьи команды надеялись, в основном, на лучников, не дававших, однако, на море такого же эффекта, как на суше.

И даже, несмотря на героические усилия бывшего морпеха российской армии Лехи Ларина, попытавшегося подойти ночью с моря на нескольких кораблях и запустить подожженный брандер в самую гавань Херсонеса, чтобы спалить к чертовой матери весь

¹⁰ Имя не связано с реальным действующим лицом того времени.

этот греческий флот, ничего не получилось. Греки его заметили даже ночью и потопили всех, кто пытался вместе с Лехой сотворить сию каверзу. Сам автор идеи еле доплыл до берега живьем, прыгнув с протараненного корабля в море и чудом увернувшись от стрел. Херсонес стоял незыблемо, и сильный греческий флот продолжал охранять его с моря, не позволив скифам блокировать город со всех сторон. Припасы и помощь продолжали свободно поступать в город морем из других греческих колоний. В конце концов, Иллур признал поражение и снял осаду.

С той поры минуло почти полгода. Теперь Лехе, в бессильной злобе погрозившего Херсонесу с перевала кулаком на прощанье и обещавшему вернуться, подчинялось уже тридцать воинов. А Иллур, после внезапной смерти своего престарелого родителя, местного царька Акчея, вошел в совет старейшин, заняв по праву постоянное место своего предка.

По местным меркам Иллур являлся крупным вождем. У него было много солдат и рабов, несколько кочевий для выпаса скота на севере полуострова. Как вождь, он мог бы жить в шикарном каменном доме в новой столице, управляя жизнью племени оттуда. Но не жил. Более того, не любил всех этих излишеств культурной жизни, незаметно спеленавших волю кочевников. За подобное кредо Леха его уважал.

Этот бородатый скиф больше любил просторы степей, быстрых коней, горячую схватку и верный лук. В нем не проглядывало спокойствия царя и изнеженности старейшин, разменявших пятый десяток и грезивших только о покое, хотя Иллур тоже был немолод. Ему недавно стукнуло двадцать восемь. А при кочевой жизни, полной опасностей, совершенно Иллур не страшивших, редко кто среди воинов доживал до таких лет. Но кочевая жизнь в пределах полуострова уже не кишела опасностями, а за его пределы с большим войском скифы выходили довольно редко. Во всяком случае, Леха точно не выходил. Правда, он был наслышан, что в степях к северу кочуют какие-то сарматы и что эти кочевники находятся сейчас в силе, не уступая ни в чем скифам. Но в Крым залетные гости пока не вторгались и потому Леха о них вообще ни вспоминал. И здесь событий хватало.

«Ну, теперь будет дело», — решил Леха, узнав о том, что Иллур вошел в совет, решавший судьбу народа вместе с царем Скифии. И не ошибся.

Иллур, до того появлявшийся в совете лишь изредка, заменяя отца, немедленно начал мутить воду. Он призывал всех скифов объединиться для нового великого похода, чтобы память предков, перед которыми в древности склонялись далекие Мидия, Сирия и даже Палестина, вновь стала явью. Он внушал им, что копыта скифских коней снова могут топтать берега далекого моря. Но, начать нужно с близкого. С того, чтобы взять под свой контроль весь благодатный полуостров, прогнав с него жадных до чужих богатств греков вместе с их союзниками.

Царь и старейшины, уже много лет привыкшие жить в относительном покое на полуострове, где удобно обороняться от внешних врагов, и не помышлявшие о расширении скифских владений до прежних границ, пришли в трепет. Ведь Иллур предлагал заново покорить огромные территории, от Персии до Византия, вокруг ближнего моря и вглубь от его берегов. Снова дойти до самого Истра,¹¹ где еще теплились отдельные скифские поселения. А может быть, и двинуться дальше.

С тех пор, когда все это принадлежало грозным скифам, кочевая империя сильно уменьшилась в размерах. В их руках остался лишь Крым, да и то не весь, а сверх того часть земель в дельте Борисфена.¹² Скифы стали оседлыми, развили в Крыму ремесла, освоили морскую торговлю. Среди них народилось немало кузнецов, оружейников, золотых дел

¹¹ Одна и та же река Дунай именовалась в нижнем течении Истром, а в среднем — Данубием. Конечно, скифы тоже именовали их по-своему. Но для ясности в тексте приведены эти иноземные для них названия. Дальше по тексту используется тот же подход в отношении греческих и даже более поздних римских географических названий различных мест.

¹² Днепр.

мастеров и ювелиров, поделкам которых дивились даже издававшие виды заезжие мастера из греческих полисов.¹³ А их здесь крутилось немало.

Недавние кочевники, еще вчера не мыслившие себе существования без коня и вольных степей, научились строить корабли и большие города. Чего стоила только столица — не так давно возникший Неаполь Скифский,¹⁴ хорошо укрепленный город, где царь и многие из скифских вождей обитали не в юртах, а во вполне «современных» домах, устроенных на греческий манер с портиками и колоннами. Им комфортно жилось здесь и совсем не хотелось сниматься с обжитого места только для того, чтобы возродить память предков и снова испытать ужасы затяжной войны. Но старейшины были скифами по рождению, они слушали Иллур, и его горячие речи находили в их заснувших сердцах отклик. Слушал его и царь Палак. И скоро в воздухе запахло грозой.

Сам Леха на жизнь не жаловался. Оказавшись каким-то чудом в этом времени вместе со своим другом по имени Федор Чайка, он быстро здесь приспособился. Первые дни вспоминались, конечно, с ужасом — унесенные в море на углой лодчонке, они оба угодили в плен к карфагенянам, приплывавшим в Крым по торговым делам. Сначала заезжие африканцы, не разобравшись, намяли им бока — не без вреда для себя, конечно, не зря же рядовой Леха Ларин и сержант Федор Чайка только что отслужили срочную в морской пехоте.

Потом связали и долго держали в трюме своего военного корабля, как пленников, собираясь продать в рабство. Как назывался тот корабль, Леха поначалу не запомнил. А зачем? Здоровая посудина, метров пятьдесят в длину, с пятью рядами весел и парой мачт, утыканная метательными машинами. Она Лехе поначалу, ясное дело, не очень приглянулась. Он в своем родном времени плавал на настоящих десантных кораблях, те покруче смотрелись. Но после позорного штурма Херсонеса бывший рядовой морпех оценил боевые возможности этих кораблей со странным названием «квинкерема». Они легко расправлялись со всеми противниками помельче, даже не прибегая к таранному удару, — метательных машин хватало.

Будь под командой Лехи хотя бы пяток таких шаланд с обученными экипажами, ох, уж он бы показал этим грекам, где раки зимуют. Такого шороху бы навел, век бы вспоминали морскую пехоту. Хотя, кто он таков был в своем родном времени, теперь не знал никто, кроме Федора. А тот уплыл с карфагенским купцом по имени Магон, оказавшимся, к слову, какой-то важной птицей. Развели их пути-дороги. Быстро развели, оглянуться не успели.

Еще час назад оба были пленниками, предназначенными в подарок его нынешнему покровителю Иллур, скифскому другу заморского купца Магона, в обмен на кое-какую услугу. Для этого даже с берега в Неаполь Скифский притащили. Но не сложилось. Федор ошутимо пнул вождя ногой во время «осмотра», а скифский предводитель обиделся и отказался принять в подарок двух крепких рабов. Хорошо еще, что не прирезал тут же. Хотел, но Магон не дал. А на обратной дороге, когда снова их везли на корабль, случилось нападение одного из враждебных Иллур племен. Перебили налетчики почти всех охранников Магона и скифский отряд сопровождения. Тут бы Лехе с Федькой и бежать, но для них все срослось по-другому. Выиграло чувство взаимовыручки, вроде, как на них тоже напали. И вместо того, чтобы дать деру, они оба в драку встряли и случайно спасли жизни своим врагам.

Леха — скифскому вождю Иллур, а Федор — купцу карфагенскому. Вот и пришлось

¹³ Полис — так греки называли свои города-государства.

¹⁴ Неаполь Скифский — так называли этот город греки. Как его называли сами скелоты (скифы — тоже греческое название) неизвестно.

К слову, считается, что скелоты, — самоназвание. Однако скелотами те же греки часто называли «скифов-пахарей», живших по берегам Днепра. И под этим названием многие историки видят не самих скифов, а славян, обитавших по соседству со скифами.

им расстаться. Иллур Леху к себе взял и отблагодарил за спасение по-царски. Юрту подарил, наложницу восточную, скота дал с пастухами, чтобы было с чего жить, и даже сделал кровным другом. А потом и с карьерой в армии помог. Так что теперь у Лехи все устроилось совсем неплохо. И жилье имелось, и доходы, и женщина, и карьера в рост пошла, даже масса новых родственников после обряда кровного породнения в племени образовалась, так что он даже не успевал вспоминать про свою прошлую жизнь в двадцать первом веке.

Как ни странно, Леха не сильно удивлялся тому, что оказался здесь, с кем не бывает. Привык быстро. Грустил только, что с родителями больше не увидится. А что там у Федора в жизни теперь происходит, жив ли вообще, он не ведал. Но надеялся, что все путем у сержанта, и когда-нибудь они все-таки свидятся. Приведет их судьба к одному перекрестку.

Дождь скоро закончился. Выглянуло солнце, и над прелой землей стал подниматься водяной пар. Невдалеке послышался стук копыт, и Леха вылез из своего убежища, чтобы посмотреть, кто это пожаловал к нему в гости. Наложница Зарана, что жила с ним в юрте, тоже хотела было наружу податься, интересно ей стало. Но Леха приказал не высовываться. Мало ли кто мог по делам приехать.

Леха встал во весь рост, одернул куртку и штаны, заправленные в мягкие кожаные сапоги, стянутые специальными завязками на щиколотке. Привычно провел рукой по шевелюре, а затем почесал пальцами небольшую бородку, отпущенную на местный манер, разглядывая подъезжавшего всадника. Это оказался один из тяжеловооруженных конников Иллур, исполнявший роль посыльного, в панцире, с мечом, луком, колчаном и даже топориком.

Доскакав до юрты командира разведчиков, он осадил коня, но слезать не стал.

— Алл-лэк-сей, — привычно, но не очень приятно для слуха Лехи, пропел его имя посыльный. Никак иначе его имя скифы произносить почему-то не хотели, — вождь Иллур ждет тебя сегодня вечером у себя в юрте. Хочет говорить.

— Хорошо хоть не прямо сейчас, — кивнул Леха. — Передай, буду.

Скиф хлестнул коня нагайкой и ускакал, глухо стуча копытами по тяжелой от недавнего дождя земле. А Леха прищурился на солнце, потянулся, скользнул взглядом по стоявшим в сотне метров скученным юртам его солдат, напоминавшим небольшую деревню. Затем по табуну лошадей, рядом с которыми крутился пастух из его подневольных людей. Посмотрел на близлежащие холмы, переходившие на востоке в горную гряду. Набрал полную грудь можжевеловых запахов и нырнул обратно в командирскую юрту. «До вечера далеко, — подумал Леха, подбираясь поближе к лежавшей на ковре и подушках Заране, — успею еще».

Длинноволосая девушка восточного вида, по внешности — лет двадцати, уловив намерения своего хозяина, улыбнулась, но немного отодвинулась в сторону. Видно, ей не очень хотелось. Зато Лехе вдруг так приспичило, что мочи терпеть не стало. Слава богу, Зарана была женщиной подневольной и не могла отказать, сославшись на головную боль. Хотя Леха обходился с подарком Иллур вполне тактично, сильно не неволил, работать не заставлял — и без нее хватало у него работников — и вообще жил с ней уже полгода почти как с женой в гражданском браке. Только при желании он мог эту жену продать или подарить кому-нибудь. А себе завести новую, помоложе. Только Леха не торопился, эта ему тоже нравилась, а жить сразу с кучей женщин он как-то не привык. Пока.

Сняв с себя длинную рубаху, Леха быстро освободился от сапог, штанов, упал на живот и медленно подполз к девушке, смотревшей на него с опаской, но в то же время игриво. Не маленькая уже, отлично понимает, чего вдруг так захотелось бравому солдату. Да и сама, когда в настроении, такая затейница!

Без лишних слов Леха стянул с Зараны недлинное, похожее на рубаху платье и всякие исподние подвязки, повалил на спину. Провел ладонью по груди, ощущая исходивший от нее жар, а затем по очереди стал облизывать соски. Девушка сначала напряглась, но долго, как водится, не смогла сопротивляться таким проявлениям чувств, расслабилась и обняла Леху за шею. Даже притянула к себе, одарив поцелуем. Но Леха еще некоторое время ласкал ее

руками и языком, и лишь когда Зарана полностью отвлеклась от своих беспокойных мыслей, отдаваясь хозяину, вошел в нее.

Леха сегодня неистовствовал, и они предавались страсти долго. Много раз, с небольшими перерывами для того, чтобы набраться сил и слегка перекусить фруктами, в изобилии лежавшими на подносе в углу. Ничему другому Леха сейчас уделять внимания не хотел. Зарана, казалось, позабыла свои страхи, постанывая каждый раз от удовольствия. Но когда Леха, наконец, иссяк, полежав немного рядом с ним, снова забилась в угол. «Нет, — решил Леха, поймав ее взгляд, опять ставший задумчивым, — что-то с бабой не так».

— Ты часом не заболела, Заранушка? — поинтересовался он, называя ее по-своему, по-русски. За полгода совместной жизни морпех обучил ее азам родной словесности, не взирая на то, что Зарана хорошо говорила и по-скифски. — Может, съела чего несвежего?

— Нет, — тряхнула головой наложница, так, что ее длинные волосы закрыли лицо с раскосыми глазами.

— Тогда чего грустишь? — засомневался Леха. — Так хорошо было.

— Хорошо, — согласилась Зарана и добавила, — мне с тобой хорошо. Как ни с кем.

— Ясное дело, — подтвердил Леха. — Я парень не промах.

Зарана опять замкнулась. А Леха откусил яблоко и, почуяв неладное, обернулся в угол, из которого на него смотрели два озадаченных глаза.

— Ну, чего случилось-то? — не выдержал Леха. — Говори толком.

— Мне сегодня приснился сон, — начала издаലെка Зарана. — Я сидела в нашей юрте, вот как сейчас, и меня посетила Великая Богиня, и с ней была богиня Табити.¹⁵

— Ну, и что они тебе сказали? — Леха не сильно заморачивался насчет местных божеств, да и вообще насчет богов, не верил он в эти сказки. От природы Леха уродился атеистом и не сомневался только в собственных силе и удаче. Но скифам верить в своих богов не мешал, да и сам нередко посещал их святилища, как ни крути, а он теперь принадлежал к этому племени.

На людях Леха местных богов поддерживал — и Великую Богиню, и хранительницу семейного очага Табити, и Ойтосира, бога силы и красоты, и даже морского бога по имени Тамимасада — но дома по-прежнему предпочитал быть атеистом.

— Они сказали, — наконец решила Зарана, — что скоро пошлют нам ребенка.

— Когда? — уточнил Леха, доедая яблоко.

— Когда закончатся теплые дни, — выдохнула Зарана.

И только тут до Лехи дошел смысл сказанного. Он даже чуть не подавился яблоком, натужно закашлявшись.

— Что ты сказала? — чуть не вскрикнул он. — Повтори.

На лице Зараны появился испуг.

— Боги пошлют нам ребенка, — пролепетала она, забившись еще дальше в угол.

— Вот те раз, — ошарашенный Леха опустил руку с огрызком и уставился на свою наложницу, — это что же получается, что я скоро стану папашей? Ты поэтому такая смурная с утра?

Зарана не все поняла из сказанного — в своей юрте говорил Леха только по-русски — но кивнула. Не в силах справиться с нахлынувшими чувствами, Леха быстро оделся и вылез наружу, буркнув: «Пойду, пройду». По привычке, оставшейся от прошлой жизни, очень захотелось курить, а еще лучше выпить, но с этим Леха решил повременить. Скоро к Иллуру ехать, а он насчет неуместного питья строг. Видать, о серьезных делах говорить звал, раз бойца прислал. Да только новость о беременной наложнице разом все заслонила.

Жаркий день уже клонился к вечеру, Леха и не заметил, как он пролетел, — одно сплошное удовольствие. «Было удовольствие, — напомнил себе Леха, направляясь к табуну

¹⁵ Женское божество — Великая Богиня или Мать Богов, — было особым объектом почитания у скифов. Табити, — божество семьи, домашнего очага. Считалось покровителем скифов.

лошадей, щипавших неподалеку траву, — а теперь будут одни заботы».

Надо сказать, он оказался немного не готов к такому повороту. Нет, секс — это понятно, приятно и для здоровья всегда полезно. Но дети? Такого с ним еще не случалось. Дети меняли все. Ему казалось, что дети ставят крест на личной жизни, а эта жизнь у него еще только начиналась. Но вдруг он вспомнил, что Зарана ему не жена, а просто наложница. Девчонка для утехи, которую можно просто продать или подарить кому-нибудь. А вместо нее взять новую наложницу или сразу двух. По местным законам это считалось нормальным. Но Леха не спешил менять ее на другую — как-то за полгода попривык к этой несвободной женщине, давно привезенной Иллуром откуда-то из-за Кавказских гор.

Подойдя к табуну, Леха приметил двух лошадей с жеребятами. Долго смотрел на них, а потом подошел к ближней кобыле, черной, как смоль. Кобыла его подпустила, признав хозяина. Морпех обнял ее и потрепал по холке. Лошадь стояла смирно, словно все понимала, лишь косила на Леху мудрым глазом.

«Да и ребенок ведь мой, — озадачился вдруг Леха, глядя в глаза кобыле, — родится невесть где, и кем он там будет? Ясное дело, рабом, раз от рабыни рожден. А здесь я за ним пригляжу, может, воином сделаю. Работать Заране опять же, не надо, средства к существованию добывать».

Простояв так минут десять, он отошел от кобылы, обернулся в сторону юрты и громко произнес по-русски, напугав пастухов:

— Ладно, пусть рождается.

Спустя полчаса он уже сидел на своем боевом коне, одетый по всей форме. Являться по вызову вождя всегда следовало в полной амунии, чтобы можно было сразу отправляться в поход, если только Иллур особо не оговаривал, что предстоит дружеский пир или праздник. На этот раз ничего не уточнялось, но Леха пребывал в уверенности, что пока это только совет. Однако, традиция есть традиция.

Повеселевшая Зарана помогла надеть ему доспех и принесла короткий меч-акинак в ножнах, обложенных золотыми пластинами. Леха прикрепил его к поясу, рядом с боевым топориком. Нагнулся, поцеловал девушку и, хлестнув коня, погнал его во весь опор к стойбищу Иллура, что располагалось всего в получасе хорошей скачки. За ним устремилось еще пять конных скифов из его отряда.

Глава седьмая Греческий проект

Стойбище, где Иллур жил большую часть времени, представляло собой целый кочевой город из доброй сотни юрт и размещалось на холме. Внизу, под присмотром пастухов, паслись козы и овцы. Приближаясь, Федор рассмотрел чуть поодаль огромный табун, а за ним еще одно стойбище, уже освещенное кострами. Теплый южный сумрак быстро сгушался.

Недалеко от богато украшенной юрты Иллура, что стояла на самой вершине холма, тоже горел костер, над которым на огромном вертеле жарился кабан. Рядом виднелся огромный котел с каким-то варевом, источавшим приятный аромат. А в метре от него был расстелен ковер, где на специальной подставке выстроились искусной работы кувшины с вином, изящные широкие чаши из чистого золота и поднос с фруктами.

Однако, кроме вождя, слуги, что заведовал приготовлением мяса, и еще одного, незнакомого Лехе пожилого бородатого скифа, у костра никого не замечалось. Морпех, ожидавший увидеть настоящий военный совет, где обычно присутствовали все мелкие вожди, служившие Иллuru, слегка удивился столь немногочисленной компании. Но раз уж так случилось, значит, скифский вождь действительно хотел обсудить с ним что-то важное, но предназначенное не для всяких ушей.

Отдав коня одному из своих бойцов, он приказал им дожидаться в специальной юрте для гостей, куда им поднесут вина. Туда его бойцов проводили всадники самого Иллура,

крутившиеся неподалеку. Вообще, стойбище Иллур наминало скорее военный лагерь, да оно им, по сути, и являлось. Стоило вождю только крикнуть, как в седлах сразу же могло оказаться несколько сотен всадников. А наличие многочисленного скота вокруг ничуть не мешало, ведь в большинстве своем скифы, как успел узнать Леха за прошедшие полгода, все свое таскали за собой, включая коз, овец и лошадей. Появились среди них, конечно, и землепашцы, но эти пока считались вторым сортом среди местных граждан. Всем, как и повсюду, заправляли воины.

— Здравствуй, Ал-лэк-сей, — приветствовал, приобняв своего кровного брата, Иллур, облаченный в украшенный золотом панцирь, — садись поскорей к костру. Мясо скоро будет готово. А вино у нас никогда не переведется.

— Это хорошо, — кивнул Леха, поклонился незнакомцу с седой бородой и сел на небольшой коврик, постеленный прямо на землю у костра. — Ты звал, я пришел.

— Познакомься, — представил старца Иллур, — это наш мудрый Фарзой, советник моего отца, а теперь и мой.

До сих пор Леха никогда не бывал на совете старейшин — по рангу не положено. Его вершиной был совет мелких князьков, подчинявшихся лично Иллуру. И морпех просто не знал, как себя вести с местной знатью. Ведь, похоже, именно к ней принадлежал этот задумчивый старец в длинном сером одеянии. Его грудь украшала витая золотая цепь, на которой висела бляха с вычеканенным орлом. Птица сидела на ветке, сложив крылья и грозно взирая сверху вниз на невидимую добычу. Но что-то, тем не менее, требовалось сделать. Поэтому Леха просто встал и слегка поклонился.

Фарзой, смеривший его пронзительным взглядом, на мгновение блеснувшим сталью, просто кивнул в ответ, и Леха снова уселся на коврик в ожидании разговора и ароматного мяса. Ни то, ни другое не заставило себя долго ждать.

«Интересный дедушка, — составил первое впечатление о Фарзое морпех, поневоле учившийся разбираться в людях, — такой прирежет и не поморщится. Видать, именно таких и берут в советники к олигархам».

Скоро кабан действительно был готов, и над костром поплыл аромат сочного мяса, тогда слуга начал отрезать от него самые вкусные ломти и бросать на широкое блюдо. Он же насыпал из котла на другое блюдо странный гарнир, с виду похожий на плов с овощами, наполнил чаши вином и, сделав свое дело, удалился на приличное расстояние. Встав так, чтобы не слышать разговора, но вовремя заметить, когда кубки Иллур и его гостей окажутся пустыми, а мясо на блюде закончится.

Надо сказать, что Леха все еще не мог отойти от недавних новостей, и его пока что не сильно интересовало, зачем его позвал Иллур. Поэтому, размышляя о своем, он с удовольствием — весь день не ел, как-то между делом забывалось — откусил кусок сочного мяса, подцепив его кинжалом. Насыпал руками в рот закуски, походившей по вкусу на тушеные овощи вперемешку с какими-то бобами, и запил красным вином. Благодарный желудок заурчал, принимая горячую пищу.

— Фарзой расспрашивал меня о нашем последнем походе на Херсонес, — начал Иллур, евший мясо и говоривший одновременно, что Леху нисколько не смущало. — И я рассказал ему о том, как ты пытался проникнуть в гавань. Фарзой сказал, что ты молодец, несмотря на то, что нам это не удалось.

Федор бросил благодарный взгляд на молчавшего до сих пор советника, взявшего себе самый маленький кусок мяса и лишь слегка пригубившего вино. По всему выходило, что для него это деловое совещание, а не обычная пирушка. Зато Иллур и его кровный брат ни в чем себе не отказывали.

— Фарзой сказал, — продолжал Иллур, — что если бы у нас был большой военный флот, то мы смогли бы одолеть Херсонес.

— И не только Херсонес, — вставил слово Леха, отпив изрядный глоток вина, — с большим флотом можно ходить и к дальним берегам. Да только кроме флота нужны еще метательные машины, как у греков. Без них ни флот не поможет, ни крепостных стен не

взять. Только зря народ положим.

— Фарзой спрашивал о тебе, — вдруг сказал скифский вождь.

— Что именно? — Федор перевел взгляд на все еще молчавшего старика, потихоньку цедившего вино. Такой способ общения его немного нервировал. Леха привык общаться по-простому.

— Он сказал, что ты странный, — заявил Иллур. — Не здешний.

— Ясное дело, не местные мы, — ответил Леха, откусывая очередной кусок мяса и запихивая в рот пальцами порцию тушеных овощей. И добавил. — Да какая разница на ком доспех. Главное, чтобы воевал хорошо, верно?

— Откуда ты? — вдруг прервал свой обет молчания Фарзой, и его тихий голос показался Лехе шепотом шамана. Он стелился и тек, словно ручеек, стараясь проникнуть в самую душу.

Леха даже жевать перестал, правда, ненадолго. Обдумывал, как бы ответить этому въедливому старику. Не рассказывать же сказки, что угодил во временной провал. Вышел с другом в море на лодке из Туапсе, попал в шторм и угодил в прошлое, за две с лишним тысячи лет от своих дней. Правда, оказался посреди все того же моря, на пути каравана карфагенских судов. И так получилось, что попал к ним в плен. Это являлось чмстой правдой, но Фарзой все равно бы не поверил. А остальное Иллур знал. Но даже он не допытывался сильно, из каких краев сюда занесло бывшего морпеха Леху Ларина, удовлетворившись ответом, что «прибыл с севера».

Иллур действительно больше интересовали личные качества бойца, а кто он от рождения его мало трогало. Главное, что теперь он самый настоящий скиф, даже по крови. А свои личные качества Леха показал быстро. И когда Иллур случайно от смерти спас, и когда начал «учиться на скифа», не зная ни одного слова на местном наречии. Характер у Лехи был что надо, боевой. Он хоть на коне достойно скакать и не умел, да из лука с обеих рук стрелять, чем и отличался каждый в этом племени, зато быстро начистил физиономию не одному из умудренных опытом скифов, пока те пытались научить дорогого гостя уму разуму. Так что уважали его почти сразу.

Поэтому Леха решил, что придется темнить поневоле. Не было у него верного ответа для Фарзой, а потому он прожевал очередной кусок мяса и сказал то же, что когда-то скифскому вождю:

— Я прибыл с севера.

— Из какой страны? — не отставал Фарзой.

Но Леха нутром чуял, что старик так просто от него не отвяжется, и решил больше не темнить, ответить честно. А там пусть этот мудрец, как хочет, так и думает.

Леха вынул из ножен акиак и начертил на разогретой кострем земле карту. Черное море. Крым. Как смог. А потом изобразил море Балтийское, Кольский полуостров и северное побережье. Закончив, ткнул острием короткого меча туда, где должен был находиться Питер.

— Я отсюда. Из России. Русский я, короче, по паспорту.

Фарзой некоторое время смотрел на Лехины чертежи, но особого удивления не проявлял, словно только вчера вернулся из этих мест. Хотя русских, таких, как Леха, там не встречал.

— Откуда ты знаешь эти земли? — все же спросил Фарзой, указав на северные моря и то, что лежало между ними, — ни один скиф там не бывал.

— Плавал, — соврал Леха.

— Ты мореход? — уточнил Фарзой.

— Можно сказать и так, — туманно ответил Леха. — Корабли водить не умею, но плавал много, как боец. Правда, больше в здешних водах и в Средиземку заходил.

— Где корабль, на котором ты прибыл к нашим берегам? — не унимался советник.

— Карфагенские вояки утопили, — честно ответил Леха, бросив взгляд на Иллур, и воскресил в памяти картинку, как дефилировал перед тараном военного корабля, осыпая его команду матерными выражениями до тех пор, пока на его лодчонке не сломалась мачта.

— Он был большой? — продолжал допрос Фарзой, домучив, наконец, свой кубок с вином.

— Средний, — соврал Леха, решивший погрешить против истины для поднятия авторитета, брякнуть, что приплыл на триере, но в последний момент передумал. — Метательную машину на него не поставишь.

Фарзой прекратил свой допрос и надолго замолчал. А Леха с облегчением вздохнул, взявшись за новый кусок мяса, заботливо подложенный слугой на его блюдо. То же самое он сделал для остальных, заново наполнив чаши. Кругом уже стоял кромешный мрак, разгоняемый лишь светом горевшего костра, потрескивавшего сучьями. Изредка ржали вдалеке кони. Леха, слегка захмелев, откинулся на локоть и стал смотреть на звезды в небе, большие, яркие и очень близкие.

Пауза затягивалась, даже весельчак Иллур ел молча, словно чего-то ждал. Наконец, Фарзой поднял глаза и коротко кивнул скифскому вождю, который, казалось, обрадовался решению советника.

— Завтра на рассвете ты возьмешь две сотни всадников и отправишься в крайние пределы Ольвии,¹⁶ — заговорил Иллур, — с тобой отправиться мой проводник, он укажет тебе место. Это на самой границе со Скифией, и греки не успеют перехватить твой отряд.

Федор перестал жевать и обратился в слух. Запахло новым военным походом.

— Там на берегу чинит свои корабли небольшой греческий караван, всего три судна, — продолжал Иллур, — триера и две биремы. Охранников немного. Они не смогли дойти до Ольвии из-за шторма. Но времени мало, скоро они закончат свои работы, а мы должны успеть использовать этот шанс.

Иллур отпил вина и встал, приблизившись к Лехе.

— Наши лазутчики донесли, что среди этих греков есть человек по имени Гиლისподис, умеющий строить боевые корабли. Ты захватишь его, привезешь в Скифию.

— Но как я его узнаю? — удивился Леха. — На нем же не написано, что он Гиლისподис.

— Его знает наш проводник. Главное не покалечь, когда будешь пленить.

— А остальных? — на всякий случай спросил Леха.

— Остальные мне не нужны, — отрезал Иллур, — делай с ними что хочешь. Можешь убить, можешь взять себе в рабы. Но, главное, ты должен налететь, как ветер, и быстро уйти, не дожидаясь, пока подоспеет греческая конница. Если задержишься в дороге из-за желания пригнать побольше рабов, берегись.

— А может, она уже там? — напрягся Леха, не столько из-за рабов, сколько из-за возможности неожиданно схлестнуться с тяжеловооруженной конницей противника. Его это не страшило, биться он привык, но когда готовится диверсионная операция, лучше заранее рассмотреть возможные варианты.

— Еще нет, — ответил Иллур, покосившись на Фарзоя, — шторм закончился только вчера. А нам известно, что Гиლისподис не любит ходить пешком и коней тоже не любит. Бояться ему нечего, он ведь во владениях Ольвии. Даже никого не послал за помощью в город, ему помогают местные моряки. Кроме того, с ним человек сто пехотинцев. А у тебя будет внезапность. Поэтому, Ал-лэк-сей, все должно получиться с первого раза. Второго не будет.

Леха допил вино. Слуга тут же подлил еще.

— Не бойсь, — успокоил его морпех, — сделаем в лучшем виде. Зови своего наводчика.

— Подожди, — осадил его Иллур, — когда захватишь этого грека, то привезешь его не сюда, а в Золотую бухту. Помнишь, где это?

¹⁶ Ближайшая к Скифии крупная греческая колония в дельте Борисфена (Днепра), не считая Херсонеса и многочисленных городов Боспорского царства. Ольвия находилась недалеко от современного украинского города Николаев.

— Помню, — кивнул Леха, бывал там с Иллуром пару раз, — но ведь это же далеко от нашего порта. Да лес там кругом. Зачем его тащить в такую даль? Может, сразу в торговый порт?

— Нет, отвезешь туда, — приказал Иллур, и добавил, помолчав и бросив косой взгляд на советника, — в этой бухте мы будем строить военный флот. Царь Палак дает золота, которого хватит на много военных кораблей. Мы привезем туда работников и лес, а Гиლისподис поострит нам эти корабли. С ними мы возьмем Херсонес. Ты обеспечишь охрану бухты и будешь нем, как рыба. Об это не знает еще никто.

Леха кивнул. Дело назревало серьезное.

— А если этот Гиლისподис откажется работать на нас?

— У меня есть немало способов заставить пленника развязать язык, ты знаешь, — Иллур усмехнулся, — а уж если надо заставить его работать...

Скифский вождь помолчал.

— Греки изнежены и любят жить красиво, а я пообещаю отпустить его в Ольвию, после того как он выполнит работу.

Леха покосился на советника и решил не уточнять, намерен ли Иллур выполнять свое обещание. Они еще некоторое время сидели, допивая вино, но разговор закончился. Главное было сказано.

Утром Леха вооружился до зубов, вскочил в седло, поцеловал Зарану и отправился в набег во главе двухсот всадников, уже ждавших его у края стойбища. Они скакали весь день и к вечеру налетели на стоянку греческих кораблей, словно вихрь. Проводник не оплошал. Вывел, как и обещал, точно в срок. По пути они не встретили больших сил противника, лишь заставу на границе да пару разъездов, которые быстро уничтожили. Настоящие укрепленные районы начинались в глубине земель, как сообщил Лехе все тот же проводник на подходах к Ольвии.

Больших городов на пути отряда тоже не встречалось, а деревни, где жили местные поселенцы, они обходили стороной, стараясь до последнего момента остаться незамеченными. Конечно, это не удалось на все сто процентов — как ни крути, вражеская территория. Пришлось спалить пару сел, которые не удалось обойти по причине выставленных обитателями дозоров, но это не сильно задержало отряд.

А вот с греками, что приплыли на кораблях, пришлось повозиться. Пехотинцев оказалось действительно не меньше сотни, причем тренированных. Но скифы не даром считались отменными лучниками. Половину положили так быстро, что греки не успели схватиться за оружие. Остальные яростно защищались, отступив от прибрежной деревеньки к кораблям, но отбиться им не удалось. Все были уничтожены, хотя и умудрились заколоть больше тридцати скифских воинов.

К счастью, в этой суматохе проводник вовремя заметил греческого судостроителя, уютившегося на берегу, проводя время вынужденного ожидания в ближайшей к морю хижине. Его охрану также быстро перебили, но оказалось, что компанию ему составлял еще один пожилой грек, и Леха приказал связать обоих. Когда с пехотинцами было покончено, севшую на мель триеру и два оставшихся судна скифы подожгли.

— Уходим, — приказал Ларин, глядя, как занялись корабли, и в ясное небо потянулись черные струйки дыма. — Скоро здесь будут враги.

Обратный путь тоже прошел гладко. Притороченные к седлам лошадей греки ничего себе не повредили, лишь немного помяли бока. Когда диверсионный отряд под началом страшно гордого собой Лехи следующим утром тайно привез пленников в означенную бухту, там его уже поджидали Иллур с севовласым Фарзоем. В бухте, как выяснилось, загодя выстроили несколько вполне приличных домов, не считая многочисленных юрт для самих скифов. В один из домов и поместили привезенных греков.

Первые же переговоры доказали, как хорошо Иллур изучил обитателей и выходцев из Эллады. Узнав, в чьих руках находится, Гиლისподис сначала попытался договориться о выкупе, но когда уразумел, что его похитили вовсе не для того, чтобы выгодно перепродать в

Ольвию, загрустил. Даже попытался отказать Иллuru в его просьбе, но это вялое сопротивление завершилось быстрой капитуляцией. Иллур кликнул кузнецов, обретавшихся неподалеку, и хватило всего пары прижиганий раскаленным железным прутом, чтобы Гиалисподис думать забыл о возвращении в Ольвию или Грецию до тех пор, пока не выстроит скифам столько кораблей, сколько им требуется. Для чего и против кого тем нужны военные суда, грек уже не спрашивал, догадаться было не трудно.

Все переговоры с Гиалисподисом вел седовласый советник Иллура, отлично знавший греческий. Лехе, как доверенному лицу, даже разрешили присутствовать при допросе, из которого он, правда, ничего не понял. Но Иллур, имевший обширные связи с заморскими купцами, тоже говорил на языке греков, равно как и карфагенян, и перевел морпеху самое основное — предложение принято. Впрочем, об этом Леха и сам догадался, уловив ужас в глазах стареющего бородатого спеца, одетого в белый хитон, едва в доме появились кузнецы с раскаленным железным прутом.

Но больше всего Леха радовался нечаянной удаче. Второй захваченный им на побережье грек тоже оказался не бесполезной поклажей. Его звали Калпакидис и он служил инженером аж в самом греческом Аргосе. Этот Калпакидис, как выяснилось при допросе, немалое время обучался постройке метательных машин в Сиракузах у самого Архимеда. Так что второй грек оказался тоже не лишним и обещал построить скифам столько первоклассных баллист и других приспособлений для штурма городов, сколько они пожелают. Лишь бы не звали снова своих кузнецов с раскаленными прутьями.

* * *

С того дня жизнь Лехи Ларина круто изменилась. У себя в стойбище, где ждала его любимая Зарана, он появлялся теперь редко. Иллур приказал Лехе обеспечить секретность нового объекта, и Леха, не жалея сил, обеспечивал. Его конные разъезды кружили вокруг гавани днем и ночью, отгоняя всевозможных путников и отряды других скифов в полном соответствии с приказом Иллура.

А в гавани тем временем закипела работа. Неподалеку от прибрежной полосы выстроили целый ряд бараков. Гиалисподис был назначен главным судостроителем. Ему дали все материалы, которые только могли понадобиться при возведении кораблей. Иллур велел ни в чем не отказывать хитроумному греку.

Скифы пригнали сюда сотни рабов, а также всех плотников, которых только смогли отыскать, сняв их с других работ. Строительство трех новых купеческих судов временно приостановили. Поскольку один главный спец не мог успевать приглядывать за всеми работами, в ближайшие помощники Гиалисподису определили с десятков уже обученных корабельному мастерству скифов, из тех, кто построил не по одному торговому кораблю. Попадались среди них и такие, кто самостоятельно пытался строить военные биремы, но все их усилия пока пропадали втуне. Биремы хоть и плавали, но имели массу недостатков и для ведения боя явно не годились, а потому использовались просто, как торговые суда. Так что Гиалисподису предстояло еще и поднатаскать персонал среднего звена, чтобы новая верфь заработала в полную мощность. Чем он в первую очередь и занялся, скрепя сердце.

Чуть повыше, среди росших на скалах сосен, полным ходом развивался второй секретный проект, имевший своим истоком чутье Лехи Ларина. Там тоже поставили несколько бараков, где немедленно начались работы по производству метательных машин под руководством Калпакидиса. И этому греку Иллур велел пригнать рабов с подмастерьями. Калпакидис так рьяно взялся за дело, что Леха едва успевал рассылать гонцов в ближайшие кочевья за мешками конского волоса, из которых изобретательный грек плел упругие жилы для торсионов¹⁷ баллист.

¹⁷ За счет энергии скручивания и раскручивания торсионных барабанов, на которые наматывались упругие нити, осуществлялся выброс снаряда из баллисты. Сами нити изготавливались из конского волоса и жил.

Охрана гавани и всего, что находилось по ее берегам, тоже лежала на Лехе. Под его началом теперь находились две сотни всадников, чем он немало гордился. Хотя и не привык он к подобному занятию — командовать такой толпой народа. Но пока справлялся. Да и помощники подвернулись подходящие — Инисмей и Гнур¹⁸ — два бородатых скифа. Эти опытные воины по приказу Иллур служили (каждый в своей сотне) заместителями Лехи и во многом ему помогали.

Время от времени Ларин приезжал в стойбище к Иллору с докладом о ходе работ, продвигавшихся на удивление быстро. Видно, новое общение с кузнецами не входило в планы образованных греков. Уже были готовы две триеры и более дюжины баллист. Но если Калпакидис сразу испытал свои машины, уничтожив ближайший барак ядрами, то Гилиподису для этого требовались команды обученных гребцов.

Иллур информацию принял, сказав, что обсудит с Фарзоем, где взять гребцов, и приказал продолжать работы дальше.

— Нам как можно быстрее нужен военный флот, — наставлял Иллур своего кровного брата во время последней встречи. — И столько осадных орудий, чтобы стены Херсонеса перестали быть неприступными.

— Будет, — не сомневался Леха, — греки стараются.

— Еще бы, — усмехнулся Иллур, погладив свой акинак. — Потому что знают, если что не так...

А пока суд да дело, Иллур несколько раз отправлял Ларина развеяться на другой конец царства скифов с небольшим отрядом разведчиков. В те приграничные края Леха попадал лишь единожды, с ордой Иллур, наказавшей в свое время провинившийся горный народец. Больше как-то не возникало надобности.

И вообще, с тех пор, как он очутился в древнем Крыму, скифы только раз ходили в большой поход на Херсонес. Все остальные мелкие стычки между самими скифскими племенами Ларин за войну не считал. А теперь бывший морпех с интересом узнал, что на востоке полуострова лежит еще оно царство, где греки играют первую скрипку, — Боспорское. Точнее, слышал он про него и раньше, скифы часто поминали недобрым словом Боспор и племена тавров, живущих на его границе. Но видеть не приходилось.

Преодолев весь Крым вплоть до самой Феодосии — когда-то в прошлой жизни Леха шастал в этих местах, — он действительно обнаружил целую систему заградительных сооружений, словно созданных гномами. Все холмы насколько хватало глаз, от западных окраин Феодосии до Азовского моря, были превращены в сплошной оборонительный рубеж. Во многих местах это титаническое фортификационное сооружение проходило по высоткам и каменистым кряжам. Особенно грандиозным показался Лехе ров с выложенным камнем валом на Керченском перешейке, прикрывавший Боспорское царство с запада. Там и сейчас копошилось немало людей, углубляя и подновляя эти гигантские окопы.

— Это сколько же здесь народу пахало?! — даже присвистнул Леха, когда наблюдал с одной из высоток на своей территории за подготовкой вражеских заграждений. — Не любят, видать, местные скифов. Ну, да ничего. Вот разберемся с Херсонесом и сюда наведемся. А пока другие дела есть.

Глава восьмая

Крепость васконов

Лежа за большим валуном и поеживаясь от холода — даже шерстяной плащ не спасал — Федор разглядывал ближайшую стену небольшой крепости васконов. Она была

¹⁸ Эти имена принадлежат вымышленным персонажам. Они не имеют отношения к реальным историческим лицам, действительно существовавшим в скифской истории под такими именами.

устроена в аккурат на вершине скалы. Слева скала обрывалась в пропасть, справа достаточно крутой подъем хорошо простреливался лучниками, а с тыла нависала еще одна скала, так, что возможности обойти крепость не существовало. Ну, а с фронта просматривалась центральная башня, несколько мощных строений во дворе и еще одна надвратная башня с перекидным мостом, заблаговременно поднятым осажденными защитниками. В обычном состоянии мост позволял преодолеть естественный ров — почти десятиметровое русло небольшой, но бурной реки, шумевшей невдалеке перед разведчиками армии Ганнибала. По ближайшим склонам кое-где лежал снег, здесь, похоже, никогда не таявший.

— Да, — резюмировал Федор, — выглядит неприступно.

И, помолчав, добавил:

— Но как-то придется взять.

Чайка поправил давившие на бедро ножны фалькаты, поднял голову и, прищурившись на слабеющее вечернее солнце, посмотрел в небо. Там, раскинув огромные крылья, величаво парила большая птица. Сделав полукруг над пропастью, она скрылась за вершиной ближайшей горы, увенчанной снежно-ледовой шапкой.

— И почему люди не летают? — пробормотал командир разведчиков и, толкнув в бок лежавшего рядом Урбала, спросил. — Ты как думаешь, где лучше нам в эту крепость пробраться?

Урбал не торопился с ответом.

— Вот и я так же думаю, — покачал головой Федор. — Ладно, идем в лагерь. Все, что надо, я уже увидел. Теперь хорошо бы обдумать детали. Никуда эти васконы от нас не денутся. А утро вечера мудренее, как говорили у меня на родине.

— Это правда, — согласился Урбал. — У тебя на родине, наверное, живет много мудрецов.

— И не считаешь, — подтвердил Федор. — Так много, что работать в свое время никто не хотел. Все только мудрствовали.

Осторожно, чтобы не попасть под огонь зорких васконских лучников, маячивших на стенах и башне, они отползли вниз и там, на тропе, прикрытой со всех сторон высокими валунами, уже ничего не опасаясь, встали во весь рост. Здесь к ним присоединились Летис и два солдата, отправленные Федором на дальние подступы осматривать относительно пологий склон. Все остальное он предпочел разведать сам.

— Ну, что скажешь? — безнадежно спросил Федор, поправляя мешавший быстро передвигаться плащ. Правда, без него тоже было неудобно, здесь, наверху, воздух оставался почти все время холодным.

— Тяжело, — коротко ответил Летис и пояснил. — С того склона до стены еще добежать можно, если незаметно перемахнуть через реку, но есть все шансы получить стрелу в грудь. Хорошо место выбрали, сволочи.

— Это точно, — не стал спорить Федор, вспоминая штурм другого замка, стоявшего в долине и осажденного ими пару недель назад. Там васконские лучники уложили почти половину четвертой спейры, пока та добежала до стены. Замок удалось взять только благодаря осадным орудиям, затащенным карфагенянами вслед за собой на скалистые кручи.

— Идем домой, — махнул рукой Федор, и они направились по тропе вниз в сторону недалекого лагеря, — что-то я проголодался.

Отужинав с друзьями по первому разряду, — не смотря на удаленность от основной базы у далекой переправы через Ибер, фуражиры карфагенян умудрялись исправно выполнять свои обязанности — Федор немного отдохнул и отправился на совет в палатку командира спейры, ожидавшего его с докладом. Чайка, ставший после смерти в бою Цербала правой рукой Магны, не торопился. Соображений для полновесного отчета пока не набиралось.

Разбив васконов внизу и вытеснив их из всех плодородных долин в горные селения, экспедиционный корпус Атарбала уже второй месяц неугомонно продолжал покорять племена этих горцев, не желавших мирно войти в состав подданных республики пунов. К

счастью, так случалось не со всеми. Часть многочисленных племен, населявших предгорья Пиренеев, отнеслась к приходу карфагенян более миролюбиво. Например, послам Атарбала удалось довольно быстро склонить на свою сторону вождей беронов, обитавших за васконами, вверх по Иберу.

Атарбал, уполномоченный братом Ганнибала, подписал с ними союзный договор, по которому все земли беронов переходили отныне к пунам, а их вожди признавали власть Карфагена, с этого момента обещавшего защищать их, как своих подданных. Конечно, не последнюю роль сыграло несколько ящиков с золотыми монетами, присланных Атарбалом предводителям беронов. Это очень ускорило принятие положительного решения на межплеменном совете.

Как уже успел заметить Федор, богатый Карфаген никогда не скупился на деньги и предпочитал решать большинство вопросов мирными переговорами, а в войну вступал, только если не оказывалось другого выхода. От Урбала Федор узнал, что и при покорении остальной части Испании Ганнибал действовал аналогичным образом. Далеко не все племена иберов и кельтов, стоявшие сейчас за Ганнибала, вошли в состав Карфагена после кровавого завоевания. Многие, подобно беронам, подписали союзный договор и вошли в него добровольно.

Так же, путем союзного договора и золота, Атарбал избежал войны с племенами автригонов, обитавших между северным побережьем Испании и верхним течением Ибера. И теперь вел переговоры с кантабрами, чьи горные селения примыкали к истокам этой великой реки. Правда, пока безуспешно. Кантабры походили на васконов и не желали признавать власть завоевателей. Но Ганнибал был настроен решительно. И все военачальники и солдаты в войске Атарбала понимали: если кантабры не польстятся на золото, после васконов наступит их черед. Это лишь вопрос времени.

Попав в эти края, Федор своими глазами увидел, что вся жизнь здесь сгруппирована в основном на берегах великой реки, несущей свои воды через низменные и частью холмистые земли на сотни километров с запада на юго-восток. Во всяком случае, как ему показалось, за прошедшее время корпус Атарбала, часто разделявшийся на несколько ударных отрядов, прошагал вдоль Ибера по горным дорогам не меньше трехсот километров. Федор уже успел стоптать старые сандалии и получить новые.

В общем, к данному моменту ситуация была следующей: наступающие пунийцы уже захватили большинство земель между Ибером и Пиренеями и теперь обходили со всех сторон земли непримиримых васконов, оттесняя их в высокие горы. Но те все равно не сдавались, предпочитая умирать в схватках и затрудняя продвижение армии карфагенян.

Что же до крепости, на подходах к которой финикийцы вчера разбили высокогорный лагерь, то она хоть и казалась небольшой, но представлялась Атарбалу важной стратегической точкой обороны горцев. Сама крепостица была так себе, судя по размерам, ее гарнизон насчитывал от силы человек двести. Даже не крепость, а просто хорошо укрепленный замок, не выстоявший бы и нескольких дней, находишь он в низменной местности. Но в горах все осложнялось.

Армия карфагенян даже на равнине в походном режиме продвигалась не слишком быстро, делая километров пятнадцать в день. А теперь ее скорость еще снизилась, поскольку приходилось все время идти вверх и быть настороже, в ожидании атаки васконов, считавшихся мастерами горных засад. Корпус Атарбала уже не раз подвергался таким нападениям и потерял в них уже почти две спейры.

Кроме того, мимо этой крепости шла ближайшая и единственная дорога в остальные высокогорные долины, населенные племенами васконов и еще свободные от власти карфагенян. Их осталось немного, но на обходной маневр можно было потратить не одну неделю. Да и разведка других хилиархий докладывала, что все пути во внутренние районы васконов защищали похожие крепости. Так что вариантов оставалось немного. Взять либо штурмом, либо измором. Либо применить военную хитрость. Приближаясь к палатке командира спейры, Федор, как глава разведчиков, уже не раз за эту пиренейскую кампанию

принимавших участие в штурмах замков и крепостей, отчетливо понимал, что командование не захочет топтаться здесь долго.

На укрепленный лагерь уже опускались сумерки, когда Чайка приблизился к палатке командира спейры. Войдя внутрь, он поприветствовал облаченного в доспехи Магну, читавшего у свечи какой-то свиток.

— Садись, — Магна, не отрываясь от чтения, кивнул Федору. Тот бросив взгляд на небольшую скамейку, стоявшую рядом со столом, увидел другой развернутый свиток.

Морпех молча сел, осторожно разглядывая свиток со схемой, напоминавшей тактическую карту военных действий в васконских горах, составленную по донесениям разведчиков. Солдаты Федора принесли львиную долю этих сведений, и командование оценило их по достоинству. Его уже несколько недель назад назначили помощником Магны, а недавно наградили тяжелым кошельком с золотыми «слонами».

— Ну, что удалось узнать? — поинтересовался Магна, закончив читать и поворачиваясь к командиру своих разведчиков.

— Замок с виду неприступен, — порадовал его Федор, — обходить бесполезно.

Магна молчал, прекрасно сознавая, что от Чайки можно услышать не только это.

— Но попробовать можно, — не заставил себя ждать Федор. — Прямо в лоб. Васконы уверены, что мы на это никогда не пойдем. Слишком высоко сидят. Но если скрытно навести переправу и небольшими силами подобраться к башне, то шанс есть. Забраться на стену, тут она чуть ниже, и попытаться открыть ворота.

Федор перевел дух, посмотрел на догорающую свечу и добавил:

— Они наверняка решат, что мы пойдем на приступ там, где не очень крутой склон. Но это верный конец, там все отлично простреливается лучниками. Не добежать и до середины.

— А если идти в лоб, то успеешь добежать до стены? — усомнился Магна, тоже видевший замок своими глазами.

— Если днем, то нет, — спокойно заявил Федор. — Надо идти ночью. Сегодня.

Магна не торопился с ответом.

— Завтра утром мы планировали начать штурм, — кивнул он, наконец, в сторону только что прочитанного приказа. — Атарбал торопит. Так что нет смысла лезть в самое пекло уже сегодня. Но...

На этот раз паузу пришлось пережить Федору.

— Но у командующего есть сведения от перебежчиков, — сообщил Магна вполголоса, хотя в палатке кроме них и сложенных в углу доспехов никого не было, — что в этом замке спрятался васконский вождь Гарут. И, говорят, даже с золотым запасом своего племени.

Магна облизал губы.

— Мои солдаты со вчерашнего дня наблюдают за замком со всех ближайших скал, — сказал Федор. — Никто из его обитателей не покидал крепостных стен. Похоже, Гарут все еще там.

Командир спейры даже встал и прошелся по палатке, погладив ножны фалькаты.

— В твоем безрассудном предложении есть смысл. Если удастся захватить Гарута и золото, то Атарбал будет доволен. А когда начнется штурм, вождь васконов наверняка сразу же покинет замок или вывезет золотой запас в свободные долины. Если еще этого не сделал.

— Попытаться можно, — подыграл начальству Федор. — Думаю, он еще там. Поэтому предлагаю не терять времени и отобрать человек двадцать из моих разведчиков. Как стемнеет, мы переберемся через реку и проникнем в замок. Попробуем открыть ворота или отыскать Гарута. Там будет видно.

— Но я уже получил от Акрагара прямой приказ насчет утреннего штурма, — поделился сомнениями Магна. — А он не любит менять свои планы.

— А зачем его беспокоить? — прикинулся протестом Федор. — Мы по-тихому сходим. Если все выйдет, как надо, и Баал-Хаммон нам поможет, то к рассвету мы либо откроем ворота, либо приведем сюда этого Гарута. Победителей не судят.

Федор снова посмотрел на почти потухшую свечу, дрожавшую от сквозняка.

— А если нет, — закончил он, — то нас просто перебьют. Так что штурм начнется по плану.

Магна некоторое время молчал, но все же решился. Слишком уж соблазнительной была идея прогнуться перед начальством и получить награду.

— Ладно, бери своих солдат и выступай, как стемнеет, — разрешил он. — Сегодня, как раз, мы в карауле на западных воротах. Пароль «Молния». Я буду держать наготове половину спейры перед самой рекой. Если сможешь открыть ворота замка, подай сигнал горящей стрелой. Если нет, постарайся вернуться.

Заручившись согласием непосредственного начальства, Федор вернулся к себе. Проходя через освещенный во многих местах лагерь, Федор заметил, что в расположении осадного обоза кипит жизнь. Там собирали три тяжелые баллисты, с помощью которых предполагалось завтра на рассвете начать штурм, подтащив их почти к самой реке, благо туда, кроме тропы, вела горная дорога. Дальше она проходила по навесному мосту и, огибая замок, вела в высокогорные долины васконов. В их последний оплот.

«Хорошо, что слонов с собой не взяли», — подумал Федор, разглядывая громоздкие осадные машины. Он понимал, что подбил начальника спейры на серьезную авантюру. И если его план провалится, то Магне не сдобровать. С другой стороны, в случае успеха их обоих ждала нешуточная награда, в этом можно было не сомневаться. Да и настроение у Федора сегодня выдалось куражное. В самый раз для таких авантур.

Добравшись до своих и подозвав Урбала и Летиса, он быстро объяснил им суть задачи. Его друзья в один голос согласились с тем, что атаковать надо сегодня. Утром васконский вождь легко может уйти, едва начнется штурм. Федор открылся, что предстоит действовать без одобрения высокого начальства. Но обоих финикийцев это ничуть не смутило.

— Да все сделаем, как надо, — уверенно сказал Летис. — Я присмотрел одну ложбинку, по ней можно пройти до самой воды.

— А там перекинем лестницу, — вставил слово Урбал, — и, считай, уже под стенами.

— Крюки не забудьте, — напомнил довольный Федор. Ему было приятно, что новые друзья понимали его с полуслова и всегда поддерживали.

Вообще почти за три прошедших месяца с начала римской кампании он еще больше сдружился с этими абсолютно разными по характерам карфагенянами. За время непрерывных боев и походов, они не раз прикрывали ему спину и спасали от верной гибели. Да и Федор платил им той же монетой. От службы у римлян у него остались совсем другие ощущения.

Через час все тридцать человек — Федор решил усилить отряд, взяв всех разведчиков, ведь в случае неудачи предстояло иметь дело с немалым васконским гарнизоном — не поднимая шума, вышли из лагеря через западные ворота и направились в сторону замка. Магна обеспечил секретность операции, и многотысячный лагерь продолжал жить по своему обычному распорядку, не подозревая о том, что штурм уже начался.

Оглядев перед выходом своих бойцов, Федор остался доволен. Каждый, помимо стандартного оружия, имел в своем арсенале и кое-какие простейшие вещи из снаряжения еще не народившихся альпинистов будущего. За время боев в горах Чайка добился разрешения начальства на то, чтобы изготовить специальное снаряжение и даже обувь. По его заказу в походных мастерских африканского корпуса были сшиты специальные закрытые ботинки, подошву которых оснащали шипы из железа. В этих ботинках бойцы Федора преодолевали попадавшиеся на пути ледники и снежники.

Выковать каждому полноценные «кошки» Федору не позволили, слишком дорог оказался металл. Зато разрешили изготовить «ледорубы» — крепкие палки, снабженные острым, окованным железом, концом. Ну и, само собой, многочисленные крюки. Привязанные к длинным веревкам, они становились отличным средством преодоления почти отвесных стен.

Узкую и длинную двенадцатиметровую лестницу Федор просто взял из осадного обоза. Их там находилось великое множество. Существовали, конечно, лестницы и подлиннее, но

скрытное передвижение с ними становилось проблемой. Даже в эту конструкцию Федор внес усовершенствование. Кузнецы в лагере изготовили по его заказу специальные шарниры, и после их монтажа лестница стала раскладываться на три части.

Когда Акрагар увидел однажды новую амуницию своих разведчиков, с помощью которой они лихо освоили уже не на одну скалу, то немедленно приказал наградить Федора. И добавил, что его изобретения надо внедрить по всей армии. Воинам Ганнибала они могут сослужить хорошую службу. Федор не возражал.

Примерно час, закинув за спину щиты и веревки, они шли в кромешной темноте. Но темнота не являлась им помехой, скорее наоборот. За те два дня, что африканцы стояли под стенами замка васконов, разведчики уже успели изучить все пути и тропки, что вели к нему. По сути, это была одна неширокая дорога, кончавшаяся сейчас у моста. Но бойцы Федора предпочитали передвигаться едва заметными тропами чуть в стороне от нее, благо рельеф позволял подойти незаметно почти к самой реке.

Сегодня первым шел Летис, приметивший ложбинку среди камней еще днем. Он преспокойно разыскал ее и ночью, и скоро они услышали шум реки, катившей свои бурные воды к водопаду.

— На месте, — подтвердил Летис, сбегав к реке и вернувшись обратно. — Здесь можем зацепиться за другой берег, там есть несколько уступов.

Федор только диву давался, как быстро из сына владельца гончарной мастерской получился хороший лазутчик. Летис словно нашел себя и занимался этим делом с большим удовольствием.

— Вперед, — приказал Чайка двум бойцам, тащившим лестницу. — Навести переправу. Только тихо.

С ними ушли еще трое. Разложив на этом берегу довольно тяжелую лестницу, все вместе они умудрились, не поднимая шума, перекинуть ее на другой, более высокий. К самой дальней перекладине была привязана веревка — Федор не мог позволить себе потерять единственное средство переправы — а на концах имелись металлические зацепы. Глухо звякнув, лестница прочно легла на камни. Но близкая река, к счастью, гасила все шумы.

— Пускай первого, — тихо сказал Федор стоявшему рядом Урбалу, — только не забудь привязать к нему веревку, чтобы не утонул.

Когда первый солдат, цепляясь за узкие перекладыны, прополз над бушующей пучиной и благополучно оказался на другом берегу, неожиданно вышла полная луна, осветив близкие стены замка и его чуть выдающуюся вперед башню с поднятым мостом. На башне Федор заметил несколько человек, их шлемы и копья тускло блеснули в лунном свете. Федор сделал знак замереть, и переправа прекратилась. Так они стояли минут двадцать, замерзая на холоде, пока на луну не напоззло огромное облако, снова погрузив все в кромешную тьму.

— Давай остальных, — прошептал командир разведчиков. — Всех, быстро.

Пока светила луна, он еще раз убедился, что там, где была установлена лестница, имелся небольшой плацдарм — относительно пологая площадка, метров пяти в ширину, где могло разместиться несколько воинов. От нее до башни и стены оставалось не более двадцати метров, которые бойцы могли преодолеть без всякого снаряжения. Днем их успели бы заметить и легко «снять» лучники, но сейчас у лазутчиков Федора имелся немалый шанс.

Первые пять человек, перебравшись через реку, осторожно проползли вверх и затаились под самыми стенами крепости. В руках они держали веревки с крюками. Скоро к ним присоединились еще десять разведчиков. Потом на другом берегу оказались трое друзей. Федор приказал оставить у лестницы шесть человек, по трое на обоих берегах. Все остальные должны были следовать за ним.

— Идем в башню? — предложил Летис хриплым шепотом, прижимаясь к холодной скале.

— Нет, — замотал головой Федор, — давай на стену. Там меньше народа. А когда залезем, уже оттуда попробуем прорваться к воротам.

Летис кивнул и пополз вверх по камням в сторону стены. Вскоре Федор услышал лязг железа о камень, услышали его и охранники. Но пока они соображали, что происходит, забросив крюки на почти пятиметровую стену, тренированные бойцы карфагенян с ловкостью обезьян уже вскарабкались на нее и, выхватив оружие, приготовились к бою. Федор только порадовался за своих солдат, из которых всего за два месяца он смог сколотить неплохой отряд диверсантов.

Первыми на стене оказались воины, вооруженные мечами, следом за ними вскарабкались три лучника. И в этот момент васконы сообразили, что на них совершено нападение. В небо взметнулась горящая стрела, осветив сразу нескольких карфагенян, еще не успевших вскарабкаться на стену. Среди них Федор заметил Летиса. Тотчас раздались крики васконов, и в поднимавшихся по веревкам карфагенян полетели стрелы. Один из бойцов получил стрелу в спину, чуть выше висевшего на ней щита, вскрикнул и, разжав руки, упал вниз, на острые камни.

«Так, — пронеслось в мозгу у Федора, тенью скользящего по камням вверх, — потихому не получилось. Попробуем по-быстрому». Пока он добежал до стены и взобрался на нее по свисавшей веревке с узлами, там уже разгорелся бой. Лучники карфагенян, заняв оборону, посылали стрелу за стрелой в скопившихся на башне солдат противника, а Летис, возглавил наступление.

Размахивая мечом в кромешной тьме, лишь изредка освещаемой горящими стрелами васконов, он с пятью солдатами попытался прорваться по стене к башне и воротам. Но застрял уже на подходе. Оказалось, что там угнездилось не меньше дюжины васконов, не уступавших в ярости нападавшим. Усилий Летиса хватило лишь на то, чтобы зарубить троих горцев и одного столкнуть со стены вниз. Скоро к схватке подключился Урбал еще с тремя солдатами. А Федор, взяв с собой шестерых, устремился по стене к дальнему спуску, надеясь прорваться к воротам снизу. Но, преодолев первые двадцать метров, заметил, что по двору туда уже бежит целый отряд васконов, человек сорок, вооруженных копьями и топорами. Крайние бежали с факелами в руках, поэтому морпех смог их хорошо рассмотреть.

— Черт побери! — выругался Федор, сделав знак солдатам остановиться. — Не спится им. — И добавил уже про себя: «По-быстрому тоже не получилось».

Карфагенские лучники, а их на стене насчитывалось уже пятеро, перенесли огонь с башни на наступающий отряд. К ним присоединились и пращники. Вместе они поразили многих, но это не смогло совсем остановить васконов. Зато пращникам удалось повалить всех, кто нес факелы, и во дворе, перед воротами, снова наступил полумрак. Хотя упавшие факелы и не потухли, освещая суматоху васконов снизу. Спустя мгновение из казарм с воплями показался еще один отряд, на этот раз человек в двадцать. Трое с мечами несли факелы, все остальные были лучниками. Прибывшее подкрепление бросилось вверх по двум каменным лестницам, что охватывали башню с мостом. Урбал с Летисом рисковали оказаться в полном окружении.

Федор бросил взгляд по сторонам, отметив, что стена, на которой он стоял, упиралась в главную башню. Небольшая, но окованная массивными железными пластинами дверь оказалась открыта, из нее в сторону карфагенян выбегало пятеро васконов с мечами и щитами. И у Федора возник план — пробиться в башню и закрыться там. Ничего более умного, он придумать не успел.

— Летис! — заорал он, взмахнув мечом. — К черту ворота, давай сюда!

Услышав сквозь звон мечей и вопли крик своего командира, Летис и Урбал, завалив на прощанье еще парочку васконских солдат, устремились по стене к Федору, увлекая за собой остальных. Лучники отсекали ближайшее преследование, дав им фору в несколько метров. Но и васконские лучники не упустили момент. Из десятка оставшихся в живых солдат до Федора добежало только шестеро, не считая его друзей. А устремившиеся со стороны ворот вслед за отступавшими пунийцами васконы, быстро заняли всю стену, отрезав пути к отступлению.

— В башню! — приказал Федор и первым бросился на горцев, преграждавших дорогу.

Тех васконов, что осмелились так неосторожно встать на пути, карфагеняне зарубили в одно мгновение. И Федора, и Урбала, и особенно Летиса одолевала ярость оттого, что сорвался такой отличный план. Поэтому они вращали мечами с утроенной силой. Не понадобились даже лучники.

Карфагеняне ворвались в башню и захлопнули дверь, ведущую на стену, закрыв ее за собой на массивный засов. Почти сразу преследователи забарабанили в нее рукоятками мечей. До слуха разведчиков донеслась громкая брань васконов. Затем карфагеняне спустились на этаж ниже и закрыли на засов небольшую дверь, что вела в подземелья. Сразу за ней начинался извилистый коридор, из глубины которого слышался топот бегущих людей. Но здесь, в башне, почему-то не оказалось ни одного васкона, зато снаружи они роились десятками.

— Быстро наверх, — приказал Федор, когда они обезопасили себя от внезапной атаки снизу.

Все девять оказавшихся здесь человек вслед за ним взбежали на этаж выше по винтовой каменной лестнице, тускло освещенной чадающими факелами, и ворвались в круглый зал. Узкая лестница вела еще дальше, в верхние помещения башни. Когда морпех толкнул ногой массивную дверь, оказавшуюся незапертой, то увидел лишь одного удивленного васкона в богато отделанной кирасе. Все остальные его соплеменники носили стеганные куртки из войлока и кожи. Низкорослый, длинноволосый и бородатый, с лицом обезьяны, он стоял рядом с тремя сундуками, один из которых был открыт. И Федор мог бы поклясться на алтаре всех богов Карфагена, что содержимое сундука нельзя спутать ни с чем.

Глава девятая

Золото васконов

Федору хватило одного взгляда на высокопоставленного васкона, чтобы догадаться — перед ним тот самый вождь Гарут и его золотой запас. Увидев ворвавшихся в покои воинов неприятеля, вождь васконов захлопнул сундук, отступил вглубь круглого зала и выхватил меч. В тот же момент сверху послышались топот и шум — по лестнице вниз спускались несколько человек.

— Летис, — коротко бросил Федор, — разберись с ними. А с этим я сам договорюсь.

Летис кивнул и, прихватив троих, бросился обратно на лестницу, где тотчас зазвенели мечи. Урбал с остальными бойцами, среди которых были двое лучников и один мастер пращи с Балеарских островов, блокировал вход, готовый прийти на помощь и Летису и, если понадобится, Федору.

Вождь, пронаблюдав за действиями карфагенян, что-то прошипел, взмахнув мечом, а затем отпрыгнул к одному из узких окон-бойниц, закрытому деревянными ставнями. Распахнул их и стал громко орать, чтобы его слышали снаружи, поскольку выпрыгнуть не мог. Васконы слышали, и удары снизу загрохотали чаще.

— Кричи, кричи, — разрешил Федор, оглядевшись по сторонам и осторожно приближаясь, — пусть они знают, что ты у нас в руках.

Они находились в глубине широкого круглого зала, где кроме сундуков с золотом на деревянном полу, располагалась огромная, грубо сколоченная из мощных досок кровать вождя, похожая на широкий плот. Поодаль стоял такой же массивный стол, на котором виднелись остатки ужина и три широких оплывших свечи. Из мебели имелся низкий шкаф в дальнем углу и четыре крепких стула. А также небольшая тумба и стоявший на ней почти прямоугольный кожаный предмет. По виду — не то небольшой саквояж, не то кожаный баул странной для этого времени формы.

Половину досок перекрытия скрывал ковер грубой работы. Напротив окон-бойниц горел камин, распространяя тепло. Кроме свечей на столе, чадили несколько факелов, закрепленных в специальных отверстиях на стене. Там же, на стенах, художественно

размещались шкуры и головы убитых животных, а также другие охотничьи трофеи вождя. Бежать ему было некуда. Дверь заблокирована. Пролезть в узкое окно не представлялось возможным. И он это понимал. Но страха загнанного в угол зверя в его глазах Федор не заметил. То ли вождь на своих надеялся, то ли смерти не боялся.

— А вот меч лучше опустить, — обронил Федор, видя, что вождь размахивает им из стороны в сторону, стараясь не подпустить его ближе, — лучше сам положи, а то хуже будет.

Но вождь Федора не понял и бросился в атаку, рубанув мечом сверху вниз. Федор принял удар щитом, но ответного не нанес. Даже отступил на шаг. Знатный васкон издал победный клич и снова рассек воздух над головой командира разведчиков — морпех еле увернулся. Вождь напал еще, а затем еще раз, отогнав Федора к стене, где горел один из факелов.

— Ишь, прыгучий какой, — пробормотал Федор, прикрываясь щитом и выжидая нужный момент. Он уже давно мог бы уложить наповал этого обезьяноподобного воина, вооруженного только мечом, но хотел взять его живьем, чтобы предъявить вместе с захваченным золотом Магне или Акрагару в том случае, если им удастся выбраться из этой западни живьем. По поводу того, что операция закончится совсем не так, как он сланировал, сомнений у Федора уже не было. Не сvezло.

Гарут, а в этом Федор тоже не сомневался, опять издал боевой клич и ринулся на морпеха. Удар — из камня над головой посыпались искры. Еще удар и щит завибрировал, едва не расколовшись. «Ну, все, — решил Федор, — хватит прыгать да уклоняться».

Шагнув вперед, морпех отвел очередной удар щитом и резко пнул по выставленному вперед колену противника. Вождь взвыл от боли, но меча не выпустил, лишь чуть отвел в сторону. Этого хватило. Улучив момент, Федор с размаху двинул вождя рукоятью фалькаты в челюсть. На этот раз Гарут покачнулся, отлетел на несколько метров назад, споткнулся об ножку стула и растянулся на полу, выронив меч. Федор одним прыжком оказался рядом и, на всякий случай, вмазал тому в незащищенный пах, вероятно, слегка повредив мужское достоинство вождя. Гарут согнулся, застонал и больше уже не помышлял о сражении.

— Свяжите его, — приказал Федор возникшему рядом бойцу с мечом и бросился на лестницу.

Там бой тоже подходил к концу. Из нападавших васконов трое были убиты лучниками наповал. Их трупы лежали на самом верху лестницы со стрелами в груди. Еще двое оказались зарублены мечами в схватке. Оставшиеся прыгали по каменным ступеням между поверженными товарищами, отбиваясь от наседавших карфагенян. Но вскоре их искромсали прямо на глазах у Федора.

Среди карфагенян тоже не обошлось без потерь. Васконы закололи одного мечника и ранили самого Летиса стрелой в бедро. У васконов, как выяснилось, в этой схватке также участвовал лучник. К счастью, дуэль между стрелками быстро закончилась в пользу пунийцев. Но друг Чайки пострадал, и это сильно осложняло ситуацию.

— Как ты? — спросил Федор, приблизившись к истекавшему кровью Летису, сидевшему, привалившись к каменной стене башни.

— Отлично, — пошутил Летис, но по его лицу легко читалось, что боль была нестерпимой. — Ерунда, слегка зацепили.

Он вдруг резким движением попытался выдернуть стрелу, но только обломал древко и застонал.

— Не трогай! — прикрикнул на него Федор и, повернувшись к стоявшим рядом бойцам, приказал. — Тащите его в зал. Сейчас я посмотрю.

И пока стиснувшего зубы Летиса перетаскивали в зал васконского вождя, лежавшего в углу связанным и поскуливавшего, Федор, прихватив Урбала и двух лучников, отправился к вершине башни, осмотреться.

Когда разгоряченный морпех, переступив через трупы васконов, шагнул на верхнюю площадку башни, его, заставив вздрогнуть, толкнул в грудь холодный порыв ветра.

Осторожно, чтобы его не заметили лучники врага, приблизившись к зубчатому парапету, Чайка окинул взглядом поле боя. Лучников врага до рассвета опасаться не стоило — финикийцы оказались в самой высокой точке обороны васконов, луна не проглядывала, а на фоне черного неба солдаты Карфагена были незаметны. Но береженого, как известно, бог бережет.

Спрятавшись за массивным зубцом башни, Федор посмотрел вниз. Там раздавались крики горцев. По двору и стенам носились люди с факелами. Несколько человек стояли внизу, под окном плененного вождя, оживлено жестикулируя. Особенно много их толклось на стене, рядом со внешним входом в башню, куда сейчас васконы подтаскивали длинную балку, решив использовать ее как таран. К счастью, дверь отличалась массивностью и надежностью — это Федор успел заметить — и какое-то время могла выдержать даже без дополнительных подпорок. С другой стороны башня примыкала к добротному каменному строению, похожему на казармы для солдат.

Там, где карфагеняне проникли в крепость, тоже толпились васконы. Это были в основном лучники, обстреливавшие зажигательными стрелами обнаруженную переправу. Федор даже услышал скрип опускаемого моста, и скоро в направлении перекинутой над бурным потоком лестницы двинулся отряд васконов.

— Хана нашим ребятам, — резюмировал Федор, — если не успеют убраться на тот берег.

Стоявший рядом Урбал промолчал. Ему тоже было все понятно.

— Ладно, — продолжал рассуждать вслух командир разведчиков, разглядывая крыши амбаров, казарм и других крепостных строений, — вождь и золото у нас. Надо думать, как дожить до утра.

Некоторое время он молчал.

— Слушай, Урбал, — наконец прервал тишину Федор, протянув руку вперед после того, как закончил осматривать амбары, — как думаешь, вон тот сарайчик соломой покрыт или чем потверже? Кажись, соломой. Смогут его твои лучники запалить?

Урбал присмотрелся, осторожно высунувшись между зубцами.

— Попробовать можно, — после небольшой паузы ответил финикиец.

— Вот и отлично, — решил Федор, — я пошел вниз, займусь там обороной нижнего яруса и Летисом, а ты распорядись тут.

Он замолчал на мгновение, приглядываясь к стоявшим чуть поодаль бочкам и каким-то бухтам веревок. Верхняя площадка башни была большой и широкой.

— Да осмотришь, — добавил морпех, — может, что дельное здесь найдешь. Пригодится. Тех, кто нам дверь ломает, тоже усмирить надо. Хорошо бы их отсюда чем-нибудь припечатать. А не то, в самом деле, разломают.

Приняв решение, Федор направился вниз, услышав, как Урбал, кликнув одного из тех лучников, что находились рядом, поставил задачу:

— Обмотай стрелы тряпками, возьми факел и постарайся поджечь амбар.

Лучник кивнул и отправился следом за Федором — взять факел и разыскать нужное тряпье. А командир разведчиков, спустившись в башню, приказал солдатам собрать все, что они найдут в башне из бревен, бочек, досок и других тяжестей, чтобы забаррикадировать двери, ведущие вниз и в подвал. Оттуда тоже стучали васконы, пытаясь пробиться. Федор разрешил даже отнести туда огромную кровать и массивный шкаф местного вождя — Летис все равно лежал на полу. На сдернутой со стены шкуре волка. Так он меньше страдал.

Опустившись на колени рядом с Летисом, Федор осмотрел торчавший из бедра обломок стрелы. Рана показалась знакомой, Федор, обладавший с прошлой жизни начальными знаниями фельдшера, однажды оперировал раненого римского legionera со стрелой в бедре. И сделал это простым кинжалом. Опыт у него вчистую отсутствовал, руки тряслись, но он рискнул. Не было выхода. В первые дни тот римлянин не умер, это точно, но

до конца судьбу раненного новоявленный medicus¹⁹ проследить не смог. Здесь же стрела засела еще глубже, из раны обильно текла кровь, и если оставить все как есть, то Летис мог скоро просто умереть.

«Допустим, кинжал у меня есть, — размышлял про себя Федор, — разрежу. А вот зашивать чем?»

Он встал и в задумчивости прошелся по уже полупустому залу, осматриваясь в поисках подходящих инструментов. Его взгляд вновь упал на одиноко стоявшую тумбу с лежавшим на ней странным кожаным баулом почти прямоугольной формы. «Непривычная форма для мешка», — решил Федор.

Приблизившись, он осмотрел находку. Прошитые грубой ниткой квадратные бока из толстой кожи, стягивающий все это ремешок с золоченой пряжкой. Уже подозревая, что он на верном пути, морпех расстегнул ремешок и даже присвистнул от удивления. Внутри находились инструменты: целый набор костяных и металлических игл грубой работы, три ножа разной длины и ширины, какие-то кусачки с деревянными ручками и даже небольшой молоток. Предназначение большинства изделий было понятно, лишь некоторые вызвали изумление у практикующего морпеха.

— Уж не хирургией ли ты тут балуешься по-тихому? — спросил он, покосившись на вождя васконов. Но, присмотревшись к инструментам, поменял мнение. — Нет, похоже, наоборот. Над пленниками самолично измываешься. Вгоняешь им иглы под ногти, пальцы рвешь?

Вождь с ненавистью глянул на Федора, словно тот мимоходом обнаружил его тайную страсть.

— Ну, ничего, мы сейчас пустим твое хозяйство на доброе дело.

Выбрав подходящий нож с иглой и суровую нитку, скорее похожую на жилу, имевшуюся там же, он приступил к операции, не обращая внимания на усилившийся грохот ударов снизу. Времени на колебания не оставалось. Если повезет, они продержатся здесь до начала штурма или до прихода своих. Бежать Летис все равно не мог, а так у него будет хоть какая-то надежда.

Однако, прежде чем пустить в ход нож, Федору пришла в голову еще одна мысль. Лавируя между солдатами, тащившими тяжеленный шкаф из зала вниз, морпех снова вернулся на лестницу и разыскал там колчан со стрелами мертвого васкона. Осмотрел при свете факела наконечник. Тот оказался не очень широким, зато с зазубренными краями.

— Постарались, сволочи! — выругался Федор. — Хорошо еще, если не отравлен.

Вернувшись на место, он подошел к столу, за которым незадолго до появления карфагенян, пировал местный вождь, смотревший сейчас из угла ненавидящим взглядом.

— Лежи спокойно, — предупредил пленника Федор, разыскав на столе два глиняных кувшина. Один с вином, а другой с каким-то местным пойлом, от которого тоже несло алкоголем, — а то пну еще раз. Или вообще отрежу хозяйство кусачками. Мало не покажется.

И хотя он сказал это по-финикийски, вождь его понял, отвернулся в сторону.

— Летис, на вот, выпей, — протянул Федор кувшин товарищу и вынул кинжал из ножен, — сейчас я постараюсь вынуть стрелу. Это будет очень больно, но придется потерпеть.

— Давай, — махнул рукой Летис, залпом опустошая кувшин и отбрасывая его в сторону, словно речь шла о том, чтобы вырвать больной зуб.

Эта уверенность друга помогла Федору окончательно взять себя в руки. Он огляделся по сторонам в поисках чистого тряпья для перевязки. Большинство мебели уже унесли вниз, на баррикады. Но до этого морпех успел бегло осмотреть кровать, выстеленную, к его великому сожалению, одними шкурами. В двух шагах на замусоренном полу валялась

¹⁹ Врач (лат.).

рубаха вассонского вождя, выпавшая из шкафа, когда солдаты тащили его вниз. Федор поднял рубашу — не бог весть что, но, кажется, недавно стиранная.

С треском порвав рубашу на несколько частей, Федор попросил друга стиснуть зубами обломок стрелы. Затем раскалил нож над огнем камина и на глазах удивленных солдат вонзил его в бедро Летису, распарывая кожу. Раздались стон и треск — это Летис перекусил и выплюнул изо рта стрелу, взыв от боли.

— Терпи, казак, — пробормотал Федор по-русски, сдерживая волнение, — атаманом будешь.

И «казак» терпел, сжимая кулаки.

За несколько минут Федор под косыми взглядами изумленных соратников, продолжавших таскать вниз оставшуюся громоздкую мебель, вскрыл бедро раненому и выдернул глубоко засевшую вассонскую стрелу. Вблизи от раны образовалась целая лужа крови, но Летис скрипел зубами молча, только стонал при каждом повороте лезвия. Отбросив окровавленную стрелу, Федор схватил со стола кувшин с вассонским пойлом и промыл им рану. Она оказалась довольно большой. Наскоро зашив ее по-живому, прежде чем заняться перевязкой, Федор в сомнении посмотрел на факел. Перехватив его взгляд, Летис слабо кивнул. Тогда Федор выхватил факел из подставки и поднес к ране. От жара кровь запеклась прямо на глазах, перестав течь, а Летис издал громкий вопль, лишившись последних сил.

Наблюдавший все это вождь вассонов раскрыл глаза от изумления. Федор вернул факел на место и закончил перевязку, после чего солдаты оттащили бесчувственного Летиса в сторону, положив его на другую шкуру.

— Ну, вот и все, — Федор вытер вспотевший лоб, — можно снова заняться войной.

Все время, пока он занимался раненым другом, ему досаждали вопли и глухие удары, раздававшиеся снаружи. Первым делом он сходил вниз — обе двери хоть и трещали, но были еще на месте. Перекрывая их и занимая почти весь объем нижнего уровня, там же возвышалась мощная баррикада из мебели вассонского вождя, а также груды стульев, бочек и обгоревших балок, раздобытых карфагенянами неведь где. Пробраться здесь даже по одиночке теперь представлялось совершенно невозможным, а тем более вломиться сюда организованным строем. Это сооружение вселило в него спокойствие — пару часов оно должно выдержать. И Федор взобрался на верхнюю площадку.

Увиденное оттуда еще больше обрадовало командира разведчиков. Сарай внизу горел. Вокруг него прыгали разъяренные вассоны, тщетно пытаясь сбить пламя, поскольку стены были каменными, а до перекрытий и горевшей крыши из дерева и соломы руки не дотягивались. Сейчас вся эта конструкция полыхала, отлично освещая двор. И солдатам противника оставалось только ждать, пока она прогорит и рухнет вниз.

На противоположном краю башенной площадки двое лазутчиков подкатали какую-то бочку к парапету и готовились вылить ее содержимое на головы вассонам, пытавшимся пробить брешь снизу. Один из них уже держал в руках горящий факел.

— Что это? — поинтересовался возникший за их спинами Федор.

— Бочки со смолой, — пояснил Урбал, усмехнувшись и пригибаясь на всякий случай, — вассонские лучники постоянно обстреливали башню.

— Они здесь неплохо подготовились к осаде, — добавил он, — есть даже камни, чтобы кидать вниз.

— А баллисты тут случайно нет? — буркнул Федор, тоже прячась за зубцами.

— Нет, — ответил Урбал, — но мы и так неплохо справляемся. Нам бы до рассвета продержаться, немного осталось, а там и наши на штурм пойдут.

Урбал махнул рукой, и его напарник поджег смолу. А затем они вдвоем подхватили бочку снизу и опрокинули ее, выплескивая содержимое на головы осаждавших. Вязкая горящая жидкость полилась на вассонских солдат, и весь замок содрогнулся от душераздирающих воплей. Удары в дверь мгновенно прекратились.

— Молодцы! — похвалил Федор своих бойцов. — Теперь они отстанут от нас

ненадолго. А нам только этого и надо.

В этот момент раздался свист, и один из бойцов схватился за грудь, из которой торчало оперение стрелы. Он пошатнулся, шагнул назад и полетел вниз, на камни двора.

— А ну, ребята, — приказал Урбал лучникам, — сбейте с них спесь!

Лучники, а их оставалось всего двое, несколько раз пустили стрелы в скопившихся внизу васконов, убив пятерых. Единственный пращник тоже умудрялся то и дело поражать с башни солдат противника найденными на верхней площадке камнями и прочими мелкими предметами, годившимися для этой цели.

Васконы, удивленные столь внезапным и сильным сопротивлением горстки проникших в крепость карфагенян, сначала разбежались по укрытиям. Но потом, придя в себя, в ярости снова бросились на штурм.

— Смотри, — указал Урбал на группу приближавшихся васконов, тащивших в руках что-то длинное и громоздкое, — они, кажется, лестницу несут. Даже две. Сейчас пойдут на приступ.

— Хотят освободить своего вождя и вернуть золото, — кивнул Федор, выглянув между зубцов со стороны стены. — Ну, пусть идут, у нас позиция выгодная. Жаль только народа маловато.

Внизу он рассмотрел несколько обгоревших трупов в луже пылавшей до сих пор смолы. К счастью, огонь горел в отдалении от двери. Остальные уцелевшие васконы находились метрах в десяти, поглядывая наверх и потрясая в бессильной ярости мечами. Среди них оказался лучник, который заметил выглянувшего Федора и тотчас выстрелил. Морпех едва успел отпрянуть — стрела прошла мимо, отскочив от каменного зубца.

Тем временем васконы подтащили обе лестницы. Но их длины явно не хватало, чтобы достать до верхней площадки, и они пошли на хитрость. Сначала горцы забрались на крышу соседней казармы и лишь затем, приставив обе лестницы к башне, полезли вверх.

— Эй, лучники, бей всех подряд! — закричал Федор, увидев, что васконы ползут из темноты к башне. — Никто не должен приблизиться.

Оба лучника и пращник перешли на другую сторону башни и сосредоточили огонь на нападавших. А их на крыше соседней казармы собралось немало, человек двадцать. И там, само собой, тоже были лучники, не дававшие осажденным встать во весь рост и скинуть лестницу вниз. Но карфагеняне били из укрытия наверняка, и васконы, один за другим, с воплями срывались вниз.

Наконец, одному из них удалось вскарабкаться по лестнице до самого верха и прыгнуть в башню, но тут на его пути встал Урбал. Они схватились с васконом на мечах и запрыгали по всей площадке, похожие на чертей в отсветах горевшей недалеко крыши. Урбал оказался удачливей и скоро заколол своего противника, столкнув его тело с башни. Второго, также успевшего прыгнуть на площадку с лестницы, Федор убил, метнув кинжал. Васкон охнул и уткнулся лицом в камни.

Федор поспешил вытащить из мертвеца свой клинок — тот мог еще не раз пригодиться. Осторожно выглянув наружу меж зубцов, морпех заметил, что по одной лестнице вверх карабкались сразу трое, по другой — еще четверо. Тогда он хлопнул по плечу пращника и приказал:

— Беги вниз, зови остальных. Они скоро будут нужны здесь.

А сам повернулся к Урбалу и крикнул:

— Видишь вон то бревно, что лежит в дальнем углу, рядом с камнями?

Подскочивший Урбал кивнул.

— Хватай его с другого конца, — распорядился Федор, — поднимем и сбросим на лестницу. Одной дорогой в башню будет меньше.

Так они и сделали. Подхватив просмоленную балку, они осторожно приблизились к самому краю башни. Балка была тяжелой, видно, служила подобием стрелы подъемного крана, чтобы втаскивать наверх тяжести, перекинув через нее веревку.

— Давай, — крикнул Федор, и оба бойца поднатужившись, как заправские штангисты,

вскинули балку над головой на вытянутых руках.

В этот момент в нее впились сразу три стрелы. Но, не обращая внимания на стрельбу горцев, карфагеняне толкнули груз вперед и перебросили его через зубцы. Балка со свистом понеслась вниз, быстро найдя свою цель. Раздался треск, и васконы с воплями обрушились вниз, на камни и головы своих соплеменников.

— Костей не соберут, — удовлетворенно заметил Федор.

Но расслабиться не пришлось. С другой лестницы на площадку башни спрыгнули еще двое васконов, а затем и третий. Все были вооружены топорами. Один взмахнул своим оружием и зарубил нехотят подвернувшегося лучника — рассек тому голову на две части, словно арбуз. И шлем не помог. Второй карфагенский лучник отомстил за друга, всадив стрелу васкону в живот. Остальные бросились в атаку.

Федору уже приходилось биться с теми, кто вооружен топором, и он знал — в умелых руках это оружие страшнее меча. Особенно запомнился ему отточенный топор кельтов с двумя лезвиями, которым его однажды чуть не зарубили в схватке. Но отступить было некуда, и Урбал с Федором приняли бой, отбив первые удары щитами.

Оставшийся в живых лучник выпустил последнюю стрелу в заползавшего по лестнице васкона, с криком сорвавшегося вниз, и, добравшись до мертвого друга, завладел его колчаном. Там еще оставалось несколько стрел.

Васконы в ярости вращали топорами, и скоро щит Урбала разлетелся в щепки. А затем и щит Федора. Но в этот момент вся башня вдруг содрогнулась до основания от мощного удара. Сражавшиеся на мгновение замерли, не понимая, что происходит. Затем со стороны реки послышался свист, и новое ядро мощно ударило в башню, обрушив часть зубца. Камни полетели во все стороны, одним из них раскрошило череп васкону с топором. А Федор, не теряя времени, сделал выпад своей фалькатой и пронзил второго.

В этот момент наверх выбрались пращик и еще один солдат, готовые броситься на врага, но с нападавшими было уже покончено. Вместо того, чтобы спрятаться от обстрела, Федор с Урбалом подскочили к зубцам и в предраассветной мгле заметили несколько осадных орудий, установленных за рекой. Карфаген начал штурм раньше.

— Ну, вот и дождались, — выдохнул Федор, опуская вниз окровавленную фалькату.

Теперь свист и грохот уже не смолкали. Пристрелявшись, орудия финикийцев начали методично бомбить крепость, разваливая ворота и стены. А одно из ядер прямым попаданием обрушило почти сгоревшую крышу амбара, запыленного лучниками Федора. Васконы, позабыв про башню, бросились на стены. Но не прошло и пары часов, как в воротах с подъемным мостом образовалась брешь. Через реку перебросили десятки осадных лестниц и даже один, заранее изготовленный, небольшой перекидной мост, по нему на другой берег хлынули пехотинцы Карфагена. Африканцы Атарбала пошли на штурм.

Васконы яростно защищались, но им не удалось заделать брешь в воротах. Мощным ударом финикийцы пробили оборону горцев, ворвавшись в замок. Бой внутри уже не представлял сложности, африканцев было гораздо больше. Они просто изрубили всех оставшихся защитников крепости в куски, ведь их, благодаря ночным стараниям Федора и его отряда, стало гораздо меньше. Когда бой во дворе и казармах завершился, и финикийцы овладели замком, окружив башню, Федор высунулся наружу, помахал им рукой и закричал:

— Эй, ребята, что так долго? Мы тут вас уже ждали!

Удивленные ливийцы из пятой спейры долго не могли поверить, что башня находится в руках соратников, и даже собирались штурмовать ее, но вовремя передумали, узнав командира разведчиков из седьмой. Федор и остатки его лазутчиков еще целый час разбирали баррикаду, спасшую им жизнь. А когда они вышли наружу, прихватив с собой раненного Летиса на носилках, пленника и его золото, перед Федором возник посыльный от командира седьмой спейры.

— Магна ждет тебя, Чайкаа, — сообщил солдат.

— Передай, скоро будем, — ответил командир разведчиков, оглядывая полуразрушенный замок васконов и заснеженные вершины вокруг. А потом добавил,

оглядев связанного Гарута, понукаемого его солдатами. — С подарками.

Глава десятая За Пиренеи

С того момента, как Тарракон признал власть Карфагена, вся земля по эту сторону Пиренеев, от морского побережья, где стоял город, до истоков великого Ибера, перешла под власть финикийцев. Васконы и кантабры были побеждены. Потратив на захват этих территорий больше двух месяцев, Ганнибал двинул свою огромную армию дальше за Пиренеи, где начинались земли, принадлежащие кельтам из других племен. Федору невольно вспомнилась его служба римлянам и то, что они называли кельтов галлами, а их земли Галлией.

Перед походом состоялся общий сбор армии, на котором Ганнибал объявил, что разделяет ее. Для охраны новых земель он оставляет своего брата Гасдрубала, а с ним большое соединение из ливийцев, финикийцев и кельтов. О его численности Ганнибал ничего не сказал, и Федор мог лишь приблизительно прикинуть количество войск, переживая о том, не оставят ли его с друзьями тоже охранять новые земли, ведь речь шла об африканских частях. Слухи распространялись самые разнообразные, впрочем, их быстро пресек Атарбал, сообщивший своим африканцам, что с Гасдрубалом в Испании остаются лишь первые десять хилярий. Остальные идут дальше на Рим. В том числе сильно поредевшая за время боев двадцатая хилярия, где служил Федор с друзьями.

В его спейре из ста тридцати бойцов после покорения местных племен осталось девяносто шесть человек. А после приказа Ганнибала исключить из состава армии всех, кто не выдержит длительную полевую кампанию, вообще восемьдесят. Но дополнительного набора пока не проводилось.

Отдохнув после возвращения пару дней в новом лагере под Илердой, двадцатая хилярия выступила вместе с остальными частями африканцев в поход через «освобожденные» Пиренеи. Атарбал продолжал командовать походными частями, оставив в Испании своего заместителя. Впереди африканцев вышагивали иберийские пехотинцы, а позади — пестро разодетые хилярии кельтов и многочисленная конница иберийцев. Слоны и обоз находились сейчас в самом конце колонны, вдоль которой изредка проносились ставшие привычными чернокожие нумидийские всадники вкупе с иберийскими конниками, игравшие роль разведки и охранения. Даже после того, как в Испании осталось, по слухам, почти сорок тысяч человек, армия выглядела внушительно. Ее порядки растянулись на многие километры.

Однажды Федор даже увидел конницу кельтов, которых до сих пор видел только пешими. Некоторые горцы, уподобившись иберийским всадникам, тоже сидели по двое в седле. Одеждой они не отличались от других кельтов, но имели круглые щиты и более длинные мечи. Многие носили кольчуги и тяжелые доспехи. «Конница, — подумал Федор, глядя на них, — везде не для бедных».

— Слушай, — обратился Федор к шагавшему рядом Урбалу, вспомнив кое-что из прочитанного в прошлой жизни, — я слышал, что у кельтов есть боевые колесницы? Я тут еще ни одной не видел.

Урбал задумался, посмотрев вслед ускакавшим вперед всадникам.

— Я тоже, — наконец честно сообщил он, — но они есть. Просто нам не попадались пока. Говорят, что там, куда мы идем, они встречаются чаще. Правда, у наших врагов.

— Неплохо бы и нашим обзавестись колесницами, — хмуро буркнул Федор, — против них трудновато выстоять в открытом бою.

— Не переживай, Чайкаа, — успокоил его друг, — у нас есть слоны. Но главное, у нас есть Ганнибал. Он разберется с любыми врагами. С колесницами и без них.

Федор прекратил разговор, поглядывая на горную дорогу, что тянулась через пиренейские перевалы. Она уже давно миновала самую высокую точку и теперь уступчатым

серпантином спускалась вниз. Значит, скоро должны показаться галльские равнины. Рассматривая еще возвышавшиеся по сторонам горы, пехотинец седьмой спейры африканцев уже не в первый раз поймал себя на мысли, как беспредельно эти люди верят своему вождю, не дрогнув, посылающего их на смертельную битву. Причем верят почти все солдаты и командиры. Независимо от ранга и положения. Молодой Ганнибал вдохновлял свою армию, как раньше это делал его отец Гамилькар Барка. И эта армия брала для них город за городом и покоряла одно воинственное племя за другим.

«Неисповедимы пути господни, — подумал Федор, вспомнив, чем закончится этот поход почти через шестнадцать лет, согласно описаниям историков, — а может, и возьмем Рим. Иначе, для чего туда идти».

Впрочем, выбора у него не было. Он всецело сейчас зависел от приказов молодого вождя финикийцев. Куда прикажет, туда Федор Чайка и пойдет. И жизнь отдаст, если на роду написано. «Хотя, — Федор бросил взгляд на заснеженный пик, искрившийся на солнце, — не повидавшись с Юлией, не хотелось бы».

Вспомнив о юной римлянке, находившейся сейчас по другую сторону медленно приближавшегося к ней фронта, Федор загрустил. Они не виделись уже давно, а морпех не мог ее забыть. Да и не хотел. Раньше с ним такого не случалось. Он расставался с девчонками легко. И уже оказавшись здесь, за время службы Риму не раз посещал местные бордели при удобном случае. Так делали все римские солдаты, просаживая свое жалование на вино и удовольствия. Но теперь все обстояло не так. У него даже женщины не было с тех пор, как он попал в Карфаген, несмотря на то, что деньги теперь водились. Внезапно вспыхнувшая любовь к Юлии до сих пор не прошла, как и память о той единственной ночи, что они провели вместе.

— Как там Летис? — спросил вслух Федор, чтобы отогнать внезапно нахлынувшую тоску, и оглянулся назад, где за строем спейры ехала пара телег с имуществом.

— Нормально, — успокоил его Урбал, хитро усмехнувшись. — Магна о нем позаботился, так что он никуда теперь не денется. Скоро будет шагать вместе с нами.

Раненый в горах Летис после операции Федора пошел на поправку и почти выздоровел, но процесс реабилитации еще продолжался. И ему требовалось буквально несколько дней без войны, чтобы снова встать в строй. Однако, именно на эти дни пришелся приказ Ганнибала о том, чтобы оставить всех увечных в Испании, а в поход взять только здоровых. И Летис, не смотря на свое богатырское здоровье, попадал под этот приказ.

Но друзья не оставили его в беде, да и командир спейры в очередной раз прикрыл своих солдат. После разговора с Федором, являвшимся теперь вторым лицом в спейре африканцев, Магна приказал временно пересадить Летиса на место возницы в телеге, что тащилась позади строя. А возницу вместо Летиса поставить в строй, под страхом смерти приказав ему на пару дней забыть, кто он такой. Обрадованный герой теперь расслаблялся, управляя лошадьми и давая ноге время зажить. Он уже почти нормально ходил, но сильно прихрамывал. А возница изображал Летиса, таская на себе оружие и доспехи, хотя раньше имел привилегию класть все это на телегу с остальной амуницией. Поскуливал от такой несправедливой судьбы, но шел. Чтобы конспирация не нарушилась, Федор вечером первого дня выдал ему за хлопоты несколько серебряных монет, и возница быстро забыл про все тяготы и лишения. Даже наоборот, предложил Летису посидеть там еще пару дней.

Вспомнив про Летиса, Чайка переключился на воспоминания о захваченном в замке золоте васконов и самом вожде. Провалившаяся на начальном этапе операция разведчиков закончилась, как нельзя лучше. Атарбал, узнавший о ночном рейде солдат из седьмой спейры одним из последних, в восторг от такого казуса не пришел. Командующий некоторое время даже раздумывал, не распять ли ему за это Магну — так финикийцы часто казнили военачальников, не выполнивших приказ или проигравших битву — но раздумал, когда узнал о захваченном золоте и вожде васконов. Шестеро оставшихся в живых солдат из взвода разведчиков были награждены серебром, а Федор получил целый кошелек, немедленно отправленный на хранение в походную казну хилиархии. Несмотря на то, что

пришлось потратиться на покупку нового щита, состояние Чайки росло на глазах.

Но главное, что история получила огласку в наилучшем для него свете. Гарут оказался главным вождем васконов, подчинившим себе остальные племена. Заполучив в руки Гарута, Атарбал тем самым смог шантажировать остальных васконов, засевших в высокогорных долинах. После непродолжительных попыток непримиримый Гарут сломался и присягнул Карфагену, заставив впоследствии часть васконов сложить оружие без боя. Но это сделали не все. Их пришлось уничтожить. А казна васконов пошла на подкуп нескольких «сомневавшихся» кантабрийских племен.

Обо всем этом узнал сам Ганнибал, посетивший перед продолжением похода лагерь у Илерды и вызвавший Атарбала вместе с Магной и командиром разведчиков седьмой спейры к себе в шатер, где лично расспросил обо всех деталях. Не приглашенным оказался только Акрагар.

— Ну что ж, — сказал облаченный в черную с золотом кирасу вождь финикийцев, рядом с которым сидели его братья Гасдрубал и Магон, — Федор Чайкаа, ты сослужил хорошую службу Карфагену в Испании.

Он встал, приблизился и положил руку на плечо морпеха.

— Я вижу тебя уже второй раз с начала похода и запомню твое имя, — молвил Ганнибал, глядя ему в глаза. — Надеюсь, когда мы придем на римские земли, ты будешь служить не хуже.

Федор не относился к робкому десятку, но его вдруг обуяли смешанные чувства радости и гордости, он уподобился Летису в момент, когда тот впервые увидел вождя финикийцев рядом с собой. Под пристальным взглядом Ганнибала и его братьев, олицетворявших верховную власть в Испании, он потерял дар речи и долго не мог вымолвить не слова, только кивнул в ответ. Но в конце концов нашелся и произнес высокопарную фразу, подходившую, как ему казалось, к такому моменту.

— Я благодарен Ганнибалу за то, что он заметил мои скромные заслуги, — сказал Федор. — Я не подведу.

Командующий усмехнулся, увидев смущение на лице героя-разведчика.

— Он говорит так, словно заседает в сенате, — произнес вождь, призвав в свидетели своих братьев. — Я слышал тебя, Федор Чайкаа, и доволен ответом.

Ганнибал вернулся на свое место и добавил, обращаясь уже к Атарбалу.

— Ты можешь вернуться к войскам.

Когда они покидали шатер главного военачальника испанской армии, Федор не мог прогнать ощущение, что, несмотря на статус Ганнибала и его бесконечную власть над людьми, он только что беседовал с обычным человеком. И этот человек ему понравился. Он был не заносчив, а лишь по-военному четок.

Про верховного командующего в подразделениях ходили разные слухи, но все больше о его подвигах, а не о жестокости. Говорили, что он одинаково терпеливо переносил жару и холод, ел и пил всегда в меру, не предаваясь длительным застольям. Спал, когда получалось, не отличая дня от ночи. Многие часто видели, как, завернувшись в военный плащ, Ганнибал смеживал веки прямо на земле, среди воинов, стоявших на постах. Федор, правда, сам ни разу не видел вождя карфагенян спавшим на земле, но от других слышал об этом не раз. Говорили, что он отлично владел мечом и, вступая в бой, далеко опережал всадников, первым нападая на противника, а сражение заканчивал последним, убедившись, что враг разбит.

— Рассказывают, что Ганнибал свободно владеет греческим и латинским языками, — как-то поведал ему Урбал, — и даже написал на греческом языке несколько книг.

«Интересно, — подумал Федор, вспоминая помпезного командира легиона на римской службе, — спит ли Памплоний на земле, укрывшись плащом? И как часто предаются чревоугодию консулы?».

Впрочем, Ганнибала он пока видел всего несколько раз. Да и то либо в шатре, либо на коне. Так что, собственное мнение об этом человеке ему еще предстояло составить.

Атарбал за этот поход был награжден золотой цепью, на которой висела круглая, похожая на монету, медаль с вычеканенным изображением полумесяца. Не забыли Акрагара, Магну и Федора. В благодарность от имени Ганнибала он получил еще один кошелек, где оказалось столько золота, что он мог бы купить собственную триеру и нанять Магну для командования пехотинцами. Самого Магну тоже наградили золотом. Но не повысили в должности, поскольку Акрагар по прежнему оставался на своем посту командира хилиархии. Однако, Магна был не в обиде.

— Благодаря твоему ночному походу Ганнибал нас заметил, — удовлетворенно кивнул Магна, — а он не забывает верных людей. Так что я не зря рисковал головой. Да и Атарбал с Акрагаром, в результате, остались довольны, хотя командир хилиархии все же точит на меня теперь зуб. Ну да ладно, война только началась. Еще будет шанс доказать ему свою верность.

«А наш командир не прочь сделать карьеру, — подвел итог Федор, поглядывая на смуглолицего рослого финикийца, в глазах которого светилась готовность ввязаться в новую авантюру. — Этот далеко пойдет. Что на суше, что на море».

К вечеру они спустились с гор на холмистую равнину и заночевали в уже отстроенном лагере, укрепленном против обычного лишь невысоким частоколом. Так же делали и римляне, когда поблизости не случалось врагов.

Федор последние месяцы не выпускавший из рук фалькату, порубившую уже немало горцев, удивился чрезвычайно.

— Неужели мы оставили всех врагов позади? — спросил он Урбала, когда пехотинцы привычно расставляли в лагере шатер для ночлега, в чем им помогал еще хромавший Летис.

Чайка, ставший не так давно вторым лицом в спейре, был освобожден от этого занятия, но для порядка присматривал за работами, находясь поблизости.

— Не уверен, — ответил Урбал на вопрос Федора. — Мы в нескольких днях пути от Массалии, а она дружит с Римом. Да и не ясно, как местные кельты отнесутся к нашему проходу.

— Нормально отнесутся, — заявил Летис, вбивая кол и натягивая веревку, — а не то я им так врежу, что мало не покажется.

Повеселевший Летис, посчитавший себя здоровым и на следующий день присоединившийся к пешему строю, словно в воду глядел.

Марш сквозь плодородные долины, раскинувшиеся с другой стороны Пиренеев, оказался вполне мирным, что пришлось, как нельзя кстати. Войска, измотанные покорением испанских горцев, нуждались в отдыхе. Как вскоре выяснилось, пока они воевали в Пиренеях, Ганнибал времени даром не терял и успел предварительно подготовиться к дальнейшей экспедиции. Он заключил соглашения с вождями местных племен, земли которых обещал не захватывать. За это они должны были беспрепятственно пропустить его армию к Альпам. Вожди, наслышанные о судьбе васконов и кантабров, согласились.

Федор предпочитал все же не доверять незнакомым кельтам на сто процентов — кельты народ воинственный и часто враждуют между собой. Но, тем не менее, первая неделя похода прошла спокойно.

Марширующий вместе с командиром впереди солдат Федор, то и дело замечал конных наблюдателей на окрестных холмах, меж которых петляла дорога, то заворачивающая к морю, то уходящая от него в сторону. Но никаких нападений, подобных памятной атаке иллергетов с обрушиванием камней, не происходило. Армия Ганнибала, потеряв больше двух месяцев на покорение Пиренеев, теперь двигалась форсированным маршем в глубь южной Галлии, обходя без боя все встречные селения. Больших городов пока не попадалось.

— Интересно, чем заняты римляне? — думал вслух Федор, рассматривая местных конников, восседавших на своих низкорослых лошадках по вершинам холмов. — Небось, вынюхивают все о нашем продвижении.

— Наверняка, — подтвердил Урбал. — Шпионов у них хватает. Да только Ганнибал их все равно перехитрит.

Федор посмотрел на холмы, за которыми должно было находиться невидимое отсюда

море. По холмам скакала нумидийская конница, оттесняя особенно любопытных жителей окрестных селений.

— Может, и так, — засомневался Федор, — да только, сам знаешь, у них сейчас больше кораблей. Что им стоит перекинуть сюда по морю пару легионов, чтобы встать у нас на пути к Альпам.

— Мысль неплохая, — усмехнулся Урбал, поправив висевший на ремне щит. — Но неужели ты думаешь, Ганнибал об этом не позаботился?

— А что он сделал? — удивился Федор. — С римлянами договорился что ли, чтобы подождали немного, пока мы от моря отойдем?

— Не знаю, — не уловил иронии финикиец, — но уверен, что мы дойдем, куда надо, вовремя.

Федор замолчал. Уверенность в своем командовании у этого финикийца просто зашкаливала. И Чайка против воли тоже заразился ею и успокоился, перестав с напряжением осматривать окрестные холмы и поглаживать рукоять тяжелой фалькаты.

За пять дней такого марша они миновали множество селений, где фуражиры закупали продовольствие, пополняя запасы армии, но ничего не разоряли. Один раз, когда утомленные дневным переходом воины ночевали близ Нарбона, первого и крупного по местным меркам города, появившегося на пути, Федора с разведчиками послали к берегу, чтобы рассмотреть с прибрежных холмов корабли, замеченные в море нумидийцами.

После ночного нападения на крепость Гарута авторитет подразделения Чайки, несмотря на потери, только вырос. Так что он без труда наберевал себе в отряд новых бойцов, которых, правда, еще следовало обучить. Зато теперь его взвод разведки состоял из тридцати пяти человек, и из них десять являлись лучниками.

Взяв с собой дюжину, Федор провел на холмах весь вечер, но никаких кораблей больше не показывалось, и, дождавшись, пока солнце сядет, он вернулся в лагерь. На следующее утро армия двинулась дальше.

Солдаты Ганнибала шли по дороге, что следовала изгибам берега до тех пор, пока, холмы не стали превращаться в низменность, отчетливо пахнущую влагой. Спустя еще сутки эта низменность превратилась в настоящее болото, в котором стали увязать сандалии пехотинцев и копыта коней. И вскоре полки африканцев повернули, круто забирая в сторону от берега моря. Огибая возникшие на пути болота, армия уходила в глубь континента.

С пологого холма Федор бросил последний взгляд на зеленые волны Средиземного моря, предчувствуя, что теперь не скоро увидит его снова.

— Впереди река, — сообщил ему всезнающий Урбал, когда Чайка подивился бесконечным болотам, попадающимся у них на пути, — большая река, разделяющаяся на десятки рукавов. Мы будем долго ее обходить.

«Это он про Рону, наверное, — Федор на этот раз уточнять не стал, — вроде тут других крупных рек не протекает». Морпех, порывшись в памяти, пришел к выводу, что сейчас эта река называлась как-то по-другому, Родан, кажется, но для себя решил обозначать ее привычным названием.

Эту ночь африканцы Атарбала провели в лагере, разбитом на плоском холме, таком низком, что он едва выдавался из болота. После того, как солнце нырнуло в топи, над высокой травой поднялся туман. Комары, совершенно отсутствовавшие в горах, теперь всю ночь досаждали Федору, из-за них старавшемуся заснуть очень долго. Вдобавок лежанки в палатке пропитались водой, и утром морпех обнаружил, что спит почти в луже. Урбал и особенно Летис с разнывшейся от такой погоды свежей раной, ощущали себя не лучше.

Следующую неделю карфагеняне плутали среди болот, в которых вязли кони и телеги с амуницией и провиантом. Осадный обоз, шедший следом, вообще застревал на каждом повороте. Десятки раз Федор с товарищами принимал участие в операциях вызволения из вязкой грязи застрявших телег с разобранными орудиями и другой амуницией. А дважды с удивлением и даже восхищением наблюдал, как слоны помогали вытаскивать тяжелые повозки, наполовину ушедшие в топь. Они ревели, сами уходя в трясину, но работу свою

выполняли.

— Какие полезные животные, — похвалил их Федор, наблюдая одну из таких сцен, — не только топтать пехоту да конницу, оказывается, умеют.

— Да, — подхватил Урбал, беззаветно любивший слонов, — не то слово, Чайкаа. Я однажды видел, как их грузили на квинкеремы, чтобы перевезти на другой берега моря. Умнейшие животные, но если их обидеть...

— Да что слон! — не удержался Федор, с руганью проваливаясь в очередную лужу, — Вот если даже меня обидеть, то я способен на многое. А если Летиса... То, вообще, лучше не представлять.

Летис, шагавший рядом, прихрамывая на одну ногу, самодовольно ухмыльнулся.

Такое издевательство над людьми и животными продолжалось до конца недели. Хорошего в этом было только то, что на болотах жило мало людей, и никто не нападал на сильно растянувшуюся армию испанцев и африканцев, загнанную сюда волей одного человека. Хотя партизанская война даже малыми силами могла нанести здесь финикийцам большой урон.

Наконец, в один из дней, показавшихся Федору счастливым, дорога постепенно стала забирать вверх, и к полудню они поднялись на холмы, откуда открывался чудесный вид на окрестности. Остановившись на вершине небольшого, поросшего кустарником и невысоким лесом холма, после недели непрерывных болот и ручьев показавшегося Федору едва ли не горой, морпех заметил блеснувшую далеко внизу извилистую водную гладь. А присмотревшись, увидел довольно большую реку, петлявшую среди лесистых берегов и несшую свои воды к морю.

— Вот она, Рона, — выдохнул Чайка.

Достигнув первых сухих мест, армия Ганнибала остановилась, получив приказ строить лагерь. Инженерные части немедленно принялись за дело, на радость Федору, с ужасом вспоминавшему службу у римлян, где ему приходилось самому ежедневно заниматься строительством частокола и копанием рвов. Римский солдат, как в далеком будущем российский, был не только солдатом военной части, но и параллельно стройбатовцем, принужденным выполнять любую прихоть начальства. Чего только не строили римские солдаты в свободное от службы время — и дороги, и акведуки, и мосты, и дома. Здесь же, в испанской армии, его заставляли только служить, а к хозяйственным работам привлекали по крайней необходимости. И такое случалось не часто. Для строительства лагеря и наведения переправ существовал специальный отряд.

Местность вокруг начиналась холмистая и лесная, напомнившая сентиментальному Федору среднюю полосу России. Насколько хватало глаз росли березы да ели, вперемешку с другими лиственными деревьями, уже слегка подернутыми желто-красным цветом. По прикидкам Чайки на дворе стоял конец лета, и скоро, по всем прикидкам, полагалось наступить теплой осени. Климат за две с лишним тысячи лет не сильно изменился.

— Елки-палки, — пробормотал себе под нос Федор, присев на поваленное разошедшимися строителями дерево в ожидании, пока его солдаты притащат из оставших повозок шатры и палатки, — это же я в южную Францию забрался. Всю сознательную жизнь рвался, даже язык начал учить, а попал только в другом времени. Вот какой компот получился.

Но от нахлынувших воспоминаний его отвлек подошедший командир спейры.

— Чайкаа, — подозвал его к себе Магна, — бери своих бойцов и осмотришь у реки. Проводники рассказывают, что места здесь недобрые. Местные вожди с Ганнибалом не договорились, а ночевать здесь придется. Да и переправу наводить, наверное, тоже где-то поблизости. Так что, понюхай там.

— Вас понял, — усмехнулся Федор.

Скорые на руку строители уже успели возвести первую линию обороны из привезенных с собой кольев, когда Федор, прихватив с собой пятнадцать солдат, Урбала и одного из сопровождавших армию проводников, отправился на разведку.

Летис по состоянию здоровья остался в лагере — морпех возложил на него миссию командовать установкой шатров и палаток. Как ни уговаривал сын владельца гончарной мастерской из Утики взять его с собой, как ни убеждал, что нога в порядке, Федор настоял на своем.

— Мы быстро, — сказал Чайка, — до реки сбегает и назад. Тут недалеко. А кинжалы твои нам еще успеют сослужить службу.

И разведчики, подхватив щиты и дротики, — мало ли что! — направились вниз с холма в сторону заросших лесом берегов. По дороге им попались нумидийцы, вероятно, получившие свое задание, покинув огороженную территорию, чернокожие всадники ускакали в другом направлении, быстро рассеявшись среди окрестных холмов.

Глава одиннадцатая

Переправа через Рону

Войдя в лес, примерно через час они добрались до реки без происшествий. Федор, отвыкший за последние месяцы жизни в Италии, Африке и горной Испании от лесных массивов, наслаждался. Ему нравилось переступать через стволы поваленных ветром деревьев и торчавшие корни, прыгать с кочки на кочку, пригибаться, когда низкие ветки мешали пройти, вдыхать лесные запахи и всматриваться, не затаился ли где враг. И хотя его африканцам, выросшим среди песков или гор, сие занятие нравилось меньше, ему все это напомнило о прошлой жизни на просторах далекой Руси, где леса и поля встречались повсеместно.

Не встретив опасности, разведчики карфагенян оказались на самом берегу реки, холмистые берега которой плавно спускались к воде. Спрятавшись за сосной, Федор впился взглядом в блестящую под неярким солнцем водную гладь. На светиле то и дело набегали облака, отбрасывая на землю причудливые тени. Река, несущая свои воды на юг, оказалась в этом месте довольно широкой, метров триста, никак не меньше. Ее струи текли вальяжно и неторопливо. Лодок Федор не заметил. Другой берег тоже зарос лесом, но дальше за ним опять начинались холмы.

— Что там? — спросил Чайка у стоявшего неподалеку проводника, вытягивая руку в сторону источника своего интереса. — Такое впечатление, что там еще одна река.

— Ты прав, — кивнул проводник, удивленный острым глазом Федора. — Там вдалеке, за холмами, есть излучина еще одной небольшой реки, почти соединяющейся с этой, но затем уходящей в сторону. Вторую реку мы называем Изер, а землю между этими реками Островом.

— Значит, там почти везде вода? — осведомился Чайка. — Но пройти-то можно?

Проводник, имевший странный вид — в живописных лохмотьях, надетых на голое тело и с амулетом из зубов волка, украшавшим шею — быстро кивнул.

— Ну, что ж. Это не так плохо, — рассудил вслух Федор. — Главное — найти переправу и преодолеть эту реку, а вторая послужит скорее защитой, чем преградой. Если, конечно, из этого Острова есть выход по суше.

Он вопросительно посмотрел на проводника. Тот промолчал, видимо, не все поняв. Этот парень с лохматыми волосами и хитрой физиономией, происходивший, судя по виду, не то из местных кельтов-охотников, не то из странствующих гадателей или мелких торговцев, обучившихся где-то азам финикийского, вызывал у Чайки непреодолимые подозрения. Но других проводников у него не было, а этот с братьями, как ни крути, довел их армию через болота до самых берегов Роны.

Чуть выше по течению Рона делала изгиб и немного сужалась, во всяком случае, так показалось Федору. Но разведчики не должны ошибаться, и это предстояло проверить. Никаких селений они пока не встретили.

— Идем вверх по течению, — приказал Федор. — Смотреть в оба.

Вперед устремились пятеро лучников. За ними передвигались мечники, готовые в

любой момент пустить в бой свои дротики и взяться за клинки. Но пока случай не представился. Очень скоро они обнаружили тропу, что петляла меж деревьев, вдоль берега.

— Много здесь жителей по окрестностям? — спросил морпех, когда, пробежав несколько километров вдоль реки по тропе, они обнаружили небольшое костровище и следы недавней стоянки.

— Нет, — махнул рукой проводник, — здесь только охотники. Дальше есть поселки. Вверх по реке два дня идти. И вниз по течению есть. А здесь тихо.

Морпех, уже поднаревший в горной войне, хоть и не стал еще опытным следопытом, но даже ему бросилось в глаза, что тропа утоптана старательно. Создавалось впечатление, что народ по ней ходит довольно часто. И не только в количестве двух или трех человек.

— Странно, — удивился Федор, почему-то стараясь высказываться осторожно. — Видать, много тут охотников.

Проводник опять пропустил слова Федора мимо ушей. Примерно пару часов они продвигались по реке вверх и, наконец, дошли до излучины. Здесь холмистый берег становился почти пологим, лес редел, и подходы к реке просматривались хорошо. Земля тут отличалась твердостью, кое-где на берегу даже попадались скальные выступы или валуны. А еще дальше русло немного сужалось.

Некоторое время Федор осматривал противоположный берег, тоже довольно низкий, в который раз жалея, что продал Магону свой бинокль. Но и без него было видно, что здесь самое лучшее место для переправы огромной армии.

— Что скажешь? — спросил Федор, обращаясь к подошедшему Урбалу.

— А что, подходы широкие, берега пологие, — поделился наблюдениями финикиец. — Лес для строительства лодок и плотов есть, а мост здесь все равно не построить.

— Да, — согласился командир разведчиков, — да и вброд не перейти. Больно широко. Хорошо еще, что течение плавное. Или есть здесь поблизости пеший брод?

Он обернулся к проводнику, маячившему за спиной.

— Нет, — тот отрицательно замотал головой, — только вплавь.

— Ну, вплавь так вплавь, — согласился Федор, поглядывая на уже склонившееся к холмам солнце. — Идем обратно. А то в лагерь засветло не успеем.

Обратный путь до уже почти возведенного на холме лагеря Федор и его бойцы успели завершить перед самым заходом солнца. А когда стемнело, морпех уже стоял в палатке у Магны и докладывал об увиденном.

— Говоришь, брод недалеко, — задумчиво произнес Магна, выслушав сообщение, — и течение плавное. Это хорошо.

— Да, — кивнул Федор. — От лагеря полдня пути, даже меньше. Река широкая, но спокойная. Не то, что в горах.

— Ладно, доложу Акрагару, — подытожил Магна, — а там, как решат. Думаю, что начнем готовиться к переправе.

Командир спейры поднялся со скамейки, стоявшей у походного стола.

— А как вообще обстановка? Заметил что-нибудь?

Федор помолчал немного, но все же доложил о своих подозрениях.

— Да вроде бы все тихо, спокойно. Поблизости врагов нет. Но мне этот проводник что-то не нравится. Темнит.

— Это ты про Истмара? — уточнил Магна.

— Да. Про того, что со мной ходил, — ответил Федор. — Убогий такой, я даже не спросил, как его зовут, и откуда он взялся.

— Нам всех троих подыскивали испанские купцы, что торговали с Нарбоном и Эмпориями, — ответил Магна. — Говорили, что они из охотников, и торговлей промышляют. Места здешние знают. По Родану вверх ходили не раз на лодках и пешком. А что? К реке они нас вывели.

— Да это понятно, — кивнул Федор, — но больно уже нервничает парень. Присмотреть бы за ним надо.

Магна задумался.

— С другой стороны, римские лазутчики в этих местах тоже частые гости, — произнес он, нарушив молчание. — А переправа — дело серьезное. Да и нумидийцы на холмах недавние стоянки нашли. Так что, присмотри. Хуже не будет.

Чтобы проверить свои подозрения, Федор отрядил одного из бойцов наблюдать за не понравившимся ему Истмаром и остальными проводниками, но те вели себя вполне привычным образом. Жили в отведенной им палатке в расположении лагеря и без повода его не покидали. Хотя, в течение нескольких последующих дней, случаев покинуть лагерь у них возникло предостаточно.

Обследовав окрестности, Ганнибал принял решение перейти Рону здесь. Немедленно на обнаруженном Федором месте был выстроен укрепленный палаточный городок — форпост армии на самом берегу Роны — где сразу же началось строительство тысяч лодок и плотов для переправы. Стремясь осуществить все это, как можно быстрее, Ганнибал отправил на первых построенных лодках гонцов в ближайшие селения вверх и вниз по реке с тем, чтобы купить все имеющиеся у местных жителей суда. Его гонцы вернулись спустя несколько дней, приведя с собой целую флотилию лодок. К этому моменту уже были готовы плоты для переброски людей и повозок, а также огромные плоты для слонов.

— Эх, жаль, больших кораблей нет, — сокрушался Федор, глядя на грандиозные приготовления, развернувшиеся на левом берегу Роны. — Все прошло бы гораздо быстрее и безопаснее.

— Ничего, — отмахнулся Летис, уже снова находившийся в строю. — Ты посмотри, какие плоты понастроили. Зачем нам тут корабли? И так справимся.

Федор бросил взгляд на великое множество разнокалиберных плотов. Все они выглядели крепко. Каждый мог нести человек по двадцать-тридцать, был огорожен бортиком и снабжен обычными веслами по бокам и длинным рулевым веслом сзади. Рядом, у выстроенных в мгновение ока грандиозных причалов, виднелась пришвартованная флотилия лодок.

— Да, — глубокомысленно изрек Федор, разглядывая созданное за несколько дней хозяйство, — когда мы уйдем, местным жителям целый поселок останется. И далеко не худший в этих местах. Готов поспорить.

— Не жалею о нем, Чайкаа, — сказал стоявший рядом Урбал, — мы ведь идем на Рим. Когда возьмем его, можем и сюда вернуться. Все равно все будет наше.

— Тоже верно, — кивнул Федор.

Наконец, пришел день, когда африканцы получили приказ готовиться к форсированию Роны. К этому времени переброска частей испанской армии уже шла полным ходом. За первый и второй день на другой берег Роны переправилось почти четыре тысячи иберийских пехотинцев, создав там плацдарм для приема основной части армии. Погода благоприятствовала, ветер не буйствовал, но течение Роны все равно сносило лодки и плоты вниз, разбрасывая их по большой территории. Несколько лодок перевернулось, попав в водовороты, и часть солдат утонула. И все же, невзирая на неизбежные неприятности, переброска войск, начинавшаяся ежедневно с рассветом, заканчивалась, только когда солнце садилось за холмы.

Построив свою спейру, Магна направил ее из лагеря по уже изрядно разбитой дороге к месту строительства флотилии, где и происходила переправа. Остальные африканские части к тому времени маршировали впереди. Двадцатая хилиархия покидала лагерь последней. Здесь оставались только кельты и испанская конница. И среди них тенью проскользнул и бросился вдогонку за своими один из людей Федора, следивший по его приказу за Истмаром. Он догнал отряд, приблизился к Магне и Федору, шепнув им: «Истмар пропал».

— То есть, как пропал? — удивился Федор.

— С утра должен был находиться в палатке, — пояснил шепотом наблюдатель, — за проводниками только что прислали человека. Атарбал приказал переправить отряд с проводниками на другой берег, чтобы армия начала двигаться дальше. Но его в палатке не

оказалось.

— А остальные? — напрягся Федор.

— На месте, — сказал солдат. — Уже шагают к переправе.

— Не нравится мне все это, — заявил Федор, посмотрев на командира спейры.

— Уже поздно, — ответил Магна. — Переправа началась. Даже если он и лазутчик, что бы он там ни задумал, ничего не изменить.

— А ночью ты куда смотрел? — сверкнул глазами Федор на своего солдата.

— Я все время рядом был... — пробормотал финикиец — ну... пару раз отходил... по нужде.

— Ясно, — процедил Федор сквозь зубы. — Становись в строй.

Бодро дошагав до места погрузки, седьмая спейра замерла на берегу в ожидании своей очереди. В это время заканчивалась перевозка слонов. Животных загоняли на плоты и, как могли, крепили веревками к настилу, привязывая за притороченную к спине каждого слона корзину для людей. Огромные африканские слоны дергали большими ушами и размахивали хоботами из стороны в сторону, выражая свое недовольство, но терпели. Все остальное зависело от мастерства погонщика, сидевшего на шее животного и обязанного удерживать слона на месте, пока они плывут по реке. Хотя, глядя на этот цирк, даже Федор понимал — если слон занервничает, то удержать его на плоту будет невозможно.

Насмотревшись на погрузку слонов, он перевел взгляд с реки, где уже маячили высокие спины двух десятков животных в окружении сотен лодок, заполненных солдатами, на берег. Здесь, на ближайших холмах, виднелись пехотные спейры иберийцев, прикрывавших переправу армии Ганнибала от возможных неожиданностей. У воды солдаты грузились на лодки и отплывали. Все шло своим чередом, но внезапная пропажа или бегство проводника не давали Федору возможности успокоиться окончательно. Он постоянно смотрел по сторонам в ожидании нападения неизвестного противника или даже римлян, хотя представить, что они обогнали армию Ганнибала, прошедшую форсированным маршем сквозь южную Галлию, было трудно.

«Кто там у них теперь консулом? — пытался определить Федор, наблюдая, как невдалеке чернокожие всадники взбираются с мелководья прямо на плоты. — Кажется, Публий Корнелий Сципион и брат его Гней. Им предстояло вторгнуться в этом году в Испанию, но они не подозревали о походе Ганнибала. Боюсь, ребята опоздали».

Нумидийская конница переправлялась, загнав лошадей, подобно слонам, на плоты, где помещались по семь или десять животных. Всадники находились рядом со своими конями, а сами лошади вели себя смирно, демонстрируя полное взаимопонимание с хозяевами. Федор не переставал удивляться тому, как эти чернокожие наездники управляют с лошадьми без всяких стремян. «Просто какие-то африканские казаки», — подумал он в очередной раз.

Когда подошла их очередь грузиться в лодки и на плоты, другой берег уже принял несколько африканских хилиархий в полном составе. Услышав о приказе перебросить на другой берег проводников, Федор понял, что армия не будет дожидаться, пока все окажутся там, и начнет движение раньше. Станет продвигаться вглубь Острова, не теряя времени даром.

Почти вся двадцатая хилиархия с полным вооружением должна была форсировать Рону на больших лодках, куда помещалось до пятнадцати человек. Гребцов не предусматривалось, и солдатам предстояло грести самим. И лишь часть седьмой спейры, а именно Федор со своими разведчиками, умудрились попасть на плоты. Магна разрешил им разместиться на одном из только что прибывших с того берега бревенчатых сооружений, куда уже загнали две телеги из обоза с походной амуницией и кольями для строительства лагеря. Весь отряд разведчиков, конечно, здесь не поместился. Только чуть больше двадцати человек, да и то с трудом. Остальных отправили на лодки. Плот, крепко сбитый из стволов сосны, был метров пятнадцать в длину и около четырех в ширину.

Оказавшись на воде, Федор не смог оторвать взгляда от живописной картины, раскинувшейся перед ним. Тысячи лодок и плотов преодолевали великую реку в обоих

направлениях. Повсюду слышались всплески весел, голоса и крики людей, иногда прерываемые ревом слонов. На воде царило оживление, подобное ажиотажу на рынке Карфагена в час бойкой торговли.

Тут-то они и появились. Плот Федора приближался к середине реки, когда он увидел внезапно появившуюся из-за мыса флотилию хищных судов. Они шли сверху, по течению реки. По сравнению с количеством лодок и плотов переправлявшихся финикийцев их было немного, всего штук пятьдесят. Но Федору сразу же стало ясно, что это боевые суда. Знакомые по книгам из прошлой жизни и очень похожие на ладьи руссов или драккары еще ненародившихся викингов. К счастью, у них не было ни мощных таранов, ни метательных машин, зато по бортам висели ярко-раскрашенные щиты, а за ними прятались лучники и метатели дротиков.

— Кельты, — сказал Урбал, рассмотрев паруса и пестро разодетых людей в быстро приближавшихся кораблях, — наверное, одно их тех племен, с которыми Ганнибал не договорился.

«Придется нам договариваться», — подумал Федор, поглаживая рукоять фалькаты и с грустью прикидывая расстояние до берега.

Их плот усилиями борющихся с течением гребцов как раз дошел до середины реки. Другой берег еще даже не приблизился. Перевозившие седьмую спейру лодки, почти все, обогнали их и уже готовились к высадке. Зато их догоняла восьмая спейра. А сами они находились у группы плотов, перевозивших слонов. Здесь было не меньше десятка животных. Остальной водный транспорт, шедший порожняком в обратную сторону, виднелся справа по борту и не мог служить защитой от первого удара. Даже наоборот, сильно стеснял маневр.

— И черт меня дернул погрузиться на плот, — сплюнул Федор в воду, опершись на грубо сколоченное ограждение. И добавил, посмотрев на сотни лодок вокруг и на огромные фигуры слонов. — Этим кельтам будет, где разгуляться.

Приближавшийся флот разделился на две группы. Одна направила острие удара в голову колонны, туда, где плыли плоты со слонами и уже приготовившиеся к высадке солдаты. А другая группа «драккаров» — морпех для удобства именовал эти корабли именно так — шла прямо в центр, туда, где находился и плот Федора.

Нападавшие были уже близко. Первые лодки с финикийцами — большие щепки по сравнению с мощными кораблями кельтов — уже попали под удар. Хоть таранов нападавшие и не придумали, но корпуса «драккаров» они ухитрились сделать крепкими. Вражеские суда просто давили все лодки, что попадались у них на пути. Вот раздался страшный треск, и две скорлупки с пехотинцами отправились на дно, не сумев уйти от удара, несмотря на отчаянные усилия гребцов. Солдаты Карфагена едва успевали выпрыгнуть в воду, но их тут же добивали с атакующих кораблей лучники кельтов. Послышались первые крики и вопли утопающих.

— Началось, — заметил Летис, поигрывая тяжелым клинком.

— Приготовиться! — приказал Федор, выхватывая фалькату и прикрываясь щитом. — Укрыться за телегами. Лучники, стрелять без команды!

Несколько кораблей кельтов врезались в широкую линию лодок и плотов, рассекая ее, словно нож масло. Им навстречу полетели стрелы. Застигнутые врасплох карфагеняне защищались и не собирались сдаваться без боя.

Один из «драккаров» взял чуть левее и пошел наперерез плоту с телегами. «А впрочем, не так уж плохо, что у нас есть телеги, — промелькнула у Федора спасительная мысль, — все же больше шансов, чем у лодки, в случае столкновения».

— А вы чего встали? Гребите быстрее! — прикрикнул Федор на застывших у бортов гребцов. — До берега еще далеко.

Те в испуге заработали веслами вдвое сильнее, подняв тучу брызг. Движение немного ускорилось, но это все равно не спасло их от схватки с неизвестным племенем кельтов. «Драккар» приближался, нацелившись на заднюю часть плота, где свешивалось в воду

рулевое весло. Сжав фалькату и спрятавшись за телегой, Федор готовился к битве. Он, как и все его солдаты, был облачен в кожаный панцирь с нашитыми на груди пластинами из железа и шлем. Все это быстро утянет его на дно, окажись он в воде. Но спасательных жилетов здесь не выдавали.

— Держись! — заорал Федор, когда корабль кельтов на полном ходу наскочил на край плота, сломал весла, снес ограждения, телегу с кольями для строительства лагеря, гребцов и сразу пятерых человек из его отряда. Сбросив жертвы и утварь с плота, корабль должен был снова погрузиться в воду, но, видимо, рулевой не разглядел ширину притопленного плота, и «драккар», со страшным скрежетом взгромоздив на него носовую часть, так и остался торчать, завалившись на борт.

— Поднять щиты! — заорал Федор, после удара еле удержавшийся на ногах и увидевший всего десятке метров перекошенные от ярости, размалеванные лица кельтов, натягивавших луки.

Бойцы, сгрудившиеся на плоту, а их оставалось еще не меньше двух десятков, резво вскинули щиты, по которым тут же забарабанили стрелы. Федор укрылся за оставшейся телегой, Урбал и Летис тоже. Лучники финикийцев отвечали на обстрел противника, но это слабо помогало. Прячась за высоким бортом, меньше чем за тридцать секунд, прошедшие с момента тарана, лучники кельтов поразили еще пять человек из отряда Федора. Морпех не мог спокойно смотреть на это избиение, и решение родилось мгновенно.

— Помирать, так с музыкой! — бросил он стоявшему рядом Урбалу и, резко распрямившись, лихо взобрался на уцелевшую повозку, дальний край которой возвышался буквально в двух метрах от борта «драккара». — Лучники, прикройте меня! Остальные — за мной, в атаку! За Карфаген!

И, приняв на щит пущенную в него стрелу, в два прыжка оказался на другом конце повозки. Лучники мгновенно перенесли огонь на нос судна кельтов и свалили трех стоявших там воинов, ненадолго очистив его от врагов. Отбросив щит, Федор сходу попытался запрыгнуть на близкий борт корабля, но немного не рассчитал и едва не упал вниз. В падении успел ухватиться за борт свободной рукой, потом достал его носком правой ноги, подтянулся и перебросил тело внутрь. Перекатился по грубым доскам палубы. И вовремя. Удар топора проломил одну из них в том месте, где всего секунду назад была его голова.

К счастью, Федор не выпустил из руки фалькаты, и пока рыжебородый кельт вскидывал свой массивный топор над головой, не поднимаясь, нанес удар в пах, распоров тому живот. Кельт взвыл, уронил топор на палубу и завалился навзничь. На его месте тут же появилось двое, в кожаных куртках и шлемах с рогами, в руках они держали мечи и небольшие круглые щиты, крест накрест обшитые железными полосами.

— А вот это уже серьезней! — рывкнул Федор и под свист стрел бросился на них, поскольку отступать было некуда. Позади возвышался только высокий изогнутый нос корабля, увенчанный резной мордой какого-то чудовища. А кругом плескалась вода.

Ударив одного по щиту, чтобы тот на секунду забыл об атаке, Федор виртуозно, словно шашкой, полоснул другого по плечу, продолжив движение рукой, едва клинок фалькаты соскользнул в сторону. Лезвие легко вспороло защитную куртку на плече, и по руке кельта хлынула кровь. Но это его не остановило. Кельт издал вопль ярости и взмахнул мечом. Федор пригнулся, клинок врага рассек воздух над головой. Подняв щиты, оба кельта снова двинулись вперед, а Чайка отступил на шаг назад, бросив беглый взгляд по сторонам. Отвоеванные только что два метра пространства на носу корабля, снова отошли противнику.

Но в этот момент снизу послышались крики, и рядом оказались сразу два карфагенянина — Летис и Урбал. Федор скосил глаза и увидел, как остававшиеся на плоту солдаты подтолкнули телегу вплотную и, взобравшись по ней, как по мосту, стали прыгать на борт кельтского корабля.

Не теряя времени, Летис атаковал и зарубил одного из противников командира, а Урбал ловким ударом повалил второго.

— Спасибо, ребята! — выдохнул Федор, подхватывая щит одного из поверженных

кельтов. — Вперед! Мы должны захватить эту посудину!

И они уже вшестером — за это время на борт неприятеля взобралось еще трое мечников — бросились в отчаянную атаку на превосходящие силы противника. Кельтов на корабле находилось человек тридцать. Но сейчас из положения атакующих, уверенных в своей неуязвимости, они вдруг неожиданно оказались в обороне и несколько растерялись. «Этот эффект скоро пройдет, — понимал Федор размахивая фалькатой и пытаясь достать здорового воина с длинными волосами, — и они нас раздавят, как клопов, если не случится чудо».

Тем не менее, внезапной атакой карфагенянам удалось отогнать сгрудившихся на палубе кельтов почти до мачты и дать возможность всем уцелевшим после тарана и обстрела финикийцам взобраться на корабль. А среди них были и лучники, тотчас поддержавшие атаку стрелами. Но и кельты теперь били в упор. Так что скоро карфагенянам, зарубившим семерых кельтов и потерявшим пятерых убитыми, пришлось снова отходить назад. Всего их осталось в живых не больше десятка.

Заметив, что на корабле идет бой, к нему устремились сразу две лодки с солдатами из восьмой спейры. Эти лодки уцелели после удара кельтов, корабли которых, проломив строй из хлипких суденышек и плотов, рассеяли и потопили своей внезапной атакой большую часть находившихся в центре реки карфагенян.

Лодки с подмогой были уже рядом. Одна из них пристала к плоту, до сих пор цепко удерживающему задравший нос корабль кельтов. Карфагеняне прыгали на плот, а оттуда, взбираясь по повозке, на нос раскачивавшегося судна. Хозяевам корабля это понравиться никак не могло, и новый удар отбросил Федора с товарищами еще на несколько метров назад. Но не прошло и минуты, как бойцы из восьмой спейры оказалась на палубе. Увидев подкрепление, семеро оставшихся в живых разведчиков во главе с Федором воодушевились. И снова бросились на кельтов, не убоившись даже двух огромных, раздетых до пояса воинов, что размахивали над головой топорами в первом ряду обороны, издавая устрашающие крики.

Сам Федор подхватил стоявший на носу бочонок с каким-то пойлом и, подняв его над головой, швырнул в ближайшего кельта с топором. Тот вращал оружием настолько быстро, что разбил угодивший в него бочонок и в ту же секунду стал мокрым, от неожиданности опустив топор. Сделав яростный выпад, Федор воткнул оружие в грудь бойцу. Затем быстро выдернул обратно и рубанул по незащищенной голове, словно боялся, что пронзенный кельт оживет. Но тот рухнул, не успев сообразить, что происходит. Рядом Летис уложил второго, метнув в него нож. Проломив оборону, карфагеняне быстро загнали остальных кельтов на корму, но те продолжали яростно защищаться. Звон и треск стояли такие, что Федор даже не слышал своего голоса, когда орал, в ярости набрасываясь на очередного кельта.

От постоянного раскачивания корабль, наконец, сполз с широкого плота и медленно поплыл по течению, но на его палубу все же успели подняться солдаты со второй лодки. Перевес сил теперь оказался на стороне финикийцев, и бой быстро закончился. Заколов последнего кельта, труп которого он столкнул за борт, Федор опустил оружие и осмотрелся.

Речное сражение, точнее, избиение, еще продолжалось. Чайка заметил, что теперь посреди подвижного «моста» из лодок, протянувшегося от одного берега Роны к другому, зияла широкая полоса воды, усеянная плавающими обломками и тонущими людьми. Под удар попали и нумидийцы. Многие из них, вскочив на коней, бросались с плотов в воду и плыли к далекому берегу. А кельты убивали их из луков, расстреливая со своих проходящих мимо кораблей.

Но не везде кельтам удалось убивать финикийцев безнаказанно. Часть кельтских судов африканцы сумели захватить, а несколько поджечь зажигательными снарядами. С лодок и плотов велся плотный обстрел атакующих судов стрелами и дротиками. Были бы метательные машины, они тоже непременно пошли бы в ход. В общем, со всех сторон кельты неизвестного племени получали отпор и несли потери в живой силе.

— Черт! — выругался Федор, глядя на происходящее. — Как бы здесь пригодилась эскадра триер или хотя бы парочка квинкерем, таких, как «Удар молнии». Хотя, для

квинкеремы простора маловато.

— Да, эти волосатые твари не резвились бы здесь так легко... — подтвердил стоявший рядом Летис, сжимая в ярости рукоять фалькаты.

В этот момент впереди раздался дикий рев раненого животного. Оба вскинули головы и увидели, что сразу с нескольких судов противника ведется обстрел плотов со слонами, причем враг использовал горящие стрелы. Обезумев от попадания таких стрел, слон рвал все путы и бросался в воду, поднимая вокруг тучи брызг и рождая волны. Находясь еще на плоту, животное в ярости крушило бивнями и хоботом все, что попадалось ему на пути — солдат, повозки, амуницию — а оказавшись в воде, переворачивало встречные лодки и топило пехотинцев. Но корабли кельтов не отставали, и их команды продолжали с безопасного расстояния забрасывать стрелами и копьями слонов, еще остававшихся на повозках и уже барахтающихся в воде. На глазах Федора им удалось убить или покалечить пятерых слонов, а еще нескольких заставить прыгнуть в воду. То же самое происходило с другой стороны переправы, где прорвавшиеся корабли развернулись и напали на другие плоты со слонами. Атакующая мощь Карфагена, призванная вселять ужас в солдат противника на суше, стремительно таяла.

— А ну, быстро на весла! — приказал Федор, приняв решение. — Гребем вон к тому кораблю!

И он указал на ближайшее судно кельтов, команда которого увлеклась избиением слонов. Все воины, оказавшиеся на борту, даже имевшие принадлежность к восьмой спейре, подчинились приказу. Командира среди них не оказалось. Он, пораженный стрелой, погиб раньше.

Выбросив мешавшие гребле трупы кельтов за борт, финикийцы расселись на места гребцов, и скоро «драккар», лавируя между обломками, приблизился к другому берегу. Кельты не сразу заметили, кто им управляет. А когда рассмотрели, было уже поздно. Федор махнул рукой, и сначала в кельтов полетели стрелы, а затем во вражеский борт вцепились абордажные крюки, во множестве валявшиеся на дне захваченного судна. Накрепко соединив корабли веревками, карфагеняне снова бросились в атаку и после ожесточенного боя захватили и второе судно, правда, лишившись почти половины своей команды. В том бою мечом в плечо ранили Урбала. А Федор и Летис спеленали одного из особо буйных кельтов, отдававшего во время боя приказы. Они решили, что он — вождь. Да и одеждой он отличался от других. На нем были кольчуга, дорогой шлем и торква — золотая цепь с амулетом.

Когда с трудом вращая веслами, остатками солдат с Чайкой во главе подвалили к другому берегу, их встретили Магна и проводники, за спинами которых выстроились солдаты седьмой спейры.

— Жив? — спросил Магна, когда Федор спрыгнул на берег.

— Я-то жив, а вот Урбал ранен, — ответил он.

— Ты оказался прав, — подтвердил Магна утренние догадки своего помощника. — Проводники говорят, что Истмар сбежал. Наверняка, это он навел кельтов.

Люди, стоявшие рядом, закивали головами. А когда они увидели пленника, сброшенного Летисом на землю, то один из них тут же признал его.

— Это Бридмар, вождь племени, что живет вверх по реке, — заявил он. — Я его знаю. Он водит дружбу с римлянами.

— Ну, теперь все ясно, — кивнул Федор. — Жаль только не узнали раньше, столько народа погубило. А этого Бридмара мы отдадим Ганнибалу, пусть сошьет себе сапоги из его кожи.

Все стоявшие рядом рассмеялись, а сам Бридмар разразился бранью в адрес Федора на непонятном наречии. Но бой еще не закончился. Углядев, что Бридмар пленен, кельты развернули суда и пристали к берегу в безнадёжной попытке освободить своего вождя. Это было роковой ошибкой.

— Отчаянные ребята, — заметил Федор, наблюдая за высадкой кельтов, — но им

конец!

Несмотря на яростную атаку, во время которой десанту кельтов удалось скосить почти всю восьмую спейру, едва достигшую берега и успевшую наспех построиться, они прорвались лишь на сотню метров и тут же были уничтожены превосходящими силами африканцев. Часть кельтов потоптали обезумевшие слоны, достигшие берега и теперь метавшиеся по нему, сметая своих и чужих. Этот хаос царил до тех пор, пока взбесившихся слонов не переловили погонщики или не убили солдаты, опасавшиеся уничтожения половины армии, стоявшей неподалеку лагерем. Карфагенянам достался весь уцелевший флот племени Бридмара, но и потери оказались серьезны. Атака кельтов унесла жизни многих сотен африканцев и восемнадцати слонов.

Ганнибал велел обезглавить Бридмара, а тело отвезти в родное селение и выставить там на всеобщее обозрение, чтобы все вожди местных племен отныне знали, как он будет поступать с теми, кто дерзнет пойти против Карфагена и помогать римлянам.

Глава двенадцатая Тайный флот

Ранним утром пятнадцать новехоньких триер и еще десять судов поменьше, с двумя рядами весел, называемых греками биремами, покинули скалистую гавань Золотой бухты. Глядя на поросшие кряжистыми деревьями берега, Леха размышлял, пытаясь понять, чем закончится этот день.

Он находился на флагманской триере, вместе с двумя греческими мастерами Гиლისподисом и Калпакидисом, а также самим Иллуром, решившим променять в этот день своего скакуна на корабль. Для Лехи плавание являлось еще с прошлой жизни делом привычным — не зря оттянул срочную в морской пехоте. А вот Иллур, всю жизнь проведенного в седле, такая ситуация настораживала. Леха даже удивился, узнав, что его кровный брат решил принять личное участие в первых маневрах только что отстроенной в тайне ото всех эскадры скифов, которую он гордо называл флотом.

— Чего тебе напрягаться? — удивился Леха, по-свойски обратившись к вождю, когда тот объявил о своем решении. — Посмотрел бы с берега. Я и сам сплаваю с Гиლისподисом. Прослежу, чтобы не убежал. Да и куда ему с корабля деваться?

— Нет, — отрезал Иллур. — Флот готов, и я сам хочу видеть, на что он способен.

Вождь скифов встал и прошелся по своей юрте, в которой кроме них сейчас не было никого.

— Я хочу ощутить море, — вдруг сказал он, резко остановившись и вперив в Леху безумный взгляд. — Хочу понять, что такое плыть на корабле, смиряя силу морских богов. Хочу сам увидеть в деле боевую мощь флота.

— Я и не подозревал, что ты в душе моряк, — удивился Леха, воззрившись на кровного брата. — А что до боевой силы, то для этого придется на кого-нибудь напасть или утопить один из своих кораблей. В море-то наверняка не пустынно. Кто-нибудь может заметить нас. Ольвия, опять же, недалеко, Херсонес. Кругом одни греки. Ты же сам не хотел, чтобы кто-нибудь прознал о флоте раньше положенного. Такую секретность развел вокруг бухты, ни одна мышь не проскочила.

— Да, враг не должен узнать о флоте до тех пор, пока мы не будем готовы напасть. Но бойцов надо тренировать, и гребцов тоже, — ответил Иллур, наклонив голову и скрестив руки на груди. — Мы выбрали гребцов для всех кораблей и тренировали их в водах бухты, но Гиლისподис говорит, что они должны ощутить корабль в открытом море. И я тоже хочу быть там.

— Ну, как знаешь, — смирился Леха. — Ты бугор, тебе виднее.

— А нападать пока ни на кого не будем, — отмахнулся Иллур от второй проблемы. — Возьмем старые лодки и обстреляем их из машин. Этого хватит.

И вот теперь они оба, вглядываясь в морскую даль, стояли на носу флагманской

триеры, носившей имя морского бога Тамимасадаса. К счастью, в этот день и в это раннее время вблизи скифских берегов не наблюдалось никого — ни торговых, ни военных кораблей.

Ветер был слабый, но это играло только на руку Гиლისподису, собиравшемуся представить свои детища во всей красе. Триера шла на веслах — гребцы получали бесценный опыт. Перед мачтой со спущенным парусом виднелись две хищные баллисты работы Калпакидаса, развернутые на оба борта. Рядом с ними застыла прислуга из скифов и сам греческий мастер, в который раз объяснявший им, как надо взводить натяжной механизм и заряжать оружие.

На днях в бухту согнали множество рабов, чтобы сделать из них гребцов. Хотя Гиლისподис предлагал брать только свободных для гребли, мол, они лучше трудятся, его не послушали. Кроме того, на корабле расположились шесть десятков пехотинцев — вчерашних конников — сгрудившихся сейчас на корме. Глядя на гребцов, Федор только диву давался, на что отважился пойти его кровный брат, чтобы заполучить настоящий боевой флот для новой Скифии.

«Если понадобится, он всех скифов заделает мореходами, — размышлял Леха, глядя на угрюмые бородатые лица бывших степняков, с тревогой смотревших на волны, — пересадит с коней на корабли. Или в морскую пехоту сошлет».

Иногда Лехе казалось, что планы Иллур не ограничиваются одним Херсонесом. Но об этом еще было рано загадывать. Да и вообще не его дело.

— Начинай, — приказал Иллур греческому мастеру, когда берег оказался достаточно далеко, превратившись в узкую полоску. — Покажи нам таран.

— Чтобы отработать таранный удар и проверить крепость корпуса надо поставить лодки вон там, — объяснил Гиლისподис, обратившись к Иллuru и указав нужное направление.

— Ставь, — кивнул скифский вождь.

Гиლისподис махнул рукой сигнальщику, и тот, натянув лук, пустил вверх обмотанную белой тряпкой стрелу. Тотчас две триеры, тащившие за собой по связке из пяти больших лодок, выдвинулись вперед и отцепили четыре лодки, оставив их качаться среди волн. Выполнив приказ, триеры сделали разворот и вернулись в строй. Этот маневр они проделали не очень изящно, и одна из них едва не врезалась в другую.

— Шакалы! — заорал Иллур, увидев, как нос первой триеры едва на полметра разошелся с бортом второй, обломав несколько весел. — Я велю вас казнить, если увижу это еще раз!

Услышав долетевшие до них крики, скифы-пехотинцы и капитан триеры застыли, как изваяния, перед своим вождем, команда для гребцов запоздала, они сбились с ритма, и это едва не стало причиной новой катастрофы.

— Да не кипятись ты так, — попытался успокоить его Леха. — Они же тебя бояться, а им еще научиться надо. Ты же сам говорил. А в учении все бывает.

— Эти ослиные дети чуть не повредили корабль! — продолжал кричать Иллур, вцепившись в ограждение. — Ты знаешь, сколько золота он стоил нашему царю?

— Не знаю, — осмелился возразить Леха. — Но это военный корабль, не пылинки же с него сдувать. Он и сгореть может, и утонуть. Но иначе никак. Правда, Гиლისподис?

Испуганный таким началом маневров грек часто закивал, решив, что его сейчас опять будут пытаться.

— Ничего, тяжело в учении, легко в бою, — объявил Леха, по-отечески хлопнув Иллuru по плечу. — Будем продолжать?

— Давай, — кивнул Иллур, взяв себя в руки.

Гиლისподис снова махнул рукой, и сигнальщик выпустил вторую стрелу. Тотчас под палубой застучал барабан, отбивая ритм. Вспомнив свистки финикийских офицеров, управлявших гребцами, когда их с Федором везли в Крым на квинкереме карфагенян, Леха подумал о том, что Гиლისподис вместо свистков применил для управления гребцами

барабан. А для выполнения маневра несколькими кораблями эскадры решил на первое время оставить понятную скифам систему сигнализации стрелами.

Увидев сигнал, четыре выбранные заранее триеры, в экипажах которых Гилисподис был уверен больше других, сняли мачты, опустив их на палубы.

— Так всегда делают греки перед боем, — пояснил главный исполнитель секретного проекта, поймав удивленный взгляд Иллур. — В близкой схватке мачта не нужна.

Затем триеры вышли перед застопорившими ход кораблями общей линии и, разогнавшись, нанесли удар по лодкам. Раздался треск, и от лодок остались одни обломки, усеявшие волны.

Иллур просиял, увидев с какой легкостью оказались уничтожены эти суденышки.

— Слава богам! — крикнул он и впечатленный силой новых кораблей неожиданно скомандовал. — Пусть туда поставят бирему, я хочу посмотреть, выдержит ли она удар.

Удивленный Леха, прищурившись от солнца, осмотрел качавшиеся на волнах обломки лодок и обернулся к своему кровному брату.

— А ты не забыл, что она тоже стоит золота? — издевательски поинтересовался морпех.

— Нет, — отрезал Иллур. — Но я хочу знать, на что способны эти корабли в бою с сильным противником.

— Тогда надо ставить триеру, — предложил Леха.

— Нет, — снова заявил Иллур. — Хватит биремы.

— Тебе виднее, — пожал плечами Леха, вдохнул полной грудью морской воздух и продублировал команду Гилисподису. — Давай, выгружай людей из любой биремы на другой корабль и ставь ее, как мишень. Слышал, что вождь приказал?

— Сейчас все сделаю, — засуетился толстый грек.

Спустя полчаса бирема без экипажа мерно раскачивалась на волнах в паре сотен метров от «Тамимасадоса», а к ней на полном ходу летела триера, нацелившись острием тарана в борт. Не только Иллур, но и Леха затаил дыхание. Он никогда еще в своей жизни не видел реального тарана. Только стрельбу из всех оружейных стволов и ракетные залпы с борта кораблей поддержки десанта в родной российской морской пехоте. А этот маневр, даже в исполнении вчерашних кочевников, выглядел очень впечатляюще. Продемонстрировав еще несколько быстрых взмахов тремя рядами весел, триера подлетела к обреченному судну и с ходу нанесла удар в подбрюшье. Бирема вздрогнула и даже чуть поднялась над водой, нанизанная на таран. От неожиданности скифы-пехотинцы, стоявшие у бортов, рухнули на палубу, а несколько человек даже очутились в воде, перелетев через ограждения.

— Вполне прилично для первого раза, — похвалил Леха, глядя, как после восстановления порядка на палубе и спасения оказавшихся в воде пехотинцев, триера, неуклюже виляя, сдает задним ходом, расцепляясь со своей жертвой, — еще немного усилий — и маневр будет отработан нормально. Надо бы остальных потренировать.

Бирема с пробоиной в борту завалилась на бок и начала погружаться в воду. В этот момент по сигналу грека команда второй триеры продемонстрировала свое умение и проделала на глазах Иллур еще одну пробоину в биреме, зайдя с другого борта. Изуродованный корабль вздрогнул, но не развалился на части, а продолжал медленно тонуть.

— Хороший корпус, — похвалили Леха работу Гилисподиса. — Еще разок?

— Хватит, я доволен, — проговорил Иллур и обернулся к маячившему за спиной Калпакидису. — Теперь покажите мне, что могут ваши машины.

Второй грек, до сих пор слонявшийся по кораблю без дела, тотчас отдал приказ, и прислуга завозилась у машин, поворачивая блоки и закручивая торсионы до предела.

— Отойдем за мачту, — предложил Леха Иллору, глядя, как неуклюже скифы-метатели подтаскивают и закладывают в паз каменные ядра.

— От греха подальше, — добавил он, когда один из солдат едва не задел спусковой механизм баллисты.

Иллур тоже это заметил и хотел было наказать его, но сдержался, вспомнив наставления Федора. Да он и сам понимал, что превратиться за несколько недель из лихого наездника в умелого моряка или метателя ядер практически невозможно. Нужно время.

— Мы готовы, — сообщил, наконец, Калпакидис.

— Уничтожьте остатки биремы, — указал Иллур на видневшийся над водой остов полузатопленного корабля.

Калпакидис кивнул и скомандовал стрелкам правого борта, баллиста которых смотрела точно на цель.

Бородатый скиф, командир расчета, прицелился, как его учили, и нажал на спуск. Ядро со свистом пролетело над кораблем и упало в воду в нескольких десятках метров от него. Скиф покосился на стоявшего в двух шагах Иллур.

— А из лука ты так же стреляешь? — поинтересовался тот.

— Нет, мой вождь, — попытался оправдаться скиф. — Из лука я стреляю отлично. Позволь показать.

— Покажи, — разрешил Иллур.

Скиф взял у одного из пехотинцев лук и колчан, натянул тетиву и мгновенно, одну за другой, выпустил в видневшийся над волнами борт полузатопленного корабля три стрелы. Все попали в цель, пролетев положенное расстояние и вонзившись в дерево.

— Молодец, — похвалил Иллур, — но лучников у меня достаточно. А таких солдат, как ты, единицы. И твое место отныне здесь. Ты должен научиться стрелять из этой машины так же, как из своего лука. Только так ты сможешь теперь послужить великой Скифии.

Бывшему коннику перспектива отныне плавать на корабле и возиться с этой громоздкой машиной, изобретением хитроумных греков, не очень понравилась. Но его гордость была задета. Он велел своим помощникам притащить новое каменное ядро и стал выцеливать медленно уходящее под воду судно.

Второй выстрел угодил под самый борт.

— Недолет, — прокомментировал Леха старания метателей.

Наконец, с третьей попытки скиф угодил в борт. Ядро с треском пробило обшивку под восторженные крики пехотинцев. Воодушевленный стрелок снова зарядил баллисту и снова попал в борт. На сей раз ядро вышибло несколько досок у верхней кромки борта, проделав в нем широкую брешь. Иллур не останавливал разошедшихся экс-всадников. Более того, он отдал приказ открыть стрельбу из всех баллист с остальных кораблей, находившихся на расстоянии выстрела до еще незатонувшего корпуса многострадальной биремы. И скоро к первой баллисте присоединилось множество других.

В бирему со всех сторон полетели десятки круглых булыжников, поначалу перелетавших или недолетавших. Но постепенно скифы пристрелялись, и снаряды стали накрывать сектор поражения более часто. А потом и вовсе забарабанили по обшивке и палубе, пробивая в ней все новые дыры и менее чем за час разворотив корабль так, что он почти скрылся под водой.

Следивший от мачты за этим разгулом степных метателей ядер Леха перевел взгляд на своего кровного брата. По лицу Иллур гуляла самодовольная ухмылка. Он явно гордился тем, что создал в тайне от своих врагов.

Еще несколько часов после того, как бирема развалилась на части, триеры пристреливали свои баллисты по выставленным в качестве мишеней лодкам. А в последний момент Леха заметил два неизвестных корабля, проплывавших недалеко от маневров скифской эскадры. Гиалисподис их тоже заметил и заволновался. Судя по парусам и оснастке, это были греческие корабли, направлявшиеся в Ольвию. Один из них походил на торговый корабль, а второй — и это не подлежало сомнению — на сопровождавшую его триеру.

— Они нас заметили, — проговорил Леха. — Теперь донесут своим правителям, что видели у наших берегов неизвестный флот, а те могут и в Херсонес сообщить. И скоро все греки на здешнем побережье будут знать об этом.

— О нас никто не должен знать до назначенного часа, — сказал Иллур, напряженно

вглядываясь в маячившие почти на горизонте корабли. — Их надо догнать и уничтожить.

— Вот этого я и боялся, — процедил сквозь зубы Леха, отвернувшись в сторону.

И началась погоня, в которую Иллур бросил десять триер, а оставшимся и всем биремам, участвовавшим в учениях, приказал возвращаться в гавань.

Греки, а в этом уже никто не сомневался, увидели погоню и тоже налегли на весла. Гребцы на их триере были отменные, но они не могли бросить торговца, а тот при таком слабом ветре явно проигрывал в скорости хода гребным судам. Расстояние между греками и догонявшими их скифами сокращалось очень медленно. При таком раскладе скифы могли уйти слишком далеко от своих берегов в чужие воды, где легко могли натолкнуться на флотилию греческих судов. А этого Иллур пока не хотел. Завязывать открытый бой с необученными экипажами равносильно самоубийству.

— Шевелитесь быстрее! — ревел Иллур капитану. — Если мы не догоним их прямо сейчас, то я велю казнить и тебя, и твоих гребцов. Мне не нужны сонные мухи на веслах.

Капитан побледнел и стал орать на своего помощника, а тот, в свою очередь, на гортатора — так в новом флоте скифов стало принято называть управлявшего гребцами начальника в соответствии с греческим образцом, введенным Гиалисподисом. Иллур ничего не имел против греческих названий в своей эскадре. Главное, чтобы она в нужное время помогла разбить этих самых греков. А потому и капитан на триере у него тоже назывался триерархом.

Несколько часов гребцы, выбиваясь из сил, налегали на весла и скоро почти догнали беглецов.

— Надо бы разделиться, — предложил Леха, глядя, как скифы идут одной колонной. — Пусть несколько кораблей зайдут с правого фланга и постараются отсечь их от берега. А то смотри, они уже начали поворачивать. Отчаялись уйти от погони.

Иллур счел этот совет разумным и, даже не взглянув на Гиалисподиса, приказал так и сделать. Четыре триеры отделились и стали заходить с фланга. Оба греческих корабля, действительно, повернули к берегу, из последних сил стараясь оторваться.

Вглядываясь в скалистые изгибы уже недалекого берега, Леха вспомнил свой последний налет на земли Ольвии, из которого он привез плененных греческих мастеров. Скорее всего, это случилось недалеко отсюда. Гиалисподис, видимо, тоже узнал эти места. Он нахмурился и нервно посматривал то на греков, уже почти взятых в клещи, то на горизонт и берег, в надежде, что оттуда придет помощь. Но к счастью для скифов, горизонт оставался пока чист.

— Эй, Калпакидис, — подозвал Леха второго мастера. — Мне кажется, что твои баллисты достанут до их триеры. Прикажи начать стрельбу.

Грек с сомнением прикинул расстояние между кораблями, но все же кивнул. Ему не очень хотелось стрелять в своих соплеменников, но выбора у него не существовало. Тот же расчет, что не так давно пустил ко дну бирему, зарядил баллисту и сделал первый выстрел. Каменное ядро просвистело над кораблем, упав в море. Второе снесло часть ограждения, выбив несколько досок, но не причинив большого вреда. Свою роль, однако, они сыграли — солдаты на корабле противника зашевелились, приготовившись к рукопашной схватке.

Кроме того, они развернули имевшиеся на борту баллисты и открыли ответную стрельбу. Несколько ядер просвистело над головами Иллура и Лехи, а одно угодило во вторую баллисту, повредив орудие и ранив стоявшего рядом солдата. Еще залп — и на корме раздалась жуткие вопли. Два ядра угодили прямо в группу пехотинцев, убив сразу нескольких. Греки даже на ходу стреляли гораздо лучше.

— Пусть все корабли используют свои машины, — приказал Леха, оглянувшись на вожда скифов, в бессильной ярости сжимавшего кулаки.

— Убейте их! — заорал Иллур, увидев мертвых солдат, первые жертвы морского сражения. — Уничтожьте всех, кто есть на этих кораблях!

Маневр отсечения от берега прошел успешно. Скифы отрезали оба корабля греков от спасительной скалистой полосы, и те были вынуждены снова повернуть в открытое море.

Получив приказ, скифы начали забрасывать греков ядрами. Большинство тонULO в морской воде, поднимая фонтаны брызг вокруг лавировавшей триеры, но скифы намного превосходили противника числом. И поэтому часть ядер попадала в цель. А когда на триере греков появились первые пробоины в борту, служившим прикрытием гребцам, а также первые жертвы и разрушения на палубе, она заметно сбавила ход.

Этого оказалось достаточно. Обстрел скифов одновременно с шести кораблей — остальные при погоне отстали — накрыл греков и спустя полчаса превратил верхнюю палубу триеры в решето. Почти все моряки и пехотинцы, находившиеся там, превратились в трупы. Но даже после того, как неприятельский корабль полностью остановилась, Иллур не стал брать в плен оставшихся в живых. Он приказал таранить.

Одна из его новых триер, уже выполнявших этот маневр, на полном ходу врезалась в высокий борт греческого судна под растерянными взглядами его уцелевших солдат и моряков с торгового корабля, лавировавшего чуть в стороне. На этот раз маневр прошел чисто — удар, треск, крики. И триера греков, завалившись на борт, стала набирать воду.

— Сжечь ее, — приказал Иллур, — остальных добить. Никто не должен уйти живым.

К поверженному кораблю приблизилась еще одна триера, и совместными усилиями лучников скифы начали забрасывать ее зажигательными стрелами. И быстро подожгли. Над водой поднялся столб дыма. А когда обезумевшие гребцы и солдаты стали прыгать в воду, их тут же добивали обычными стрелами.

Еще две триеры скифов смогли быстро догнать и поджечь грузовой корабль. Приказ был выполнен. Никто из греков, увидевших секретный флот Иллур, не смог добраться до своего дома.

— Я доволен, — заявил Иллур, переводя взгляд с полыхавших кораблей на застывших со скорбными лицами греческих мастеров. — Вы построили мне отличный флот. Мы идем домой.

Глава тринадцатая И снова Херсонес

После первого морского похода судьба Лехи Ларина снова изменилась. Иллур сообщил ему, что со дня на день начнется новая война с Херсонесом, и приказал придумать, как взять город с моря. В самом городе уже находилось немало скифских шпионов, заблаговременно засланных туда мудрым Фарзоем под видом богатых купцов, менял и мелких торговцев. По их донесениям Фарзой составил карту укреплений, где указывались все башни и ворота, к которым удалось подобраться. А также вычертил все улицы, ведущие к порту и другим центрам обороны Херсонеса.

Для пущей уверенности Иллур и Леха еще раз «поговорили» с обоими мастерами. Гиლისподис клялся, что хоть и многократно плавал из Греции в Ольвию, не бывал в Херсонесе и не знает портовых сооружений. Похоже, не врал. А вот Калпакидис за долгие годы странствий заплывал единожды и туда. Едва завидев раскаленный прут, он нарисовал по памяти все, что видел в порту. А Фарзой нанес эти данные на карту, сравнив с донесениями шпионов. Получалось, что совсем недалеко от порта находилась самая западная башня с воротами. Если бы флот мог высадить десант, прорваться к ней и открыть ворота, то город можно было бы взять за считанные часы.

— Ал-лэк-сей, — проговорил Иллур, когда они втроем проводили военный совет, — мы начинаем новый поход на Херсонес, который станет для него последним. Фарзой считает, что вторжение с моря мы должны поручить тебе.

— Почему мне? — удивился Леха, посмотрев на хитро прищурившегося советника.

— Ты единственный из нас, кто плавал на этих кораблях долго и знает, как нужно ими распорядиться, — просто ответил Иллур. — И хотя гребцы и солдаты на них еще не слишком хороши, ждать больше мы не будем. Ты должен придумать, как обмануть греков и проникнуть в порт.

Леха молча отпил вина, снова посмотрев на Фарзоя и вождя скифов. Дело выходило куражное, но уж больно серьезное. В таких ему участвовать еще не приходилось. Правда, пытался в прошлый раз с ходу прорваться, но облом случился. Сам еле ноги унес. Греки хорошо охраняли свой богатый город и с моря, и с суши.

— Тут лихим наскоком не проймешь, — произнес он, наконец. — Тут подумать надо.

А думать он не сильно любил. Но Фарзой не оставил ему выбора.

— Вот и думай, — приказал он. — У тебя есть дней пять, может, чуть больше. За это время Иллур атакует город с суши и разобьет его сухопутные силы. Скорее всего, начнет осаду с помощью новых греческих машин. Но это может затянуться. Стены у Херсонеса высокие, прочные.

Он отхлебнул вина, посмотрев на костер, и добавил:

— Хитростью надежнее.

* * *

— Легко сказать «придумай», — жаловался Леха своей наложнице, когда отдыхал после совета в своей юрте. — Там такие стены, да и кораблей больших много. И команды на них получше наших будут. Пока подойдем, половину перебьют, если не больше.

Зарана слушала своего хозяина рассеяно, поглаживая растущий живот. А Леха и не с ней вовсе разговаривал, а сам с собою. Мозг морпеха уже начал работать над выполнением боевой задачи.

На следующее утро по кочевьям скифов разнесся приказ о всеобщей мобилизации, и скоро образовалось многотысячное конное войско, не тратя времени вступившее в пределы земель, принадлежавших Херсонесу. На этот раз его сопровождал мощный осадный обоз под командой самого Калпакидиса. В обозе было много специально изготовленных для осады баллист и катапульт, не считая трех гигантских стрелометов, способных перебросить через высокие стены крепкие стрелы, больше напоминавшие своим видом копья. Кроме того, Калпакидис продемонстрировал своим новым хозяевам, что его орудия могут метать не только каменные ядра, но и горшки с зажигательной смесью. Даже сам царь Палак приходил на показательные испытания нового оружия и остался доволен.

Иллур, понятное дело, слова не сдержал, и оба мастера по-прежнему оставались в плену. Мало того, скифский вождь не отпустил их в Ольвию, а погнал в поход на Херсонес. Леха подозревал, что, если этот штурм увенчается успехом, Ольвия станет следующим городом, который будет включен в состав нового скифского государства, возжелавшего расширить свои пределы. А потому обоим чужестранцам торопиться не имело смысла. В любом случае, царь скифов еще нуждался в их услугах.

Первые столкновения с эллинскими отрядами показали прозорливость Фарзоя. Иллур в нескольких битвах опять рассеял конных греческих наемников, хотя и не без потерь. Хорошо вооруженная кавалерия Херсонеса на этот раз дралась лучше, чем в прошлый, словно чуяла, что скифы пришли не за данью. А может, и действительно знали, своих шпионов у греков тоже хватало, не зря же их называли хитроумными.

Вместо пяти дней на покорение прибрежных земель у объединенных орд Иллура и других вождей ушло почти две недели. Но Леху это, честно признаться, только радовало. У него голова распухла, пока он придумывал, как бы пробиться в крепость с моря. А когда скифы оккупировали ближайшее побережье, откуда стали видны укрепления Херсонеса, отрядил специальных людей на вершины холмов, чтобы день и ночь наблюдали, что творит флот осажденных греков.

Шатры небольшой личной армии Ларина, под началом которого находились по-прежнему две сотни человек, расположились очень близко к линии обороны греков, еще не ограничивавшейся стенами города. На побережье, вплотную к укрепленному периметру Херсонеса, располагалось множество предместий, откуда греческая конница то и дело совершала ответные вылазки, беспокоя скифов.

Но это мало занимало Леху. Патрулирование окрестностей на случай внезапной вылазки осажденных он возложил на своих бородатых сотников Инисмея и Гнура, а сам целиком погрузился в морскую проблему. Да и буквально в двух шагах раскинулись шатры армии Иллурра. Так что опасность грозила не от греков, а, скорее, от тихого Фарзоя, который, как показалось Лехе, был с царем скифов на короткой ноге и в случае неудачи и бесполезной потери кораблей мог поступить с ним по-всякому. Возможно, и заступничество Иллурра не спасло бы.

Первое время ничего особенного узнать не удавалось. Пять триер из флотилии Херсонеса патрулировали акваторию порта вкупе с прибрежными водами в ожидании возможных провокаций, и вели себя, надо сказать, по-хозяйски, часто далеко отрываясь от берегов и уходя в море. Пару раз на дежурство выходили квинкеремы. Сейчас у причалов стояли всего лишь три, и это радовало. Наблюдая за городом и портом, Леха решил, что греки не знают о существовании нового флота. Нет, они допускали, что скифы, имея небольшие корабли, могут попытаться предпринять атаку с моря, тем более, что одна подобная каверза уже случалась, но относились к этому несерьезно.

— Отлично! — решил Леха, когда наблюдатель сообщил ему, что две квинкеремы в сопровождении трех триер на рассвете покинули осажденный город и вышли в открытое море. — За помощью отправились. И, вероятно, кто-то из первых лиц города, если судить по охране. Это наш шанс.

План атаки, долгое время не укладывавшийся у него в голове, созрел мгновенно. Ларин немедленно явился к Иллурру и послал гонцов в Золотую бухту, где до последнего момента прятался флот — секретное оружие кочевников.

— Наступил удобный момент для штурма, — выпалил Леха, входя в командирский шатер. Он коротко ознакомил своего кровного брата с обстановкой, бросив взгляд сначала на карту, а затем на Фарзоя. — Атаковать нужно немедленно, желательно с применением мощных осадных машин. И, главное, в дальней части крепостных стен, чтобы отвлечь внимание.

Сидевший напротив Фарзой тоже взглянул на карту и кивнул.

— Это возможно. Обоз уже подошел.

— А я тем временем возьму десять триер, — продолжал развивать мысль новоявленный адмирал, — и поставлю их в две линии. Первая будет ударной, из тех, кто научился выполнять таран, а во второй — каждый корабль возьмет вдвое больше солдат с луками и мечами, для того, чтобы высадиться и захватить порт.

Леха сделал паузу, затем продолжил:

— Мы ударим внезапно. Прямо посреди дня. Греки не выводят больше пяти судов в море, значит, не ожидают серьезного нападения. А когда сообразят, что к чему, будет уже поздно. Мы задавим их количеством. Сегодня утром они отправили за помощью сразу две квинкеремы. Значит, в гавани осталось не больше восьми крупных кораблей. Это наш шанс. Другого такого не будет.

Фарзой осторожно кивнул, вспоминая донесения шпионов относительно флота Херсонеса.

— Там есть еще биремы, — заметил он. — Пять или семь.

— Ну и что, — парировал Леха, — у нас они тоже есть. Даже если греки нас сразу заметят, мы пробьем брешь в обороне и высадим солдат. Может быть, сожжем к черту эти корабли, когда завяжется бой в порту. Если повезет, мы сможем высадить несколько сотен бойцов. Хотя пешие скифы — совсем не то, что конные, но их должно хватить, чтобы пробиться к самым западным воротам в башне.

— Ну, а если не повезет, — закончил Леха, — то подойдут биремы с остальными. Я оставлю резерв в бухте. Или вам удастся пробить ворота и ворваться в город.

— Ну что же, — согласился Фарзой после небольшого колебания, — Ал-лэк-сей говорит дело. Пусть так и будет. Но помни...

Он поднял вверх сухой указательный палец.

— Если ты ошибешься и не возьмешь башню, погубив флот, Паллак казнит тебя лично.

Федор посмотрел на Иллура, тот засопел и хотел возразить своему советнику, но не посмел. «Да, круто дело обернулось, — грустно подумал морпех, — но отступать уже некуда».

— Не бойсь, советник, — нагло заявил Леха. — Даже если ваш штурм стен окажется неудачным, послезавтра днем мы войдем в город. Зуб даю.

Следующим вечером прибыл скифский флот и укрылся в небольшой, но удобной бухте, расположенной меньше, чем в полудне плавания от Херсонеса. Она была открыта любым заинтересованным взорам со стороны моря, но новоиспеченный адмирал надеялся, что в ближайшие сутки никому не придет в голову посмотреть в эту сторону. А большего ему и не требовалось.

Бухту разведали заранее, даже сколотили в ней небольшой пирс для посадки пехотинцев на корабли и оставили там сотню конных скифов для охраны. Получив известие о прибытии флота, Леха на следующее утро отправился в его расположение, договорившись с наблюдателями на холмах об условных сигналах. Если греки ведут себя по-прежнему — стрела с белой тряпкой. Если уже вернулись с подмогой — горящая. Леха надеялся, что второй сигнал ему не доведется увидеть.

Он уже покидал свою становище, когда начался штурм. По приказу Иллура к северной и восточной части городских стен еще вчера подтащили тяжелые осадные катапульты. И вот первые камни полетели в город, расшатывая его стены, башни и ворота. А затем туда же полетели горшки с зажигательной смесью, сразу вызвав пожар. Баллисты сбивали со стен живую силу противника. Греки явно не ожидавшие такого массированного и технически подготовленного наступления от кочевников засуетились. Открыли ответную стрельбу. Леха видел, как несколько отрядов снялось с этой стороны укреплений и устремилось на помощь осажденным грекам в северной части города.

— Началось, — выдохнул Леха и, вскочив на коня, погнал его в секретную бухту.

Там его уже поджидало огромное войско — скифы не пожалели солдат — почти тысяча всадников, которых Иллур своим приказом согнал сюда, повелев во всем подчиняться Лехе. Среди собравшихся оказалось много вождей и опытных воинов, отлично знавших, кто такой Ларин, и откуда он взялся. Им эта затея не нравилась, но приказы вождя не обсуждались. Строго говоря, Леха и сам тяготился положением начальника над такой массой людей. Не по его характеру это было. Он предпочел бы лично идти в атаку на коне и драться мечом под командой Иллура или, на худой конец, со своими тридцатью верными бойцами. Но, подписав его на эту операцию, Фарзой не оставил ему выбора.

Прискакав на место, Леха, не теряя времени, разбил свое войско на части, приказал спешиться и грузиться на корабли. На берегу образовалась немалая сутолока, когда скифы в нерешительности оставляли своих лошадей под присмотром слуг и рабов. Но вскоре бывшие всадники все же оказались на кораблях и превратились в пехотинцев, а флот вышел в море.

На большинстве кораблей уже имелись морские пехотинцы и артиллеристы, но для этой операции Леха за счет новобранцев удвоил число бойцов на кораблях второй линии атаки. В ударной же группе из пяти триер он разместил всего по семьдесят бойцов на каждом корабле. Их главной задачей было выиграть морской бой, то есть пробить брешь в обороне противника и прорваться к порту. Сюда подбирались команды, показавшие себя в прошлых маневрах лучше других. Возглавлял группу «Тамимасадас», облюбованный Лехой для собственного участия в бою.

Капитана флагмана звали Ичей. Это был рослый степняк, относившийся к своему делу с большой любовью. Он раньше плавал на торговых судах, но, узнав о постройке военного флота, сам попросился сюда капитаном.

Глядя на этого странного скифа, уже давно ощущавшего себя моряком, Леха подумал, что, глядишь, скоро и кочевников не останется, если все всадники пойдут служить во флот. Но для Скифии, похоже, наступили новые времена, настоятельно требовавшие новых людей. И, как ни странно, они появлялись, словно ниоткуда.

Следом, на расстоянии пятисот метров, шли еще пять триер, где размещалось уже по полторы сотни пехотинцев — основная ударная сила. И, наконец, третьим эшелonom, который мог, при благоприятном стечении обстоятельств, и не вступить в бой, служили пять бирем, несшие на каждом борту по восемьдесят человек. Эти корабли пока оставались в бухте до особого распоряжения. Ожидалось, что скоро сюда подойдут еще три сотни скифов, чтобы укомплектовать полупустые биремы на случай их использования. В Золотой бухте также оставили резерв из десятка кораблей и Гиლისподиса под надежной охраной. Мастер свое дело сделал, но в будущем мог еще пригодиться.

Перед самым отплытием Леха собрал всех триерархов у себя на флагмане и кратко изложил диспозицию.

— Мы должны пробить дорогу в гавань, — сообщил он командирам первых пяти кораблей, — а остальные — когда увидят, что путь свободен — высадить всех солдат на берег. Или прийти на помощь, если понадобится. Стрелять без команды, как только появится враг.

Капитаны важно закивали, выражая согласие. Все они были опытными, богато одетыми воинами, облаченными в чешуйчатые панцири и всегда готовыми сразиться с врагом. Но их военный опыт, как и у большинства скифов, относился к сухопутным действиям.

— Старайтесь поразить греков из метательных машин, чтобы не дошло до тарана, — заботливо предупредил Леха, завершая собрание. — В таране они искуснее нас. Все, по коням!

Скифы воззрились на него со смесью надежды и удивления.

— То есть, отправляйтесь все на свои корабли, — разочаровал их Ларин. — Пусть великий бог моря Тамимасадас не оставит нас и поразит греков!

Издав боевой клич, бородатые капитаны заспешили к своим кораблям.

Спустя несколько часов плавания под парусами они прибыли на место. Херсонес приближался. Вот показались его стены, над которыми уже поднималось несколько столбов черного дыма, а в море им так и не встретилось ни одного корабля. Леха настороженно поднял взгляд на прибрежные скалы, где затаились его наблюдатели. И почти сразу в небо взметнулась белая стрела.

— Отлично! — улыбнулся морпех, пробормотав себе под нос по-русски, чтобы стоявший в трех шагах Ичей ничего не разобрал. — Значит, бог услышал мои молитвы, хотя его и нет вовсе.

Тотчас из гавани показался высокий и острый нос, увенчанный резной фигурой. Мощный таран рассекал волны надвое.

— Черт побери! — выругался Леха, глядя, как единственная, но оттого не менее грозная квинкерема греков выходит к ним навстречу. — Нас заметили. Приготовиться к бою.

Следом за самым большим кораблем флотилии Херсонеса в море устремились еще пять греческих триер.

— Ну, сейчас будет жарко! — предупредил Леха, наблюдая, как они выстраиваются в линию для атаки. — Без таранов не обойдется. Будем надеяться, что наша вторая линия поспеет вовремя. Снять паруса.

Все триеры скифов последовали примеру флагмана, быстро спустив паруса и уложив мачты на палубу. Перешли на гребной ход. Квинкерема, едва выйдя на линию огня, начала обстреливать приближавшиеся корабли скифов. Греки торопились, но стреляли точно, хотя перед ними было много целей. Не прошло и пяти минут, как ядра стали накрывать «Тамимасадас» и шедшую слева триеру. Раздались треск ломаемого дерева и предсмертные хрипы людей. Услышав очередной свист, Леха нагнулся, и за спиной морпеха тотчас упал скиф с развороченной грудью. Не помог и панцирь.

— Прими вправо! — приказал Леха триерарху, тут же продублировавшему его команду помощнику. — Обходи этот большой корабль. Нам надо прорваться в гавань! Но ответить ему тоже надо. А ну, артиллеристы, покажем, что умеем! Заряжай сразу зажигательные горшки!

К его удивлению, они попали в квинкерему с первого же выстрела. То ли оттого, что корабль был крупный, и его борт сильно возвышался над водой, то ли потому, что за установленной недавно катапультной стоял тот самый скиф, что участвовал с Иллуром и Лехой в первых маневрах. Похоже, слова вождя не прошли для него даром. И он выполнял свою работу с огоньком.

— Как тебя зовут? — спросил Леха, подобравшись к расчету, когда второй горшок разбился о борт квинкеремы, выплеснув горящую смесь. На ее борту начал заниматься пожар.

— Токсар, — ответил бородатый скиф, наблюдая, как его помощники подтаскивают новый горшок, пригибаясь, чтобы не угодить под бешеный обстрел греков. Ядра над головой так и свистели.

— Молодец, Токсар! — похвалил Леха. — Выживем, награжу. А пока бей греков, жги этот большой корабль!

Люди Токсара и соседний расчет сосредоточили свой огонь на квинкереме, снизившей интенсивность огня из-за возникшего пожара. Греки, метавшиеся по палубе в попытке его потушить, явно не ожидали встретить подготовленного противника. Но на борту квинкеремы все же находился опытный экипаж. Несмотря на пожар, многочисленные баллисты на ее борту продолжали вести огонь по другим кораблям скифов, с той стороны, где дым не мешал это делать. А гребцы продолжали исправно выполнять свою работу.

Леха разглядел, что шедшая рядом с ним триера скифов сильно повреждена. Капитан, кажется, убит. А рулевой совершил неверный маневр и подставил борт под таран квинкеремы. Греки не преминули этим воспользоваться. Полыхающее огнем массивное судно, сделав неожиданно быстрый поворот, врезалось в кормовую часть триеры, и все кто находился на ее палубе, полетели в воду. Греки не стали захватывать судно, а дали задний ход, предварительно просто сбросив на палубу поверженного судна скифов несколько горшков с зажигательной смесью. Триера загорелась и, завалившись на бок, стал набирать воду через огромную пробоину.

— Минус один, — резюмировал Леха и добавил, осмотревшись по сторонам. — А ну, Токсар, поддай им еще жару.

Уничтожив первого противника, квинкерема развернулась навстречу другой триере скифов, но та вовремя ушла в сторону и за счет быстрого хода сумела избежать столкновения, отделавшись незначительными пробоинами от попадания нескольких ядер. В ответ, пусть и один раз, но скифы поразили квинкерему зажигательным горшком. Перед тем, как «Тамимасада» оставил головной корабль греков позади, Токсар с помощниками, слегка повернув катапульту назад, еще дважды успел метнуть из нее зажигательные снаряды. Прямоком в объятый пламенем корпус эллинского судна. Дым от бушевавшего пожара даже некоторое время накрывал «Тамимасада».

— Пока нам везет, — констатировал Леха, глядя, как полыхает самый большой корабль флотилии Херсонеса. — Теперь бы прорваться в гавань.

Но со стороны гавани уже стремительно приближались греческие триеры. Бросив взгляд назад сквозь разрывы дымовой завесы, Ларин увидел, что, пока шел бой, вторая линия скифских кораблей уже почти догнала их. Сейчас их стало девять против пяти, но скифский «адмирал» не обманывался насчет греков, полагая, что будет большой удачей, если в итоге прорвутся хотя бы два или три корабля.

И он не ошибся. Не тратя время на массированный обстрел — метательных орудий на триерах было почти втрое меньше, чем на квинкереме — греки устремились в лобовую атаку. Основной удар пришелся на правый фланг лехиной эскадры, где первая и вторая линия атакующих уже почти слились. Пять триер Херсонеса набросились на три судна скифов. Те в ответ открыли стрельбу из катапульт и баллист, поразив-таки даже на полном ходу одну из греческих триер зажигательным горшком. На палубе начался пожар, и этого оказалось достаточно, чтобы временно вывести ее из строя.

Остальные вражеские корабли на глазах у разъяренного Ларина провели встречный

маневр и с треском сломали весла двум триерам скифов, мгновенно обездвигив их. Два греческих судна, описав круг, принялись методично расстреливать из орудий и луков ставшего удобной мишенью противника. Скифы, хоть и потеряли подвижность, отвечали им с бортов своих триер тем же. А оставшиеся эллинские триеры, покинув поле боя, устремились навстречу судам из второй линии атакующих.

«Тамимасадас», выйдя из-под дымовой завесы, неожиданно вынырнул в тылу схватки. Против него не оказалось ни одного противника. Все они увлеклись боем, и гавань осталась без прикрытия. Тот же самый маневр совершила и другая скифская триера, обошедшая горящую квинкерему с левого борта.

— Вперед! — заорал Леха. — Налечь на весла!

И флагман скифской эскадры устремился к уже видневшемуся входу в гавань, за которым белели какие-то строения, похожие на склады, изломанные очертания пирсов, где стояли несколько торговых кораблей. Среди них Леха мгновенно усмотрел пять военных бирем. К ним по сходям, увидев неприятеля, уже бежали солдаты. У их недавних противников, сосредоточивших усилия на добывании обездвиженных судов, так и не хватило времени преградить им путь, и они бросились в погоню лишь тогда, когда две триеры уже входили в гавань. Враг висел на хвосте, но скифы использовали преимущество в скорости.

— Токсар! — крикнул Леха, вглядываясь в узкие улицы, расходившиеся вверх от площади за причалом. — Обстреляй корабли и солдат на берегу, нам надо выиграть время.

Но Токсар и так уже догадался, что надо делать. К тому моменту, когда «Тамимасадас» ворвался в гавань и устремился к западному пирсу, одна из готовых к отплытию бирем горела, но вторая успела отчалить, пытаясь преградить путь разогнавшемуся кораблю скифов.

— Поздно, ребята, — процедил сквозь зубы Леха, ухватившись за ограждение, когда триера, пробив борт в носовой части судна греков, оттолкнула его своей массой в сторону, сбросив с тарана. Бирема завалилась на бок, преграждая выход остальным кораблям. Крики и вопли огласили порт.

Тем временем «Тамимасадас» со страшным треском врезался в пирс и замер. Рядом воткнулась в берег вторая триера. Леха бросил взгляд назад, где подходили две триеры противника, но сразу за ними вспарывали волны еще три корабля скифов. А в море продолжалась схватка между остальными. «У нас есть шанс», — пронеслось в мозгу морпеха, в долю секунды оценившего обстановку.

На пирсе находилось человек тридцать легких пехотинцев с копьями и мечами, из тех, что не успели добежать до бирем и выйти в море. Правее, в стороне, у самих бирем, солдат насчитывалось гораздо больше — человек сто или даже двести. Они сейчас выпрыгивали обратно на берег и готовились пойти на ликвидацию прорыва. Времени оставалось в обрез.

— За мной, в атаку! — заорал Леха, выхватывая меч и первым спрыгивая на доски развороченного пирса. Скифские бородачи лавиной посыпались с обоих кораблей вниз.

Так не вовремя оказавшихся на пирсе греков почти сразу же уничтожили лучники скифов. Но справа приближался новый отряд. Леха, между тем, уже заметил ближайшую западную башню, возвышавшуюся над каменными домами примерно в пятистах метрах.

— Возьми двадцать лучников и задержи противника! — приказал он одному из знатных воинов, оказавшемуся рядом.

А сам устремился вверх по улице, ведущей к башне. За ним бежало человек сто или чуть больше. Маловато, конечно, но дожидаться остальных он не стал. Лишь посмотрел назад и увидел, как две эллинские триеры «припарковались» рядом с оставленными судами, высаживая солдат на берег. Догнавшие их скифы открыли огонь по врагу из метательных орудий, каждым ядром унося по несколько жизней, и, прежде чем сами достигли берега, успели перебить массу греков. «Молодцы, артиллеристы, быстро учатся, — усмехнулся Леха, несясь с мечом и щитом по мостовой. — Ну, сейчас начнется мясорубка!»

Краем глаза он заметил, что по соседней улице к порту строем приближается отряд греческих гоплитов. Не меньше сотни. Тяжелые пехотинцы, облаченные в панцири, поножи

и шлемы с большими красными гребнями, выглядели внушительно. Добежав до пристани, они сходу врубились в отряды скифов, уже захватившие ее наполовину. Не помог даже мощный обстрел. Пригибаясь и ловко прикрываясь большими круглыми щитами, греческие пехотинцы почти без потерь сблизилась с противником и опрокинули первые ряды скифов. «Хорошо дерутся, сволочи, — подумал Леха, скрываясь за углом трехэтажного каменного дома и устремляясь со своим отрядом вверх по пустынной улице.

Пробежав метров двести и не встретив сопротивления, они повернули на другую улицу, выходящую непосредственно к башне. И тут увидели на пути еще один отряд греческих пехотинцев. Выстроившись в колонну, гоплиты двигались навстречу скифам, перекрывая улицу. Их было, на первый взгляд, человек пятьдесят. Меньше, чем нападавших, но Леха только что видел, на что они способны.

— Не обойти! — сплюнул Леха, останавливаясь. — Придется уничтожить. За мной, скифы!

И первым бросился вперед, размахивая мечом. За ним бежали лучники, стреляя на ходу. Они били точно по ногам и головам и, преодолев отделявшие их от противника пятьдесят метров, сумели скосить почти весь первый и большую часть второго ряда, проделав в третьем значительную брешь. В нее и влетел Леха, рубя направо и налево. А за ним остальные скифы с топорами и мечами в руках. Звон железа гулко раздавался на узкой улице, застроенной каменными домами богатых горожан.

Оттолкнув ближайшего грека ногой, Леха нагнулся под просвистевшим мечом и воткнул свое оружие в грудь противнику. Затем рубанул второго. Акинак в ближнем бою оказался очень даже неплох. С плеча рубить им было невозможно, коротковат, но зато колоть в упор и резать — лучше оружия не придумаешь. Рядом разъяренные скифы размахивали топорами. Леха словно впал в кровавый транс — рубил, колот, пригибался, прыгал, уходил от ударов соперников — и сообразил, что пробился, только тогда, когда увидел перед собой пустынную улицу и ворота башни в сотне метров.

Истребив греческих гоплитов ценою большей части отряда, оставшаяся тридцатка в ярости бросилась вперед. Но тут Леха, бежавший первым, увидел, что охранники башни опустили решетку, перекрывавшую доступ к воротам, и теперь спешно закрывают небольшую, но массивную дверь сбоку от ворот. Если успеют, то в башню будет не попасть. И тогда все зря. Тем более, что позади, в самом конце улицы, уже раздавался стук копыт греческой конницы.

Леха на ходу выхватил кинжал, метнув его в почти закрытую дверь. Крик убитого солдата еще не затих, как он втиснулся в узкую щель, отбросив щит, и заколол второго, суетившегося рядом. Оттолкнул обмякшее тело и схватился с третьим. Убил. Бросился вверх по узкой лестнице, увлекая за собой солдат.

Ворвавшись в башню, скифы захлопнули дверь, отгородившись от конных солдат Херсонеса. Но здесь хватало пеших, и бой разгорелся за каждый этаж. Леха торопился, требовалось успеть, во что бы то ни стало. Сквозь узкие бойницы башни снаружи крепости они видели конных скифов, гарцевавших под стрелами противника внизу, у самой башни, в надежде на успех прорыва морских сил.

Зарубив еще одного пехотинца, Леха первым ворвался в помещение, где находился механизм, поднимавший решетку. Резкая боль обожгла плечо. Морпех с удивлением воззрился на торчавшую из плеча стрелу, но нашел силы сделать выпад и поразил мечом в шею единственного лучника, оказавшегося здесь. Грек упал, залившись кровью. А Федор прислонился к стене и, морщась от боли, разыскал взглядом нужный рычаг.

— Быстрее вниз! — приказал он Токсару, все время державшемуся рядом и теперь не отставшему. — Откройте ворота, а затем поднимите решетку. Надо потянуть на себя вот эту палку.

Он держался до тех пор, пока не услышал скрежета цепей, поднимавших решетку. А потом увидел сквозь бойницу скифский отряд, ворвавшийся в город. И лишь когда понял, что участь Херсонеса решена, упал на руки своих солдат, потеряв сознание.

Глава четырнадцатая

Альпийский поход

После переправы через Рону армия карфагенян три дня шла форсированным маршем вверх по течению, пока не достигла дальней оконечности обширной холмистой и поросшей лесом возвышенности, зажатой между двух рек, которую беглый проводник называл «Островом». Ни одно из местных племен за это время больше ни разу не потревожило финикийцев, хотя то и дело на пути армии попадались жилые селения. Разведав все возможные подходы и ближайший брод через вторую реку, Ганнибал принял решение сделать здесь длительную остановку и дать армии несколько дней отдыха.

— Дело ясное, — сказал Летис, узнав об этом приказе. — Говорят, уже не так далеко опять горы, а за ними и Рим. Самое время отдохнуть перед решающей схваткой.

— Да и Урбал немного поправиться за это время, — согласился Федор, поглядывая на походный шатер, где сейчас лежал раненный друг, — а то растрясло его на повозке. Дороги здесь ужасные.

— Это верно, — не стал возражать Летис. — Сплошные леса да реки. Солнца мало. Не нравится мне здесь.

Он достал свои кинжалы и принялся их чистить, уйдя в воспоминания о Карфагене. Федор не стал спорить насчет солнца, хотя в родном Питере его было еще меньше. А здесь оно время от времени выглядывало, согревая усталые тела изможденных долгим походом солдат. Иногда светило целыми днями. В общем, Федор не таил обиду на местный климат, так не нравившийся его другу, выросшему в знойной Африке.

Но сейчас сумерки уже сгустились, и на землю опустилась прохлада. Только что в седьмой спейре африканцев закончился ужин. Друзья сидели у костра, завернувшись в шерстяные плащи, отдыхая и потягивая слабое вино.

Глядя на огонь, разгонявший густой мрак, каждый думал о своем. Мелодичное потрескивание поленьев в костре настроило Федора на романтический лад, и он снова вспомнил о Юлии. «Как там она? — подумал морпех, в который раз вспоминая свое бегство с виллы сенатора Марцелла. — Что с ней сделал отец? А может, простил, и она уже вышла замуж за Памплония, как и собиралась?»

От этой мысли Федору стало тошно, и он постарался отогнать навязчивые мысли, отпив еще вина. Но не так-то просто отделаться от мыслей о девушке, которая ни днем, ни ночью не выходит у тебя из головы. В одно из этих мгновений Федору вдруг показалось, что Юлии больше нет в живых. Что после его бегства она наложила на себя руки, чтобы избежать свадьбы с ненавистным женихом, навязанным ей отцом-сенатором.

«А что? — подумал Федор как-то отрешено, вспоминая характер Юлии. — Она смогла бы, она сильная. Она не смирится». Хотя все же надеялся, что не прав. Тем более, что обещал никогда не забывать и даже вернуться за ней.

— И я вернусь, — проговорил, забывшись, Федор вслух, по-финикийски, — и найду тебя, что бы ни случилось.

— Ты о чем? — Летис оторвал взгляд от начищенного лезвия кинжала, на котором играли отблески костра.

— Да так, — отмахнулся Федор, поднимаясь. Он все чаще ловил себя на мысли, что финикийский стал его новым родным языком. — Не бери в голову. Я пойду спать.

Он встал и направился к шатру. Ночью пошел дождь, он лил не переставая, и наутро армия получила приказ оставаться на месте. Дождь продолжался еще три дня подряд. И, когда, наконец, закончился, было решено подождать еще, пока немного просохнет разведанная дорога, то и дело проходившая по болотистым местам.

Федор со своими лазутчиками, сменившими численный состав уже в который раз, сам принимал участие в разведывании местных троп. Единственная лесная дорога шла на север, по холмам, к переправе через небольшую речку, называвшуюся на местном наречии Изер, и

сразу за ней сворачивала на запад, где до самого горизонта виднелись поросшие лесом холмы. Несмотря на уверения Летиса, знавшего со слов других солдат, что горы недалеко, их никто пока не видел.

«И все же, — думал Федор, стоя вместе со своими разведчиками на вершине одного из холмов по эту сторону реки, — Альпы нам не миновать. Не сейчас, так через месяц или два. Другого пути к Риму нет. По морю туда не проплыть, значит, полезем опять в горы».

За прошедшие с начала похода три с лишним месяца Федор уже отвык от скрипа палубы и корабельных снастей, но зато привык к походной жизни. И не мыслил своего существования без изнурительных дневных переходов, вылазок в окрестные селения или на перевалы, караулов и ночевки в огражденном лагере. Он уже совершенно спокойно засыпал под рев слонов или топот нумидийской конницы, ведь отдохнуть на войне можно лишь тогда, когда выдалось время. В любой момент мог поступить приказ выступить дальше или готовиться к бою. Так что Федор чувствовал себя уже вполне закаленным пехотинцем, которому нипочем ни дождь, ни снег.

К своему удивлению, за время похода он не только ни разу не был ранен в стычках с врагами, но даже ни разу не заболел. Зато оперировал бедро Летису, чего тот до сих пор не мог забыть. Нога у него восстановилась, хотя Федор в глубине души приписывал это не своему мастерству хирурга-коновала, а природному здоровью Летиса, вытянувшему раненный организм. Чайка зашил и рану на плече Урбала, но тот часто впадал в беспамятство и бредил, так что Федор даже начал беспокоиться, что занес инфекцию. К счастью, примерно на десятый день пребывания в лагере — а вместо двух дней они простояли на месте почти две недели — Урбал пошел на поправку. Он уже не метался в бреду, а начал понемногу есть и даже вставал, чтобы подышать воздухом и посмотреть на окружавшие лагерь леса.

С тех самых пор, когда они штурмовали замок васконского вождя, Федор держал среди своих вещей в обозе набор щипцов, игл и тонких кинжалов, использовавшийся для вынужденных операций. Инструменты оказались неплохие, но, к сожалению, не всегда могли сгодиться. Иногда он даже подумывал, не заказать ли местным кузнецам недостающие. Да все как-то времени не хватало.

Лагерь армии Ганнибала был выстроен прочно и занимал вершины сразу нескольких холмов. Здесь собралась вся армия, которой предстояло вторгнуться в пределы римских владений. На некотором удалении от лагеря, ограждая его от врагов, текли две реки.

Рыская уже который день по окрестностям со своими разведчиками, Федор много раз наткнулся на разъезды нумидийцев, иберийцев и пеших солдат из других хилиархий. Похоже, Ганнибал стоял на месте не просто так — он собирал сведения, готовился к переходу через Альпы и чего-то ждал. Иначе Федор не мог объяснить себе столь длительной остановки, ведь дороги уже неделю как просохли.

Однако, скоро отдыху пришел конец. Как-то вечером Магна вызвал его в свой шатер и объявил:

— Завтра выступаем, сообщи бойцам, чтобы все были готовы.

Федор кивнул и не удержался от вопроса:

— А что, есть какие-то новости о римлянах?

— Есть, — Магна помедлил, но все же рассказал. — Акрагар сообщил, что вчера прибыл гонец, наш шпион из Массалии. Со дня на день в дельте Роны должна высадиться римская армия под командованием консула Публия Корнелия Сципиона. Он знает о нашем продвижении и попытается догнать нас.

Магна помолчал и добавил:

— Но ему это уже не удастся. Многие местные племена на этом берегу поддерживают нас. Продвижение солдат Сципиона будет затруднено, к тому же у него на пути болота, оставленные нами за спиной. Ганнибал уверен, что к тому времени, как он дойдет сюда, мы уже окажемся по ту сторону гор. И если Сципион не дурак, то он вообще сюда не пойдет.

— Ганнибал уже не раз доказывал свой талант провидца, — согласился Федор. —

Думаю, не ошибется и на этот раз. Я оглашу твой приказ.

Сказав это, он покинул шатер командира спейры.

На следующее утро великий поход на Рим возобновился. Лагерь был разобран, и многотысячная армия финикийцев, ливийцев, берберов, нумидийцев, иберийцев и кельтов снова начала движение в сторону Рима.

Две недели назад, когда он наблюдал армию на марше вдоль Роны, Федору показалось, что с тех пор, как они покинули испанские владения Карфагена, количество солдат заметно уменьшилось. Причиной тому являлись периодические столкновения с враждебными племенами, болезни и смерть от несчастных случаев в дороге. Бойня, устроенная племенем Бридмара на переправе, тоже не добавило боеспособности армии.

Но теперь у Федора появились новые ощущения. В первый день они спокойно переправились на другую сторону реки. Переправу охраняли кельты, глядя на которых Федор усомнился, что видел эти племена в составе армии раньше. Впрочем, он мог и ошибаться. Кельтов из Испании в этой армии насчитывалось тысяч пятнадцать, не меньше, а видел он и мог различить по принадлежности к племени далеко не всех. Но вскоре его догадка подтвердилась.

— Ганнибал набрал новых солдат среди местных племен, — сообщил ему на первом привале Магна. — Наша армия стала больше на несколько тысяч человек.

— А эти бойцы служат за деньги? — поинтересовался Летис. — Или, как наши нумидийцы и берберы, исполняют повинность?

— Можешь спросить об этом у Ганнибала, если захочешь. — отшутился Магна. — Но я слышал, что эти кельты сами перешли на нашу сторону и захотели принять участие в походе на Рим. Они ненавидят римлян.

— Ну что же, — поддержал разговор Федор, — если так пойдет дальше, то к тому моменту, как мы перейдем через горы, у нас снова наберется стотысячная армия. Вот только слонов здесь не найти взамен убитых.

— Ничего, — отмахнулся Летис, — слонов у нас хватит. Все равно у римлян их нет вообще. Нам бы только дойти быстрее, перевалить через горы без потерь, а там против нас никакой Рим не устоит!

— Долго еще идти? — спросил Федор, посмотрев на Магну.

— Не знаю точно, — ответил командир спейры. — Ганнибал выслал на разведку целую конную хилиархию нумидийцев. Мы солдаты, и просто выполняем приказы. А куда мы идем, знает только он один.

— Это точно, — подтвердил Летис. — Мы солдаты.

— Днем раньше, днем позже, — подшутил над ним Федор. — Какая разница?

— Лучше раньше, — не понял юмора здоровяк. — Хочу быстрее померяться силой с римлянами.

— Успеешь, — ответил Федор и покосился на Магну. — Они наверняка уже сами нас ищут.

— Скорее бы, — вздохнул Летис, положив руку на ножны фалькаты.

Через пять дней форсированного марша, за время которого они преодолели ещё не меньше ста километров вдоль русла Роны — как оказалось, вытянувшись сначала на запад, путь затем снова поворачивал на север, уводя армию все дальше от побережья — они достигли обжитых мест. На этих холмах уже чаще встречались деревни и большие селения. А еще через пару дней испанская армия, пополнив запасы продовольствия, оставила в стороне немалый по местным меркам городок Виенну. Обитавшее здесь племя кельтов — с ними Ганнибал заблаговременно вступил в переговоры — также выставило почти две тысячи своих солдат на войну с Римом. После Виенны армия Карфагена, наконец, свернула на восток и пошла вперед быстрее обычного, делая в день по двадцать километров против обычных пятнадцати.

С такой скоростью они шли уже третью неделю, то поднимаясь на холмы, то вновь спускаясь вниз. Лес понемногу редел, одевался в багрянец. Становилось прохладнее. По

расчетам Федора, на дворе стоял не то сентябрь, не то октябрь. А дорога — точнее, сразу несколько параллельных путей — по которой продвигалась огромная армия, уже несколько дней подряд плавно забирала вверх. Альпы приближались.

Очередной лагерь они разбили уже в предгорьях, на берегу какого-то большого и втянутого озера. Рассматривая окрестности, Федор увидел несколько высоких скал, на склонах которых местами лежал снег. «Интересно, — подумал морпех, глядя на вытекавшую из озера реку и кутаясь в свой шерстяной плащ, — это часом не будущее Женевское озеро? Очень похоже. Оно как раз должно быть где-то здесь».

Но просветить его никто не мог. Всезнающий Урбал поправился, но сейчас уже спал в шатре. А Федор периодически тосковал по беседам с умными людьми. Он любил все изучать, но здесь ему частенько не хватало информации. Не было у любознательного морпеха ни карты, не путеводителя, ни фотоаппарата, о котором он тоже иногда вспоминал, страстно желая запечатлеть происходящее для истории. Но вернуться обратно в двадцать первый век, чтобы взять все это, он не мог, поэтому приходилось надеяться только на память.

Случалось, Федор вспоминал Магона и его общительного слугу Акира, являвшегося его первым гидом по древнему миру, казавшемуся теперь таким естественным и реальным. А мир, где люди умеют летать по небу на самолетах и погружаться в пучину на подводных лодках, уже представлялся ему сказкой. Нет его, того мира. А может, и никогда не существовало. И лишь воспоминания об оставшихся там родителях не давали поверить в это на все сто процентов.

Но однажды судьба поднесла ему подарок, сведя еще с одним интересным человеком. В штабе Атарбала, занимавшем несколько шатров, куда Федора отправили по приказу Акрагара с совершенно смутной формулировкой, он встретил походного летописца по имени Юзеф. О нем ему как-то рассказывал Урбал, сам мечтавший со временем попасть на подобную должность.

Юзеф — низкорослый седовласый финикиец с опрятной бородкой, лет сорока на вид, исполнял обязанности государственного письмоводителя. Проще говоря, он записывал приказы, отдаваемые Атарбалом своим африканским подразделениям, и рассылал их с посыльными по хилиархиям. А в оставшееся время записывал все события, происходившие с армией Ганнибала вообще и африканскими хилиархиями в частности.

Прибыв на место, Федор обнаружил, что его вызвали как свидетеля недавних боев, чему он несказанно обрадовался. Акрагар назвал его одним из героев переправы. И Юзеф, занимавший под свою походную канцелярию отдельный шатер, захотел во всех подробностях услышать рассказ о переправе и битве с кельтами Бридмара, чтобы записать его в красках для начальства. А после победоносного похода отправить одну из копий в библиотеку Карфагена для потомков.

Федор с удовольствием рассказал все, что видел своими глазами. Чтобы рассказ не тяготил гостя, Юзеф угощал его вином и сладостями. В шатре у него оказалось так уютно, что Федор, увлекшись разговором, даже на некоторое время позабыл о шумевшем вокруг военном лагере. А когда выложил, все что знал, Юзеф задал наводящий вопрос:

— Верно ли, что Федор Чайкаа прибыл из далеких северных земель?

Получалось, что верно. И Юзеф еще долго расспрашивал его о жизни в тех краях, а потом все подробно записал и даже набросал со слова Федора карту северных земель. В общем, Чайка провел в штабе несколько часов и вернулся в расположение своей хилиархии только под вечер, очень довольный тем, как провел время. С тех пор, когда выпадала свободная минутка, он иногда сам навещался в гости к Юзефу, если тот, разумеется, не был слишком обременен государственными делами.

Кроме разговоров о путешествиях и далеких землях, куда заглядывали финикийские мореплаватели, Юзеф иногда сообщал Федору и кое-какие секретные новости касательно продвижения армии. Нет, он, конечно, не выдавал своему собеседнику государственных тайн, но, забывшись, случайно выбалтывал интересные сведения и факты, иногда

проливавшие свет на характер Ганнибала и многих военачальников его армии. А Федор мотал на ус. В его положении все это могло когда-нибудь пригодиться.

Через несколько дней после того, как они покинули лагерь у большого озера, начались настоящие горы, и армия Ганнибала, изможденная быстрым и затяжным маршем, снова растянулась по ущельям. Здесь было холоднее, чем в Пиренеях, хотя с той поры прошло два месяца, и наступила уже настоящая осень. Федор, давно привыкший к горным пейзажам, с удивлением смотрел, как слоны, подгоняемые криками погонщиков, поднимаются на перевал, растапывая снег. Как-то не вязались у него раньше слоны со снегом, а теперь он видел это своими глазами.

Преодолев на рассвете невысокий альпийский перевал, двадцатая хилиархия остановилась. За ней двигался осадный обоз и инженерные части. Впереди африканцев вышагивали слоны, охраняемые иберийской конницей и пехотой. Но с высоты перевала Федору показалось, что поток солдат разделялся внизу на два рукава. Один уходил направо и уже поднимался по ущелью вверх на видневшийся там заснеженный и узкий перевал. А другой поток, повернув налево, остановился.

— Что-то не так, — поделился сомнениями Урбал, уже несколько дней находившийся в строю. Рана на его плече еще болела, но он предпочитал передвигаться пешком, как все здоровые воины.

— Наверняка, Ганнибал предпринял очередной маневр, чтобы сбить римлян с толку, — заявил Летис, взявшись рукой за кожаный ремень переброшенного за спину щита.

— Поживем, увидим, — философски заметил Федор, глядя на посыльного, спешившего напрямик в седьмую спейру. — Мне кажется, что это по нашу душу.

Он не ошибся. Имея и других разведчиков, командир всех африканских частей Атарбал вызвал к себе в голову колонны именно разведчиков из седьмой спейры двадцатой хилиархии, уже прославившейся на всю испанскую армию.

— Чтобы быстрее миновать горы, Ганнибал приказал нам идти через соседнюю долину, — сообщил командир африканцев после прибытия Акрагару, Магне и стоявшему рядом Федору. — Но там, за этим хребтом, селения кельтов, с которыми мы не смогли договориться.

— Они предпочитают римлян? — поинтересовался командир хилиархии.

— Нет, они не любят римлян, но не хотят пропустить и нас, — пояснил Атарбал. — Даже за золото. Поэтому нам придется выбить их с перевалов.

Он прищурился на восходящее солнце, сурово посмотрел на Акрагара и закончил постановку задачи:

— Чтобы не рисковать всеми африканцами мы должны провести разведку, — сказал Атарбал. — Если понадобится — боем. Твоя двадцатая хилиархия имеет хороших разведчиков и потому пойдет первой.

Командир африканцев помолчал, сделав паузу.

— Наступает важный момент, — сообщил он, наконец. — Вы должны подняться и захватить этот перевал, открывающий путь в ущелье. Ганнибал пошел по обходной дороге, но этот путь короче. Кроме того, нельзя оставлять враждебных кельтов в тылу. Они могут напасть в любой момент.

Он вдруг понизил голос и уточнил:

— Если мы выйдем засевших там кельтов, то будем у последнего перевала, где соединяются пути в долину реки По, раньше Ганнибала с иберийцами. А если нет, то застрянем здесь еще на много дней — главный известный путь в северную Италию очень узок и опасен. По нему невозможно продвигаться быстро. Особенно со слонами.

— Мы возьмем этот перевал, — самоуверенно заявил Акрагар.

Получив задание, командир полка, как его величал Федор, Магна и сам морпех зашагали обратно мимо остановившихся солдат в самый конец колонны.

— Ты все слышал, — напутствовал Акрагар Магну, — бери всю спейру и выдвигайся вперед. Как доберешься до перевала, пришлешь гонца. А остальные спейры пойдут следом.

— Ну, вот, — не удержался от ерничества Федор, когда они остались вдвоем, — а ты, помнится, говорил в Испании, что Акрагар забудет тебе штурм без приказа, личную встречу с Ганнибалом и золото васконов.

— Да, — согласился Магна, бросив взгляд на горы, таившие опасность. — Похоже, он решил послать нашу спейру на верную смерть.

— Ничего, где наша не пропадала. — отмахнулся Чайка и указал на скалы, сжимавшие довольно высокую, но вместе с тем и достаточно широкую седловину. — Я пойду с разведчиками вперед. Вон по тому хребту можно обходным маневром подобраться почти к самой вершине и оттуда посмотреть на перевал. А то и спуститься. Там нас наверняка не ждут.

— Это опасно, — засомневался Магна, — там довольно круто.

— А идти в лоб глупо, — ответил Федор, — подходы открытые. Пока дойдем, всех перебьют. Массу людей положим. Это всегда успеется.

— Хорошо, — согласился Магна, — если все чисто — обмотай стрелу черной материей, прежде чем послать ее вниз. Обнаружишь кельтов, дай сигнал горячей стрелой. Если до середины дня сигнала не будет, мы начнем подниматься сами.

Собрав всех разведчиков, из которых десять человек были новобранцами, Федор легким бегом направил подразделение вниз, в долину, а оттуда, оставив армию за спиной, по ложбине они пробрались к подножию горы. Урбал, несмотря на ранение, тоже вызвался идти с ними.

Минут двадцать, лежа за камнем, Федор рассматривал возможные пути подъема по тому хребту, что наметил себе еще сверху. От самого подножия хребта до середины подъема тянулся ледник. Пробираться к двугорбой вершине, левая щербатая сторона которой нависала над относительно несложным перевалом, можно было только по узкой каменной полоске, и долгое время пришлось бы находиться на виду у тех, кто, возможно, засел на перевале. Со своего наблюдательного пункта Федор никого не видел, но испытывал непреодолимую уверенность, что кто-то там есть. Оставалось узнать, сколько там врагов.

Немного поразмыслив, Федор принял решение обогнуть этот хребет у самой подошвы и двинуться с другой стороны. Что там находилось — неизвестно, зато никто не увидит их подъем.

Справа над перевалом нависала огромная снежная шапка, а под ней имелся вполне приличный снежник. Это говорило о том, что здесь частенько сходят лавины. Открытая дорога до самого перевала, в принципе, казалась довольно безопасной. Она петляла между нескольких холмов и морен, огибала ледник, затем резко забирала вверх, проходила под снежной шапкой и пропадала между двух вершин. Именно так и предстояло двигаться армии.

— Вперед, бойцы, — приказал Федор после того, как все проверили снаряжение еще раз. — Послужим Карфагену.

И, пригнувшись, первым стал пробираться между валунами. Сейчас в отряде у него состояло двадцать восемь человек. Все экипированы в соответствии с его представлениям о диверсантах и возможностями походных кузнецов — кожаные панцири, твердые закрытые ботинки с «шипами», веревки с крючьями и для обвязки, «ледорубы». Из оружия у пятнадцати человек были фалькаты, щиты и кинжалы, у остальных десяти сверх того еще и луки. Дротики решили не брать, чтобы не усложнять подъем. И, кроме того, Федор ввел еще одно новшество — он приказал оставить на время операции свои прочные железные шлемы греческого образца внизу, а вместо них надеть иберийские кожаные из жил. Выглядели они, конечно, подозрительно, но получилось вдвое легче и удобнее. Пару прямых ударов держали — морпех проверил — а на большее и рассчитывать не приходилось.

Оказавшись за хребтом, Федор с большим неудовольствием обнаружил там другой ледник. Но отступать было поздно, надо продвигаться вперед, радуясь тому, что теперь враг их не заметит до тех пор, пока они не окажутся на вершине. Да и время поджимало. Подъем, даже не осложненный встречей с кельтами, обещал занять не меньше пяти часов.

— Двигаемся быстро, — напутствовал своих подопечных Федор, когда они запрыгали вверх по камням, — но осторожно. Ледник нервных не любит.

В глубине души он надеялся, что им не придется ходить по леднику, но снизу не просматривался весь подъем до конца. Примерно час они двигались по каменной осыпи и твердому склону, но затем им все же пришлось ступить на ледник. В одном узком месте он подходил к самому хребту, вздымавшемуся здесь почти отвесно.

— Связаться веревками, — приказал Федор, подув на замерзшие руки.

Бойцы выполнили приказ. Сам он привязался веревкой к двум новобранцам. А Урбал и Летис стали ведущими других троек, как наиболее опытные бойцы.

— Я пойду первым, — заявил Федор и осторожно ступил на ледник.

Лед под ним тут же хрустнул. Нервный холодок пробежал по спине. Но, к счастью, все обошлось. Ноги упирались в нормальный лед, без глубоких трещин. Однако, общий вид замерзшего языка не внушал Федору доверия. Он оказался весь запорошен снегом, скрывавшим разломы и трещины.

Первая тройка прошла ледник нормально. Расслабился Федор только после того, как оказался на другой стороне и ощутил под ногами камень.

— Давай! — махнул он рукой Урбалу. — Иди по моим следам.

Урбал и Летис, спустя короткое время, тоже оказались рядом с ним. Четвертая связка, ощупывая тропу ледорубами, тоже прошла ледник нормально. А когда на него ступила пятая, то ведущий ее солдат сразу взял левее от общей тропы. Стоило ему пройти метров пять, как раздался треск, и вся тройка провалилась под лед. Двое исчезли сразу, а третий успел воткнуть острие ледоруба в лед, но вес своих товарищей выдержал всего несколько секунд. И с криком рухнул вслед за ними.

Федор отвязал от себя солдат и, приказав обоим крепко держать веревку, подобрался к провалу. Лег на грудь и заглянул в трещину. Он увидел трех мертвецов. Они лежали с переломанными позвоночниками на глубине пяти метров, не подавая признаков жизни.

— Хорошенькое начало, — пробормотал он, выбираясь наверх.

Остальные связки прошли ледник нормально, но очень медленно. Карфагеняне потеряли здесь почти полтора часа. Потом, наверстывая, до самой вершины шли быстрее, несмотря на постоянные осыпи. Но больше ничего примечательного с ними не случилось, если не считать ледяного ветра, дувшего с завидной постоянностью. От него не спасали даже шерстяные плащи, предусмотрительно захваченные с собой. Некоторые бойцы, дети африканской земли, сильно страдали от холода. Но, к удивлению Федора, большинство переносило его вполне нормально.

Оказавшись на уровне перевала, Федор попытался осмотреться, но это у него не получилось. Отсюда совершенно не просматривалась сама седловина. Зато он с удивлением отметил какое-то движение войск карфагенян вниз.

— Что они там затеяли? — пробормотал он, глядя, как какая-то спейра медленным шагом начала подъем в гору. — Мы же еще даже до перевала не добрались.

— Может, их Акрагар поторопил? — заметил на это Урбал. — Решил, что мы слишком долго поднимаемся. И не стал дожидаться сигнала.

— Сам бы попробовал, — сплюнул Федор, вспомнив три запорошенных снегом трупов в трещине ледника. — Ладно, привал окончен. Двигаемся дальше.

Но на вершину они поднялись только через час. Путь на нее оказался крутым, и пришлось самому Федору лезть наверх, крепить веревки. «Я эти горы в телевизоре видал! — кипятился командир разведчиков, пытаясь закрепить „ледоруб“ в трещине, но затем плюнул и обвязал веревкой камень. — Так надежнее».

Когда все солдаты осторожно поднялись на вершину, нависавшую над перевалом, то увиденное превзошло все ожидания Чайки. Прежде всего он заметил, что спейра африканцев — а это наверняка была их седьмая спейра — уже поднялась почти под самый перевал, двигаясь маршем прямо по тропе.

— Не могли дождаться сигнала, — выругался Федор, решив, что Акрагар дал приказ

выступать раньше.

Но тут же он увидел и многочисленных кельтов, в своих пестрых шерстяных одеяниях усеявших все склоны горы с другой стороны перевала. Их насчитывалось не меньше тысячи. Там же в долине находилось селение, окруженное каменным забором, рядом с которым виднелось более многочисленное войско в полной боевой готовности. Часть кельтов копошилась на перевале, перегораживая его и выстраивая какие-то баррикады из камней. А еще с десятков солдат притаились на противоположной вершине, откуда над тропой свешивалась снежная шапка.

Там, куда пробрались разведчики, кельтов не наблюдалось. Взобраться на эту вершину из-за ее крутизны, впрочем, как и спуститься, можно было только по веревкам, даже со стороны самого перевала.

— Да они, никак, лавину спустить хотят, — высказался вслух Федор. — Или камнепад устроить. Вот, сволочи! Эй, лучники, все ко мне!

Когда рядом с ним оказались все десять воинов, вооруженных луками, он отдал приказ, вытянув руку в сторону приближавшихся финикийцев.

— Ты, — сказал он ближайшему лучнику, — немедленно подожги стрелу и отправь ее в сторону наших. Всем остальным занять позиции за камнями и ждать приказа стрелять в кельтов на другой стороне. Мы должны помешать им, что бы они ни задумали.

Лучники быстро распределились по вершине, выбирая позицию для стрельбы. Кельты их не видели, так как карфагеняне находились чуть выше и скрывались за уступами скалы. Лучник, получивший приказ дать сигнал, вытащил кусок кремния и стал высекать искру. Федор нервно терпел минут десять, но у бойца ничего не получалось. То ли просмоленная тряпка, обернутая вокруг древка стрелы, все же отсырела, то ли огниво не давало нормальной искры, но огонь не вспыхивал.

И тут вдруг с той сторон перевала послышался странный шум. Федор выглянул из-за камня и в ужасе обнаружил, что по склону несетя сразу несколько валунов. Пробив снежную шапку в нескольких местах, они устремились вниз, с грохотом подпрыгивая на каждом выступе скалы. Несколько секунд ничего не происходило, но затем снежная шапка пришла в движение. Сначала она осела, а затем развалилась на несколько белых глыб и потекла дальше, увлекая за собой снежные массы.

Федор перевел напряженный взгляд вниз. Седьмая спейра уже почти достигла перевала и ступила на заснеженный склон. Раздался крик командира. Увидев, что им навстречу несутся камни, а за ними лавина, солдаты бросились на другую сторону склона, но добежать успели не все. Разогнавшаяся лавина слизнула человек тридцать, кто не успел переместиться в сторону, и нанесла свой страшный удар по следующей спейре карфагенян. Федор в ужасе и бессильной ярости смотрел, как стремительно движущийся снег захватывает, перемалывает и выплевывает десятки солдат, оказавшихся на его пути. Лавина грохотала недолго, но когда снежное крошево улеглось, докатившись почти до самого низа, под ним оказались погребенными несколько сотен финикийцев. Их щиты и мечи блестели на солнце, выступая из-под завалов.

— Суки! — процедил сквозь зубы Федор, думая о кельтах, но мысленно пожелав, чтобы Баал-Хаммон преждевременно забрал к себе того, кто отдал этот идиотский приказ выступать раньше. — Ну, я вам покажу!

Он обернулся к растерянному солдату, так и не успевшему поджечь стрелу.

— Выбрось ее, — приказал Федор, — теперь уже поздно. Бей кельтов, что на той стороне. И все остальные тоже. Отомстим за погибших бойцов!

Лучники, давно ждавшие этой команды, выпустили по стреле. Сразу несколько кельтов, из тех, что устроили сход лавины, упали замертво. Остальные, с удивлением воззрившиеся на соседнюю вершину, приняли смерть следом. Никто из них не спустился вниз. Все остались лежать на снегу.

— Трое ко мне! — крикнул Федор мечникам. — Ну-ка, помогите мне сбросить вниз эту глыбу.

Он подскочил к огромному валуну, приткнувшись на самом краю, и стал расшатывать его изо всех сил. К нему тотчас присоединились два пехотинца. Глыба ходила ходуном, но не сдвигалась с места. И лишь когда рядом оказался Летис, упершийся в нее могучим плечом, камень сорвался, наконец, вниз. Сделав несколько оборотов, он с грохотом влетел в скопление кельтов на перевале, раздавив не меньше дюжины человек и поранив еще столько же.

— Вот так вам! — удовлетворенно выдохнул Федор. — Знай наших!

Теперь их заметили. Снизу засвистели стрелы, но позиция для стрельбы не отличалась удобством. Укрывшись за камнями, разведчики, вооруженные мечами, оставались невредимыми, а лучники отвечали огнем на поражение и уничтожили немало разъяренных кельтов к тому моменту, когда первые солдаты Карфагена ворвались на перевал. Это была седьмая спейра, от которой осталось не больше половины.

Когда бой закипел у них под ногами, Федор приказал сбросить веревки с этой стороны и скоро все подразделение оказалось внизу, присоединившись к своим.

— Живы? — коротко бросил Магна, заметив Федора, на его глазах обрубившего руку с топором кельту дикого вида, затем для надежности проткнувшего его острием фалькаты и оттолкнувшего в сторону.

— Пока да, — ответил Федор, поднимая повыше щит. — Бестолковая разведка. Как наши?

— Это все, кто остались после лавины, — махнул рукой Магна, указав себе за спину.

Там билось человек семьдесят, не больше. Следом шла восьмая спейра, также обескровленная обвалом. За ней показалась еще одна, стремительно взбиравшаяся на захваченный сходу перевал. Федор не стал спрашивать, кто приказал наступать раньше. Сейчас это было уже не важно. Он приказал себе забыть об этом и рубился до конца, отбиваясь от разъяренных кельтов, рванувшихся в атаку.

Закрепившись на перевале, карфагеняне сами перешли в наступление. Жестокий бой шел до самого вечера, но к сумеркам они пробили себе путь на следующий перевал, уничтожив всех кельтов, что стояли у них на пути. Но и дальше их ждал горячий прием. Федор и его разведчики даже ходили в ночную вылазку, но пробраться в темноте по незнакомым скалам не удалось.

Короткий путь, который они рассчитывали преодолеть быстро, превратился в путь кровавый. Их встречали на каждом из трех перевалов, возвышавшихся на этом пути, преграждая дорогу в долину реки По. И везде шли ожесточенные схватки. Дважды воины Карфагена попадали под камнепады, устраиваемые местными горцами с завидной ловкостью. Один раз Федор едва сам не погиб под лавиной, свалившись со скалы в снег. Но выжил, лишь слегка повредил плечо.

Эта бойня продолжалась еще неделю, но, в конце концов, потеряв тысячи бойцов, они пробились, сбросив враждебные племена в пропасть или заставив покориться. И соединились со второй частью армии Ганнибала, также испытывшей на себе силу и коварство горцев.

В одном из боев за последний альпийский перевал, откуда начиналась широкая дорога в Италию, погиб Магна. Его убили стрелой.

Когда бой завершился, все выжившие солдаты из седьмой спейры собрались вокруг своего мертвого командира. Изможденный Федор опустился рядом на одно колено и, зачерпнув горсть снега, лизнул белый шар. Снег показался ему соленым. Вытянув руку, морпех заметил, что по рассеченному предплечью стекает тонкой струйкой кровь. Но боли он почему-то не чувствовал.

Рядом молча стояли Урбал и Летис. Федор тоже встал и перевел взгляд с мертвого тела вдаль. Туда, где с перевала виднелась широкая живописная долина. Дорога теперь шла только вниз. Петляя между желто-зелеными холмами, она приводила к истокам бурной реки. Высокие горы закончились. Эта залитая солнцем долина вдруг показалась Федору теплой, красивой и какой-то нереально мирной.

— Италия, — прохрипел он. — Вот и дошли.

Часть вторая На краю гибели

Глава первая Долина реки По

Федор отодвинул рукой ветку и замер — на другом берегу, примерно в сотне метров от места, где пряталась его группа, поблескивая доспехами на солнце, продвигался отряд римской пехоты. К счастью, река была хоть и не широкой, но быстрой. А засели они на высоком берегу. Даже если римляне заметят разведчиков, скрытых буйно разросшимся вдоль берега кустарником и деревьями, у них будет время скрыться. Но Федор не торопился, а лежавший в двух метрах от него Летис и подавно. Он даже подмигнул новоиспеченному командиру спейры, который до сих пор сам ходил в разведку, что неплохо бы пустить кровь этим зазевавшимся легионерам. И Чайка его понимал. Настроение у карфагенян было самое боевое. Еще месяца не прошло с того дня, как они, спустившись в долину реки По и не успев толком передохнуть, повстречали близ одного из ее северных притоков армию римлян под командованием консула Публия Корнелия Сципиона.

Как вскоре сообщили дружественные кельты из обитавших в этих местах племен инсубров и бойев, то оказалась сильно потрепанная ими в недавней битве армия претора Луция Манлия. Эту армию недавно принял под свою руку появившийся здесь, словно из ниоткуда, консул Сципион. Узнав о его прибытии в долину реки По, Ганнибал удивился не менее, чем сам Сципион, не ожидавший, что карфагеняне уже находятся в северной Италии.

Проморгавший стремительный бросок армии Карфагена через Галлию и опоздавший с высадкой своей армии в устье Роны, римский консул жаждал отыграться за свои промахи. Оставив большую часть своих легионов у Массалии, Сципион поспешил навстречу Ганнибалу вдоль побережья, захватив с собой лишь несколько тысяч солдат, присоединенных к потрепанной армии претора, которому тоже пока было нечем похвастаться.

Федор, став непосредственным участником событий, с трудом вспоминал все, что раньше читал об этом. Если полагаться на историков, то некоторое время назад римские консулы, желая потеснить многочисленные поселения галлов на оккупированной земле своими гражданами, отдали приказ об основании двух латинских колоний в долине реки По. В каждую из них отправилось по несколько тысяч поселенцев, обязанных обосноваться в новых местах и доложить римлянам о своем прибытии. Там же находился и легион под командованием претора, предназначенный для охраны новых хозяев этих мест и проведения карательных акций среди галльского населения. Но не успели новоселы прибыть, как инсубры и бойи, воодушевленные скорым приходом Ганнибала, восстали. Они внезапно атаковали легион Манлия, сильно уменьшив количество римских солдат, а заодно и поселенцев. Разбитым римлянам пришлось отступить.

Появившись вскоре в долине реки По, римский консул решил взять власть в свои руки. Желая реванша, Публий Корнелий Сципион, не долго думая, атаковал Ганнибала у реки Тичин. Но лихой кавалерийский наскок — а бой велся преимущественно всадниками — не удался. Испанская конница Ганнибала оказалась гораздо лучше обучена и превосходила римлян количеством. А, кроме того, Ганнибал пустил в дело боевых слонов, просто-напросто растоптавших половину сил консула. В таких условиях нападение Сципиона являлось большой глупостью. Он, похоже, надеялся на внезапность и свою смелость, но в итоге просчитался. В общем, римская конница была разгромлена, а сам Сципион ранен и едва спасся.

Так закончилась первая стычка карфагенян с римской армией, после которой боевой

дух солдат Ганнибала, и без того крепкий, взлетел до небес. Даже еще не полностью оправившись от перехода через Альпы, где пришлось оставить едва ли не половину армии, слонов и почти весь осадный обоз, войска снова рвались в бой.

У самого спуска в долину их встретили послы дружественных племен — бойи, инсубры и кеноманы — от которых Ганнибал узнал, что жадные альпийские горцы в последний момент предали его из-за происков римлян, взяв золото и у них, несмотря на то, что карфагеняне сполна заплатили за свободный проход через перевалы. Все горцы были уничтожены, но и финикийцам дорого обошлось это предательство. Теперь армия Ганибалла едва насчитывала тридцать тысяч человек, из которых двенадцать тысяч приходилось на долю кавалерии. И только пятнадцать слонов им удалось переправить через Альпы. Остальные животные замерзли или приняли иную смерть в дороге.

Однако, вождь Карфагена немедленно провел мобилизацию среди дружественных племен кельтов и быстро увеличил армию почти до тридцати пяти тысяч.

Выяснив, что инсубры теперь бьются на его стороне, Федор с осторожностью всматривался в свирепые лица кельтов из этого племени, вспоминая, как на римской службе участвовал в карательной экспедиции, посланной для уничтожения одного из племен инсубров. Находясь под присягой, Федор носил тогда форму легионера и принужден был убивать впервые увиденных кельтов. Морпех в свое время оторопел от их бесстрашия. Никто из окруженных инсубров не сдался в плен, все погибли с мечами в руках, защищая свою землю. И вот теперь им предстоит сражаться на одной стороне, и, признаться, Федор радовался этому. Кельты — хорошие воины, порой даже слишком. И где бы они ни обитали, в Испании или Италии, боевой дух присутствовал у всех кельтских племен. Видимо, поэтому Ганнибал предпочитал иметь их среди своих солдат. В отличие от римлян.

Допрос пленных после первого сражения привел Ганнибала в отличное настроение — римляне и не подозревали о планируемом вторжении, занимаясь подготовкой к собственному. Консул Публий Корнелий Сципион со своим братом Гнеем Корнелием Сципионом сами готовились вторгнуться в Испанию, но этот план сорвался, поскольку Ганнибал внезапно оказался у них за спиной. Карфагенский военный вождь объявил об этом всей армии. Он хотел, чтобы все знали — их длительный и тяжелый путь из Испании в северную Италию, занявший почти пять месяцев, был проделан не зря.

— Теперь, обосновавшись в этих землях, — говорил Ганнибал, стоя в лагере перед своими солдатами, — мы не отступим. Мы пришли сюда побеждать! Мы начнем свое победное шествие на юг и скоро будем у стен Рима!

— На Рим! — вопили пехотинцы, вскидывая в едином порыве мечи. Кричал и Федор, стоя перед строем героической седьмой спейры, где он занял место командира после смерти Магны.

Теперь он чаще виделся с Акрагаром на военных советах, хотя и недолюбливал его, в душе виня за глупую гибель сотен финикийцев под лавиной. Нередко виделся командир седьмой спейры и с самим Атарбалом, ценившим разведчиков Чайки больше других. И хотя Федор теперь мог не участвовать в разведывательных акциях, а посылать других бойцов, ведь дел у него прибавилось, но иногда он не мог устоять перед искушением. Любил он это занятие, будоражившее ему кровь. Да и пример Ганнибала, первым бросившегося в атаку, постоянно маячил перед глазами.

Хотя Федора и изумляло, как такой стратег, как Ганнибал Барка, не отдает себе отчета в том, что его могут просто убить в одном из боев. И тогда вся испанская армия останется не просто без своего главнокомандующего — без своего знамени. Это консулы менялись каждый год, а Ганнибал оставался один у своей армии уже много лет, и замена ему отсутствовала. «Впрочем, Александр Македонский, — размышлял Федор, — тоже любил ходить в атаку и всегда возвращался живым, несмотря на то, что гарцевал перед стрелами и копьями персов. Может, они заговоренные оба?»

Вот и теперь командир африканских пехотинцев, оставшихся после перехода через Альпы числом чуть более семи тысяч, приказал Акрагару отправить на разведку именно

людей Чайки. Поступила информация от пленных римских офицеров, что с побережья Адриатики в сторону лагеря Ганнибала движется со своей армией второй консул Тиберий Семпроний Лонг. Находясь на Сицилии во главе экспедиционного корпуса, Тиберий собирался вторгнуться в Африку и атаковать Карфаген. Однако, узнав о поражении Сципиона, резко изменил свои планы. Имея превосходство на море — в распоряжении консула находилось восемьдесят квинкерем — он перебросил в дельту реки По часть своей армии водным путем и теперь, двигаясь на соединение со Сципионом, искал встречи с Ганнибалом. А финикиец, скорее всего, и не собирался уклоняться.

Отдалившись от своего лагеря всего на один день пути, разведчики заметили гнездо противника. Семпроний со своей армией двигался быстро и уже почти дошел до места дислокации карфагенян.

— Похоже, это солдаты Семпрония, — проговорил Федор, разглядывая манипулу римлян, поднимавшуюся на холм с противоположного берега реки. Вслед за ней проскакали десять римских всадников во главе с декурионом. На холме виднелся только что отстроенный по всем правилам лагерь, в котором укрывались прибывшие накануне легионы.

Разведчики вели наблюдение долго, со вчерашнего вечера, и видели, как сквозь преторианские ворота в лагерь вошло не меньше тридцати тысяч человек. Об общей численности войск они могли только догадываться. Римские разъезды рыскали по всей округе, но на другой берег пока не посягали.

— Ладно, — решил Федор, — пора возвращаться. Видели мы достаточно. Что-то я продрог за ночь.

— Да, — кивнул Летис, — хорошо бы выпить чего-нибудь горячительного.

— Подъем, солдаты, — приказал Федор в полголоса десяти бойцам, которых взял с собой.

Умело используя складки местности, они практически превращались в невидимок, к тому же дополнительно закамуфлированных «маскхалатами» зелено-бурого цвета. Это нововведение появилось опять же благодаря Федору, опиравшемуся на богатый опыт российских морпехов и десантников, известный ему из прошлой жизни. К своему удовольствию, Чайка постоянно получал «зеленый свет» на внедрение свежих идей в армии Карфагена. Большинство военачальников здесь ценили инициативу и сами отличались высокой квалификацией, в отличие от римлян, где вся армия держалась на закаленных солдатах и центурионах. А консулы и военные трибуны, осуществлявшие верховное командование, кроме того, что менялись постоянно, часто еще и выбирались из сенаторских сынков или представителей тщедушной знати, не имевших понятия о том, как надо вести войну.

Нет, случались у Рима и талантливые полководцы, но с момента основания города основной тактикой его легионов был мощный удар в центре. Этим все разнообразие маневров и ограничивалось. И если римлянам удавалось выиграть сражение, то это происходило по большей части за счет стойкости вымученных солдат, а не за счет таланта верховных командиров.

— Идем в лагерь, — сказал Федор и, пригнувшись, первым двинулся по оврагу, заросшему с двух сторон кустами и небольшими деревьями.

Справа от оврага раскинулось широкое поле, годившееся для построения армии перед битвой, а чуть выше по течению виднелась поросшая лесом лощина. Там можно было спрятать большой отряд. Вчера вечером разведчики обнаружили два широких брода. Один находился напротив лагеря, и римляне о нем знали, а второй располагался вдалеке, как раз у самой лощины. Солдаты Семпрония еще ни разу в этом месте не пересекали реку, и Федор надеялся, что в ближайшее время этого и не произойдет. Зачем искать второй брод, когда один уже есть, причем отличный.

Обо всем этом он рассказал Атарбалу, когда к ночи разведчики добрались до своего лагеря. На совете в шатре Атарбала кроме командира африканских пехотинцев — основной силы армии — присутствовал сам Ганнибал со своим братом Магоном, командовавшим

конницей.

— Семпроний рядом — это хорошо, — спокойно заметил Ганнибал, выслушав Федора, словно заранее готовился к такому повороту событий. — На рассвете мы покинем лагерь. Я выстрою войска кельтов на равнине, и мы заставим его форсировать реку. Он не сможет усидеть в лагере, ведь он так долго искал этой встречи.

Ганнибал отпил вина из стоявшей рядом чаши и продолжил, не обращая внимания на присутствие Федора, которому вроде бы и не полагалось знать о планах генералитета. Но ему никто не приказывал покинуть шатер, и он остался.

— Ты, Магон, — обратился главнокомандующий к брату, — возьми испанскую конницу и две хилиархии африканцев. С ними ты укроешься в той ложине, о которой рассказывал Чайкаа. Думаю, там хватит места для такого отряда.

Ганнибал бросил короткий вопросительный взгляд на Федора. Тот быстро кивнул.

— Хватит.

— Когда римский консул начнет наступать, — закончил излагать свой план Ганнибал, — ему придется сначала перейти вброд реку. Мы позволим ему это сделать, но, когда он окажется на нашем берегу, мы не будем ждать, а контратакуем промокших солдат. Римляне втянутся в бой, а ты, Магон, перейдешь реку и ударишь им во фланг и тыл. В прошлом бою мы разбили конные отряды Сципиона, так что у Семпрония не может быть много всадников. Но даже если бы они и имелись, наша конница лучше. А сам Сципион хоть и рядом, но зализывает раны и вряд ли сможет помочь второму консулу в этой битве.

— Позволь заметить, Ганнибал... — вмешался в разговор Федор.

Вождь испанской армии перевел взгляд на командира спейры, осмелившегося его прервать, но сдержал раздражение и кивнул. Чайка был еще и командиром разведчиков, приносил много ценной информации и никогда не беспокоил начальство понапрасну. За это его и ценили высшие офицеры.

— Вчера в римский лагерь прибыли пешие отряды с запада. Несколько манипул, имевших потрепанный вид. Конница их не сопровождала. Мы видели лишь небольшие разрозненные группы всадников. Думаю, Сципион и Семпроний объединили армии. А поскольку Сципион ранен, то командовать ими будет наверняка Семпроний.

— Что же, тем лучше, — казалось, эта новость ничуть не беспокоила Ганнибала. — Если они собрались в одном месте, значит, нам не нужно гоняться за ними поодиночке. Мы разобьем сразу обоих консулов.

Ганнибал отпил еще глоток вина и усмехнулся:

— А у тебя острый ум, Чайкаа. Мне нужны такие командиры. Ты можешь отправляться отдыхать. Твоя хилиархия будет находиться в засаде, вместе с моим братом.

Федор поклонился, бросил взгляд на Атарбала и вышел.

* * *

Римляне оставались на месте и не покидали лагерь, видимо, отдыхая от стремительного марш-броска. Речка, у которой спустя сутки расположился в засаде отряд африканцев под командой Магона, называлась Треббией. Им удалось подойти скрытно и рассредоточиться в лесу, хотя скоро необходимость соблюдать тишину отпала. Кельты, выстроенные Ганнибалом на равнине, подняли страшный шум, стуча своими огромными мечами по щитам. Над рекой и полями разнеслись утробные звуки их боевых карнигов,²⁰ а также проклятия, посылаемые на головы римлян.

Ответа долго ждать не пришлось. Обнаружив армию неприятеля так близко от своего лагеря, римляне забили тревогу, решив, что Ганнибал пойдет на приступ. Над лагерем раздались звуки рогов, призывавших солдат к оружию, и скоро вдоль стен образовалась

²⁰ Труб.

цепочка легионеров. Однако кельты не сдвинулись со своего места и продолжали поносить римлян, по-прежнему создавая дикий шум.

Наконец, Тиберий Семпроний Лонг не выдержал. Как и планировал великий карфагенянин, ворота лагеря открылись, и оттуда одна за другой стали появляться манипулы римских легионеров, перестраиваясь в боевой порядок и направляясь в сторону брода. Федор видел все это, притаившись с Летисом и Урбалом на опушке леса, куда они удалились с разрешения Магона и Акрагара, командовавшего в этой операции пехотинцами. Сам Магон с Акрагаром и несколькими офицерами тяжелой испанской конницы находился в сотне метров от них и тоже следил за развитием событий.

Как подтвердилось в очередной раз, Ганнибал неплохо изучил тактику римлян и характеры консулов. Стратегическая разведка у него работала не хуже римской. В лагере, вокруг штаба Атарбала и других командных шатров, постоянно ошивались неизвестные люди, схожие видом с простыми крестьянами или купцами средней руки. Федор не знал наверняка, но догадывался, что это обычные шпионы, которых карфагенянин рассылал по римским землям, чтобы знать о противнике все. И эти шпионы поставляли ему немало ценной информации.

Однажды Федор поймал себя на мысли, что и сам не прочь сходить в глубокий тыл к врагу. Да не в доспехах и с оружием в руках, а переодевшись тем же крестьянином. Или охранником купца, поскольку на крестьянина он не сильно походил. За время короткой римской службы его не раз путали с галлом, слишком уж светлой для коренного обитателя этих мест казалась кожа у Чайки. С тех пор он загорел, а знание латыни могло сослужить хорошую службу. Но сейчас у командира седьмой спейры хватало дел и в строю.

Пока Федор предавался размышлениям, римляне форсировали Треббию и быстро выстроились на другом берегу, подготовившись атаковать галлов силами первых манипул гастатов. Семпроний настолько спешил, что еще не закончил переправу всех своих сил. В бой был готов вступить только первый легион, а второй, покинув лагерь, еще приближался к реке. Но силы римлян этим, естественно, не ограничивались, и войсковые подразделения продолжали выдвигаться из лагеря.

Не дожидаясь, пока все легионеры окажутся на другом берегу Треббии, Ганнибал приказал контратаковать. Со стороны карфагенян на поле несколькими линиями выстроилось не менее десяти тысяч кельтов. На флангах виднелась нумидийская конница, готовая преследовать поверженного врага. А перед строем кельтов расположились метатели дротиков и балеарские пращники, начинавшие обстреливать манипулы римлян, едва те появились на поле. Боевых слонов Ганнибал почему-то решил в ход не пускать.

Вскоре, издав боевой клич, вожди кельтов бросились в наступление, увлекая за собой солдат. Федор вспомнил свои давние ощущения, когда вот так же стоял среди римских легионеров в ожидании момента, когда первые кельты обрушатся на него, с ненавистью нанося удары мечами и топорами. Воспоминания удовольствия не доставили.

Римляне, повинуясь приказу своих центурионов, стояли на месте, сомкнув щиты. Федор вспомнил, что армия консула прибыла из Сицилии на кораблях, и невольно подумал о том, что среди них случайно могли оказаться морпехи Тарента, его бывшие сослуживцы. Но с такого расстояния рассмотреть что-либо было трудно. Да и стоило ли переживать, он уже выбрал свою судьбу. Если столкнется с ними лицом к лицу, придется убивать. Хотя лишать жизни своего друга Квинта ему бы не хотелось.

Первая волна кельтов докатилась до римского строя и смяла его, как картонку. Фронт гастатов,²¹ состоявший из десяти манипул, прогнулся и начал рассыпаться. Римляне

²¹ Солдаты легиона в данный период, согласно Полибию, делились на четыре категории по опытности воинов, — гастатов (молодых воинов), принципсов (опытных), триариев (ветеранов) и велитов (самые «молодые»). Первые три категории — тяжеловооруженные воины, разбивались по манипулам. Последние (легкая пехота) — не имели собственных подразделений и распределялись между всеми манипулами из расчета 20 человек на центурию.

сопротивлялись ожесточенно, но драка кельтов с гастатами длилась не больше получаса, и за это время первая линия латинян оказалась выкошена подчистую. В дело вступили принципы. Продвижение кельтов к реке замедлилось.

Между тем Семпроний начал переправлять на другую сторону еще один легион и остатки своей конницы. Промокшие солдаты выстроились за спинами бившихся товарищей, и теперь натиску кельтов противостояли почти равные силы римлян. По вчерашним наблюдениям Федора, объединенные легионы римлян значительно превосходили армию Карфагена. Как минимум, на восемь, а то и на десять тысяч человек. Поэтому он, как и все солдаты, предпочитал верить в гений своего полководца. В противном случае им придется туго.

Малочисленная конница римлян оставалась в резерве и не пыталась атаковать. Видимо, Семпроний знал об участии конных частей Сципиона и оттягивал момент ее вступления в разгоравшуюся битву. Берег для решающего удара.

Федор то и дело поглядывал на Магона, но тот не давал команды к обходному маневру. Еще далеко не все римские войска покинули лагерь и втянулись в битву... Заветной команды пришлось ждать почти пять часов. За это время кельты Ганнибала дважды отступали под натиском римской пехоты, но каждый раз останавливали ее продвижение и снова контратаковали. Несмотря на то, что легионы Семпрония шли в бой со свежими силами, а армия Ганнибала еще толком не восстановилась после длительного перехода и постоянных маневров, римляне гибли чаще. На протяжении ожесточенного дневного боя кельты своими атаками уничтожили почти два легиона римлян, а сами потеряли гораздо меньше солдат. Эта яростная схватка длилась почти до вечера.

Наконец, когда в бой вступил третий легион, а четвертый начал переправу, Магон приказал действовать. Вскочив на коня, он возглавил испанскую конницу, насчитывавшую не менее четырех тысяч всадников. Отряды иберийцев устремились за ним вброд через реку и, оказавшись на другом берегу, ударили римлянам в тыл.

Вслед за ними наступала африканская пехота. Подняв щит, промокший Федор шел впереди своей спейры и видел, как атака Магона застала римлян врасплох. Тяжелая конница Карфагена стремительно врубилась в расстроенные переправой порядки римских манипул и уничтожила тех, кто находился у реки. Затем Магон повернул свои отряды и, снова перейдя реку, оказался позади сражавшихся легионов Семпрония. В стане римлян началась паника. На поле вместе с союзниками находилось еще почти два легиона римлян. Атака конницы с тыла разрушила шеренги триариев. Но ценой своей жизни они сумели немного задержать испанцев, дав возможность оставшимся выстроиться в замкнутое каре, со всех сторон окруженное победоносными войсками финикийцев.

Тем временем на долю африканских пехотинцев оставались разрозненные манипулы римлян, оставшиеся на этом берегу и почти опустевший лагерь Семпрония. Сам консул находился в центре своих солдат и мог скоро стать добычей Ганнибала.

Какой-то бесстрашный центурион выстроил четыре манипулы перед входом в лагерь и готовился к отражению натиска двух тысяч солдат противника. Римляне видели, что происходит на другом берегу, какая там царит паника, но не бежали. Лагерь был рядом, но побеги они туда, их убили бы вдвое быстрее. Центурион привел их в чувство и заставил сражаться. Но это не спасло римлян.

— Стоять насмерть, ублюдки! — орал центурион так, что это слышал даже Федор. — Умрем за Рим, но не пропустим врага!

— Поздно, — ответил за него Федор и подал сигнал своим солдатам. — Вы уже трупы.

Захватив римлян в полукольцо, африканцы атаковали. После того, как первые спейры копейщиков израсходовали свой боезапас, на прибрежном песке остались лежать почти все солдаты из первых шеренг римлян. Цельнометаллический саунион был серьезным оружием в умелых руках. От него не спасали даже щиты.

А затем началась схватка на мечях. На долю Федора достался сначала римский опцион, помогавший тому самому центуриону, который командовал оставшимися солдатами

Семпрония. Парень попался верткий, несколько раз чуть не угодил мечом в голову Чайке, но морпех довольно быстро с ним разделался. И оказался рядом с центурионом.

— Иди сюда, африканская собака! — орал центурион, размахивая мечом. Он с первого взгляда признал в Федоре такого же начальника, как и он. — Я покажу тебе, как умирают настоящие римляне!

— Я видел, — крикнул ему на латыни Федор, делая прыжок вперед. — Мерзкое зрелище.

Услышав латынь, центурион на секунду даже задержал руку с мечом, вглядываясь в лицо противника, наполовину скрытое шлемом.

— Так ты научен нашему языку, — сплюнул он, отбивая удар тяжелой фалькаты. — Что ж, тем лучше. Ты будешь знать, кто тебя убил. Я правый центурион пятой...

Договорить он не успел. Молниеносный выпад — и фальката вошла ему в бок, пробив панцирь. Римлянин выронил щит, пытаясь зажать рану, из которой ручьем хлынула кровь, и пошатнулся.

— Мне все равно, как тебя зовут, — усмехнулся Федор, нанося завершающий удар в голову.

Обернувшись, он крикнул своим солдатам: «Вперед, воины Карфагена! Мы должны захватить лагерь!». И, пробив брешь в строю римлян, первым ворвался в ворота. Африканцы, бросившись за ним, быстро расчленили порядки римлян на две части, расширив проход. А затем истребили солдат противника. Одну часть легионеров они загнали в воду, где всех и уничтожили. А другая полегла под стенами лагеря.

Федор, двигаясь по главной улице римского лагеря во главе спейры финикийцев, быстро прорубился сквозь манипулу латинян до Претория, где стояли палатки консулов. Бойцы из других спейр растеклись по лагерю сплошным потоком, добывая последних римлян, пытавшихся оказать разрозненное сопротивление.

Убив еще троих легионеров, разъяренный Федор, размахивая окровавленной фалькатой, вырвался на широкую площадку Форума и только тут обнаружил, что лагерь почти пуст. Все римляне, из тех, кто не был уничтожен на поле битвы, побросав оружие, бежали к дальней стене, пытаясь спасти свои жизни. Дисциплина хваленых легионеров рухнула окончательно, и лагерь охватила паника.

— Оставим их нумидийцам, — решил Федор, приказав своим солдатам остановиться.

Во время последней схватки с одним из врагов, Чайка заметил рядом еще одного опциона, который, убив своего противника-карфагенянина, некоторое время смотрел на Федора странным взглядом, но затем, увидев несущихся к нему Урбала и Летиса, сам бросился бежать. На мгновение их взгляды встретились, и командир спейры финикийцев убедился, что знает этого солдата. Им оказался его давний враг Тит Курион Делий из морпехов Тарента. Федор понял, что и Тит его узнал. Хотя полной уверенности все же не было, и он отогнал непрошенные мысли прочь.

— Палатки консулов, — указал Чайка на два роскошных шатра, висившихся в двадцати метрах.

Ворвавшись внутрь, африканцы увидели лишь в спешке перевернутую мебель, статуи богов, роскошную золотую посуду и несколько свитков с латинским текстом, валявшихся на полу. Там же лежал разбитый винный кувшин, вокруг которого растеклась багровая лужа. Погрустневшему командиру разведчиков пришлось расстаться с надеждой захватить консула. Еще раз окинув все взглядом, Федор вышел наружу.

— Зато нам досталась походная казна, — похвастался Урбал, выходя из соседней палатки, — и какие-то бумаги консулов. Те, что они не успели уничтожить.

— Отлично, — отрешенно кивнул Федор, все еще пытаясь припомнить лицо римского опциона, не дававшее ему покоя.

Оставив у палаток десяток солдат, чтобы охранять добычу, Федор с прочими устремился из лагеря туда, где еще кипел бой.

Когда седьмая спейра, соединившись с другими спейрами двадцатой хилиархии,

переправилась на противоположный берег, кровопролитный бой, казалось, был почти закончен. Прибывшие африканцы еще надежнее отсекали римлян от берега и лагеря. Зажатым со всех сторон, им предстояло либо капитулировать, либо умереть.

Но едва солдаты Федора поднялись на высокий берег, как послышались дикие крики, и римляне пошли в свою последнюю атаку. Решив, что пути назад нет, легионеры нанесли мощный удар в том месте, где кельтов было меньше всего. И к удивлению Федора, им удался этот маневр. Римляне прорубились вперед, сквозь строй кельтов, и стали отступать вдоль берега реки на восток. Туда, откуда пришли.

Эта часть войска еще не потеряла боевого духа и потому смогла долгое время отступать организованно, отражая атаки наседающей со всех сторон кавалерии.

— Жаль, слонов не пустили в дело, — расстроился Летис, наблюдая, как римские легионеры успешно отражают наскоки легкой конницы нумидийцев.

— Да бог с ними, со слонами! — отмахнулся Федор, стоя в последних шеренгах африканцев и не имея возможности без приказа Акрагара вступить в бой с римлянами. — Вот если бы захватить Семпрония или Сципиона! Какой подарок преподнесли бы Ганнибалу!

Римлян прорвалось много, почти целый легион, а может, даже больше. Но все же втрое больше их осталось лежать на поле битвы. Армия Семпрония была практически уничтожена. Римский консул, еще утром сам искавший встречи с Ганнибалом, ретировался, охраняемый остатками кавалерии, в то время, как его пехота прикрывала это позорное бегство. В конце концов, финикийцы смогли рассеять солдат противника по окрестным горам, однако часть их все же смогла уйти в сторону ближайшей римской колонии. Так закончилась вторая встреча римлян с армией Карфагена у реки Треббии.

Глава вторая

На зимних квартирах

За два первых месяца, проведенных финикийцами на территории северной Италии, две армии римлян были разбиты. Одна почти полностью, другая лишилась всей кавалерии и стала лишь наполовину боеспособна. Одержав в декабре победу в битве при Треббии, Ганнибал, тем не менее, не двинул армию сразу на Рим.

Его солдаты уже полгода находились в непрерывном походе. Последний бросок через Альпы тоже оказался крайне тяжелым. Среди солдат началась цинга. Болели и лошади, не говоря уже о слонах, большей частью погибших в горах. Поэтому, обескровив армию Рима и обезопасив себя на некоторое время от нападений, Ганнибал решил дать передышку своим испанцам и африканцам, а также союзным кельтам, уже проявившим себя отличными воинами. Он отдал приказ обосноваться на зиму в долине реки По, которую к тому времени полностью контролировал, аннексировав у Рима.

На одном из холмов крутого берега был выстроен огромный лагерь для экспедиционного корпуса, где разместились все, кто прибыл с Ганнибалом из Испании. Неподалеку, чуть ниже по течению, инженерные части выстроили еще один лагерь для новой армии кельтов, набранной вождем Карфагена из местных племен. Кроме того, многие местные кельты предпочитали жить в своих селениях, но обязались по первому же зову явиться в лагерь. Расположившись на зимовку, войско Ганнибала, восстанавливало свои силы и готовилось для нового наступления вглубь римских земель.

— Надоело мне сидеть на месте, — жаловался Летис своему командиру, когда они однажды холодным вечером сидели у костра в ожидании, пока добытый на недавней охоте кабан зажариться до полной готовности. — Хоть бы римляне быстрее осмелели. А то давай, сами в разведку сходим? Может, чего интересного разузнаем.

Федор, Летис, Урбал и еще двадцать пехотинцев из отряда разведчиков периодически совершали двухдневный обход русла одного из южных притоков реки По. Время от времени окрестные леса патрулировались также конницей нумидийцев, но чаще силами самих

кельтов.

— Никто нас туда не пошлет, — отмахнулся Федор, — римляне далеко. А шпионов и без нас по стране рыскает немало. Не зря же мы так спокойно здесь живем уже третий месяц. Значит, Ганнибал владеет ситуацией.

Летис загрустил, глядя на огонь. Более спокойный Урбал не выказывал желания прямо сейчас идти в разведку. Ему хорошо жилось в лагере, где он мог подлечить разболевшееся с приходом зимней прохлады раненое плечо, а, кроме того, иногда общаться с Юзефом и Федором на интересные темы.

За эту зиму все трое — Федор, Летис и Урбал — свели близкое знакомство со многими кельтами и даже охотились вместе с ними в горах. Дичи, летающей и прыгающей по скалам, а также водоплавающей, здесь водилось хоть отбавляй. Федор не раз пожалел, что не пришлось ему утащить из двадцать первого века хороший карабин вместо бинокля. Иногда, в перерывах между караулами в лагере, он даже ходил с кельтами на рыбалку. Правда, те больше предпочитали бить крупную рыбу из луков или копьями, а Федор все мечтал об удочке. Однажды он даже изготовил из тонкой бечевки и медного крючка нехитрую снасть, но поймать ничего не удалось. Зато, наблюдая за кельтами, скоро и сам научился бить лосося «в глаз» дротиком. Увлекательное оказалось дело.

Заночевав однажды у новых друзей в хижине, Федор едва не нарвался на скандал. Одна из местных девиц, крупная и сильная, кровь с молоком, положила глаз на красавца Чайку. Даже несколько раз за время вечерней трапезы у костра, подавая еду, пыталась привлечь его внимание, делая недвусмысленные жесты и приглашая уединиться в лесу. И Федор едва не поддался на провокацию отдохнувшего организма, недвусмысленно отозвавшегося приятной истомой на приглашения девицы. Даже вечерняя прохлада, сгустившаяся среди сосен до легкого тумана, не стала бы помехой. Но, вспомнив о Юлии, едва сдержался. И правильно сделал. Поскольку девица оказалась замужней. И тут же получила хорошую затрещину, едва в хижину ввалился ее муж — волосатое чудовище с размазанной рожей.

Намеки красоты бросились в глаза не одному Федору. И поскольку пришлый финикиец на честь жены не посягал, а также учитывая, что за ней и раньше водились такие грехи, кельт за топор хвататься не стал. Ограничился рукоприкладством к лицу своей половины в воспитательных целях. Уязвленная в лучших чувствах девица удалилась, залившись слезами. А Федор вздохнул, выпил с ее мужем местного пойла, похожего на разбавленное пиво, и хорошо закусил недавно пойманной и быстро закопченной рыбой, решив обойтись сегодня без секса. Хотя желание это в последнее время одолевало его все сильнее. И длительное воздержание никто из его товарищей, регулярно тискавших всех попадавшихся баб, не одобрял. Но Федор пресекал разговоры на эту тему, особо в подробности не вдаваясь.

К его удивлению, по возвращении в лагерь Баал-Хаммон подал знак, что услышал молитвы Чайки. К Федору в шатер явился гонец и сообщил, что его срочно вызывают к Ганнибалу, но этого не должен знать никто. Даже командир хилиархии. Удивившись, что военный вождь финикийцев развел такую секретность, но и обрадовавшись одновременно, Федор направился к главнокомандующему.

Сообщив охране свое имя, он был сразу пропущен внутрь. На этот раз у стола, на котором лежал развернутый свиток, сидели только сам Ганнибал и его брат Магон. Просторный шатер, обставленный мебелью и устланный коврами, освещало несколько золотых светильников на высоких ножках. Едва откинув полог, Федор замер, ему показалось, что он попал в зал шикарной виллы.

— Заходи, Чайкаа, — просто сказал ему Ганнибал и указал на крепкий стул с короткой спинкой и покатыми ножками, стоявший рядом со столом.

В последнее время Федор уже начал привыкать к тому, что Ганнибал со всеми, от высших офицеров до обычных солдат, общался достаточно легко. И командир седьмой спейры уже несколько раз видел его спящим в походе посреди лагеря. Часть информации о привычках вождя, полученная от солдат и штабного летописца Юзефа, подтверждалась.

Ганнибал действительно оказался прост в обращении со своими подчиненными. Пожалуй, на взгляд Федора, даже слишком прост. Не задерживался ни с похвалой, ни с наказанием. От него одинаково легко можно было получить мешок с золотом и приказ об усекновении головы. Ганнибал Барка сам беззаветно служил Карфагену, и судьбы окружавших его людей волновали его лишь в рамках усиления влияния супердержавы.

— Я благодарю тебя за золото консулов, что передал мне Акрагар, — сказал финикиец. — Оно пойдет на войну с Римом. Однако, часть его я велел передать тебе в награду. Она хранится в дорожной казне. Ты заслужил его.

— Благодарю, Ганнибал, — Федор слегка поклонился, придерживая ножны фалькаты и сел.

— Ты умеешь читать карты? — поинтересовался Ганнибал, кивнув в сторону развернутого на столе свитка.

— Умею, — ответил Федор, разглядывая расчерченный папирус. — Я же моряк.

— Вот здесь, — Ганнибал сразу перешел к делу, бросив короткий взгляд на своего брата, — находится лигурийский порт Генуя, не так давно захваченный Римом.

Услышав знакомое название, Федор едва не ляпнул, что бывал там, когда служил у римлян. Но сдержался и просто проследил за указательным пальцем вождя. Продвигаясь по карте, тот вскоре уткнулся в небольшую точку на побережье. Перед Федором лежала секретная карта римских земель, выполненная достаточно подробно. Федор без труда узнал западное побережье, Геную, а, опустив взгляд по ниже, разглядел Рим и Остию.

— Этот город интересует меня, поскольку скоро мне может понадобиться порт для того, чтобы наладить снабжение с Карфагеном, а он находится не так далеко от нашей долины, — пояснил Ганнибал. — Но римляне хорошо охраняют Геную, там стоит много кораблей, поэтому мы отложим ее захват. Пройдет время, и городские чиновники сами сдадут мне город.

Федор молча слушал, пока не понимая, к чему клонит этот хитроумный финикиец.

— Гораздо больше меня сейчас интересуют вот эти перевалы, севернее Генуи, — указательный палец отодвинулся в сторону от города, — по ним можно быстро пройти к морю.

Ганнибал оторвался от карты и посмотрел в глаза Федору.

— Я знаю, где находятся перевалы, но не знаю, что там происходит сейчас. Мне доносят, что этим путем иногда пользуются римляне. Ты — один из моих лучших разведчиков. Ты должен пробраться туда незаметно, разузнать самый быстрый путь через перевалы, проверить, какой из них проходим в это время года, и вернуться обратно. Армия будет стоять на месте еще месяц. Римляне не соберутся с силами до этого времени.

Глядя на карту, Федор сообразил, что он уже бывал на этих перевалах. Тогда, почти год назад, он шел с римскими морпехами из Генуи в верховья этой самой долины, где нынче зимовали солдаты Карфагена. Если Ганнибал не знал его прошлого, то он лишь чудом угадал человека, лучше которого справиться с таким заданием не мог никто.

— Шум поднимать нельзя, — предупредил Ганнибал, — поэтому ты уйдешь туда тихо, без своей спейры. Оставишь ее под командование помощника, которого выберешь сам. Можешь взять с собой несколько человек.

— Я хотел бы взять всех своих разведчиков, — осторожно сказал Федор. — Дело может всяко повернуться. После битвы при Треббии у меня осталось всего семнадцать бойцов, а новых я не набирал. Решил пока повременить.

Ганнибал думал недолго.

— Ну что ж, бери всех, — разрешил он, — но помни: о твоём задании не будет знать никто, кроме меня и моего брата.

— А как мне объяснить свой уход Акрагару и Атарбалу? — спросил Федор, будучи уверенным, что у вождя уже имеется ответ.

— Завтра они получают приказ, что ты отправлен в разведку на восток, в дельту реки По, на границу с Умбрией, — спокойно заявил великий карфагенянин и добавил, слегка понизив

голос. — До определенного момента об этом не должен знать даже Атарбал. В лагере и вокруг него есть римские шпионы. Они должны думать, что ты ушел именно туда, на восток. Поэтому, когда будешь покидать лагерь, туда ты сначала и отправишься, а потом, сделав дневной переход, уйдешь в лес и повернешь на запад.

— Я понял, — слегка кивнул Федор.

— Ты уже готов командовать хилиархией, — вдруг прямо сказал Ганнибал. — Но у меня нет свободных частей. Все командиры в строю, и они достойны своих мест.

— Я доволен своим положением, — ответил Федор с поклоном. — Твое доверие мне дороже, Ганнибал.

— Что ж, — ухмыльнулся финикиец, посмотрев на брата, — ступай. Принеси мне свежие вести о перевалах севернее Генуи. А потом мы поговорим о твоей карьере.

Когда Федор собрался уходить, Ганнибал протянул ему свиток с изображенной на нем копией карты северной Италии и распорядился:

— Когда разведашь все проходимые перевалы, нанесешь их на карту. Но она не должна попасть в руки римлян.

— Я все выполню, — ответил морпех, пряча свиток под плащом.

— Поторопись, Чайкаа, — сказал напоследок Ганнибал. — Если ты не вернешься к исходу месяца, мы уйдем без тебя.

— Я вернусь вовремя, — уверил его Федор и покинул шатер главнокомандующего.

Когда он миновал охрану и отдалился от шатра Ганнибала на двадцать шагов, то заметил чуть в стороне слугу, расседывавшего лошадь. Этот слуга проводил его долгим взглядом, а когда Федор внезапно обернулся, опустил глаза к земле. Командир седьмой спейры вспомнил разговоры о шпионах, сплюнул и направился к горевшим недалеко кострам.

На следующее утро Акрагар вызвал его к себе и зачитал приказ о том, что Федору с его разведчиками необходимо немедленно покинуть зимний лагерь и отправиться на границу Умбриии для выяснения позиций римской армии. Сообщив это, Акрагар не смог сдержать скользящий по его хитрому лицу улыбки. Она была мимолетной, но не укрылась от Федора. Командир седьмой спейры уже давно ощущал, что после смерти Магны командир полка перенес всю свою неприязнь на него. А периодическое общение недавнего простого пехотинца с самим главнокомандующим испанской армией вызывало у Акрагара профессиональную ревность.

Он был хорошим военным из знатного и богатого рода, но уж очень прямолинейным. И, кроме того, солдаты поговаривали, что Акрагар находился в дружеских отношениях с семейством Ганнона. Того самого сенатора, что много лет назад прославился своими победами над нумидийцами и мавританцами в Африке. Ганнон являлся сторонником новых завоеваний Карфагена на материке, а не за морем, и потому издавна косо смотрел на семейство Барка. Он строил козни еще против отца Ганнибала Гамилькара, а после его смерти с трудом выносил триумф молодого вождя, боготворимого армией не меньше его отца.

Его собственные военные успехи в молодости быстро сменились ошибками и поражениями. Чего стоил бунт наемников, вспыхнувший из-за неумелых действий и жадности Ганнона, решившего задержать жалование солдатам. Это был тот самый бунт, который как-то поминал в разговоре Летис. Мятежники даже осадили Карфаген и едва не взяли его. К счастью, вовремя вмешался Гамилькар, «злой гений» сенатора, возглавивший вместо него верную часть армии, разбивший наемников и с тех пор ставший признанным военным вождем Карфагена.

Ганнон отошел от управления армией, но не сошел со сцены. Он был богат, имел обширные сельскохозяйственные угодья и вес в сенате. Он затаил в завистливом сердце злобу к семье Барка и не упускал малейшей возможности отомстить.

Заседая в сенате, Ганнон, как мог, мешал молодому Ганнибалу реализовывать его планы относительно Рима, часто из-за собственной ненависти забывая, что разгром Рима

вернет Карфагену власть надо всем западным бассейном Обитаемого моря и принесет несметные богатства. В сенате Ганнон возглавлял партию аграриев, уверенных, что идеи Ганнибала о войне за морем — опасная блажь, кроме всего прочего, дорого стоившая. И, когда он выступал в сенате, часто замалчивал то, что, отправляясь на завоевание Испании сразу после потери Сицилии, отец молодого вождя Гамилькара Барка снарядил армию на собственные деньги, не взяв ни одной золотой монеты из казны республики.

Часть этой истории рассказал Федору его друг Урбал, а кое-что случайно поведал Юзеф. Но Федор ничего не пропускал мимо ушей и не забывал услышанного, откладывая его в дальние закоулки своей памяти до лучших времен.

— Я выступаю немедленно, — отрапортовал Федор, сделав вид, что впервые слышит этот приказ от Акрагара. — На время выполнения задания я хотел бы оставить спейру под командой Маго. Это толковый солдат.

— Не возражаю, — кивнул Акрагар.

Выбрав временного преемника, он направился к своим солдатам. Сначала разыскал самого Маго, крепкого сообразительного парня из ливийцев, пополнивших спейру еще в Испании, и сообщил ему о назначении. Потом построил спейру и официально передал командование Маго, тут же распустив подразделение до момента своего ухода и приказав задержаться лишь разведчикам.

Оставшихся он ознакомил с приказом выдвигаться на восток и велел всем кроме оружия захватить горное снаряжение — «кошки», веревки с крюками и прочее, уложив их в специальные мешки, так, чтобы никто не видел. Удивленные солдаты — знавшие, что на востоке находится дельта реки, а высокие горы постепенно сходят на нет — тем не менее, все выполнили в указанный срок. Приказ есть приказ. И после обеда семнадцать разведчиков при оружии, сменив также греческие шлемы на кожаные иберийские, уже маршировали к выходу из лагеря. У самых ворот Федору на глаза снова попался тот слуга, что возился вчера с лошадьми недалеко от шатра Ганнибала. Отвернувшись, командир разведчиков прошел мимо.

Вообще Федор, несмотря на то, что жил здесь уже долго, иногда удивлялся нравам этого времени. В военном лагере, выстроенном на вчерашней вражеской территории, помимо самих солдат Карфагена толкалось великое множество торговцев со своими товарами, поставлявших еду фуражиров и просто пришлых кельтов с оружием, желавших наняться в армию. Федор и в спокойной обстановке до сих пор с трудом отличал кельтов из одного племени от кельтов из другого. А в лагерной толчее и подавно было бы невозможно отличить кельта, находящегося на службе, от потенциального рекрута. Общей формы, как у римских легионеров, у них не существовало. Внешний порядок наблюдался только в испанских и африканских частях. Поэтому, при желании, сюда мог проникнуть римский шпион под видом любого из этих сословий. В воротах лагеря их, конечно, досматривали, но это не могло стать серьезной помехой для настоящих шпионов.

До самого вечера разведчики шагали по выходившей из лагеря дороге, вдоль берега реки на восток. Правда, Федор не сильно торопился. За это время их обогнало два нумидийских разезда, проскакавших в том же направлении и несколько повозок с торговцами, распродавшими свой товар. Навстречу также попало множество повозок, не считая конных и пеших кельтов. Движение вокруг лагеря Ганнибала отличалось оживлением, словно вокруг и не было никакой войны. Впрочем, и для Федора, и для кельтов, и тем более для римлян, война уже давно являлась перманентным состоянием.

— Далеко идем, командир? — спросил его Летис, когда солнце стало опускаться за горизонт.

Выходя из лагеря, Федор не сказал ни слова об истинной цели похода ни солдатам, ни даже своим друзьям.

— Далеко, — отмахнулся Федор, рассматривая лесные склоны реки, вдоль которой они шли весь день. — Но сегодня мы, считай, пришли. Надо искать место под ночлег.

— А чего искать? — удивился Летис. — Вот здесь на берегу и заночуем. Дорога-то еще

не закончилась, еще завтра по ней идти.

— Нет, Летис, — озадачил его командир разведчиков, — эта дорога для нас закончилась. До темноты мы должны перебраться через реку незамеченными и успеть найти укромное место для стоянки.

— Да зачем нам в воду лезть? — удивился здоровяк. — Чем тебе здесь не нравится?

— Скоро все узнаешь, — отрезал Федор. — А пока выставь пару человек на дороге, а остальным — искать брод.

Часа через два они уже сушили одежду у костра в гуще леса на южном берегу. Никто не проезжал по дороге, когда они, спустившись с нее, вошли в реку и оказались на другой стороне. Никаких троп рядом не пролегало, и это Федора только радовало. Солдаты выстроили пару шалашей из веток и готовили ужин из прихваченного в дорогу вяленого мяса с бобами в специальном котелке.

Еды из походных «сублиматов», по расчетам Федора, должно было хватить, в лучшем случае, на пару недель. Палаток с собой они не взяли, зачем таскать лишнюю тяжесть, не годились они для быстрых переходов. Спасались от ночной прохлады шерстяными плащами да костром.

— Куда идем-то, Федор? — стал его подначивать Летис, когда друзья устроились под деревом в нескольких метрах от огня, ожидая почти поспевший ужин. — Расскажи, не темни.

— И зачем нам столько горного снаряжения в этих лесах? — добавил Урбал, ухмыльнувшись.

— Вы правы, — не стал дальше уходить от разговора Федор. — Мы идем не на юг.

— А куда? — не отставал Летис, между тем подставляя свою глиняную плошку солдату-кашевару, куда тот и плеснул горячей похлебки.

— Завтра утром мы повернем в обратном направлении и будем пробираться по лесам вдоль реки на запад, — ответил Федор.

— И надолго? — спросил Урбал.

— Надолго, — ответил Федор. — Уйдет не одна неделя. А может, и не две.

— А что там искать на западе? — удивился Летис. — Да и разве там есть горы?

— Есть, — Федор достал из-за пазухи карту, замотанную в специальную кожу, чтобы не промокла, и показал ее друзьям. — Нам вот сюда, до перевалов севернее Генуи.

— Нам дали секретное задание? — выдавил заинтригованный Урбал, соображавший куда быстрее медлительного Летиса.

— Да, — кивнул Федор. — Мы должны по римским тылам пробраться до перевалов и узнать, через какой из них лучше направить армию до побережья. Все, что найдем, пометим на этой карте.

— Интересно, — подмигнул Урбал своему другу, — кто тебе дал такое задание?

— Кто надо, тот и дал, — огрызнулся Федор. — О карте пока будете знать только вы двое. Если со мной что случится, то один из вас доставит ее обратно в лагерь. Ну, а если и с вами что произойдет, тогда отдадите ее тому солдату, который останется жив.

— Веселое будет задание, — хмыкнул Урбал, принимаясь за еду.

— А по мне так в самый раз, — обрадовался Летис. — Все веселее, чем в лагере торчать. Надоело. А тут вокруг одни римляне, вот повеселимся.

— Ну да, — передразнил его Урбал, осторожно проглатывая горячую пищу. — Повеселимся.

Доев свою похлебку, Федор закончил рассказ.

— Завтра к вечеру начнутся уже пограничные места, где можно нарваться на римлян. Пока сможем, пойдем вдали от дорог, по пути много ущелий и лесов. Но кое-где придется выходить в обжитые места, а там работать под местных жителей. Надо бы легенду придумать и одежду раздобыть.

— Хороши местные жители, — произнес Урбал, подумав. — Семнадцать человек с мечами и щитами. С виду на римлян не похожи, да еще и языка никто не знает. Нас быстро

поймают.

— Я знаю латынь, — сказал Федор. — Если попадутся римляне, сможем потолковать. Проблема только в том, что кроме них, можем нарваться и на местных, лигурийцев, а те вообще разговаривают по-своему.

— А откуда ты знаешь латынь? — удивился Летис.

— Выучил, когда плавал на корабле, — соврал Федор не очень убедительно. — Еще до войны. Давно было.

— Ладно, — ответил Урбал, не ставший заострять щекотливый вопрос, — как-нибудь разберемся. Главное не попасть в лапы к римским солдатам.

— Поставьте дозор и ложитесь спать, — приказал Федор, вставая и направляясь к шалашу. — Завтра начнем марш-бросок. Время пошло.

Глава третья По тылам

На следующее утро все семнадцать разведчиков быстро собрали свои нехитрые пожитки, закинули за спину щиты, несколько мешков с походным скарбом и снаряжением и быстрым шагом направились вдоль реки обратно вверх по течению. О том, что именно является конечным пунктом их вылазки, Федор солдатам не сказал, мало ли что их ждет в пути. Как командир он решил свести риску к минимуму. Идем себе вперед и идем. Зато, если кто из них попадется в плен к римлянам, то даже под пытками ничего не скажет, потому что не знает. Выдержит ли он сам пытку, если схватят его, Федор тоже не знал. Старался просто об этом не думать.

С рассветом над рекой поднялся туман. Пришлось передвигаться на приличном расстоянии от берега, поскольку рядом с водой сквозь плотную серую пелену разобрать что-либо не представлялось возможным. Маршрут Федор помнил в общих чертах. Конечно, у него была карта. Но этот чертеж показывал лишь основное направление, пока совпадавшее с движением вдоль реки. Любой попадавшийся лагерь требовалось обойти по кругу, чтобы не повстречать даже своих, а это означало удаление от единственного ориентира. К тому же дальше начинались неизвестные холмистые места, где вполне могли обитать местные жители. И не только кельты. Большая Фламиниева дорога, проложенная из Рима к побережью Адриатики, осталась у них за спиной. На том самом юге, куда они не дошли и где пока правили римляне. А в этих местах хороших дорог почти не встречалось, а мощеных и вовсе не было, лишь тропы разной ширины.

Раздумывая, как лучше добраться до перевалов, Федор вспоминал те времена, когда служил морпехом Тарента. Тогда они приплыли на корабле в Геную и, выгрузив снаряжение, двинулись с обозом в долину реки По через горы. Как казалось Федору, через те самые перевалы, к которым он стремился сейчас с другой стороны. За время того «римского» похода он довольно хорошо усвоил, что вдоль побережья и дальше шла отличная мощеная дорога, но вот вокруг самой Генуи и особенно на перевалах, хорошими дорогами и не пахло. Впрочем, это пока было даже на руку.

Федор решил по возможности наносить на карту самые примечательные ориентиры и длительность пути, чтобы потом командиры финикийцев в дороге чувствовали себя уверенно.

— Эх, нам бы проводника, — раздумывал вслух Чайка, когда они обошли очередной лагерь и, пройдя еще полдня вдоль реки с то и дело попадавшимися на ней лодками кельтов, снова свернули в лес, оставив позади несколько кельтских деревень.

— А может, возьмем кого из местных, — Летис кивнул в сторону деревень.

— Может, и возьмем, — задумчиво проговорил Федор, разглядывая в наступавших сумерках поляну у ручья, где они собирались становиться на второй ночлег, — но не сегодня. Пока еще с направлением мне все понятно. Сами разберемся.

На следующее утро он решил, что пора менять курс. Русло реки все сужалось,

местность становилась все выше, а им, судя по карте, нужно было резко поворачивать на юго-запад. В сторону моря. Приметив один из притоков, Федор некоторое время вел свой отряд вдоль него, а затем обогнул встречную деревеньку и снова углубился в лес. Все бойцы относились к этому походу, как к очередному приключению. Все считались добровольцами, силком Федор никого в разведчики не тянул. Поэтому в его подразделении подобраны сплошь лихие парни, воевавшие не только ради денег, как все наемники, но и за интерес. Для них не существовало большего удовольствия, чем сотворить римлянам какую-нибудь серьезную каверзу. А то, что им предстоит нечто подобное, они и сами догадывались, хотя командир и не посвящал их пока в детали.

— Запоминайте дорогу, — говорил им Федор на привале, — мы идем далеко. Всякое может случиться, так что, возможно, кому-то из вас придется добираться до лагеря самостоятельно.

Бойцы молча переглянулись, а потом принялись вертеть головами, осматривая окрестные холмы. Один из них встал и сделал на приметном дереве зарубку.

— Молодец, — похвалил его Федор, — настоящий охотник.

* * *

На третий день местность сильно изменилась. Путь пошел вниз, лес стал редеть и все больше спускаться в долины. Появились проплешины и даже небольшие луга на склонах, а вершины прорезавшихся невысоких хребтов попадались кое-где абсолютно лысые. К счастью, обжитых мест было по-прежнему немного. Заблаговременно примечая селения, карфагеняне обходили их, но теперь им часто приходилось двигаться в сумерках, чтобы их не заметили. Долго так продолжаться не могло. И на шестой день, к полудню, они вышли на широкую проселочную дорогу, поросшую с обеих сторон лишь редкими кустами. По всему чувствовалась, что впереди обжитая долина — на холме виднелось несколько крестьянских домов — обходить которую стороной представлялось довольно трудным и долгим.

— Все остаются здесь, в ложбинке, — приказал Федор, — а я с Летисом и еще двумя бойцами схожу в деревню, осмотрюсь. Урбал, остаешься за старшего.

Сбросив щиты, четверо карфагенян, пригнувшись, устремились по оврагу вверх, а затем вдоль кустов подкрались поближе к деревне. На окраине паслось стадо овец, разомлевший под солнцем пастух дремал на пригорке. К счастью, собак при отаре разведчики не заметили и смогли пробраться незамеченными к изгороди большого дома, стоявшего на единственной улице селения, у самой дороги. Кроме него, в деревне стояло еще пять ветхих домов, разбросанных далеко друг от друга и окруженных распаханными огородами, по краям которых виднелись изгороди из прутьев, во многих местах развалившиеся на части. Вдоль дороги и по всей деревне, вперемишку с деревьями, росло много высоких кустов, что помогло лазутчикам оставаться до поры, до времени незамеченными.

— Небогато живут, — сделал вывод Федор, спрятавшись за деревом и рассматривая пустынную и пыльную улицу, — да и с населением здесь туговато. Человек десять, от силы, наберется.

На случай, если придется переодеваться и «работать» под римлянина, предусмотрительный Федор прихватил с собой часть римских денег, из тех, что Ганнибал пожертвовал ему после победы при Треббии. К счастью, среди них нашлись не только золотые монеты, но и медные ассы,²² которыми легионерам выплачивали зарплату — вряд

²² Жалование у римского легионера появилось и стало постоянным примерно в 406 году до н. э. До этого времени за службу не платили. В описываемый период жалование составляло 2 оболы в день — это 1200 ассов или 120 динариев в год.

В целом, денежное хозяйство в Риме начало активно развиваться позднее, чем в соседней Греции и Малой Азии, — примерно в третьем веке до н. э. Первой римской монетой был — *асс*, медная монета весом в 1 римский фунт (327,45 г). Позднее вес монеты был уменьшен. Примерно с 235 г. до н. э. появляются в обращении

ли с крестьянами стоило расплачиваться золотом. Глядя на царившую вокруг бедность, Федор прикинул, что на одну золотую монету мог бы скупить все дома в этой деревне.

Тем большим оказалось его удивление, когда он заметил породистую лошадь с раззолоченным седлом, привязанную у входа в большой дом. Присмотревшись, Федор решил, что это деревенский трактир, а лошадь принадлежит кому-то из приезжих. У местных крестьян на такое седло за всю жизнь денег не наберется, не то, что на лошадь.

— Наверное, там внутри заезжий римский всадник, — поделился Чайка догадкой с Летисом. — Может, даже посыльный с донесением.

— Так давай, зайдем в гости, — предложил Летис, — спеленаем его и вытрясем все секреты. Если это трактир,²³ так заодно и выпьем, а может, и поедим. У меня давно в желудке урчит от этой похлебки.

— Подожди, — укорил его Федор, — может быть, он там не один.

— Ну и что? — удивился Летис. — Даже если их там десяток, мы справимся. Я один за кусок мяса сейчас готов порвать в клочья дюжину римлян.

Но в этот момент спор разрешился сам собой. Дверь со скрипом растворилась, и на пороге возник невысокий римский всадник в дорогой кирасе. В руках он держал шлем с красным гребнем из перьев. Вслед ему неслись женские крики и мужская ругань на латыни.

— Оставляю ее вам! — крикнул всадник, отвязав лошадь и забираясь в седло. — Мне не нужна эта деревенская курочка. Она подстать таким грубиянам, как вы. Когда закончите с ней развлекаться, вернетесь в лагерь. А я должен быть в Генуе до наступления темноты.

С этими словами офицер дернул поводья и поскакал по дороге в сторону, противоположную той, откуда пришли финикийцы.

— Отлично! Значит, эта дорога ведет в Геную, — заметил вслух Федор. — Мы не сбились с пути.

Но его отвлекли новый женский крик и отборная брань. Кричала девушка, а ругались явно римские солдаты, скорее всего, решившие пустить ее по кругу, не спрашивая на то ее желания. Проститутка, которыми полнились бордели в римских городах и крупных селениях, не стала бы так орать. Это больше смахивало на изнасилование.

— За мной, — решил Федор. Выхватив фалькату из ножен, он перемахнул изгородь и быстро преодолел несколько метров дороги, отделявших его от распахнутой двери в трактир.

Ворвавшись внутрь, он увидел то, что и ожидал. В полутемном помещении стояли несколько грубо сработанных столов и табуреток. В углу виднелась низкая стойка, за которой на полках располагались бутылки и кувшины с вином. А прямо посередине, на столе с остатками еды, четверо римских легионеров насиловали молодую крестьянку, показавшуюся Федору девчонкой лет пятнадцати. Разорвав на ней платье, двое держали ее за руки, третий — за шею, чтобы не царапалась и не кусалась. А четвертый, стянув с девчонки и с себя исподнее, вовсю шевелил бедрами.

В тот момент, когда Федор ворвался в трактир с фалькатой в руке, к римлянам подбежал тщедушный старик в застиранном хитоне, видно, местный кабатчик, и схватился за край кожного панциря насильника с криком:

— Отпусти мою дочь!

— Пошел вон! — огрызнулся бородатый легионер, не отрываясь от процесса. — А то я потом займусь твоей женой...

Но старик не отставал, продолжая кричать, и тогда легионер, взмахнув рукой, наотмашь ударил его по лицу. Старик отлетел, споткнулся о стул и с грохотом упал под стойку. Римляне громко засмеялись.

серебряные монеты *дидрахмы*. А затем, примерно в 213 году до н. э., и знаменитый *денарий* — серебряная монета в 4,55 г. Свои золотые монеты Рим получил в 220 году до н. э., в том числе достоинством в 60, 40 и 20 ассов. *Ауреи* лишь при Цезаре превратился в основную золотую монету.

²³ Трактир — (от латинского *tracto* — угощаю), гостиница, постоялый двор с рестораном.

Впрочем, тут в глазах тех, кто держал девчонку, проступило удивление. Они заметили Федора и еще трех солдат с оружием в руках за его спиной, появившихся на пороге трактира, словно ниоткуда. Доспехи на солдатах не оставляли сомнений в том, что это не их сослуживцы, зашедшие пропустить по стаканчику. Но эффект неожиданности еще не прошел, и они молча пялились на Федора и его спутников.

— Эй ты, ублюдок! — произнес Федор на латыни, обращаясь к насильнику и стараясь оставаться спокойным, хотя желваки уже заиграли на его скулах. — Тебе же ясно сказали, отпусти девчонку.

Услышав за спиной грозный голос, легионер от удивления перестал вилять бедрами и обернулся. Соображал он быстрее, чем те, что держали девушку. Но у него был существенный недостаток — отсутствие штанов. Впрочем, это его не смутило. Выпростав наружу свое достоинство, он потянулся за лежавшим на соседнем столе мечом. Остальные трое сделали то же самое. Почувствовав свободу, несчастная девушка с криком вырвалась из волосатых рук и, залившись слезами, подскочила к отцу, что лежал на полу без движения.

Федор дал ей убежать, а легионеру-насильнику дотянуться до меча. Оружие остальных лежало дальше. Когда они бросились к ножнам, им наперерез устремились бугай Летис и два других бойца.

— Летис, не повреди доспехи, они нам еще пригодятся! — крикнул Федор перед тем, как здоровяк набросился на ближайшего римского легионера и резким выпадом проткнул ему горло.

Сам Федор, взмахнув фалькатой, нанес удар в голову полуобнаженному римлянину. Но тот оказался неожиданно проворным и ловким. Он пригнулся, отступил, а потом сам бросился на Чайку, сделав обманное движение телом. Но промахнулся. Командир разведчиков выбил у него из рук меч и нанес мощный удар коленом в голову пригнувшегося солдата. Голозадый римлянин упал навзничь на тот же стол, где только что насиловал дочь трактирщика. Из его сломанного носа струилась кровь. От удара на какое-то время он перестал соображать.

Тем временем Летис и остальные карфагеняне быстро расправились с безоружными римлянами. По просьбе Федора они берегли доспехи, поэтому всем троим перерезали горло, словно свиньям. Четвертый был оглушен, но еще жив.

— Кто ты? — спросил Федор, когда тот пришел в себя и замычал от боли.

— Я Авл Бородатый, — прохрипел римлянин, сплевывая кровь и пытаясь приподняться, — передний центурион десятой манипулы пятого легиона из армии Сципиона. А ты кто?

— А я Федор Чайкаа, командир седьмой спейры африканской пехоты армии Ганнибала, — ответил Федор.

— Вы карфагеняне?! — изумление центуриона выплеснулось через край. — Откуда вы здесь?! Ведь ваша армия далеко.

— Я спешил, — ответил Федор, — я знал, что за таким ублюдком, как ты, Авл, надо приглядывать.

— Какое тебе дело до бабы? — вновь осмелел Авл, бросив беглый взгляд по сторонам. — Она моя. Я за нее заплатил.

— Он врет! — закричала в ярости девушка, державшая голову отца, еще находившегося в беспамятстве. — Они ограбили нас. А потом этот захотел взять и меня с собой в лагерь, но я сопротивлялась.

— Все ясно, — закончил допрос Федор. — Ты захотел сделать из нее проститутку. Потешиться, а потом продать в бордель. Ты не центурион, Авл, ты — дерьмо. Мне попадались римские солдаты, при убийстве которых я испытывал гордость, потому что побеждал таких врагов. А тебя я убью с омерзением.

— Хватит болтать! — Авл вскочил на ноги. — Карфагенский ублюдок!

Решив, что он и так слишком долго говорил, Федор снова ударил римлянина. На сей раз рукоятью фалькаты в зубы, вернув его на место. А затем в ярости рубанул с плеча

тяжелым клинком, лишив центуриона-наильника его мужского достоинства на глазах рыдающей девушки. Отсеченный детородный орган упал на грязный пол, а кабак огласился душераздирающим воплем. Римлянин дернулся, вскочил, пробежал несколько шагов, но тут же упал и скоро затих в луже крови.

— Собаке собачья смерть, — как-то отстранено заметил Федор.

В этот момент из угла послышался стон. Старик пришел в себя и открыл глаза, со страхом взглянув на склонившегося над ним Чайку.

— Кто вы? — наконец проговорил старик на латыни, но бывший морпех Тарента уже давно научился отличать настоящий римский выговор от других наречий. Латынь являлась для старика таким же чужим наречием, как и для Федора.

— Мы солдаты Карфагена, отец, — не стал обманывать старика командир разведчиков. — Но мы пришли не для того, чтобы тебя убить.

Федор помолчал, изучая морщинистое лицо старика.

— Ведь ты не римлянин, — добавил он, закончив свои наблюдения.

— Я лигуриец, — прохрипел старик, медленно поднимаясь и потирая ушибленную голову с запекшейся на виске кровью. — Моя родина Генуя. Мой отец был мелким торговцем, держал лавку на берегу и ходил по морю в соседние города за товарами. Я унаследовал его дело. Но Геную несколько лет назад захватили солдаты Рима, и им теперь принадлежит все. А я перебрался в деревню, думал, здесь будет спокойнее. У меня ведь жена и дочь.

Посмотрев на растерзанную одежду дочери, он заплакал. А дочь, прикрывшись руками, словно только сейчас заметила, что на ней почти нет одежды, вскрикнув, убежала через заднюю дверь.

— Нам нужна твоя помощь, — прямо сказал Федор, оглянувшись на стоявших за спиной солдат.

— Вы спасли мою дочь, — медленно ответил старик. — И хотя я боюсь Ганнибала не меньше, чем римлян, я ваш должник.

— Не бойся, отец, — успокоил его Федор. — Если на этой земле воцарится власть Карфагена, это будет лучше, чем та власть, при которой ты живешь сейчас. В Карфагене уважают купцов и не насилуют их дочерей.

Старик осторожно поднял голову и, посмотрев в глаза Федору, произнес.

— Теперь мне все равно. Я ненавижу римлян. Чего вы хотите от меня?

— Скажи мне, — начал Федор, увидев, что старик немного пришел в себя, — есть ли здесь поблизости еще римские солдаты?

Прежде чем ответить, старик устало опустил на скамью у стола и налил себе вина из полуразбитого кувшина в чашу. При этом он долго не мог оторвать остекленевшего взгляда от мертвых римлян, плававших в лужах собственной крови. Два бойца из отряда Федора уже сняли с них целехонькие панцири и сложили на дальний стол. Доспехи удалось снять, почти не запачкав, хотя кое-где на них высыхали пятна крови. Сейчас финикийцы занимались тем, что раскладывали ножны с мечами и кинжалами, а также поднимали с пола разбросанные по углам шлемы легионеров. Похоже, те слишком торопились получить свою часть наслаждения от дочери деревенского трактирщика.

— Вы можете взять все, что хотите, — сказал старик, указав на стойку.

— Можешь выпить, — перевел Федор стоявшему рядом Летису, кивнув на кувшины с вином. И предвосхищая его вопрос, добавил. — О еде поговорим чуть позже, когда я расспрошу старика.

Не очень довольный таким ответом, Летис все же подошел к полкам, взял ближайший кувшин и стал пить из него взахлеб, даже не потрудившись найти чашу.

— В одном дне пути стоит римский легион, — ответил, наконец, старик, — но оттуда есть прямая дорога на Геную, поэтому они редко бывают в нашей деревне, и я почти ничего на них не зарабатываю. Вот сегодня явились эти четверо, а потом богатый римлянин на коне, он очень спешил. Это были мои первые посетители за неделю.

Видимо, израсходовав много сил на эти слова, старик снова заплакал. Федор подлил ему вина. Он ощущал себя не самым лучшим образом, но выбирать не приходилось. В любой момент сюда мог заявиться конный или пеший отряд римлян.

— А ближе, отец, ближе кто-нибудь еще есть? — переспросил Федор.

— Нет, — старик отрицательно замотал головой. — Ближе никого из римлян нет.

— А здесь, в вашей деревне?

— У нас только крестьяне да пастухи, — отмахнулся старик, — римские солдаты иногда вставали у меня на постой, но это случалось очень давно. Когда через эти места шла отступавшая армия консула. Тогда они забрали всю еду, но расплатились за нее.

— Что он говорит? — вмешался заинтригованный Летис. — Здесь есть еще римляне? Может, нам пора уже убираться отсюда?

— Говорит, что в деревне нет, — перевел Федор, — но, в одном дне пути стоит целый легион.

— Это далеко, — обрадовался Летис. — Может, тогда заночуем здесь? Поедим, отоспимся.

— Нет, — отрезал Федор. — Не так уж это далеко. Отправь одного солдата за Урбалом и остальными, пусть приведет их сюда. Мы можем здесь немного отдохнуть и поесть, но все равно надо убираться отсюда до наступления темноты.

— А жаль, — огорчился здоровяк. — Я бы здесь задержался. Когда еще можно будет посидеть в трактире, пусть и таком захудалом.

Но, оглянувшись по сторонам, он заметил:

— Впрочем, ты прав. Здесь слишком много дохлых римлян. Аппетита не будет.

Летис подозвал одного из солдат, разбиравших трофейную амуницию, и приказал сходить за остальными разведчиками.

— Только води их осторожно, там же, где мы шли, — напутствовал его Летис. — Не светитесь на дороге. Римлян здесь пока нет, но за всеми крестьянами не уследишь. Может, кто решит донести.

Однако, все прошло нормально. Карфагеняне провели в деревне почти час, отдохнули и даже немного перекусили. Трупы римлян по приказу Федора солдаты унесли в поле и там закопали. В самой таверне жена кабатчика, потрясенная происшедшим, навела порядок, смыв с пола кровь. За это время старик рассказал, что проходящая через деревню дорога ведет напрямик к лагерю римского легиона, но незадолго до него есть развилка. С нее начинается другая дорога, ведущая к перевалам. Там почти нет селений, и потому ей редко пользуются. А к развилке можно добраться еще до темноты.

— Дальше пойдем так, — решил Федор, переодевшийся в доспехи бородатого центуриона, — я, Летис и те двое, что сопровождали нас утром, отправимся прямо по дороге, переодевшись римлянами.

— Какой из Летиса римлянин? — не удержался Урбал, разглядывая мощную фигуру друга. — Да на него и ни один панцирь из римских не налезет. Давай, лучше я пойду.

— Нет, — отрезал Чайка, — Летис справится. А ты будешь командовать оставшимся отрядом.

— Я пойду с вами, — вдруг заявил старик, словно поняв, о чем говорят карфагеняне. — Мне здесь больше оставаться нельзя. Ни мне, ни моей семье. Если римляне узнают, что у меня в таверне убили четверых солдат, то нам конец.

— Я бы мог рассказать, как добраться до лагеря Ганнибала, — произнес Федор, — чтобы вы смогли найти там убежище. Но это очень далеко. Ты не дойдешь.

— Ничего, — упавшим голосом ответил старик. — Вы ведь идете в сторону Гenuи? Мы отправимся с вами до развилки дорог, а там спрячемся в горах. В одном из горных селений у меня есть родня. Какое-то время проживем там, пока не решим, как быть дальше.

— Ты знаешь дорогу к перевалам? — поинтересовался Федор.

— Да, — ответил старик. — Я ездил через них несколько раз.

— Хорошо, отец, — кивнул Федор. — У тебя есть телега?

— Есть, — ответил он, мелко закивав головой. — У меня есть телега, эта таверна и еще стадо овец. Это все мое имущество. Можете забрать его себе.

— Мы не будем его забирать, — снова возразил Федор, — но, пожалуй, используем. Кто пасет твоё стадо?

— Сосед-пастух, которого я нанимаю. А когда денег нет, я сам, жена или дочка.

Вспомним о дочери, стрик снова тихо заплакал. А Федор повернулся к сидевшему рядом Урбалу.

— Мы пойдем по дороге рядом с телегой, на которой поедет семья старика. Так безопаснее, меньше внимания привлечем. Три наших солдата переоденутся крестьянами и погонят стадо вдоль дороги. А ты, Урбал, с оставшимися будешь двигаться следом, по холмам и оврагам, понесешь оружие с одеждой. В телеге все это везти нельзя. Мы возьмем оружие римлян. Если старик верно оценил расстояние, и нам не попадется по пути отряд легионеров, мы доберемся до развилки дорог еще до наступления темноты. Оттуда начинается подъем в горы.

— А если нарвемся на римлян? — поинтересовался финикиец.

— Попробую с ними договориться, — ответил Федор. — А если не выйдет, то ты либо спасешь нас, либо успеешь уйти.

— К чему эти сложности? — удивился Урбал. — Пошли все вместе.

— Хочу проверить, сойду ли я за римлянина при встрече с легионерами, — ухмыльнулся Федор. — В дальнейшем может пригодиться. Да и холмы кругом почти без леса, большой отряд будет замечен. Поэтому на день разделимся. А заодно надо проводить старика с семьей до безопасного места. Он, похоже, хочет идти туда же, куда и мы. Заодно послужит проводником.

Летис и еще двое финикийцев переоделись в римские доспехи. Три солдата облачились в найденные стариком рубища, став похожими на местных крестьян. Хотя, при ближайшем рассмотрении, повадки воинов выпирали наружу. Взяв с собой еды на весь отряд, старик запряг в телегу единственную изможденную лошадь, посадил в нее пребывавшую в отчаянии дочь и жену, пытавшуюся ее успокоить, и выехал со двора. Федор и «римляне» направились вслед за телегой по дороге. «Крестьяне» еще раньше отогнали стадо овец за крайние дома и теперь ожидали вместе с ним на небольшом поле, что раскинулось меж холмами.

Полдня они отшагали по дороге вполне спокойно, если не считать постоянных жалоб Летиса на узкий панцирь, сдавливавший его могучую грудь и стеснявший движения.

— И чего эти римляне такие низкорослые? — бурчал себе под нос здоровяк, вышагивая за телегой.

— Извини, друг, — пытался оправдаться Федор, придерживая висевший на ремне щит-скутум, — выбирать не приходилось. Если бы выпал случай, то мы подобрали бы тебе доспех пошире.

Но Летиса это слабо утешало. Федору, между тем, доспех убитого бородача пришелся впору. Да и опыт ношения римских панцирей у него не пропал. Не привыкать. Хотя фальката нравилась ему больше, чем короткий и широкий меч, висевший сейчас на поясе.

Когда солнце уже начало садиться за белесые холмы, Федор заметил впереди разъезд конных римлян. Десять человек во главе с декурионом. Они направлялись в сторону деревни и скоро должны были поравняться с телегой беженцев.

— Похоже, наших друзей хватились, — заметил Федор, оглядываясь назад, где за стадом овец виднелись три «крестьянина», прятавшие под хитонами кинжалы. На некотором расстоянии за ними держались и остальные. — Разговора не избежать.

— Я готов, — кивнул Летис, опуская ладонь на рукоять меча.

— Подожди, — осадил его командир разведчиков. — Сначала я попробую выяснить, что им надо. Но если дело повернется круто, не зевай. Их десять, все конные. Вчетвером можем не справиться, пока остальные подоспеют.

— Разберемся, — пообещал Летис. — Троих беру на себя. Вон, смотри, какой силач едет, его доспех мне будет как раз впору.

Скоро катафрактарии,²⁴ вооруженные копьями и мечами, поравнялись с телегой, и декурион осадил коня рядом с остановившейся повозкой. Просто проехать мимо он не захотел. Старик в ужасе смотрел то на римлян, то на карфагенян. Федор сделал ему знак молчать, а своим солдатам остановиться, затем шагнул вперед.

— Эй, центурион, — подозвал его главный в этом отряде римлянин, — ты не видел бородатого Авла и его людей? Они должны были давно вернуться в лагерь по этой дороге. Требоний сказал нам, что оставил их в деревне.

— Нет, — нагло заявил Федор, приблизившись к декуриону на расстояние шага. — Я иду оттуда, но там нет солдат из нашего легиона. А что случилось?

— Примпила²⁵ ждали на совете, но он не явился, — ответил декурион. — Я послан, чтобы арестовать его. Военный трибун в бешенстве.

«Так этот ублюдок был еще и главным центурионом легиона, — подумал Федор. — Да-а, мельчает римская армия».

Но вслух повторил:

— Я проходил через деревню, но там никого нет.

Удовлетворившись ответом, декурион уже собрался скакать дальше, как вдруг заметил сидевших в повозке людей и узнал их.

— Куда это ты едешь, кабатчик? — спросил он, бросив взгляд на стадо овец. — Да еще со своими бабами и овцами. А кто будет поить меня и моих людей вином? Ты что, бежишь из деревни?

Он снова осадил коня и пристальнее посмотрел на Федора.

— Этот шлем и доспех мне знаком, — вдруг произнес он, словно прозревая и медленно поднимая копье. — Я вижу на нем пятна крови.

Поняв, что их раскрыли, Чайка не стал терять времени. Выхватив меч, он всадил его в брюхо декуриону снизу вверх, пробив доспех раньше, чем тот сумел воспользоваться своим копьем. Командир римских конников, свалился вниз, издав предсмертный стон.

Летис и два других финикийца тоже не зевали. Летис успел выхватить и бросить в ближайшего всадника кинжал, поразив его в шею. Остальные последовали его примеру. Но убить им удалось только двоих всадников, один из солдат Карфагена промахнулся, и это стоило ему жизни. Катафрактарий в ответ метнул копье, пронзив пехотинца. Оставшиеся римляне, развернув коней, бросились на переодетых карфагенян сомкнутым строем. Между ними оставалось не больше десяти метров, таявших прямо на глазах.

Финикийцы отступили за телегу, вскинув щиты. Всадники, приближаясь, метали в них копья. Федор сумел отбить skutumom два копья, прежде чем отбросил внезапно отяжелевший щит. Летис «поймал» на щит три копья. Оставшийся солдат Карфагена отбил одно, но второе поразило его в бедро. С воплем он упал. Подскачивший всадник добил его длинным мечом, выхваченным на ходу.

Сразу три всадника с мечами в руках окружили Федора, остальные бросились на Летиса. Смерть была очень близко, но вовремя подоспели «крестьяне». Воздух разрезал свист летящих кинжалов, и один из противников Федора свалился с коня. Та же участь постигла одного из нападавших на Летиса. Прыгнув вперед к самому стремени, Федор избежал удара по голове и пронзил мечом бок другого римлянина, стащив его с лошади. Оглянувшись, командир разведчиков заметил, что к ним бегут лучники во главе с Урбалом.

Пока Федор, вскочив на коня, бился с оставшимися римлянами, помогая Летису отражать атаки, лучники карфагенян успели приблизиться, и все разрешилось буквально за один миг. Несколько метких выстрелов, и от римского отряда не осталось никого.

²⁴ Катафрактарии — тяжеловооруженные конные воины.

²⁵ Примпил, — старший из центурионов легиона, имевший право участвовать на военном совете вместе с высшими офицерами.

— Нам еще повезло, что их было всего десять человек. — Федор сплюнул кровь из рассеченной губы, обращаясь к Летису, но поглядывая то на погибших римлян, то на своих солдат, то на семью кабатчика, от страха застывшую в повозке. — Хорошо, что их военный трибун не послал за этим ублюдком хотя бы центурию пехотинцев. А лошади нам пригодятся.

Федор приказал поймать всех разбежавшихся коней. Спустя полчаса, оттащив мертвых римлян в канаву, чтобы не сразу бросались в глаза, отряд разведчиков пересел на лошадей и двинулся дальше. Коней на всех не хватило, поэтому некоторые разведчики, уподобившись иберийцам и кельтам, уселись по двое, перекинув через холку мешки с оружием, одеждой и провиантом.

Овец пришлось отпустить, чтобы двигаться быстрее. Федор предлагал старику ехать своим ходом, если тот хочет сохранить имущество, но старик отказался. Он хотел сохранить жизнь, теперь уж точно совершенно обесцененную, а потому двинулся на телеге вслед за раздобывшими лошадей солдатами Карфагена.

Спустя пару часов они благополучно достигли развилки и свернули с ведущей к Генуе дороги налево. Теперь путь, петляя, снова пошел наверх, в гору. Поднявшись на первый небольшой перевал, Федор заметил, как далеко внизу по направлению к деревне в сгущавшихся сумерках марширует манипула римских легионеров.

— Вовремя мы свернули, — сказал он, посмотрев на Летису, — но нас скоро хватятся. До наступления темноты надо уйти, как можно дальше.

И он прищепил коня, обгоняя повозку.

Глава четвертая

Боспорское царство

Почти две недели он метался в бреду, но не умер. Местные знахари выходили. Иллур велел спасти своего кровного брата во что бы то ни стало. И они спасли. А куда им деваться? Молили всех скифских богов, жгли какие-то тряпки и поили полумертвого Леху отварами. Спасли. Засевшую глубоко в плече стрелу вынули, а рану заговорили.

Когда боль ушла, и он окреп настолько, что смог выползти из юрты на свет божий, то увидел, что восходит рассветное солнце над степным миром крымских кочевников. Ни моря, ни прибрежных скал поблизости не оказалось. Все это время, как выяснилось, он лежал не в лагере Иллур под захваченным Херсонесом, а был перевезен в свое стойбище, где, кроме приставленных знахарей и колдунов, от него не отходила испуганная насмерть Зарана. К счастью, она оказалась девушкой крепкой и, даже увидев окровавленного Леху, не лишилась ребенка. Узнав, что с ней и с ребенком все в порядке, бледный Леха почувствовал себя гораздо лучше. И даже сам удивился, что больше переживает не о себе, а о Заране с наследником. Такое чувство возникло у него впервые, обескуражив опытного бойца. В своей прошлой жизни он даже о родителях беспокоился не очень сильно. Живы — и ладно. Правда, уважал. А тут о себе и думать забыл на какое-то время, как в сознание пришел, больше Зарану успокаивал.

Не прошло и двух дней с тех пор, как он очнулся, и в стойбище явился сам Иллур с ближайшей свитой из нескольких десятков всадников. Привез Лехе в подарок новый акинав взамен утерянного в бою, с золотыми ножнами искусной работы. Следом подъехала груженная телега.

— Фарзой доволен, — сообщил он Лехе, когда они уже сидели на поваленном дереве в небольшом отдалении от юрты. — И Паллак доволен. Город мы захватили. Все, как ты рассчитал. Ворвались через западную башню и ударили грекам в тыл. Взяли порт, а потом и другие ворота открыли.

Иллур перевел дух, вспоминая подробности того боя, и продолжил:

— Бились мы почти целый день. Греки хорошо сражались, но было поздно. Стены их уже не спасли. Мы сожгли половину Херсонеса и много добычи взяли. Вон твоя доля!

И он указал на поставленный в трех десятках метров от юрты воз с какими-то шкурами, блестящими на солнце кувшинами и россыпью блюд и монет.

— Ты теперь богат, брат мой Алл-лэк-сэй! Сможешь купить себе сотню наложниц и вооружить много воинов.

— Да мне и одной пока хватает, — отмахнулся Леха, — а насчет воинов... Ты расскажи, что на свете делается. Херсонес взяли, но ведь ты на этом не успокоишься. Я же тебя знаю.

— Верно, говоришь, Алл-лэк-сэй! — усмехнулся Иллур. — Новые дела назревают. Помнишь, я тебя посылал на границу с Боспорским царством?

— Помню, — Леха поежился от налетевшего порыва ветра, зябко ему было на свежем воздухе, но и в юрте валяться надоело. — Там, на границе, эти вояки такой оборонительный вал насыпали и ров вырыли, что не подступиться.

— Вот именно, — усмехнулся Иллур, — они думают, что мы нападём на них прямо здесь. Но Фарзой хитер! Да и я не так уж глуп, чтобы посылать скифов на верную смерть.

Иллур поднял указательный палец вверх.

— После того, как до них долетела весть о взятии Херсонеса, боспорский царь прислал множество солдат для защиты этих укреплений и призывает гнев богини Ма²⁶ на наши головы. Но мы обманем их и нападём с другой стороны.

— Это как? — не понял Леха, плохо представлявший себе границы Боспорского царства. — По морю?

— Нет, — отмахнулся Иллур, — наши лучшие корабли погибли при захвате Херсонеса. Осталась лишь пара триер и биремы, находившиеся в запасе. С такими силами укрепления Боспорского царства на нашей границе и богатые города, что за ними прячутся, не взять. Ни Феодосию, ни Пантикапей. Мы построим новый флот, но на это уйдет время. Гилисподис уже приступил к постройке десяти крупных кораблей.

Иллур встал, прошелся перед Лехой, словно греческий актер перед публикой в театре, и стал развивать свою мысль дальше.

— Мы атакуем эти укрепления, — заявил он, — и с суши, и с моря. Биремы перевезут солдат в тыл нашим врагам и помогут посеять панику среди защитников вала. Но лишь для того, чтобы обмануть. Показать им, что нанесем главный удар в этом месте. А на самом деле главные силы обойдут их по степи вдоль внутреннего моря и ударят с севера.

Иллур взмахнул рукой.

— И тогда путь в сердце Боспора будет открыт, и его не спасут даже подкрепления, вызванные из других греческих колоний. Главное выиграть время и нанести смертельный удар, от которого они не оправятся. А потом...

— Подожди, — озадачился Леха. — Ты еще этих противников не победил, а уже думаешь о «потом»! Ты что, брат, хочешь воевать со всеми сразу?

— Да, — просто ответил Иллур. — Я хочу завоевать весь мир и вернуть скифам власть над народами. Но Паллак слишком осторожен. Он боится, что греки объединятся против нас, словно не знает, что греки живут отдельными городами и никогда не собирают свои армии вместе. Это сделал только один человек, их царь Александр, но он тогда объединил греков силой.

Иллур снова сел рядом.

— Клянусь очагом,²⁷ я тоже смогу объединить всех греков под своей властью — и ближних, и дальних — если у меня будет достаточно сильная армия. Ведь наших предков не

²⁶ Жители античного Херсонеса подобно грекам поклонялись Зевсу, Земле, Солнцу, Деве и всем олимпийским божествам. А жители Боспорского царства, согласно древнегреческому тексту, поклонялись богине по имени Ма.

²⁷ Для скифов поклясться очагом, — это значит принести величайшую клятву.

смогли одолеть даже полчища персов Дария, значит мы непобедимы. Наш древний царь Иданфирс сумел заманить, измотать и разбить по частям армию Дария. Правда, он был решителен. А Паллак слишком медлителен и острожен. Он забыл, что такое кочевая жизнь и не слишком торопится начинать ее снова.

— Но ведь Херсонес взят, — подумал вслух Леха, словно одобряя действия царя. — Город богатый, много добычи. Куда ему теперь торопиться.

— Да, Херсонес взят, добычи много, — подтвердил Иллур, тряхнув бородой и погладив свой акинак. — И это значит, что все уже решено. Останавливаться нельзя. Греки, живущие в соседних колониях, не простят нам Херсонеса. Они будут мстить. Даже могут попытаться объединиться против нас, и мы должны помешать им. Мы должны ударить первыми.

— Я бы рад помочь, — заявил Леха, вставая, — да боюсь не удержаться в седле.

— Ничего, брат, — Иллур встал, — знахари тебя вылечат. Я приказал им стараться.

— Они стараются, — подтвердил Леха, бросив взгляд на трех бородатых старцев, что обрелись неподалеку.

— А пока мы уйдем без тебя, — Иллур улыбнулся, — медлить нельзя. Я сам поведу своих воинов в великий поход на Боспорское царство.

Он обнял Леху за плечи и попрощался.

— А ты выздоравливай, когда мы вернемся из степи, ты уже должен держаться в седле. Потому что потом отдыхать будет некогда. Ты пойдешь с нами на Ольвию.

— Я так и знал, — заметил вслух Леха, — что этого ждать недолго. Ладно, постараюсь к твоему возвращению оклематься. Плечо почти не болит.

— Прощай, Алл-лэк-сэй! — Иллур вскочил на коня и поскакал в сторону ближайших холмов. Весь его отряд последовал за ним.

Рядом тотчас возникла Зарана и заботливо накинула на плечи шерстяное покрывало. Несмотря на то, что денек стоял в целом теплый, по земле небольшой ветер мел пыльные облачка.

— Шел бы ты лучше в юрту, — заявила наложница. — Простудишься.

— И то дело, — решил Леха, вставая. — Что-то я притомился на свежем воздухе. Сила еще не та. Только сначала посмотрю, что за богатство нам Иллур привез. Пойдем, глянем.

Зарана кивнула, ей тоже не терпелось осмотреть лехину долю добычи. И они оба, обнявшись, направились к возу с сокровищами из Херсонеса.

— Да-а, чего здесь только нет, — пробормотал Леха, перебирая кубки, кувшины из меди с искусно нанесенной чеканкой, блюда и оружие в дорогих ножнах. Было здесь несколько греческих, богато отделанных мечей, небольшой круглый щит, шлем и даже раззолоченная верхняя одежда, несколько пар сандалий и много других вещей, не считая трех мешочков с золотыми греческими монетами. Иллур явно не поскупился и щедро отплатил за храбрость морпеха, поделившись с ним добычей.

Продав все это, Леха действительно мог купить себе еще стадо коней, организовать новое стойбище, построить на греческий манер дом в Неаполе или вооружить целый отряд бородатых лучников, став вождем повыше рангом. А может, и соорудить свой корабль.

Честно говоря, после морского нападения на Херсонес, Леха разрывался надвое. Он не мог выбрать, кем ему теперь стать. С одной стоны, он неплохо проявил себя, как морской начальник, можно попросить Иллур, чтобы его и дальше двигали по флотской линии. Благо, скифы теперь занялись этим вопросом всерьез, и останавливаться на достигнутом не собирались.

Но и в степь его тянуло не меньше. Как-то по привычке уже Леха обгонять ветер на лихом коне, во главе своих разведчиков, и валить солдат неприятеля из тугого лука на скаку. «Ладно, — он решил оставить свои сомнения до того момента, пока жизнь сама не подтолкнет его к какому-нибудь выбору, — поживем, увидим». И поймал себя на мысли, что в последнее время, благодаря стараниям Фарзоя и его подопечного, постоянно ставивших перед Лехой новые задачи, он стал гораздо больше думать. «Надо с этим осторожнее, — осадил себя морпех, — а то и в привычку войдет. Жить сразу станет сложнее».

— А ну-ка надень, — он вытащил из широкой чаши уложенное туда ожерелье из мелких блестящих монет и протянул наложнице.

Украшение блеснуло на солнце, и Леха не мог не заметить, как загорелись глаза девушки. «Вот, женщины, — усмехнулся морпех, помогая закрепить ожерелье на шее наложницы, — как сороки. Увидят что блестящее, сразу обо всем забывают, только дай поносить или померить».

Надев ожерелье, Зарана игриво подняла руки вверх и повернулась перед Лехой, слегка изогнув гибкий стан, уже начинавший заметно округляться. Ребенок должен был родиться через несколько месяцев. Повторив пируэт, она, наконец, замерла и вопросительно посмотрела на своего хозяина в ожидании похвалы.

— Ну, просто принцесса, — буркнул Леха.

— А это кто? — не поняла Зарана.

— В смысле, хороша чертовка! — поправился Леха и добавил. — Ты у меня просто лучше всех, Заранушка.

Девушка подошла к Лехе и прильнула к его груди, обняв обеими руками за талию.

— Ну ладно, ладно, — попытался мягко оттолкнуть ее Леха. — Ты поройся тут. Может, еще чего найдешь из украшений. Иллур ведь не зря сюда эту вещь подложил. Знал, кому пойдет. А я вернусь в юрту, полежу.

Но Зарана не стала больше ничего искать, а помогла своему притомившемуся мужчине дойти до дома. Едва оказавшись внутри, Леха опустился на ковер, пристроил голову на подушках и смежил веки, скользнув напоследок взглядом по манящему стану девушки. Зарана выглядела прелестно даже с уже наметившимся животиком, но ему было сейчас не до плотских утех. Рана еще давала себя знать. А к возвращению Иллур ему предстояло войти в форму, снова сидеть в седле не хуже любого скифа и крепко держать лук. Обещал — выздоравливай. Остальное потом.

Всю следующую неделю шаманы — так про себя определял Леха местных ведунов и знахарей — поили его какой-то горькой укрепляющей дрянью. Напиток казался мерзким на вкус, словно сваренным из лягушек, но помогал. Сил прибавлялось с каждым днем. «И чего они туда кладут? — размышлял Леха, выпивая с рассветом очередную чашу бурой жижи, на поверхности которой плавали капельки жира. — Отрава какая-то». Но, тем не менее, пил и выздоравливал.

К концу недели ему полегчало настолько, что он приказал даже привести себе оседланного коня. Взобрался на него уже без посторонней помощи, хотя и зашумело немного в голове. Зарана, настороженно наблюдавшая за его телодвижениями, вскрикнула.

— Цыц! — рывкнул на нее Леха. — Казак я или нет? Должен в седле держаться.

И натянул поводья, пустив коня вскачь. Трое верных людей устремились вслед за хозяином, поотстав на полкорпуса. Минут двадцать Леха скакал по холмам, рискуя вылететь из седла, поскольку в силу еще вошел, но не упал. Держал фасон. Нельзя было перед своими людьми осрамиться. Даже вскинул лук и пар раз выстрелил на ходу в пролетавшие мимо деревья, с радостью отметив, что оба раза попал. Значит, не пропала выучка. И стрела лучника из Херсонеса, так некстати поразившая командира скифских разведчиков, не смогла его вывести из строя навсегда.

На следующее утро в стойбище явился гонец от Иллур, на словах передавший, что скифский военачальник приказывает Лехе навестить известную ему бухту, где работают греки, и ускорить строительство новых судов. Иллур снова назначал Леху комендантом секретного объекта. А в подтверждение своих слов прислал греческую монету с пробитым в середине отверстием, которую тот обязан передать нынешнему коменданту в качестве пароля для смены караула.

— Вот неугомонный, — произнес вслух Леха, — сам в степи, а про флот помнит.

Подкинув на ладони монету, Леха снова посмотрел на гонца, и не подумавшего спускаться с коня.

— Ну, как он там, всех врагов победил? — поинтересовался морпех.

— Мы атаковали Боспорское царство с севера, — сообщил гонец, — и погнали его конницу вглубь земель. Враг отступает. Иллур приведет нас к победе.

— Я так и думал, — кивнул Леха. — Можешь ехать. Я все выполню. И передай вождю, чтобы зря под стрелы не лез. Его мудрая голова еще пригодится Скифии.

Бородатый воин издал боевой клич, стеганул нагайкой коня и ускакал.

— Ну вот, Заранушка, — проговорил морпех, приобняв наложницу и провожая взглядом гонца, уже почти скрывшегося за ближайшими деревьями, — пришло время опять расстаться. Надо мне посетить одно место, куда я тебя взять не могу.

А про себя подумал: «Пора навестить, как Иллур велел, Гиლისподиса с Калпакидисом, посмотреть, чем они там занимаются».

— Возвращайся быстрее, — прошептала Зарана, прикоснувшись губами к самому уху своего хозяина. Да так нежно это у нее получилось, что Леха мгновенно позабыл и про войну, и про флот, что строили греки в отдаленной бухте. И про приказ, который повелевал ему немедленно туда отправляться.

Плотно охватив теплую ладонь, он потащил свою наложницу обратно в юрту, где осторожно, но без лишних прелюдий, завалил девушку на ковер и до самого обеда предавался с ней любовным утехам, делая короткие перерывы на отдых. Но сил с каждым разом, к его великому удивлению, только прибывало. «И чем это меня шаманы напоили? — удивлялся Леха, поглаживая теплые груди наложницы и в очередной раз наваливаясь на нее всем телом. — Не только плечо прошло, но и все остальное окрепло. Что за виагра такая?».

Но Зарану совсем не интересовало, чем его напоили. Она была молчалива и счастлива, только сладко постанывала каждый раз, крепко сжимая его бедрами. А Леха продолжал демонстрировать неутомимость.

На следующий день он все же явился в Золотую бухту, чтобы принять на себя командование секретным объектом. Показал монету начальнику охраны, выслушал его соображения об обстановке и приступил к обязанностям, сразу же отдав распоряжения своим бойцам, которых у него теперь насчитывалось чуть меньше двух сотен, принимая во внимание тех, кто погиб при штурме Херсонеса.

Снова оказавшись в бухте, Леха расставил часть своих солдат на посты вдоль берега, а половину отправил в дозоры и объезд территории. Сам же, захватив седовласого скифа-переводчика, жившего здесь, при мастерах, постоянно, явился в большой барак, где располагалась главная контора Гиლისподиса.

— Ну, как дела? — поинтересовался он у грека, застав того в одиночестве над какими-то набросками и чертежами, в задумчивости рисуемыми угольком прямо на деревянном столе.

Гиლისподис оторвался от своих размышлений и встал, приветствуя Леху с некоторым удивлением. Переводчик тут же пустился в объяснения на скифском.

— Иллур снова приказал мне тебя охранять, — кратко объяснил Леха свое появление и склонился над разрисованным столом. — Чем занимаешься?

— Думаю над постройкой эннеры, — нехотя поделился своими планами греческий мастер, глянув на толмача, — это, конечно, пока только мечта, эскизы. Но мне кажется, от нее в некоторых случаях может быть большая польза.

— Чем ты тут развлекаешься, — не понял Леха, снова бросив взгляд на исчерченный стол, — вместо того, чтобы строить боевой флот для Скифии?

— Эннера — это гигантский военный корабль, — спешно пояснил Гиლისподис, вообразивший, что его опять могут подвергнуть пыткам. — Он в два раза больше квинкеремы.

— Эту я знаю, — кивнул Леха.

— Эннера должна иметь три или четыре палубы, а при такой ширине на верхней можно будет разместить шесть или даже семь башен для стрелков, — охотно изложил Гиლისподис преимущества новой конструкции, с облегчением сообразив, что казнить сразу его не собираются. — А, кроме того, там поместиться целых двенадцать метательных машин.

— Сильно, — согласился Леха. — Только это должна быть очень большая штуковина. Как же она будет двигаться?

— С помощью весел, — ответил Гиалисподис, — на каждом из которых будет по два или три гребца. Иногда под парусом. В целом, конечно, эннера получится очень тихоходной. Но взамен скорости она получит большую военную мощь. Ее можно применять для охраны гаваней или, наоборот, для осады вражеских крепостей с моря.

— В общем, плавучая передвижная платформа для артиллерии, — подытожил Леха по-русски, — как броненосец береговой охраны. И пехоту на нее можно сажать во множестве.

Переводчик поднял на него удивленный взгляд, но Леха не стал пояснять свои слова.

— В целом одобряю, — заключил он, переходя на язык скифов. — И много таких громадин у греков во флоте?

— Такие корабли почти никто не строит во множестве, — честно ответил Гиалисподис. — Это очень дорого. В Афинах есть одна. Знаю, есть несколько эннер в Египте, у Карфагена и у римлян. Кажется, это все. В основном, для войны все используют более быстроходные корабли.

— Ясно, в общем, на твоей эннере далеко не уплывешь, хотя штука знатная, — похвалил Леха. — Мощная.

Гиалисподис расплылся в улыбке.

— Да, — закивал он, — она сможет принести скифам пользу.

— Сможет, — согласился начальник охраны, — если ее не сожгут раньше быстроходные триеры. Да и денег она стоить будет немало. Наш ВПК такое пока не потянет. Фарзой не разрешит. Так что рассказывай, что у тебя творится в области стандартных вооружений.

Некоторое время переводчик, а затем Гиалисподис переваривали сказанное, но справились. После чего грек проводил Леху на берег и показал три уже почти готовые триеры и одну недавно заложенную квинкерему. У берега также покачивались собственные и несколько захваченных у Херсонеса бирем.

— И это все? — удивился новый комендант объекта, осматривая небольшой флот.

— Пока да. Скоро мы зложим еще две триеры. Того золота, что вождь Иллур отпустил мне для работ, хватит только на эти корабли, — напрягся Гиалисподис. — Ведь мы решили построить первый большой корабль для флота Скифии. А он дорог. Кроме того, много средств ушло на постройку осадной артиллерии мастера Калпакидиса.

— Ну ладно, — смягчился Леха, — работай дальше. Да не тани. Корабли скоро понадобятся. А насчет твоей, как там ее, эннеры, я поговорю с кем следует. Может, и построим, если денег хватит.

После того, как переводчик-скиф озвучил сказанное по-гречески, Гиалисподис просиял. Не каждый день тебе обещают дать денег на экспериментальный проект. Для любого увлеченного мастера это настоящее счастье.

«Рано радуешься, — подумал про себя Леха, — ты еще не знаешь, для осады какого города нужны эти корабли». Но вслух ничего не сказал, не стоило расстраивать главного специалиста.

— Пошли к Калпакидису, — приказал он толмачу, следовавшему за ним, как тень.

И направился вверх по склону к группе бараков, из которых раздавались стук молотков и глухие удары. По дороге Леха осмотрел кузницы, где скифские умельцы ковали металлические части для крепления кораблей, пластины обшивки для бортов, берегущие их от таранного удара, и сами тараны, состоявшие из бревен, обитых металлом. Работа кипела, и морпех остался доволен.

В заключение Калпакидис продемонстрировал ему новую метательную машину с одним плечом-балкой и корзиной для ядра или горшка с зажигательной смесью. Этот монстр возвышался на три метра над землей и стоял в лесу напротив специально вырубленной просеки, в конце которой виднелся небольшой деревянный домик-мишень.

— Это называется онагр, — с гордостью заявил греческий умелец. — Похожие по

действию машины, только еще большего размера, я видел в Сиракузах. У римлян они тоже есть. А теперь будут и у вас.

— Ну, показывай, что она может, — приказал Леха.

Оттянув главную балку назад с помощью механизмов, скифы-метатели зарядили онагр массивным каменным ядром, прицелились и отпустили рычаг. С громким стуком центральная балка ударилась о поперечную, отправив ядро в полет. Буквально через пару секунд раздался треск, и домик в дальнем конце просеки разлетелся вдребезги. На его месте остались лежать отдельные бревна, а щепки разметало метров на десять.

— Хорошая машина, — похвалил Леха. — Сколько Иллур приказал сделать?

— Пять штук, — ответил Калпакидис. — Две уже готовы.

— Может и не хватить, — заметил Леха, но вдаваться в подробности не стал. — Делай сколько сказано.

Кроме новых машин, Калпакидис обещал построить скифам еще десяток осадных баллист, хорошо зарекомендовавших себя во время нападения на Херсонес. Часть таких орудий была уничтожена во время вылазок осажденными, требовалось срочно возместить их потерю. Глядя на размах работ, Леха понимал, что совсем скоро у них будет и приличный флот, и осадный обоз, ничем не уступающий осадным обозам греческих городов. Его кровный брат уже начал свой великий поход, и таких орудий и кораблей ему будет требоваться с каждым днем все больше.

Глава пятая Ольвия

Почти три недели Леха со своей командой нес непрерывную охрану секретной бухты и ее окрестностей. За это время Гилисподис успел достроить две триеры из трех заложенных. На одной из них Леха с греческими мастерами даже вышел в море, чтобы проверить ее ходовые качества и пострелять из баллист по мишеням.

А еще через пару дней в гавань явился Иллур вместе с сотней солдат. Кроме солдат, он пригнал с собой почти тысячу рабов из Боспорского царства, сразу же передав их в помощь обоим греческим специалистам. И следующую триеру они уже испытывали вместе.

— Хороший корабль, — заключил Иллур после того, как они, расстреляв несколько мишеней и потренировавшись в абордажном бою со второй триерой, сошли на берег. — Он нам скоро пригодится.

Проверив ход работ, Иллур ускакал к себе в стойбище, приказав Лехе передать охрану объекта одному из своих подопечных и следовать за ним. Все время, пока Иллур находился в гавани, он был весел и возбужден, но ничего толком не рассказывал своему кровному брату, намекнув, что всему свое время. Судя по обилию рабов, поход на Боспорское царство оказался удачен.

— Ну что, — поинтересовался, наконец, Леха, сидя вечером у костра в стойбище Иллура, — разгромили Боспорское царство?

Между юртами изредка слышалось ржание коней и глухой стук копыт. На костре жарилось мясо, еще недавно бегавшее по степи, а рядом слуга расстелил ковер, на котором вскоре появился обычный набор — овощи и фрукты на подносах, вино в кувшинах. Фарзой на этот раз не присутствовал. То ли Леха уже вошел в доверие, то ли разговор предстоял не очень секретный.

— Нет, — отмахнулся Иллур, — поход получился славный, но царство разгромить не удалось. Только пустили кровь.

Иллур отпил вина из поднесенного слугой кубка и начал свой рассказ.

— Их царь силен, имеет много укрепленных городов. Мы отогнали и рассеяли войско, охранявшее Танаис,²⁸ стоящий почти на северной границе, а сам город сожгли. Как я и

²⁸ Город Танаис стоял на одноименной реке, которая сейчас называется Дон.

думал, они нас не ждали с этой стороны, и нападение получилось внезапным.

Иллур помолчал, отпив еще вина.

— Ты пей, Алл-лэк-сей, угощайся, — указал на стоявший перед кровным братом кувшин. — Мясо еще не готово.

Леха отпил вина.

— То есть, прошлись по границам, пожгли деревни и обратно? — уточнил он.

— Не только, — ответил Иллур. — Пока наша первая армия штурмовала укрепленный вал у Феодосии, мы хитростью взяли Танаис, а затем прошлись по землям псессов и тарпетов. Сожгли их села и добрались до берегов самого Гипаниса,²⁹ недалеко от устья которого стоит большой торговый город Фанагория. Но захватить его не смогли. Город хорошо укреплен, а мы ради внезапности и скорости не взяли с собой осадный обоз.

— Да, это вы зря, — подтвердил Леха. — Калпакидис мне недавно новую машину показывал, просто жуть. Сносит с одного выстрела целый дом.

— Без таких машин Боспорского царства не одолеть, — неожиданно легко согласился вспыльчивый Иллур, выказав на этот раз похвальную рассудительность. — Мы уничтожили большую армию, но почти все города, имеющие каменные стены, остались нетронутыми.

Мясо поспело. Молчаливый слуга отрезал им по куску и положил каждому на отдельное блюдо. В последнее время, как заметил Леха, Иллур стал все чаще подражать своим недругам-грекам и есть, как белый человек, руками, а не просто с кинжала. С кем поведешься, как говорится.

Иллур откусил кусок сочного мяса, прожевал и закончил мысль:

— Ну, ничего, мы пустили немало крови, и теперь боспорский царь присмирееет надолго. В следующем походе мы возьмем и разрушим его города. А пока у нас будет другая забота.

Скифский вождь помолчал.

— Вчера на совете вождей было решено немедленно атаковать Ольвию, — объявил он. — Нам доносят, что Ольвия решила сама напасть на нас, не дожидаясь судьбы Херсонеса. Греки собирают большой флот и готовят армию наемников. Мы должны опередить их.

Иллур опрокинул кубок с вином прямо в глотку, облизал губы и закончил.

— Надо сжечь флот еще в гавани, чтобы они не смогли атаковать нас с моря. А уж с армией наемников мы справимся.

— Что я должен делать на этот раз, брат? — поинтересовался Леха. — Командовать кораблями?

— Нет, Алл-лэк-сей, — отрицательно мотнул головой скифский вождь, — кораблями будет командовать Ичей, твой помощник. Он неплохо подружился с морскими богами и в чести у Тамимасадоса.

— Это верно, — согласился Леха, вспоминая, как ловко Ичей управлялся в морском бою с флагманской триерой. — Думаю, он должен справиться.

— А ты завтра же возьмишь своих людей и отправишься в разведку на границу земель Ольвии, — распорядился Иллур. — Постарайся пробраться, как можно дальше, не ввязываясь в бой. Мы должны нанести удар первыми. Поэтому не поднимай шум раньше времени. Но привези мне пленных. Я хочу их допросить.

— Я все понял, — кивнул Леха. — Возьму своих людей и на рассвете отправлюсь.

Иллур молча глянул на него, размышляя о чем-то.

— Не задерживайся больше двух дней, — произнес он, наконец. — Кораблей у нас уже достаточно для того, чтобы нанести один, но сильный удар. Пока ты охотишься за пленниками, мы соберем всю силу многих вождей для главного удара. Мои отряды уже

²⁹ Псессы и тарпеты — народы, населявшие северные земли Боспорского царства по берегам Азовского моря. Река Гипанис — Кубань, хотя некоторые исследователи ассоциируют это название с Южным Бугом.

здесь, осталось подождать, когда подойдут всадники Савлия. Тогда можно наступать.

— Ты хочешь осадить этот город? — осведомился Леха, слегка усмехнувшись. — Или только пустить кровь его армии?

— Ольвия перекрывает нам дорогу на запад, — ответил Иллур, прищурившись. — Беда в том, что мы слишком давно не ходили этим путем. Но теперь настал час потоптать копытами наших коней эти благодатные земли. Ольвия должна быть сожжена.

Леха отпил вина, помолчал, оценивая важность момента.

— Ну, тогда вам без десанта не обойтись, — заявил он. — Прикажи Ичею, чтобы посадил побольше пеших воинов на корабли. Если ты утверждаешь, что там флот не хуже, чем у Херсонеса, то большинство десантников там и сгинет. Но какая-то часть прорвется.

— А что Фарзой? — спохватился Леха, вспомнив прошлый штурм. — Не хочет и Ольвию хитростью взять?

— Хочет, — не стал скрывать Иллур, — да только не получается. Для хитрости времени нет. Греки про Херсонес знают и понимают, что скоро настанет черед Ольвии. Насторожились. Почти всех наших засланных людей переловили. Поэтому придется нам налететь, как ветер. Но, надеюсь, боги нас не оставят.

— Это уж точно, — согласился атеист Леха.

На следующее утро Леха — трезвый, как стеклышко, несмотря на затянувшуюся попойку с Иллуром — поцеловал Зарану и, взобравшись в седло, поскакал в сторону границы с греческими владениями. Позади стучало копытами две сотни всадников, с которыми ему помогали управляться два сотника — Инисмей и Гнур — временно появившиеся рядом с ним в Золотой бухте, да так и оставшиеся при кровном брате самого Иллера. Леха ценил этих бородатых скифов за хорошую службу и платил исправно.

Полученные от Иллера после взятия Херсонеса сокровища он еще не успел обратить в новых солдат, в противном случае с ним сейчас выступало бы уже сотни три. Примерно на такую сумму богатств привалило к Лехе на той телеге. Хотя деньги можно было использовать и по-другому. Когда-то для разведывательных целей он обходился вообще десятью бородачами и неплохо, надо сказать, справлялся. Теперь же, имея две сотни, Леха мог при случае проводить уже разведку боем. Хотя в этот раз Иллур просил всего лишь привезти нескольких пленных.

Еще с прошлого набега, когда были захвачены греческие мастера, Леха помнил расположение близлежащих деревень и мест, где предполагалась концентрация военных сил противника. А потому обошел их стороной. Более того, приказал разделить отряд на две части, договорившись о часе и месте встречи. Одну сотню под командой Инисмея отправил в сторону моря, где тоже имелись населенные пункты, а со второй сам двинулся вглубь территории, стремясь добраться до крупного селения, при котором в прошлый раз видел посты греческой конницы. Леха решил обязательно захватить кого-нибудь из катафрактариев. В тяжелой коннице бедные не служат, и эти ребята уже по своему рангу могли кое-что знать о планах военного руководства Ольвии в отношении скифов.

Проскакав полдня по оврагам и редколесью, они умудрились углубиться на территорию противника почти на двадцать километров, не встретив серьезного сопротивления. Тридцать легких пехотинцев, вальяжно передвигавшихся по дороге в сторону границы, изумились до полного остоленения, увидев скифов прямо перед собой, и сделать ничего не успели. Конные лучники выкосили всех, кроме двух командиров. Леха, не вдаваясь в детали, коротко допросил их через толмача, и выяснил, что в намеченном для налета селении действительно квартирует сотня катафрактариев. Но в это утро, половина из них отправилась в Ольвию для выполнения неизвестных пехотному офицеру целей.

— Это я удачно прибыл, — заметил вслух Леха.

Закончив допрос, он отошел в сторону, потеряв интерес к греческому пехотинцу. Перепуганный офицер, уже решивший, что его сейчас казнят, забился в истерике. Но скифы лишь оглушили его обухом топорика и погрузили на лошадь рядом со своим пленным сослуживцем.

— Так, два языка уже есть, — удовлетворенно объявил Леха, наблюдавший за манипуляциями своих солдат. — Иллuru с кузнецами будет, чем заняться, но нужно еще.

Он вскочил на коня, дернул поводья и крикнул скакавшему рядом Гнуру:

— Вперед! Мы атакуем эту деревню. Убивать не всех. Ищите командиров.

Гнур дернул головой в знак согласия и ускакал вперед, уводя за собой половину сотни. Скифы рассыпались лавой и, охватив полукругом уже показавшееся на холме селение из двух десятков домов, устремились в атаку. Леха с оставшимися всадниками держался во втором эшелоне.

Их заметили быстро, но слишком поздно для активного сопротивления. Разрозненных греческих всадников, из тех, кто успел вскочить в седло, ворвавшиеся в деревню скифы быстро перебили, хотя и не без потерь. Греки тоже не вчера родились — контратака двух десятков катафрактариев унесла жизни дюжины скифов, правда, греки погибли все. Остальные в панике отступили, поскольку оказались застигнуты врасплох в своих казармах. Но не обратились в безудержное бегство, а откатившись на край деревни, снова перешли в контратаку.

Когда Леха со второй частью отряда ворвался в деревню, бой еще шел. Более того, последняя атака греческих конников пришлась как раз на него. Размахивая мечами, десяток всадников врубился в колонну скифов и смог прорвать ее центр. Бой шел на тесной улице деревни, где греки ничуть не уступали скифам, орудовавшим длинными мечами в ближнем бою. Катафрактарии не знали, сколько кочевников напало на них, но продолжали стойко оборонять свою землю. Лучше всех мечом орудовал их командир — широкоплечий бородатый воин в дорогой кирасе и шлеме с гребнем из белых перьев. Он уже зарубил двух скифских всадников, когда оказался перед их предводителем.

— А ну давай ко мне! — крикнул Леха по-русски, вытаскивая меч из ножен — Померяемся силушкой!

И прищпорив коня, сам бросился на грека, приподняв небольшой кавалерийский щит. Грек первым нанес удар острием меча в корпус, но Леха прикрылся щитом и ответил ударом на удар. Его меч лязгнул о кирасу, отскочив от защищенного бока противника.

После первой сшибки, поединщики разъехались, благо место позволяло. Бой вокруг быстро затихал. Скифы убили уже почти всех греческих всадников, лишь трое еще продолжали сопротивляться. Терять им было уже нечего.

Грек немного отъехал, развернулся и снова поскакал навстречу Ларину. Новая сшибка, удар. Перед глазами блеснуло на солнце острие меча, и морпех ощутил, как у него зазвенело в ушах — грек саданул его мечом по шлему. Шлем спас морпеха от верной смерти, смягчил сильнейший удар. Леха покачнулся, но удержался, не так то просто было вышибить его из седла. Махнул мечом в ответ, но противника рядом не оказалось, и клинок разрезал воздух.

— Ловкая сволочь, — сплюнул Леха, разворачивая коня, — ну, сейчас я с тобой разберусь.

И почти сразу получил новый удар, который, к счастью, успел отвести щитом. Другие скифы в поединок не вмешивались, а о помощи Леха никогда не просил. Гордость не позволяла. Лучше умереть, чем проиграть бой на глазах у своих солдат.

И Леха разозлился по-настоящему. Этот грек был искусен в бою на мечах, но и морпех не лыком шит. Меч катафрактария еще не успел соскользнуть со щита, как Леха извернулся и нанес колющий удар в грудь. Удар достиг цели, но доспех опять спас грека, едва не вылетевшего из седла. Разъяренный морпех размахнулся и рубанул еще раз, стремясь попасть по шее, но противник успел подставить свой щит, впрочем, мгновенно разлетевшийся в щепки. Не теряя драгоценных секунд, следующим движением Леха сбоку нанес удар в лицо противнику, но тот отклонился назад и, получив скользящий тычок в грудь, рухнул-таки на землю. Но остался цел — доспехи на нем были первоклассные.

В бешенстве Леха спрыгнул с коня и хотел двумя руками вогнать клинок поверженному противнику в шею, чтобы довершить начатое, но в последнюю секунду вспомнил о задании. Это, вероятно, командир эллинского отряда. Тот самый, за которым он

и охотился. И, смачно выматерившись, Ларин отвел руку с мечом. А душу, требовавшую сатисфакции, отвел, заехав противнику ногой в лицо. Грек, пытавшийся подняться, снова рухнул навзничь и откатился еще на пару метров. Меч он выронил, а шлем с его головы сорвался, отлетев в сторону.

— Связать его, — приказал Леха, еще раз сплюнув. Пыль на сельской дороге стояла столбом.

К поверженному в прах главе катафрактариев подскочили два скифа и набросили на него веревки, мгновенно спеленав, как младенца. Рядом возник толмач, предвосхитив новый приказ Ларина.

— Спроси его, как зовут и сколько людей находится в ближайших деревнях, — приказал Леха, снова взобравшись на коня.

Толмач перевел. Грек, которого спешившиеся солдаты подняли и поставили на ноги, что-то злобно прошипел, сплюнул и отвернулся.

— Он не хочет говорить, — перевел толмач.

— Это я и так вижу, — кивнул Леха, ничуть не расстроившись. — Спроси в последний раз, он командир этого конного отряда?

Толмач спросил, грек не скрываясь, кивнул. «Храбрый парень, — подумал Леха, — но тем хуже для него. Иллур сам с ним поговорит по душам. Уж он-то развяжет ему язык, а мне некогда».

— Отлично, — проговорил он вслух. — Берем его с собой и уходим.

Пленного катафрактария вместе с еще одним связанным соратником перебросили через холку коня, приголубив топориком, чтобы не сильно ругался и брыкался. Поборов желание запалить деревню, Леха со своей сотней отправился обратно к границе. За время скачки по полям в обход населенных пунктов, все еще остававшихся в руках ничего не подозревавших греческих воинов, они, тем не менее, нарвались на конный разъезд. По счастью, это были легковооруженные воины Ольвии, числом не больше тридцати человек, оказавшиеся перед лицом превосходящего противника. Отступить они не успели. Бой прошел скоротечно и легко. Сближаясь на встречных курсах, две группы всадников осыпали друг друга стрелами, поразив многих, после чего сшиблись в бою на мечах. Победа, конечно, осталась за скифами, но эта стычка стоила Лехе пятнадцати человек. И после дня разведки боем у него в сотне осталось едва ли больше половины солдат.

В наступивших сумерках они достигли большого, поросшего по краям лесом оврага, где должны были встретиться с сотней Инисмея, обязанного прибыть сюда до темноты в любом случае. Он и прибыл, захватив с собой трех пленных, сочтя их достаточно ценной добычей. Ими оказались два пехотных офицера и один морской мастер — Инисмей доскакал до самого побережья и навел там шороху. Но на обратном пути на него напали две сотни конных греков, вознамерившихся истребить кочевников, так что из боя он вышел тоже сильно потрепанным. Оставив в степи почти сорок человек, Инисмей под покровом темноты едва ушел от противника.

— Молодец, — похвалил его Леха. — Мастера нам пригодятся.

И добавил, указав на пленных офицеров из греческой пехоты.

— Если от этих толку не будет.

Не дожидаясь рассвета, обе потрепанные сотни снова объединились в один отряд и прорвались на территорию Скифии, увозя с собой пленных.

Иллур был доволен. И Фарзой тоже. Под пытками плененный Лехой грек рассказал много интересного о конных войсках Ольвии, спешно вербовавших сейчас новые отряды. Он знал численность уже существующих подразделений и многое о тех, которые следовало сформировать. Знал, поскольку сам занимался вербовкой среди населявших окрестности Ольвии народов. Половина его отряда, из-за чьего отсутствия он и попал в плен, как раз отправилась за пополнением. На следующий день предполагалось привести в это селение еще три сотни всадников.

А морской специалист оказался одним из тех, кто строил флот для Ольвии. Он тоже

кое-что знал о численности кораблей. Немало интересного порассказали и пехотные командиры. Добавив к этому донесения своих не слишком многочисленных в Ольвии шпионов, Фарзой сделал краткий вывод.

— Наступать надо немедленно, — заявил хитрый старец, — пока они не собрали все войско, на которое рассчитывают. Ольвия готовится к отражению нашего нападения. И готовится основательно. Еще немного, и нам придется приложить вдвое больше усилий, чтобы взять ее крепкие стены.

— Мои люди готовы, — успокоил его Иллур. — Я собрал на границе огромную армию. Она больше той, что воевала Боспорское царство. За последнее время мы построили много осадных орудий. Обоз тоже готов.

Он обернулся, взглянув на стоявшего в двух шагах Леху, и уточнил, обращаясь сразу к двум собеседникам.

— Флот, предназначенный для атаки гавани Ольвии, возглавит Ичей. Там тоже все готово, ждут только приказа. Самый большой корабль, квинкерема, еще не поспел, но у нас много других кораблей. Хватит, чтобы пробить оборону с моря. А ты, брат Ал-лэк-сей, пойдешь в поход вместе со мной. Мы будем на острие главного удара и вместе войдем в горящую Ольвию.

— Что ж, — не замедлил с ответом Фарзой, — день настал. И наш царь Паллак сам возглавит этот поход.

Иллур поклонился своему наставнику, но Лехе показалось, что по губам скифского вождя скользнула презрительная усмешка.

На следующее утро орды скифов вторглись в крайние пределы Ольвии. На этот раз они не оставляли за собой ничего, кроме выжженной земли и горящих деревень, ломая сопротивление многочисленных, но разрозненных отрядов, защищавших подступы к столице.

Ларин сам возглавлял свою сотню, гордо восседая на коне в полном боевом доспехе. Рядом с ним ехал сотник Гнур. А Инисмея Леха еще вчера отправил в отдаленные степные стойбища, дав ему приказ набрать себе две сотни бойцов, оплатив их службу золотом. Эти новые воины должны были присоединиться к нему до того, как Иллур вступит в сражение с главными силами греков, ожидавшими его на подступах к Ольвии. Дело обещало массу впечатлений.

Глава шестая

Апенинские перевалы

Еще до захода темноты они достигли первой деревни, где и заночевали. Деревня всего в несколько домов, притулившаяся у подножия скалы, была по неизвестной Федору причине брошена жителями и даже разрушена, но несколько домов уцелело.

Командир разведчиков отдал приказ становиться на ночлег и готовить ужин. А когда еда поспела, накормил не только своих бойцов, но и семью старика. Родители изнасилованной девушки еще немного поели, но как ни старались предложить хоть что-то дочери, она отказывалась, молча мотая головой. Ее длинные спутанные волосы при этом разлетались в стороны, а взгляд красивых глаз оставался потухшим.

Два костра, разведенные между уцелевшими домами, снизу не просматривались. Карфагеняне успели уйти достаточно далеко от развилки на Геную, но Федор все же приказал выставить дозоры на дороге, сверху и снизу от заброшенной деревни, хотя места здесь и казались пустынными. Береженого бог бережет.

— Это твоя деревня? — спросил Федор, подсаживаясь к старику. — Та, что ты искал?

— Нет, — ответил тот, с трудом отрывая взгляд от впавшей в транс дочери. — Та деревня, где живут мои родственники, стоит у следующего перевала. Мы дойдем туда завтра днем.

— А часто здесь бывают римские солдаты? — поинтересовался Федор.

— Я не знаю, — задумчиво ответил старик, — но, скорее всего, не часто. Из Генуи есть более пологая дорога в сторону долины По. Но она идет в обход и потому очень длинна.

— Ясно, — кивнул Федор и осторожно спросил. — Ну, а может, ты знаешь, как пройти сквозь эти перевалы к морю? Какой из них завален в это время снегом, а какой нет?

Старик повернулся к Федору. В его глазах промелькнула догадка, но он долго ничего не отвечал.

— Я стар, — ответил он, наконец, — мне тяжело ходить по горам. Я всю жизнь провел на равнине. Но вот мои родственники, особенно племянник, что живет в той деревне, должны знать все, о чем ты спрашиваешь.

— А они смогут нас проводить? — не отставал Федор. Ему было не очень приятно расспрашивать убитого горем старика, да и планы свои выдавать не хотелось, но другого выхода он не видел. Время поджимало. — Мы должны узнать, через какой перевал можно пройти.

Старик снова замолчал. На этот раз он молчал дольше. Но, вновь посмотрев на дочь, все-таки сделал выбор.

— Я твой должник. И я скажу племяннику, чтобы он помог вам. Он тоже лигуриец и не любит римлян.

Когда Федор отошел ко второму костру, где сидели его друзья, Урбал, усиленно прислушивавшийся к разговору, но не понимавший его, спросил:

— О чем говорили?

Федор взял плошку, куда солдат-кашевар только что плеснул жидкой похлебки, и, немного пригубив, ответил:

— Завтра старик даст нам проводника из родственников. С проводником мы быстрее обернемся.

— Но проводник будет знать, зачем мы сюда пришли, — не унимался подозрительный Урбал, — а римляне пытаться тоже умеют. Если только его потом не...

— Не торопи события, — отрезал Федор. — Поживем, увидим.

Наутро, чуть свет, они собрались и снова тронулись в путь. Дорога забиралась все выше. Несмазанная телега старика скрипела так, что, казалось, вот-вот развалиться. Но пока ехала, увозя его подальше от римских солдат. Несмотря на то, что разведчики торопились, Федор решил достичь второй деревни вместе со стариком, и уж только потом ускорить поиски проходимых в это время перевалов.

Перебравшись через очередной невысокий хребет, они стали спускаться долину, за которой начинались настоящие горы. И к обеду, как и обещал кабатчик, достигли деревни, где обитали его родственники. Это селение оказалось чуть больше первого, в нем насчитывалось пять ветхих хижин, окруженных полуразвалившимися изгородями и сараями, откуда раздавалось блеяние коз.

Когда телега остановилась у крайнего дома, из него выбежала немолодая женщина в потрепанной одежде и, увидев старика, сначала заголосила от радости, но перемолвившись с ним парой слов, начала выть от горя, обнимая его дочь. Следом за ней вышел и остановился рядом с телегой парнишка, с интересом рассматривая солдат. Он был лет пятнадцати, босиком, в рваных штанах и рубахе. Несмотря на то, что половина отряда носила римскую одежду, а остальные — незнакомые доспехи, это его не смутило. Во взгляде подростка не читалось никакого страха.

Больше из дома никто не вышел. Из соседних — тоже, невзирая на то, что убитая горем женщина голосила так, что ее наверняка слышали даже на дальнем конце деревни.

— Скажи им, что нам нужен проводник, — напомнил Федор, когда старик вместе с женой и дочкой, покинув телегу, направился в хижину.

Команда Федора осталась ждать снаружи. Подросток ушел вместе со всеми в дом, но скоро вернулся. На этот раз он надел сильно поношенные сандалии на толстой подошве, куртку из грубой материи, а за спину закинул довольно тощий мешок.

— Я покажу вам перевалы, — сказал он довольно чисто по-латыни, обращаясь к

Федору, которого сразу выделил, как командира. — Так мне велел дед.

— Откуда ты знаешь латынь? — немного удивился Федор, уже привыкший к тому, что лигурийцы, и особенно горные жители, оторванные от цивилизации, неохотно изучали язык своих поработителей.

— Я хотел стать торговцем и учился делу в Генуе, пока дедушка держал там лавку, — спокойно пояснил парень, — но пару лет назад мы перебрались сюда. Подальше от римлян.

— Ты знаешь, кто мы? — напрямик спросил Чайка, глядя в глаза парню, в свою очередь изучавшему римские доспехи предводителя этого странного отряда.

— Знаю, — кивнул сообразительный подросток. — Вы из армии Ганнибала. Про нее ходит много слухов. Говорят, ваш вождь уже освободил галлов, захватил половину римских земель и скоро возьмет сам Рим. Это правда?

Удивленный морпех переглянулся с Урбалом и Летисом, но те не понимали о чем речь.

— Почти, — ответил, наконец, Федор. — И если ты поможешь нам, то Генуя быстрее освободится от римлян, и ты снова станешь торговцем.

— Я помогу вам, — кивнул парень. — Куда вы хотите пройти?...

* * *

За следующую неделю отряд Федора и проводник по имени Терис исследовали большую часть перевалов, в наше время именуемых апеннинскими. Судя по карте, врученной Чайке Ганнибалом, они оказались в самом сердце большого горного хребта, отделявшего северные долины, в том числе и долину реки По, от морского побережья. Карта ограничивалась главной частью хребта и районом, прилегавшим непосредственно к Генуе. Но, если исходить из их наблюдений, хребет шел дальше и делил южную Италию на две части точно по центру.

В отличие от альпийских долин, населенных воинственными кельтами, жителей здесь почти не было, если не считать нескольких лигурийских деревень, попавшихся им на пути, но обойденных стороной. Вся жизнь в этих местах больше тяготела к морю, по берегам которого поселений насчитывалось в десять раз больше. Федор заметил это еще в прошлый раз, когда пересекал горы с отрядом римских морпехов. Путь он тогда не запоминал, это его мало заботило, он же не предполагал, что придется вернуться. Хотя теперь, конечно, жалел о прошлом упущении.

С нескольких перевалов в западной части главного хребта Федор и его друзья пару раз видели башни какого-то прибрежного города. Возможно, это и была Генуя. По склонам гор вниз текли многочисленные реки, а внизу, у самого подножия хребта, виднелись плодородные долины.

Лошадей карфагеняне оставили еще в селении, на попечение старика и его семьи. Пешком разведчикам седьмой спейры африканцев в горах казалось привычнее.

— Если не вернемся, — неловко пошутил Федор, прощаясь, — все эти римские кони твои, старик.

Беспрепятственно пройдя траверсом главный хребет, от вершины к вершине, Федор с помощью Териса — парень был просто природным скалолазом — обнаружил три относительно невысоких перевала, на которых сейчас, по весне, почти не лежало снега. Если их не займут римляне, то армия Карфагена спокойно пересечет перевалы и легко выйдет к морю. В незащищенный тыл римских армий, охранявших сейчас с другой стороны хребта две главные дороги из долины реки По. Римляне гордились своими мощными дорогами, по которым могли быстро перебросить легионы на север для подавления галлов. И вот теперь они боялись, что Ганнибал использует это преимущество против них самих — поведет по заботливо уложенным плиткам армию финикийцев на юг, к Риму.

Федор решил заночевать на последнем из осмотренных перевалов. А утром спуститься вниз и разведать местность у подножия хребта. В общем-то, этого делать и не требовалось, с главной задачей они уже справились. Но Федор решил добыть побольше сведений о

противнике. Да, кроме того, продукты заканчивались, на обратную дорогу их явно не хватало, а внизу как раз находилось несколько небольших деревень.

За ужином, нанося на карту разведанные перевалы, Федор оценил план Ганнибала. Если его армия сможет осуществить этот обходной маневр, то римские легионы окажутся отрезанными от своей столицы. Они будут еще какое-то время запирают выход из ловушки, где, как им кажется, находится зверь, а Ганнибал со всеми своими силами беспрепятственно направится к Риму. И, может быть, возьмет его до прибытия легионов из северной Италии. Это был дерзкий, рискованный план, но Ганнибал мыслил именно так. И пока что он во всем переигрывал своих противников.

Аккуратно пометив перевалы на карте, Федор показал их расположение Урбалу и Летису, на случай, если карта будет утеряна, и придется по памяти восстанавливать разведанные на копии, находившейся у Ганнибала. Времени на повторную рекогносцировку уже не будет.

— Ты уверен, что нам стоит спускаться? — на всякий случай поинтересовался у него Урбал. — Там ведь римлян гораздо больше, чем здесь. Зачем рисковать?

— Здесь карта заканчивается, — спокойно ответил на это Федор. — А тропы со всех трех перевалов идут вниз, но две из них не пересекаются. Мы разведаем, какие пути ведут вдоль моря на юг, а какие — в Геную, чтобы сэкономить время. И тогда армия сразу же сможет выбрать нужную дорогу.

— Да ладно тебе осторожничать, — заметил Летис, посмотрев на Урбала. — Быстро сходим, понюхаем и назад. Если что, успеем уйти в горы. Ганнибал нас за это только наградит. Он любит храбрых.

— Ну да, если не напоремся на римлян и не потеряем карту, — пробубнил Урбал, сегодня явно потерявший присутствие духа. — Вот тогда Ганнибал тебя точно наградит, особенно, если римляне узнают о наших планах и успеют перебросить сюда войска хотя бы из того легиона, что стоит под Генуей.

— Я решил, — отмахнулся Федор, — спустимся до первых деревень и назад. Терис, ты можешь возвращаться домой. Обратную дорогу мы найдем сами.

— Разрешите мне пойти с вами, — неожиданно попросил Терис, — мне нравится помогать солдатам Ганнибала. Все лучше, чем служить этим римлянам.

— Что ж, — ответил, намного подумав, Федор, — оставайся пока. Не знаю, какой из тебя торговец, но неплохой разведчик выйдет обязательно.

Утром отряд стал осторожно спускаться вниз по тропе, скрываясь за валунами. Погода внезапно испортилась, и сразу выяснилось, что до сих пор им просто везло относительно солнца и отличной видимости. Наверное, Баал-Хаммон сильно хотел помочь своим почитателям выполнить важное задание, а когда оно завершилось, ушел на покой.

Подул сильный ветер, вытянувший из долины туман, разведчики периодически стали попадать в заряды снега. Но Федора это только радовало — в такую погоду вряд ли кто решится на путешествие в горы. И действительно, никто не поднимался им навстречу. Зато они, желая побыстрее достигнуть долины, задали высокий темп, и через несколько часов оказались внизу, где погода отнеслась к ним более милостиво.

Ветер почти прекратился, туман поднялся вверх, и карфагенянам открылась поросшая лесом долина, раскинувшаяся влево и вправо до самого горизонта. А вдалеке, за лесом, даже блеснула синяя полоска воды.

— Море, — произнес Урбал, внезапно остолбенев от увиденного. — Давно я не видел моря так близко.

— Да, — согласился Федор, разглядывая синеющую даль, до которой было теперь рукой подать. — Сейчас бы сесть на наш корабль, взять еще сотню таких же мощных квинкерем и атаковать Рим. Вместо того, чтобы болтаться по горам... но что толку мечтать об этом.

Тропа, по которой они спустились вниз, через пару сотен метров уперлась в довольно широкую наезженную дорогу, протянувшуюся через лес и, по их довольно весомым

предположениям, вдоль берега моря.

— Что-то я не вижу здесь деревни, — заметил Летис.

— Я тоже, — кивнул Федор. — Надо идти дальше. Похоже, эта дорога ведет в Геную. На ней должны быть деревни, где мы пополним припасы. А, кроме того, на обратном пути мы можем захватить на дороге кого-нибудь из римлян и добыть ценные сведения.

— Это широкая дорога, хотя и не мощеная, — опять предупредил Урбал, отрываясь от созерцания моря, — и римлян там может оказаться много.

— Ничего, — отмахнулся Федор, — нам должно повезти.

И первым зашагал в сторону дороги. Когда все финикийцы, прячась среди деревьев, достигли развилки, Федор внимательно осмотрел дорогу из укрытия и приказал:

— Деревни не видно, но она должна быть рядом. Разделимся. Я, Летис и еще пять бойцов идем в правую сторону. Терис тоже со мной. Остальные — налево, Урбал — старший. Перед заходом солнца встречаемся у этой развилки с добычей.

— Да хранят вас боги, — напутствовал Урбал своих друзей, хотя на лице его застыла гримаса, свидетельствующая, что он не очень рад такому приказу.

— И вам пусть пошлют удачу, — ответил в тон ему Федор. — До захода осталось недолго. Торопитесь.

Группа Федора пробиралась вдоль дороги около часа, но широкая с виду она оставалась пустынной. Деревень тоже не попадалось. Лишь однажды послышался стук копыт, и в сторону, противоположную той, откуда пришли карфагеняне, проскакал большой отряд римских всадников. Человек пятьдесят. Затем, спустя короткое время, еще человек двадцать.

— Что-то здесь становится слишкомлюдно, — заметил Летис, лежа за деревьями и вместе с Федором наблюдая за дорогой. — А деревни все нет.

— Она где-то рядом, — попытался убедить его и себя Федор. — Но римлян действительно многовато. Думаю, стоит попробовать взять пленника, а с запасами еды Урбал справится. Надеюсь, им уже повезло найти деревню.

— Я тоже надеюсь, — кивнул Летис. — И еще хорошо бы им повезло разминуться с теми всадниками.

— Урбал не первый день в армии, — ответил Федор. — Слышишь, кто-то едет?

Друзья замолчали, сделав знак остальным бойцам прекратить разговоры. В подтверждение слов Федора со стороны дороги послышался скрип тележных колес. И скоро на ней показалась крытая повозка под охраной десятка конных римлян. Телега, как смог разглядеть сквозь листву Федор, была крепкая, массивная, похожая на сундук, установленный на колеса. Окошками в плотном покрытии и не пахло. Управлял сиим транспортом возница в доспехах легионера, а рядом ехал верхом на коне какой-то важный чиновник.

Странная телега показалась Федору знакомой, а этот важный чин только подогрел любопытство разведчика.

— Неужели нам повезло напасть на казну легиона? — прошептал он Летису. — А этот на коне, похоже, квестор.³⁰ Только охраны маловато. Расслабились они тут в тылу.

Федор сглотнул слюну и, осторожно высвобождая римский меч из ножен, прошептал:

— Будем брать. С собой, конечно, все не унесем, но зато порасспросим квестора насчет местных дорог. Он тут все должен знать, должность такая. Терис, оставайся в лесу, пока все не кончится.

Федор сделал знак, и лучники подползли поближе к обочине дороги. А когда он махнул рукой — тотчас засвистели стрелы. Ближние всадники тут же рухнули со своих лошадей. Сначала трое, затем еще двое. Остальные пятеро, что находились за телегой, на другой стороне дороги, вскинули щиты, прикрываясь от стрел. Лошадь квестора, в которую

³⁰ Квестор — в данном случае казначей.

случайно угодила стрела, встала на дыбы и сбросила своего седока вниз.

— Вперед! — крикнул Федор, выскакивая на дорогу с обнаженным мечом, и взмахнул рукой, устремляясь к упавшему всаднику. — Вали остальных!

Но сначала он подбежал к вознице и поразил его первым же выпадом, удивленный, что римлянин даже не сопротивлялся. Легионер, схватившись за бок, сполз под колеса телеги.

Увидев, что из леса выскочил сначала римский центурион, а затем еще один солдат в доспехах легионера, всадники на мгновение пришли в замешательство. Этого финикийцам хватило. Одного Летис уложил метким броском кинжала, а второго рубанул по шее мечом, вскочив на задний край телеги. Перед тем, как умереть, всадник попытался пронзить его копьем, но Летис увернулся, и острое вошло в массивную балку, безнадежно застряв в ней.

Оставшиеся трое римлян оказались проворнее. Метнув свои копья, они смогли убить сразу двух лучников, показавшихся на дороге. Но остальные быстро отомстили за своих товарищей. Скоротечный бой закончился. Никто из охранников не ушел живым. Несколько лошадей, потеряв седоков, носились по дороге, поднимая пыль. Другие смиренно стояли в стороне.

— Вставай, сволочь! — Федор схватил за кожаный ремень портупей валявшегося в пыли всадника, от падения едва не лишившегося чувств, и тут же врезал ему в лоб рукоятью меча, едва тот сделал попытку выхватить оружие.

— Слушай, Федор, — позвал его Летис, стоявший у телеги с другой стороны и внимательно на нее смотревший, — кажется, золотом тут и не пахнет.

Федор отпустил ремень бесчувственного квестора, позволив тому снова свалиться в пыль, и в несколько прыжков оказался рядом с Летисом. На другой стороне крытой телеги имелась узкое окно, закрытое решеткой. Падавшего на дорогу света еще хватало, чтобы увидеть, как сквозь решетку на них в упор смотрят удивленные глаза пленника, закованного в цепи.

— Это еще кто такой? — сплюнул от досады Федор. — Вот тебе и легионная казна. Значит, тот чиновник совсем не квестор. Черт, как же я мог так ошибиться?

— Дело сделано, — подытожил Летис. — Давай хоть с ним побеседуем. Может, расскажет что-нибудь интересное.

— Давай, — кивнул Федор. — С паршивой овцы хоть шерсти клок.

Но не довелось. Вечерний воздух рассек звук летящего копья, и один из лучников рухнул, пронзенный насквозь. Остальные двое, вскинув луки, стали пускать стрелы в ответ и пятиться к лесу. Федор повернул голову вправо и с досадой увидел, что к ним скачет целый отряд конных римлян. Похоже, тех самых, что проезжали недавно.

— Смотри! — вскинул руку Летис. — Там еще отряд!

С другой стороны дороги тоже приближались римские копейщики. Дело обернулось неожиданно круто.

— Давай в лес! — крикнул Федор, подныривая под привязанную к телеге лошадь. — К черту пленника, самим бы ноги унести...

Он сбросил шлем и, сделав кувырок, стремительно поднялся, чтобы бежать к спасительным деревьям. Но тут на него налетел один из всадников. От копья, что просвистело в двух сантиметрах от его лица, Федор еще увернулся, но от самой лошади не успел. Мощный удар отбросил его на несколько метров. Падая, Федор решил, что у него сломаны все ребра и позвоночник — такой дикой была боль. Рухнув спиной на острые камни, морпех несколько раз перекатился, да так и остался лежать, уткнувшись лицом в землю.

Вокруг застучали копыта, послышались крики. Когда в глазах уже потемнело, и сознание стало меркнуть, морпех успел ощутить, как чья-то рука проникла под разорванный доспех и вытащила карту. Затем, дернув за плечо, его грубо перевернули на спину. Над ним сгрудились многочисленные римские солдаты, их лица плыли перед Федором, как в тумане. Не в силах больше бороться с болью, он потерял сознание.

Глава седьмая

В плену у римлян

Первым звуком, услышанным им при медленном возвращении из небытия, был звон цепей. Находясь еще в полубессознательном состоянии и не понимая, где он, в царстве мертвых или еще нет, Федор воспринимал мир через слух. Так казалось легче. Хотелось продлить мгновение неопределенности и надежды перед тем, как раз и навсегда провалиться в один из миров, возможно, не самый лучший.

Вдалеке слышалась какая-то возня, шаги, приглушенный стук копыт. А вблизи кто-то шевелился, постанывая. Потом к звукам прибавились запахи. Здесь, в этом мире, было сыро и затхло.

Решив, что он еще не умер, Чайка попробовал пошевелиться и открыл глаза. Но тут же снова их закрыл — дикая боль обожгла грудь. Он вспомнил, как на него налетел римский всадник с копьем и сбил его с ног. На этом воспоминания заканчивались. Отлежавшись несколько минут, он снова пошевелился и понял, что, несмотря на боль, позвоночник цел и все ребра, вероятно, тоже.

«Значит, я в плену, — подумал Федор, все же стараясь осторожно оглядеться по сторонам и кое-как пошевелить руками, ощущавшими на себе невидимую тяжесть, — хорошо хоть вообще память не отшибло. Хотя бы помню, кто я такой».

Он полулежал на сырой земле, прислоненный к каменной стене подвала и прикованный к ней цепями за запястья. Доспехи и обувь с него сняли, оставив лишь исподнее, и, придя в себя, Федор стал ощущать мерзкую прохладу подземелья. Невеселое ему подвернулось место.

Подвал был достаточно большой, метров двадцати, но узкий, словно пенал. Напротив, под самыми сводами низкого потолка имелась пара узких зарешеченных щелей, сквозь которые едва пробивался свет. Федор смог рассмотреть только свои ноги и прикованного слева от него к стене изможденного человека. Все остальное тонуло в полумраке.

В паре метрах справа к стене оказался прикован второй узник, одетый в лохмотья. Он постанывал, то и дело теряя сознание. Невольно разглядывая его лицо, Федор на миг подумал, что где-то видел этого человека. Но где, не мог вспомнить. И кем тот был, солдатом или рабом, тоже.

В этот момент, помешав его мучительной борьбе с собственной памятью, в дальнем углу каземата открылась небольшая дверь, и в подвал проник римский солдат в боевом облачении. Неспешной походкой тюремщика, уверенного в своем превосходстве над жертвой, он приблизился к пленным и остановился в двух шагах, взявшись руками за кожаный пояс. За ним вошли еще двое.

Федор взглянул на тюремщика и обомлел — перед ним стоял не кто иной, как Тит Курион Делий, силач из манипулы кривоногого Клавдия Пойдуса Грига.

Тит, похоже, тоже узнал пленника. Когда их взгляды встретились, Тит усмехнулся и процедил сквозь зубы:

— Ну, вот и встретились, medicus.³¹ Давно я ждал этого дня.

И не говоря больше ни слова, носком тяжелого башмака въехал Федору в бок. Чайка взвыл от боли, буквально пронзившей все тело, но не потерял сознания, а лишь дернулся, изогнувшись и звякнув цепями.

— Тащите его наружу, — приказал Тит, — я поговорю с ним на солнышке. Пусть порадуется напоследок.

Конвоиры отцепили Федора от стены и поволокли во двор. Ухитрившись встать на ноги, пленный морпех едва тут же не упал — так кружилась голова. Силы покинули его, а ступни казались деревянными. Но кое-как, получая тычки в спину, он выбрался на свет.

³¹ Medicus — врач (лат.).

Зажмурившись на пороге от яркого солнца, Федор снова остановился, однако еще один мощный пинок свалил его лицом на землю. Конвоиры подхватили обмякшее тело, подняли и прицепили, растянув за руки, к деревянному устройству, напомнившему Чайке одно из орудий пыток средневековой инквизиции.

Как он успел заметить, это был широкий брус с поперечной балкой, напоминавший крест, с той лишь разницей, что Федора не прибили к нему гвоздями, как римляне поступали с рабами, а приковали цепями. Ноги тоже приковали к специальным гнездам, а к лодыжкам и запястьям привязали веревки, тянувшиеся к небольшим барабанам. От них, в свою очередь, веревки продолжались к главному барабану с рычагом. Само устройство было установлено под наклоном, так что Федор полулежал. Он нашел это положение более удобным, чем в подземелье. Правда, «комфорт» сойдет на нет, когда солдаты начнут растягивать его на четыре стороны, желая испытать на разрыв мышцы, сухожилия и позвоночник.

— И где же ты, червяк, взял доспехи центуриона римской армии? — поинтересовался Тит, стоявший напротив, пока его подручные привязывали Федора к пыточной машине. — Поговаривали, что ты сбежал со службы. Подался в дальние края. Значит, ты — дезертир, а центуриона наверняка убил и теперь разгуливаешь в его доспехах. Вернее, служишь нашим врагам, переметнувшись к Ганнибалу. Ведь рядом с тобой нашли нескольких мертвых лучников его армии. Что скажешь?

Сам Тит, как заметил морпех, тоже носил доспехи центуриона. Причем Федору показалось, что Тит и все солдаты, увиденные им во дворе, не относятся к морским пехотинцам, а принадлежат, скорее, к обычным legionарам. Хотя на сто процентов он утверждать бы этого не стал, ведь их форма ничем не отличалась.

Эта мысль смутила Чайку, но иначе что бы тут Титу делать? Разве что морпехов Тарента снова отправили в район Генуи, и он сменил на посту убитого центуриона. Не зря же во время битвы у Треббии Федору показалось, что он видел убегающего Тита, но римлянин был тогда еще в ранге опциона. Если это так, то беглого морпеха скоро ждали встречи со своими прежними товарищами, чему он, признаться, совсем не радовался.

— Да ты, Тит, вроде поумнел за последнее время, — усмехнулся Федор, поглядывая по сторонам и решая не отпираться от дружбы с Ганнибалом. — Даже по службе продвинулся. Значит, у вас теперь совсем плохо с кадрами. Прошлый раз, когда я тебя видел в этих местах, ты был гораздо тупее.

По лицу Тита пробежала гримаса ненависти, но он сдержался, понимая, что совсем скоро поквитается с обидчиком за все. Федор удивился — раньше Тит непременно попытался бы его ударить. Видать, служба в армии его кое-чему научила.

Солдаты уже почти закончили привязывать Федора к пыточной машине.

— Кстати, — добавил Федор, пытаясь получить ответ на мучивший его вопрос, — там, в лагере у Треббии, я ведь тебя видел, когда ты бежал, как трусливая мышь, после нашей победы?

Силы понемногу возвращались в его тело, а с ними вернулось и желание позубоскалить. Тит не ответил, оставив Федора при своих сомнениях. Зато приблизился и с наслаждением съездил обездвиженного пленника кулаком по лицу. Голова откинулась в сторону, челюсть затрещала, по губе потекла алая струйка крови. Что ни говори, а избивать людей Тит Курион Делий умел всегда и делал это с особенной обстоятельностью, получая явное удовольствие.

— Тебе бы палачом служить, а не солдатом, — посоветовал Федор, сплюнув кровь изо рта.

— А я и служу, — неожиданно подтвердил Тит, махнув рукой в сторону возвышавшихся за его спиной построек. — Почти. Это легионная тюрьма, я сам сюда попросился, временно, пока нет боевых действий. Я ее охраняю со своей манипулой, а в свободное время собственноручно отправляю на тот свет врагов Рима. Это мое любимое занятие.

— Значит, я в тебе не ошибся, — с трудом выговорил Федор. — Надо было убить тебя

раньше.

— Надо было, — кивнул Тит, ухмыльнувшись, — да поздно. Не повезло тебе, Федр Тертуллий Чайка.

Давно забытое имя резануло слух солдата Карфагена. Федор помрачнел, вспомнив вдруг, как произносила это имя Юлия: Чай-каа — по-своему, нараспев, приятно. Так никто больше его не произносил.

— А Квинт тоже здесь? — поинтересовался Федор, вызвав в памяти облик своего друга, скрашивавшего ему службу в морской пехоте Тарента.

Задавая вопрос, он тем временем рассматривал развалины старого дома, в подвалах которого его держали. Яркое полуденное солнце палило нещадно, заставляя плавиться камни. Развалины дома окружал новехоньких забор, наполовину скрывая лес, начинавшийся непосредственно за ним. Больше ничего со своего места Федор не мог увидеть, если не считать нескольких столбов в десятке метров от его дыбы. На одном из них висел распятый раб. Судя по его почерневшей коже, он был давно и безнадежно мертв.

«Странное место, — подумал Федор в отчаянии. — Явно не лагерь легиона, а скорее, какая-то заброшенная деревня или городок. Где же это я, черт побери!? Что случилось с остальными, и кто вынул у меня из-за пазухи карту, сам Тит или другой римлянин? Если так, то все выходит невесело. Подвел я Ганнибала».

Его тюремщик снова пропустил недавний вопрос про Квинта мимо ушей. Федор давно заметил, что переговоры не являлись сильной стороной Тита. Зато здоровья у него было хоть отбавляй. Тит явно предпочитал бить и резать, а не говорить. В силу этих своих природных качеств силач-римлянин молча приблизился к главному барабану и, немного потянув за рычаг, провернул его. Мышцы Федора напряглись, руки и ноги пронзила боль, но терпение еще не иссякло.

— Теперь я тебя буду спрашивать, брат Тертуллий, — ехидно заметил Тит. — А насчет твоего дружка ответу. Его убили галлы. Зарезали, как свинью, на моих глазах. Я мог бы его спасти, но не стал.

— Это хорошо, — выдохнул Федор, — значит, мне не придется его убивать. А вот тебя...когда доберусь, я заколю с удовольствием. Считай, что я твой должник.

Тит, сохраняя гробовое молчание, еще раз провернул ворот. Вевки натянулись, и суставы Федора затрещали. «Хорошая машинка для тех, кто хочет подлечить остеохондроз, — попытался мысленно подбодрить себя Федор, стиснув зубы от боли. — Отлично растягивает позвоночник. Главное, чтобы не разорвала к чертям собачьим».

— Что ты здесь делаешь? — задал первый вопрос Тит, глядя в глаза пленнику. — Если ты из армии Ганнибала, то почему забрался так далеко, ведь он стоит лагерем в долине По. Что ты здесь разнюхиваешь?

— Решил прогуляться, — опять поерничал Федор, насмешливо глядя в глаза тюремщика, — старых друзей навестить. Тебя вот встретил. Да и, говорят, климат здесь хороший, полезный для здоровья. А-ааа!

Тит снова крутанул свой барабан, и Федор ощутил, что его позвонки начали отделяться друг от друга. Все тело, от головы до копчика, пронзила резкая боль.

— Для тебя этот климат станет убийственным, — мрачно пошутил Тит, немного ослабляя натяжение веревок, — так ты скажешь мне, зачем ты здесь?

Федор помолчал несколько секунд, стараясь потянуть мгновения без боли, но все же проговорил.

— Хорошо, скажу.

Тит еще ослабил натяжение, ожидая пока пленник разоткровенничается. Но тот не торопился, щурясь на солнце и тяжело дыша. Тогда Тит не выдержал, отпустил рычаг и с размаху ударил Федора кулаком по почке. Морпех изогнулся всем телом. Взыл, забившись на доске, словно рыба, вытасченная на берег. Кулак у Тита был тяжеленный.

— Зачем вы напали на повозку с пленными? — Тит приблизил свое широкое прыщавое лицо к лицу Федора так, что тот ощутил его зловонное дыхание. — Ты знаешь, кого там

везли? Сколько вас было всего?

— Я думал, что там золото, — честно признался Федор, когда смог говорить. — Легионная казна. Захотел пожить, вот и все.

— А второй отряд? — допытывался Тит, схватив Федора за горло и начиная его душить. — Тот, что напал на деревню? Тоже ваш? Мерзкий раб Карфагена, говори!

Он чуть ослабил хватку, видя, что Федор стал задыхаться.

— Какой отряд? — делано удивился Федор, едва отдышавшись. — Нас было всего несколько человек. Мы заблудились, вышли к дороге, решили напасть на повозку. Меня взяли в плен, а остальных убили. Больше ничего не знаю.

— Заблудились? Что ты мне тут втираешь, ублюдок! Почему вы оказались так далеко от своего лагеря, здесь, в горах Лигурии? Что задумал ваш Ганнибал? — наседал Тит.

— Да пошел ты! — процедил Федор сквозь расшатавшиеся зубы. — Надоел ты мне, брат Делий...

Новый удар в лицо заставил его замолчать. Затем Тит ударил его в бок, потом еще раз, потом ногой. Ребра снова затрещали. В довершение Тит схватился за рычаг и со всех сил крутанул барабан. Федор орал еще минут пять после того, как Тит ослабил натяжение.

— Жаль, не могу тебя убить, — нехотя признался Тит. — Приказано отправить тебя в Геную. Но там с тобой разберутся, уж поверь.

И Федор почему-то поверил. Солдаты отцепили его от пыточного устройства, приволокли в подвал и бросили на прежнее место, конечно, заново прикрепив железные браслеты к стене. Хотя убежать он никуда не смог бы, даже если бы и захотел. Пошевелиться боялся.

От боли все тело ныло, болело и дергалось в судорогах. Так он пролежал некоторое время, пока боль не начала стихать.

— Эй! — вдруг послышалось ему, словно сквозь сон. — Я вас знаю. Вы ведь бывали в доме у сенатора Марцелла?

Федор мгновенно напрягся, услышав такие слова. Даже попытался приподняться. Ему это удалось, но тут же тело снова скрутила боль. Минут пять он стонал, но потом все же выдавил из себя:

— Кто ты? Откуда ты меня знаешь?

— Я из пленных греков. Меня зовут Андроник, — пояснил человек в лохмотьях, — раб сенатора Марцелла. Я трудился поваром на его вилле и несколько раз видел, как вы приезжали к госпоже Юлии. А в последний раз...

Стиснув зубы, Федор приподнялся еще и даже попытался приблизиться к говорившему, но цепи не пустили.

— Говори, Андроник, — попросил Федор, сплюнув кровь, все еще вытекавшую из разбитого рта, — что случилось с твоей госпожой? Она жива? Я не видел ее с тех самых пор.

— Она жива, — пробормотал Андроник, и сам застонал, откинувшись на стену.

— Хвала богам, она жива! — воскликнул Федор. — Похоже, Тит тебя тоже неплохо обработал.

— Кто это, Тит? — удивился раб Марцелла.

— Тот здоровяк, что заходил сюда и разговаривал со мной, — усмехнулся Федор, снова сплевывая кровь на землю.

— Да, — подтвердил узник. — Он.

— Как ты здесь оказался? — вдруг спросил Федор. — Ведь от Генуи до виллы сенатора под Римом путь неблизкий?

— Я сбежал, — просто ответил раб. — Долго скитался, но меня поймали и должны скоро казнить.

— Почему ты так уверен? — попытался переубедить его Федор. — Раз ты служил у самого Марцелла, тебя, скорее всего, вернут ему обратно. Или, в крайнем случае, продадут другому хозяину. Ведь ты должен дорого стоить. Вряд ли они станут тебя убивать. Римляне хоть и жестокие, но очень жадные.

— Сенатор не возьмет меня обратно, — потухшим голосом ответил раб. — А если и возьмет, то лишь для того, чтобы убить.

— Почему? — удивился Федор.

Андроник помолчал некоторое время, но, вдруг решившись, заговорил:

— После того случая, когда вы остались наедине с госпожой Юлией, он приказал казнить всю прислугу, кроме меня. Ведь я ничего не видел, весь день находился на кухне и ничего не знал. Вернее, он был уверен, что ничего. Поэтому сенатор и сохранил жизнь мне одному. Затем мы переехали на виллу под Аррецием, и уже оттуда я сбежал.

— Но зачем? — удивился Федор.

— В этом доме держали только новых слуг. Я знал, что сенатору в последние месяцы не дает покоя его проявленная добродетель. Он боялся, что я все же что-то скрыл от него и могу проговориться. А он не мог допустить огласки. И Марцелл наверняка решил меня умертвить. Я чувствовал, что это может случиться со дня на день. И не стал дожидаться. Лучше быть беглым рабом, чем мертвым.

— А что произошло после моего... отъезда? — осторожно спросил Федор, боясь услышать ответ, хотя уже знал, что Юлия жива. — Что случилось там, на вилле под Римом?

Андроник немного помолчал, но таиться от Федора уже не имело никакого смысла. Обоих ждала верная смерть.

— Когда сенатор узнал, что... его любимая дочь и вы... — Андроник снова замялся, но потом все же выдал. — Он пришел в ярость. Особенно, когда узнал, что вы убили его охранников и Гельвеция.

— Продолжай, — подбодрил его Федор, нетерпеливо стараясь узнать, что случилось дальше.

— Сенатор не мог допустить, чтобы расстроилась свадьба, — снова заговорил Андроник, — и он все скрыл. Прислугу приказал умертвить, заставив всех той же ночью выпить яд. Я сам помогал охранникам закапывать трупы в саду и дрожал от страха, что они заколют меня своими кинжалами сразу же после этого. Но Юпитер не дал мне умереть.

— Ты хочешь сказать, — Федор не поверил своим ушам, — что свадьба Юлии и военного трибуна Памплония состоялась?

— Да, — подтвердил Андроник. — Я даже прислуживал на ней. Подавал блюда.

— И... Юлия согласилась? — все еще не верил Федор.

— Иначе отец убил бы ее, — прошептал испуганный Андроник, отстраняясь, словно боялся, что Федор разорвет цепи и задушит его после этих слов. — Но ей это не легко далось.

Он замолчал на мгновение.

— Госпожа Юлия была очень грустной на пышной свадьбе, которую сенатор справлял в Риме, — беглый раб вздохнул. — Но ее жених, блестящий Памплоний, словно не замечал этого. После свадьбы они сразу уехали на новую виллу жениха — сенатор подарил им имение недалеко от Рима.

— Она и сейчас там? — нервно спросил Федор.

— Нет, — печально ответил Андроник. — Как только сенатор Марцелл узнал, что его дочь беременна, он предложил ей приехать погостить в Арреций, на новую виллу. Тем более, что Памплоний после свадьбы сразу же отбыл в войска — его вызвали, как только узнали о вторжении Ганнибала. Поговаривали, что он отплыл на Сицилию. А сам Марцелл проводил теперь в Арреции большую часть свободного времени, лишь изредка возвращаясь в Рим по делам. Ведь с тех пор, как на его римской вилле казнили всех слуг, госпожа Юлия отказывалась там жить и даже приезжать в гости.

— Юлия ждет ребенка? — прошептал ошеломленный Федор.

— Это так, — подтвердил Андроник и осторожно, вполголоса сообщил. — Однако поговаривают, что госпожа носит под сердцем совсем не ребенка Памплония.

— Откуда ты знаешь? — Федор снова дернулся, зазвенев цепями.

В этот момент дверь подвала снова отворилась, и на пороге возникли два легионера. За

их спинами маячил Тит Курион Делий. Солдаты быстрым шагом приблизились к третьему узнику, прикованному к стене слева от Федора, но уже давно не подававшего признаков жизни.

— Тащите его быстрее, — крикнул Тит вдогонку солдатам. — Я хочу срочно кого-нибудь убить.

— Он уже мертв, — доложил один из солдат, пнув ногой недвижимого узника.

— Жаль. Видно в прошлый раз я немного перестарался. Тогда тащите вот этого раба, — Тит указал на Андроника. — Я знаю одно место, где ему будет не так скучно. На кресте, рядом с другим беглым рабом.

Солдаты принялись снимать оковы с Андроника, на лице которого застыло отрешенное выражение.

— Вот и все, — прошептал он. — Мой путь окончен.

— Это точно, — подтвердил чуткий на ухо Тит. — Но ты еще помучаешься. Сейчас я сам вколочу тебе в руки и ноги по длинному гвоздю и оставлю жариться на солнце. Шевелитесь, лентяи!

Андроник не сопротивлялся. Солдаты уволокли раба наружу и скоро со двора раздались душераздирающие вопли, слившиеся с ударами молота. Федор задрожал, слушая эти крики. Ведь то же самое скоро могли сделать и с ним. Но его сейчас совершенно не заботила собственная судьба. Он мучился оттого, что не успел до конца расспросить Андроника. Не хватило одного мгновения, чтобы узнать всю правду.

«Хотя, — родилось сомнение в мозгу узника, подавленного тем, что он только что услышал, — он мог и не знать всей правды. Я должен сам ее узнать. Надо бежать, чтобы найти Юлию и объясниться».

Глава восьмая **Бегство**

К счастью для него, жестокий тюремщик Тит, видно, достаточно напился крови. Весь остаток дня и всю ночь Федора никто больше не беспокоил. Следующий день он тоже провел в одиночестве. Новых пленных не приводили, отчего темный и сырой подвал, несмотря на жару, казался еще более мрачным и пустынным. Изможденный пытками, Чайка провел отпущенное ему судьбой время в размышлениях и молитвах, словно в тягостной дреме, изредка проваливаясь в настоящий сон, являвшийся его единственным спасением и лекарством. Есть ему почти не давали, лишь раз в день приносили жидкую похлебку, от которой несло протухшими потрохами.

«Где же карта? — спрашивал себя Федор в минуты просветления. — Тит ни словом о ней не обмолвился. Но, вполне возможно, что ее взял какой-то другой, более сообразительный римлянин. Тот, что приказал отвезти меня в Геную. Если так, то римлянам известно о планах Ганнибала и тогда мне несдобровать в любом случае. Даже если вырвусь отсюда и доберусь до своих, это станет несмыслимым позором. Проще покончить жизнь самоубийством или дать римлянам казнить себя. Впрочем, за этим дело не станет. Узнать бы, что стало с Летисом. И Урбалом, напавшим на деревню. Где они сейчас?»

Ранним утром его разбудил шум открывшейся со скрипом двери. Два дюжих охранника отцепили его от стены и вытолкали на двор, где стояла до боли знакомая телега, запряженная двумя лошадьми. Именно на такую он напал два дня назад, а теперь сам должен ехать в ней на свидание со своими палачами. Задержавшись на мгновение, Федор бросил взгляд по сторонам и оценил свои возможности для побега. Вокруг повозки уже сидели на конях человек пятнадцать или двадцать легионеров, а рядом с открытой дверью стоял Тит Курион Делий, ехидно улыбаясь. Федор немного пришел в себя, но был еще слаб. Против пятнадцати конных шансы сводились к нулю.

— Проходи, брат Тертуллий, — поприветствовал Тит Федора, указав на узкую дверку, обитую железными полосами, — я приготовил тебе отличную клетку. В ней тебя отвезут в

Геную. А я поеду рядом с тобой, чтобы ты не скучал в дороге.

— Спасибо, Тит, — ласково кивнул Федор. — Я всю жизнь мечтал о таком путешествии. Да еще с таким попутчиком, собирающимся развлекать меня разговорами. Только будь осторожен — если твои истории мне не понравятся, я могу сбежать от скуки.

— Никуда ты не денешься, — с широкого лица тюремщика мгновенно слетела ухмылка. — А если дернешься бежать, то я убью тебя лично. Полезай внутрь.

Но Федор замешкался, когда его взгляд упал на Андроника, висевшего позади строя всадников на деревянном кресте, рядом с другим рабом. Они оба были уже мертвы.

Получив пинок в спину, Федор, нагнувшись, влез в повозку для транспортировки пленных, напоминавшую изнутри собачью конуру с железной решеткой на узком оконце и обитую для прочности железными лентами. С ним забрался один из охранников и прикрепил его браслеты к вкрученным в массивную балку кольцам так, что Федор и здесь полулежал, как в подвале. Правда, места здесь оказалось маловато, не развернуться, да воняло так, как будто все пленники мочились под себя, что, в общем-то, смахивало на истину. Хорошо хоть ноги не скрепили цепями.

Хлестнув коня, возница вывел повозку с огороженного частоколом двора на дорогу. Тит, облаченный в доспехи центуриона, ехал в двух шагах от повозки, как тот всадник, которого Федор принял за квестора. Сквозь зарешеченную щель пленный морпех во все глаза смотрел на дорогу, насколько ему позволяла длина цепи.

Место, откуда они выехали, действительно представляло собой развалины какой-то усадьбы, огороженные частоколом и отданные под тюрьму. Видно, бывший владелец происходил из лигурийцев и не очень пришелся по душе римлянам. К частоколу изнутри примыкало несколько бараков, в которых жили солдаты. А снаружи тоже имелись строения, но там, судя по внешнему виду, ютились рабы или мастеровые, из тех, кто обычно обслуживает солдат легиона. Никого из знакомых воинов своей манипулы, кроме Тита, Федор здесь не увидел, все больше склоняясь к мысли, что Тит каким-то образом умудрился перейти на службу в пехотный легион. «Наверное, не побрезговал откровенно грязным делом, и ему позволили, — решил Федор, — или наоборот, Памплоний надумал от него избавиться».

Оставив позади эту странную тюрьму, размещавшуюся вне расположения легиона, телега с узником покатила по дороге. Насколько мог прикинуть Федор, это оказалась та самая дорога, вдоль которой он двигался со своими бойцами, когда пробирался сюда. Вдоль нее стеной стоял лес. Охраняло его всего лишь пятнадцать человек. И у пленного командира разведчиков седьмой спейры ни с того, ни с сего вдруг появилась надежда.

«Может, ребята еще не ушли в горы, — подумал он, под скрип колес разглядывая стволы деревьев, — и прячутся где-то поблизости?».

Но проходил за часом час, а колонна двигалась своим чередом. Всадники ехали, не торопясь, принаравливаясь к скорости телеги. Примерно к обеду дорога пошла вверх, и вскоре процессия добралась до какого-то моста. Федор понял это, услышав стук колес по бревнам и шум реки, раздававшийся довольно громко. Река, похоже, была бурной. Едва телега съехала с настила, как позади неё раздался страшный грохот — мост обвалился.

Возница резко осадил лошадей.

— Это еще что такое? — раздался голос раздраженного Тита, который, развернув коня, поскакал назад. — Юпитер вас порази, почему вы там застряли?

Но в этот момент Федор услышал приятные уху любого воина звуки — свист летящих стрел и крики убитых врагов. Судя по воплям римлян, они не могли поразить врага, спрятавшегося за укрытиями в лесу, и на дороге явно намечалось побоище. Потом несколько стрел с чавканьем вонзилось в его «будку». Тело мертвого возницы тяжело рухнуло под колеса телеги. Затем раздался звон мечей, и вскоре мимо проскакала лошадь без седока. Послышались шаги, мощный удар заставил замок слететь с креплений, а дверь распахнуться. Напротив стоял Летис, снова сменивший римские доспехи на панцирь карфагенянина, с окровавленной фалькатой в руке.

— Ну, чего ты тут расселся? — спросил он таким тоном, словно они расстались пять минут назад. — Вылезай. Надо уходить, пока римляне подмогу не привели.

Но видя, что обрадованный Федор не может сам освободиться от оков, здоровяк Летис залез в телегу и, поднапрягшись, выдернул из стены крепления. А потом вытащил командира наружу вместе с браслетами и соединявшими их цепями.

— Клади цепь сюда, — распорядился он, кивнув на край телеги, под которой валялся в луже крови возница. Федор, не теряя времени, послушно исполнил требование товарища. А Летис размахнулся и одним мощным ударом перерубил цепь, скреплявшую браслеты на запястьях. Чайка развел руки в стороны и вздохнул, осматриваясь по сторонам. Оковы, конечно, мешали, но даже с ними жизнь теперь казалась прекрасной.

Оставшийся позади повозки мост был обрушен в реку в тот момент, когда почти вся конница находилась еще на том берегу. Река в этом месте бурно несла свои воды между высокими, похожими на каньон берегами. С той стороны валялось человек семь или восемь мертвых римлян — со своего места Федор не мог определить точнее — и переступали с ноги на ногу кони, оставшиеся без седоков. На этом берегу тоже лежало несколько трупов. И корчился в пыли один пленный. Рядом с ним сейчас возился Урбал, обматывая его запястья веревкой.

— Ну, как ты? — приобнял Федора здоровяк. — Жив? А то мы уж и не ждали, что тебя из этой тюрьмы когда-нибудь вывезут. Совсем уж наладились на нее напасть.

Морпех сморщился от боли, снова пронзившей тело после таких объятий.

— Жив, как видишь, — ответил он, улыбнувшись через силу. — Как вы узнали, что я там?

— Терис выследил, — просто ответил Летис. — Сообразительный парень. К нам просится, в разведчики.

Федор звякнул обрубками цепей и кивнул на мост.

— Твоя идея?

— Урбала, — отмахнулся здоровяк. — Я бы сам не додумался. Пока мы решали, как тебя оттуда достать, осмотрели все окрестности, нашли мост. Узнали, что этот путь ведет в Геную, и решили попытать удачи здесь, если тебя не казнят раньше. Подпилили заранее.

— А если бы казнили? — удивился Федор.

— Да ты не переживай, — осклабился Летис. — Наш Терис постоянно сидел на дереве, с которого весь двор тюрьмы виден. Только ночью и спускался. Так что, он бы нам знак подал, если бы тебя казнить надумали. А уж тогда мы бы и на штурм пошли за своего командира.

— И много вас осталось? — тяжело вздохнул Федор, ощущая, как на душе становится теплее от этих слов.

— С тобой и Терисом теперь будет снова девять, двое погибли в этом бою, — ответил Летис, указав на мертвых финикийских лучников, лежавших в пыли.

— Их тела надо закопать, — приказал Федор, снова входя в роль командира. — Никто не должен быть уверен, что здесь опять побывали солдаты Карфагена. Пусть римляне сомневаются в этом до тех пор, пока мы не вернемся сюда с армией.

Снова бросив взгляд на связанного Урбалом пленника, Федор узнал в нем своего тюремщика.

— Кстати, — задал он другу давно мучивший его вопрос, делая шаг к пленному, — у меня пропала карта. Ты не знаешь, где она?

Летис засунул руку за панцирь и вытащил помятый свиток.

— Вот она, я успел схватить ее, прежде чем тебя утащили римляне. Ты же сам говорил, что ее надо спасти в любом случае.

— Молодец! — у Федора отлегло от сердца. — А то я уже подумывал о самоубийстве, чтобы избежать позора.

— Не торопись, — успокоил его друг. — Для тебя и у римлян припасен хороший удар мечом.

Федор подошел к Титу, валявшемуся в пыли и издававшему лишь злобное мычание, поскольку Урбал заткнул ему рот тряпкой. Увидев своего пленника на свободе, Тит стал извиваться, как уж. В его глазах злоба постепенно сменяла страх приближавшейся смерти.

— Рад видеть тебя живым, — обнял друга Урбал. — Баал-Хамон не покинул нас. Но надо торопиться. Несколько римлян бежали, наверняка скоро вернуться с подкреплением.

— Спасибо, что спасли меня, — ответил ему Федор и присел на корточки рядом с пленником. — Ты знаешь, кто это?

— Римлянин, командовавший охраной, — ответил финикиец. — Я подумал, что перед тем, как перерезать ему глотку, ты захочешь сказать ему пару слов на прощанье.

— Это мой тюремщик, — ответил Федор, усмехнувшись. — Лучшего подарка ты не мог мне сделать.

Федор пошарил на поясе у Тита, непроизвольно вздрогнувшего, словно его хотели проткнуть кинжалом, и нашел ключи. С их помощью он отцепил браслеты с обрубками цепей и сбросил их в дорожную пыль. А затем вынул кляп изо рта пленника.

— Я же тебе говорил, что сбегу, — сказал Федор, поднимаясь во весь рост, и вдруг резко и с наслаждением саданул ногой в пах своему мучителю. — А помнишь, что я тебе еще обещал?

Тит завыл от боли.

— Можешь убить меня, карфагенская змея, — выдохнул он, когда боль чуть отпустила его, — это легко, когда я связан. Но один на один ты никогда меня не победишь.

— Ты забыл, что я уже несколько раз это делал, — напомнил Федор. — Правда, не в настоящем бою. Но сейчас мы все исправим. Летис, дай мне свою фалькату.

— Что ты задумал? — удивился здоровяк, нехотя протягивая командиру оружие. — Давай просто прирежем его, как кабана. У нас мало времени.

— Успеем, — отрезал Федор. — У меня с ним свои счета.

Федор взял фалькату и разрезал стягивавшие Тита веревки.

— Бери меч и защищайся, — указал он на валявшееся на дороге оружие римлянина. — Пора поставить точку в нашем давнем споре.

Тит недоверчиво покосился на двух карфагенян, стоявших за спиной его недавнего пленника, но все же схватил меч и бросился на Федора. Шлем и щит Тит потерял в пылу предыдущей схватки, но на римлянине был кожаный панцирь. А Федор начал бой в исподнем и босиком. Лишь успел схватить поданный Урбалом небольшой круглый щит.

Его противник яростно нападал, размахивая мечом. За спиной у него шумела река, впереди темнел лес, стояли телега и карфагеняне на дороге. Отбивая щитом удар за ударом, Федор боялся, что Делий выберет момент и просто сиганет в реку, спасая свою жизнь, тем более, что тот выдавал свои намерения, постоянно оглядываясь назад. А потому командир разведчиков решил надолго не растягивать удовольствие, учитывая, что Тит был абсолютно здоров и одет в доспехи, а он при всей своей выучке чувствовал, что сил еще недостаточно. Да и защитный покров Федора оставлял желать лучшего.

В очередной раз, когда силач Тит рассек воздух над его головой, вложив всю силу в удар, способный перерубить средней величины дерево, Федор присел и сделал ответный выпад, ткнув острием фалькаты противника в бок. Тот попытался увернуться, но острое лезвие рассекло ламбрекены³² и вошло в живот силачу. Тит взвыл, выронил меч, упал на колени и схватился за живот, пытаясь удержать хлынувшую из страшной раны кровь.

Босой Федор, напротив, встал, откинув щит, и взялся за рукоять двумя руками.

— Я же тебя предупреждал, гнида! — проговорил он и резким движением рубанул острием по шее.

Голова римского legionера скатилась в пыль, а тело, на несколько секунд застывшее вертикально, тоже рухнуло на дорогу. Тит Курион Делий умер.

³² Ламбрекены, — ниспадающие ремни защитной юбки римского доспеха.

— Одной сволочью меньше, — сплюнул Федор, возвращая фалькату подошедшему Летису.

Вдали послышался стук копыт. Приближались конные римляне.

— Бежим в лес! — потянул его за собой Урбал. — До темноты нам надо уйти как можно дальше.

Федор снял с мертвого тела возницы сандалии, чтобы можно было передвигаться по корням и корягам. И устремился вслед за своими друзьями. Едва он скрылся в лесу, как из-за поворота на другом берегу показались римские всадники.

Метров через семьсот, на берегу речки, к трем карфагенянам присоединились остальные солдаты и Терис. Все вместе они пробежали еще пару километров, прежде чем Федор поблагодарил парня за то, что тот помог выволить его из плена и даже протянул ему в награду горсть римских монет, позаимствовав их у Летиса.

— Мне не нужны римские деньги, — гордо ответил Терис, отводя руку Чайки с деньгами.

— А чего же ты хочешь за мое спасение? — спросил Федор, хотя уже догадывался.

— Возьмите меня к себе, — предложил парень, — пока идет война, все равно здесь никакой жизни не будет. Римлянам я служить не хочу, отсиживаться в горах не собираюсь. А торговать я вообще больше не буду. Не по мне это. Сейчас я хочу только отомстить римлянам за свою родню.

— Ну что же, — произнес Федор, — Ганнибалу нужны преданные солдаты. Мы берем тебя. Будешь теперь служить под моей командой в отряде разведчиков. Но для начала, нам нужно снова выбраться отсюда и подняться в горы. А оттуда много дней идти до лагерей армии. И везде можно погибнуть. Это трудный путь.

— Мне не привыкать, — отмахнулся Терис, поправив висевший на поясе кинжал, явно отобранный у римского солдата, — так жить веселее.

Урбал и Летис переглянулись, улыбнувшись, — парень явно подходил для службы в разведке. Любил куражные дела больше, чем деньги. В отряде у Федора почти все были такие, другие бойцы здесь долго не задерживались.

По знаку Урбала один из лучников развязал стоявший на земле мешок и достал оттуда доспехи, протянув их командиру.

— Оденся, как человек, — посоветовал ему Урбал, разглядывая разорванные лохмотья, болтающиеся на Федоре, — а то в римском плену ты перестал быть похожим на человека. Надень карфагенский доспех.

И добавил, увидев колебания Чайки:

— Все равно другого у нас нет, а снова выдавать себя за римлянина я тебе не советую. А то скоро все легионеры в окрестностях Генуи будут знать тебя в лицо.

— Ты прав, — согласился Федор, натягивая поверх лохмотьев кожаный панцирь и прицепляя к поясу фалькату. Картину портили только римские сандалии, но испачканные в грязи они не бросались в глаза. Забросив круглый щит за спину, он сказал. — Я готов. Выдвигаемся.

Почти три часа, а может, и больше, они бежали сквозь лес, не разбирая дороги. Во всяком случае, так показалось Федору на первый взгляд. На самом деле его друзья даром время не теряли и, пока он «отдыхал» в плену, изучили и разведали окрестности этого местечка достаточно хорошо, ведь пару ночей им пришлось провести в окружении римлян. Хотя бежали — это сильно сказано. Два дня в плену, рукоприкладство почившего Тита и пытки не добавили ему здоровья. Федор прихрамывал, болела правая нога и несколько ребер, как он подозревал, все-таки сломанных.

Но лечиться времени не оставалось — римляне наседали на пятки. Наверняка они уже перекрыли все дороги, но в лес пока не совались. А может, так и не сообразили, кто напал на конвой.

Скоро лес стал редеть, появились проплешины, переходящие в поля, и овраги. Но и солнце уже клонилось к невидимому горизонту. Горы виднелись совсем близко. По словам

Урбала, они двигались вдоль дороги, по которой пришли сюда.

— Дождемся темноты, а потом уйдем в горы, — приказал Федор, когда они достигли очередного глубокого оврага, отделенного редкими деревцами от края поля с притулившейся на другом его конце римской деревушкой. — Тебе удалось раздобыть еды?

Последний вопрос был обращен к Урбалу, так еще и не успевшему рассказать Чайке о набеге на селение.

— Я слышал, как римляне тебя поносили, значит, налет был удачным, — пояснил он, встретив удивленный взгляд друга.

— У нас целый мешок еды, — похвастался Урбал, указав на пехотинца, тащившего на себе весьма солидную поклажу. — Мы напали на таверну, где как раз пьянствовали человек десять римлян. Нам помогла внезапность — кто ожидает карфагян у себя в тылу? Убили всех легионеров и унесли все, что смогли. На обратную дорогу хватит.

Отдыхая в заросшем лесом овраге, Федор снова вспомнил о том, что рассказал ему перед смертью Андроник. Юлия ждала ребенка. И, возможно, Памплоний не являлся его отцом. «Как я хочу увидеть ее, — признался себе Федор, — и поцеловать еще раз».

Но долг солдата Карфагена вел его сейчас в противоположную сторону.

— Подъем! — приказал Федор, когда сумерки стали быстро сгущаться. — Мы должны выбраться на дорогу к перевалу, пока совсем не стемнело.

Глава девятая

Обходной маневр

Двое солдат погибли в дороге, и в лагерь их вернулось всего семеро. Седьмым был Терис, так и не пожелавший остаться в своей деревне, когда они появились там во второй раз. Они едва уложились в отпущенный им срок. Ганнибал уже начал готовить свою отдохнувшую армию к походу, когда ему доложили, что Федор вернулся. Командующий испанской армией принял его немедленно у себя в шатре, несмотря на ночной час. Кроме Ганнибала, как и в прошлый раз, там присутствовал только его брат.

— Я доволен, Чайкаа, что ты успел вовремя, — похвалил его Ганнибал, разглядывая карту с разведанными перевалами. — Мы выступаем в поход завтра же. Медлить нельзя. Римляне назначили новых консулов, которые собираются запереть нас здесь навсегда. Но скоро мы сильно удивим их. И все это благодаря тебе.

Федор, только что отмахавший множество километров по пересеченной местности, добравшийся до лагеря едва живым — ребра болели ужасно — и мечтавший хотя бы о коротком отдыхе, слегка опечалился. Это не укрылось от Ганнибала, как и бледность разведчика.

— Ты ранен? — осведомился полководец и, не дожидаясь ответа, добавил. — Что ж, ты можешь остаться в лагере на неделю. Потом догонишь, тем более, что путь тебе уже знаком. Я оставлю в лагере на такой срок всю двадцатую хилиархию Акрагара, которой предписано идти в арьсгарде моей армии. С ней и вернешься.

Федор не смог удержаться от радостной улыбки. В данный момент это было все, о чем он мечтал. Но Ганнибал задержал его еще на несколько минут.

— Я обещал поговорить о твоей карьере, — напомнил он. — Но у меня пока нет для тебя свободной хилиархии. Придется подождать. Мы отправляемся дальше. Предстоят великие битвы. Так что, уверен, ждать тебе придется недолго, Чайкаа. А пока я велел наградить тебя и твоих солдат золотом. Ты можешь его забрать у хранителя походной казны или оставить там до окончания похода.

— Благодарю тебя, Ганнибал, — поклонился Федор, ставший богаче еще на один кошелек с золотом, но покачнулся и едва не упал. Силы покидали его. О том, что он побывал в плену у римлян и немного пошумел с другой стороны перевалов, Федор не стал уведомлять полководца. Авось пронесет.

На следующее утро испанская армия, за месяц выросшая почти до сорока тысяч

человек, снялась с места. На зимнем становище осталось только пять тысяч кельтов, которым Ганнибал приказал делать вид, что в лагере так и располагается целая армия, готовящаяся выступить в другом направлении. Каждую ночь они должны были жечь несчетное количество костров, чтобы ввести врагов в заблуждение.

Почти неделю Федор провалялся в своем шатре под присмотром местного лекаря, присланного к нему Ганнибалом. Выяснилось, что морпеху действительно немного повредили колено и сломали два ребра. К счастью, мениск не пострадал, и ни одно из ребер не проткнуло легкие. Лекарь, как мог, подлечил колено, ребра выправил и наложил тугой бандаж, распорядившись, чтобы больной поменьше двигался. И Федор лежал, попивая горький целебный отвар, сотворенный из каких-то кореньев все тем же лекарем, и слушая по ночам песнопения кельтов, танцевавших вокруг костров. На шестой день ему полегчало. Боль из тела почти ушла, и он решил, что готов выступать.

— Остальное заживет по дороге, — отмахнулся он от лекаря, предлагавшего ему подождать еще несколько дней. — Да и время уже на исходе. Надо размяться.

Натянув поверх тугой повязки новый доспех, изготовленный в лагере местными кузнецами, Федор еще пару дней, оставшиеся до выхода, прогуливался по лагерю, разрабатывая ногу. Сильная боль теперь не беспокоила, но хромота еще сохранялась. Лекарь его особенно не обнадежил, сообщив, что колено заживет, но хромота может и остаться. Слишком сильно его ударили. Слава Баал-Хамону, что вообще жив остался.

На седьмой день Акрагар приказал выступать. Федор возглавил свою спейру и покинул вместе с ней лагерь. Найти Ганнибала труда не составило. На всем пути следования их встречали кордоны из иберийских и нумидийских всадников, оставленные здесь специально для того, чтобы корпус Акрагара быстрее нашел армию, удалившуюся уже на порядочное расстояние. Минувя в очередной раз эти места, Федор прикинул скорость передвижения армии Карфагена и решил, что это самый быстрый переход в ее истории. По Испании и землям галлов она двигалась гораздо медленнее. Видимо, Ганнибал решил преподнести римлянам сюрприз, оказавшись у них в тылу и свалившись им, как снег на голову. «Если я все правильно помню, — размышлял Федор, вышагивая во главе своей спейры, где он снова заменил Маго, — то это первый в истории сознательный обходной маневр, увенчавшийся успехом».

Армию двадцатая хилиархия нагнала лишь у самых перевалов, нигде не встретив сопротивления. Более того, Федор выяснил, что Ганнибалу удалось пройти эти места незамеченным, поскольку он взял еще восточнее, чем шел Федор со своими разведчиками. А потому и размещенные у самой Генуи легионеры ничего не успели сообразить, когда испанская армия перевалила через заснеженные перевалы северных Апеннин и спустилась к морю, подавляя на своем пути разрозненные очаги сопротивления. Как выяснилось, их было очень мало.

Не встречая на своем пути никаких серьезных преград, солдаты Карфагена устремились вдоль берега моря, но на почтительном расстоянии от него, в сторону Рима, с ходу захватывая по пути поселки и небольшие города, не отвлекаясь на осаду крупных. Ганнибал не сбавлял темпа ни днем, ни ночью, и спустя еще неделю, они вышли к заболоченным верховьям реки Арно, что впадала в Тирренское море. В устье ее, на другом берегу, стоял богатый город Пиза. До него было рукой подать, всего несколько десятков километров, но великий карфагенянин не стал тратить на него время. Тем более, что, прежде чем напасть, сначала следовало переправиться. А посему его гораздо больше заботила сама переправа через разлившуюся во время весеннего паводка речку. От оставшихся в тылу римских армий карфагенян отчасти защищал главный хребет Апеннин, следуя изгибам которого они до сих пор продвигались вдоль моря на юг.

По приказу Ганнибала вдоль берегов разослали многочисленные отряды разведчиков. В их числе оказался и отряд Чайки.

— Мы поймали и допросили нескольких местных жителей, — докладывал Федор вечером того же дня Акрагару. — Они утверждают, что в это время года река непроходима.

— Мы не можем ждать, — ответил рассерженный Акрагар, расхаживая по своему шатру. — Ганнибал требует, чтобы мы были на другом берегу как можно скорее.

— Есть одно место, — наметнул Федор, положив руки на пояс. — Чуть выше по течению. Там имеется несколько островов. Я предлагаю построить мост там. Больше шансов, что его не смоет быстрой водой. Но все равно уйдет пара дней, а то и больше.

Акрагар доложил эту информацию Атарбалу, а тот на вечернем совете — командующему испанской армии и его брату. Другие разведчики, прошерстившие весь берег вверх и вниз по течению, тоже сошлись на том, что лучшего места не придумать.

— Что ж, — решил Ганнибал, — придется рискнуть. Ждать нельзя, иначе потеряем внезапность.

Инженерные части немедленно взялись за дело. Со всех окрестностей к лагерю стали свозить строевой лес, и скоро два моста и множество лодок с плотами были готовы. Армия приступила к переправе, не прекращавшейся даже ночью.

Федор, которому выпало идти с двадцатой хилиархией в арьергарде, подолгу стоял на берегу у стен укрепленного лагеря и смотрел на то и дело проплывавшие по течению льдинки, в больших количествах приносимые с недалеких гор. Вода в этой реке была очень холодной, а течение бурным.

Несколько десятков лодок за время переправы перевернулось, и солдаты утонули. Та же участь постигла и двух слонов, случайно рухнувших в воду. Но Ганнибал, не считаясь с потерями, двинул армию дальше. Покидая берег одним из последних, Федор увидел с середины реки разъезды римлян, осторожно приблизившихся к догоравшему лагерю. За время пребывания здесь армии Карфагена никто из них так и не решился напасть на превосходящие силы противника, так неожиданно появившегося в этих местах.

Переправившись на другой берег и уничтожив за собой мосты, Ганнибал не стал трогать недалекую Пизу, уверенный, что ее час еще не настал, и форсированным маршем двинулся дальше. Римских разведчиков, рискнувших появиться на окрестных высотах, быстро отогнала нумидийская конница, и больше они не появлялись.

За несколько следующих дней ничего примечательного не произошло, если не считать того, что они уже вступили в земли Этрурии. Как читал Федор в прошлой жизни, народ, селившийся здесь издавна, был древнее и культурнее римского, но последний оказался гораздо воинственнее и поработил здешние земли силой оружия. Жители Этрурии приветствовали Ганнибала как освободителя. Все деревни и небольшие города, оказавшиеся на пути следования испанской армии, снабжали его продовольствием, вместо того, чтобы оказывать сопротивление. В таком режиме поход проходил не слишком тяжело, а солдаты получали возможность отдохнуть перед очередным броском.

— Если так пойдет дальше, — разглагольствовал Летис на одном из привалов, сделанных седьмой спейрой в какой-то деревушке, где местные жители поднесли им свежего козьего молока, сыра и хлеба, — то скоро мы будем у стен самого Рима, не пролив больше ни капли римской крови.

— Не спеши, — осадил его Федор. — Римляне наверняка уже узнали о нашем маршброске. Если консулы у них не окончательные тупицы, то наверняка устрелятся вдогон.

— Не успеют, — отмахнулся Летис, — ты же сам рассказывал, что консульские армии блокировали две главные дороги, ведущие на Рим. А мы уже у них в глубоком тылу. Мы даже преодолели непроходимую реку. И если они не снялись со своих мест, как минимум, неделю назад, то мы будем у Рима раньше.

— Ну и что? — вступил в разговор Урбал, допив чашу молока. — Мы, скорее всего, не станем сразу штурмовать Рим, имея две армии за спиной. Хотя бы одну из них надо сначала разбить. А лучше обе.

— Оставим эту задачу Ганнибалу, — закончил прения Федор и, обернувшись, крикнул молодому солдату, что стоял у изгороди, о чем-то беседуя с крестьянской девушкой. — Эй, Терис, принеси-ка нам еще молока.

На следующий день армия втянулась в топкие болота, примыкавшие к небольшому городку под названием Клусий. Обширные топи, лежавшие между двумя холмистыми возвышенностями, окружали его почти со всех сторон и, по сообщениям местных, считались непроходимыми. Но это являлось последней преградой, отделявшей армию финикийцев от заветной цели, — отличной мощеной дороги Рим-Арреций, по которой можно было достигнуть Рима за несколько дней. Об этом знали все. А потому Ганнибал не стал обходить их и приказал форсировать.

На преодоление болот ушло почти четыре дня. Несмотря на то, что мастера из инженерной службы постарались наладить хоть какое-то подобие дороги, это помогло слабо. Люди вязли по пояс, вытаскивая из трясины телеги осадного обоза и часто тонули под тяжестью собственных доспехов. Погонщики слонов потеряли нескольких животных, которых пришлось убить, избавив от мучений, поскольку вытащить их оказалось невозможно. В довершение всего в эти дни стояла страшная жара, и повсюду кружили тучи комаров. Это был настоящий ад, поглотивший множество людей и животных. А когда топи Клуся остались, наконец, позади, по лагерю расползлась страшная весть — в этих гнилых болотах Ганнибал заболел и потерял глаз. Лекари не смогли спасти его, и карфагенянин сам приказал удалить ножом больной орган. Когда он снова появился перед своей армией, половину его лица закрывала черная повязка.

Эти детали Федор узнал, побеседовав с походным летописцем Юзефом в штабе Атарбала, куда заглядывал в последнее время довольно часто. От Юзефа, любившего посплетничать, Федор кое-что разузнал и о новых консулах, с которыми им по всей вероятности скоро предстояло встретиться. Оба знатных римлянина вступили в должность с середины марта, как раз тогда, когда армия Ганнибала еще отдыхала в зимнем лагере в долине реки По, а Федор возвращался из разведки.

Одного звали Гай Фламиний. Его недавно набранная армия почти равнялась по численности карфагенской, но состояла сплошь из неопытных новобранцев. Ее база располагалась недалеко от Арреция. Другой консул, Гней Сервилий, имел двадцать тысяч человек в Аримини. Получалось, что Фламиний находился гораздо ближе.

Федор совсем уж сподобился поинтересоваться, нет ли у Юзефа каких-либо сведений об одном римском сенаторе по имени Марк Клавдий Марцелл, владевшим имением как раз неподалеку от Арреция, где сейчас расположился со своими легионами консул Гай Фламиний, но в последний момент воздержался. Юзеф был не так прост и мог начать задавать вопросы. А Федор до сих пор держал в секрете свои старые связи с Римом, о которых знал только его благодетель — сенатор Магон. Но тот сейчас обретался далеко, в самом Карфагене, и не относился к любителям попусту болтать языком. А Юзеф отличался редкостной словоохотливостью.

Дав армии всего один день на отдых, Ганнибал, не жалея ни себя, ни солдат, совершил еще один переход, и к вечеру, оставив болота Клуся за спиной, армия Карфагена неожиданно для римлян перерезала дорогу Рим-Арреций. Передовая иберийская конница с наскока опрокинула небольшой отряд легионеров, направлявшийся на север для соединения с силами консула Фламиния.

Завершив этот тяжелейший переход, занявший чуть меньше месяца, Ганнибал приказал строить укрепленный лагерь на высоком холме недалеко от дороги и разослать разведчиков по ближайшим землям, чтобы узнать, как много здесь римлян.

Один из таких отрядов возглавил Федор, в очередной раз «бросивший» свою спейру на попечение Маго. Отправляясь на задание, он честно признался себе, что теперь все его мысли сосредоточились исключительно на том, как бы оказаться поближе к Аррецию и разузнать, где находится вилла сенатора Марцелла. Но это было невозможно, там стояли легионы Фламиния. И Федор, попросив Баал-Хаммона о милости, принес ему в жертву целого барана, отобранного у римских крестьян фуражирами. Федор выкупил этого барана и,

несмотря на недостаток пищи в армии, принес в жертву на походном алтаре. Жрецы сообщили, что знамение удачно, и Федор в самое ближайшее время получит то, что просил у бога. А просил он о встрече с Юлией. О большем он и не мечтал.

Обрадованный, он отправился в разведку, ругая себя за суеверия, недостойные жителя двадцать первого века. Но вдруг понял, что стал забывать о своей иной реальности. Теперь его жизнь протекала здесь — на берегах Обитаемого моря. И эта новая жизнь ныне казалась ему ничем не хуже той, что существовала когда-то, не то в прошлом, не то в будущем.

Не особенно опасаясь нападения крупных сил римлян, Федор забрался далеко со своими разведчиками, число которых снова довел до тридцати, благо желающих стало хоть отбавляй. Естественно, в их числе находился и Терис, быстро втянувшийся в армейскую службу.

Весть о приближении карфагенян заставила сельских жителей и небольшие отряды легионеров, служивших в этих местах, бежать отсюда сломя голову. В половине дневного перехода от лагеря Ганнибала они свернули на юг и внезапно обнаружили у самой дороги большое вытянутое озеро, зажатое с двух сторон горами. По его правой кромке, вплотную к горным склонам, и проходила мощеная дорога Рим-Арреций, уже блокированная финикийцами чуть южнее.

Разведчикам посчастливилось разыскать какого-то пастуха, выгнавшего на склоны горы скот и опасавшегося уходить далеко от своего дома, и выяснить, что это озеро называлось Тразиментским.

— Неплохое местечко, — заметил Урбал, когда они поднялись на самый верх горы, нависавшей над дорогой.

— Да, — подтвердил Чайка, разглядывая изрезавшие вершину овраги и скалы. — Словно создано для хорошей засады. Ты посмотри, сколько здесь мест для укрытий.

— Можно десять хилиархий спрятать, и никто не заметит, пока не подойдет вплотную, — согласился Летис.

Весь день они потратили на то, чтобы исследовать вершину горы и осмотреть все подходы. Место действительно оказалось крайне удобным для засады. Гора тянулась вдоль всего узкого участка дороги, примыкавшего к озеру. В ее заросших расселинах и в начале сужения мощеного полотна можно было спрятать множество солдат. И в то же время вполне достаточная пологость склонов позволяла без опасений ринуться на противника сверху.

Вечером Федор, нарушив субординацию, доложил разведанную информацию непосредственно Атарбалу, случайно встреченному в лагере. Тот не стал делать выволочку командиру лазутчиков, которого уже привык считать едва ли не завсегдатаем в своем штабе, а без проволочек передал это сообщение Ганнибалу. Вождь карфагенян очень заинтересовался озером и выказал желание на рассвете осмотреть найденное место для засады.

Следующим утром Ганнибал со своим братом Магоном, командиром африканцев Атарбалом, тремя разведчиками и сотней иберийских всадников забрались на самую верхушку горы. Внимательно осмотрев позиции, нависавшие над дорогой, Ганнибал остался доволен.

— Здесь мы поставим легкую пехоту иберийцев, — говорил полководец сидевшему рядом в седле Магону, — а на дальнем краю — пеших галлов. Ближе к выходу — балеарских пращников. А встретит римлян в открытом строю, преградив им дорогу, твоя африканская пехота, Атарбал.

Командир африканцев поклонился, услышав приказ.

— Фламиний близко, — продолжал вождь карфагенян. — Самое позднее — послезавтра он будет здесь. Он так спешит сразиться со мной, что даже не стал соединять свою армию с легионами Сервилия. Консул наверняка пренебрежет обычной разведкой и сразу же бросится в бой. Когда его армия сходу втянется в эту теснину, мы закроем его северный край конницей, и Фламиний окажется в окружении. Это будет красивая битва.

Военачальники закивали головами, соглашаясь. Ганнибал достаточно хорошо изучил

своих врагов, чтобы наперед предсказывать их шаги. Никто из финикийцев не сомневался, что так оно и получится.

— Возвращаемся, — приказал Ганнибал, дернув коня за узду. — Я достаточно видел. Сегодня скрытно выставить здесь посты, а к вечеру занять позиции. Будем готовиться к встрече Фламиния.

А проезжая мимо трех разведчиков, находившихся чуть поодаль, но недостаточно далеко, чтобы не слышать весь разговор, бросил:

— Ты молодец, Чайка. Эта позиция принесет нам победу.

— Зря ты так, — заметил на это Урбал, обращаясь к Федору и устремляя своего коня вслед за военачальниками. — Акрагар тебе этого не забудет. Помнишь, что случилось с Магной?

— Ничего, — отмахнулся Федор, — мы победим. А победителей не судят. Да и жертву мою боги приняли. А это хороший знак.

— Ты о чем? — не понял Урбал.

— Не бери в голову, — ответил Федор, погоняя коня.

Глава десятая **У Тразиментского озера**

Это апрельское утро двести семнадцатого года до рождества Христова командир седьмой спейры тяжелой африканской пехоты Федор Чайка встретил стоя в строю своей хилиархии. Его соединению вместе с двумя другими требовалось перегородить дорогу Рим-Арреций на выходе узкого дефиле у южной оконечности Тразиментского озера.

Сломанные не так давно ребра и поврежденная нога еще побаливали. От легкой хромоты Федор не избавился, но уже давно пришел к убеждению, что может сражаться не хуже других.

До получения сигнала хилиархии пехотинцев прятались за скалами по обеим сторонам дороги, а затем им предстояло выстроиться так, чтобы организовать живую преграду, способную остановить продвижение легионов Фламиния.

Акрагар, командовавший заслоном, узнав о том, что позиция найдена Федором и уже осмотрена Ганнибалом, при общем скоплении народа даже похвалил его, но в его похвале содержалось столько яда, что Федор вспомнил предостережение Урбала. Но ничего уже было не изменить. Акрагар, чья хилиархия находилась среди тех, кому «посчастливилось» держать главный удар римлян, действительно поставил спейру Федора в первые ряды.

— Ну, что я тебе говорил? — не удержался Урбал, вглядываясь в пока еще пустынные изгибы дороги. — Акрагар тебе этого не забудет. А заодно — и нам.

— Да ладно! — отмахнулся в очередной раз Федор. — Мы — солдаты. Если суждено умереть, то пусть это произойдет в славной битве. А эта битва будет славной. Но я думаю, боги не допустят нашей смерти. Да и меня здесь еще держат кое-какие дела. Нельзя умереть, не разобравшись.

В этот момент под ноги Акрагару, стоявшему в десяти шагах от укрытия, с вершины скалы прилетела и вонзилась в глинистый грунт стрела. Это был сигнал к построению в боевые ряды. Значит, римляне уже близко. Акрагар отдал приказ покинуть укрытие и выстроиться на дороге.

Федор, увидев взмах руки Акрагара, повернулся к прижавшимся к скале за его спиной солдатам и крикнул:

— А ну шевелись, лентяи, мы выдвигаемся!

Не прошло и десяти минут, как африканские пехотинцы заняли боевую позицию и, сомкнув щиты, стали ждать. Спейра Федора оказалась во втором ряду обороны, что немного обрадовало Урбала. Впрочем, первый удар римлян обещал быть сильным, и в любом случае они без дела не останутся. Финикиец отличался природным умом и понимал, если солдат в бою станет думать о том, как выжить, то его непременно убьют. Поэтому Урбал отогнал

мысли о коварстве Акрагара, часто избавлявшегося в битве от неугодных ему людей, и покрепче сжал рукоять фалькаты. Рядом с ним стоял Летис, на лице его читалось только радостное возбуждение. Этот здоровяк из Утики, похоже, готов был драться в любой ситуации. Чуть поодаль в шеренге занимал место новобранец Терис, для которого этот бой обещал стать первым большим сражением в жизни.

Со своего места Федор увидел, как у дальней оконечности озера поднялся столб пыли, это приближались римские легионы. Шли они довольно быстро, не замечая опасности, и вся огромная армия, сверкая на солнце доспехами, уже втянулась, как и планировал Ганнибал, в узкую долину. Но, когда первые шеренги солдат Фламиния стали приближаться к южному берегу озера, римляне заметили солдат Карфагена, перегородивших дорогу. Раздалось несколько громких команд, долетевших до слуха Федора, и легионы замерли. Передняя шеренга с лязгом опустила щиты на землю. По легко различаемой нервозности движений окончательно стало ясно, что римляне никак не ожидали встретить здесь неприятеля. Вдоль строя в глубину колонны бросились несколько гонцов, требуя приказ от начальства. Где находился сам Фламиний, Федор не знал, но, судя по поведению вестовых, в первых рядах его явно не было.

— Не ожидали нас здесь встретить, — заметил Маго, стоявший рядом с Федором, как и положено помощнику командира спейры.

— Да уж, — согласился Федор, поглядывая то на римлян, то на скалы, нависавшие над их боевыми порядками справа, — озадачили мы Фламиния.

Тем временем последние легионеры римской армии вошли в ущелье. И тут что-то произошло. Федор не видел, что именно, но по римским порядкам прокатилась какая-то волна приглушенного ропота. И шестым чувством Федор понял, что ловушка захлопнулась. Конница карфагенян отрезала Фламинию путь к отступлению, наказав за беспечность. Римляне попали в окружение.

— Ну, сейчас начнется, — проговорил Федор.

И тотчас в первую манипулу римлян, находившуюся ближе всех к строю африканцев, со склонов горы полетели камни, со звоном ударяясь о щиты, шлемы и доспехи легионеров. Это были небольшие камни, метко пущенные из пращи, ведь на ближайшем склоне засели балеарские пращники. Затем к ним добавились метатели дротиков и лучники. Римляне несли потери, не сходя с места, а никакого приказа атаковать или отступить еще не поступало. Фламиний явно пребывал в замешательстве.

На глазах Федора за несколько минут от ближней римской манипулы осталось не более половины. Все карфагенские стрелки имели отличную позицию. Находясь под прикрытием скал, они поражали множество римских солдат, сами оставаясь неуязвимыми. Наконец, это избиение заставило Фламиния перейти к решительным действиям.

Раздался звук горна, и ближайшие к африканцам манипулы римлян, вскинув щиты, пошли в атаку. Перед ними не было даже легких пехотинцев, по обыкновению завязывавших бой, хотя первая шеренга единожды метнула пилумы в карфагенян, поразив некоторых вражеских бойцов. Однако им тут же ответили метатели тяжелых дротиков, выстроенные в первом ряду обороны. Удар цельнометаллического сауниона отразить почти невозможно, и римляне падали десятками, до тех пор, пока им не удалось преодолеть расстояние, отделявшее их от первых шеренг солдат Атарбала.

Копейщики сквозь разрывы в цепи оттянулись назад, и их место заняли тяжеловооруженные пехотинцы с обнаженными фалькатами. Римляне яростно врубались в ряды африканцев, сходу оттеснив их на несколько метров. Но, выдержав первый удар, африканцы устояли, и завязалась жестокая битва. Звон мечей, раздававшийся буквально в двадцати метрах от Федора, усиливался эхом в узком скальном проходе и немилосердно оглушал.

Не вступив пока еще в схватку, он смотрел, как его боевые товарищи из десятой спейры рубят римлян на куски и гибнут сами под натиском противника. Мечи и фалькаты то и дело скрещивались над головами, высекая искры. Римские солдаты бросались вперед,

пытаясь надавить на противников огромными щитами-скутумами, чтобы свалить их с ног и пробить брешь в строю. Несколько самых ловких римлян даже прорвались сквозь три первых ряда африканцев, но тут и нашли свою погибель, уничтоженные солдатами четвертой шеренги. Остальные финикийцы удачно сдерживали атаку по всему фронту, неся при этом небольшие потери.

Эта мясорубка продолжалась, как показалось Федору, недолго — всего минут двадцать. За это время римляне продвинулись лишь на десять метров, но вскоре были отброшены назад. Атака захлебывалась. Несмотря на всю ярость нападения, отчетливо ощущалось, что римляне находятся в панике. Видно, их командир это понял, и скоро над ущельем разнесся сигнал к отступлению. Оставив на дороге почти две сотни убитыми — африканцев погибло втрое меньше — легионеры отошли вглубь ущелья.

Едва это произошло, как на вершине горы зазвенели многочисленные горны и боевые карникусы галлов. Римляне в ужасе вскинули головы, увидев, как из укрытий на склонах горы показались тысячи солдат и лавиной устремились вниз. Ближе всех к позициям спейры Федора оказались иберийские пехотинцы, мечники и копьеносцы. Дальше по склону бежали, размахивая огромными мечами, галлы с размалеванными лицами, длинноволосые и голые по пояс, внушавшие ужас своим видом. Остальные склоны Чайка попросту не видел, но был уверен, зрелище там ничуть не хуже открывавшегося. Одновременная атака нескольких тысяч пехотинцев Ганнибала из засады, способной, по мнению римлян, укрыть лишь лучников да прашников, окончательно деморализовал не уступавшую им по численности армию римских новобранцев. А удар иберийской конницы по правому флангу Фламиния — эти всадники проскакали мимо Федора несколько минут назад — просто уничтожил их уверенность в себе. Остальное являлось делом техники.

Скатившись со склонов горы, пехотинцы Ганнибала рассекали армию Фламиния на несколько частей и сбросили ее в воды Тразиментского озера. Жестокий бой за несколько часов превратился в избиение.

Кое-где римляне все же оказывали ожесточенное сопротивление, понимая, что только выдержка может спасти их от полного разгрома. На нескольких направлениях они даже контратаковали, но все было тщетно. Солдаты Ганнибала уже почуяли вкус победы, и ничто не могло их остановить.

Особенно старались галлы. Напав на центр колонны Фламиния, там, где находились обоз и знамена консула, они истребили всех защитников, а сами орудия и повозки подожгли. Дым затянул половину ущелья. Что галлы сделали с консулом, взяли в плен или убили, никто не понял. Но римляне остались без верховного командования. И очень скоро паника сделала свое дело.

Федор своими глазами видел, как римляне стали бросать оружие и сотнями покидать поле боя. Только бежать им было особенно некуда — Ганнибал позаботился об этом заранее. Многие солдаты от безысходности бросались в озеро, пытаясь переплыть на другой берег. Но кольчуги и тяжелые доспехи тянули их на дно.

Отбив первый приступ, хилиархии Атарбала продолжали стоять на своем месте, запирая дорогу на Рим, и не принимали участия в сражении. Но когда разгром стал очевиден, наиболее боеспособные части римлян под командой одного из отчаянных центурионов, перестроились и снова пошли в атаку, чтобы пробить себе дорогу на свободу. Их насчитывалось не меньше пяти или шести тысяч, как показалось Федору, окинувшему беглым взглядом порядки приближавшихся римлян, в то время, как африканцы располагали лишь тремя. Этот легион последней надежды вышел из дыма и тотчас устремился в атаку на порядки пехотинцев Ганнибала.

— Ну, держись, ребята! — крикнул своим солдатам Федор, перехватывая покрепче фалькату. — Сейчас будет жарко!

На этот раз спейра Федора занимала правый фланг, заняв место потрепанной в первом бою десятой спейры. Поперек ущелья, чтобы полностью перегородить его, могло выстроиться как раз четыре спейры. Остальные солдаты поддерживали глубину строя,

вытянувшегося по дороге почти на сто метров. Позади африканцев находилось еще несколько сотен легкой иберийской конницы.

Федору в очередной раз вспомнилось, что со времен основания Рима единственной стратегией и тактикой командующего легионами оставался мощный удар в центре. Так римляне и нанесли удар, в полном соответствии со всеми законами своей военной науки. Эта атака была настолько предсказуема, что первая манипула римских легионеров полегла буквально за десять минут, прореженная еще на подходе метателями дротиков и пращниками, а остальных добили пехотинцы. Однако, первая манипула все же сумела пробить небольшую брешь в сомкнутом строю восьмой и девятой спейр, принявших на себя главный удар. Туда тотчас устремилась следующая манипула, солдаты которой в ярости размахивали мечами, понимая, что если им не удастся пробить строй африканцев, то все они здесь и умрут, подобно сотням уже поверженных в жутком ущелье. А потому ярость придала им силы.

Второй удар расширил брешь в центре позиций африканцев. В освободившийся проход с криками хлынула следующая манипула, и строй африканцев начал разваливаться. Вернее, фланги стояли, как и раньше, почти не задетые сражением, но вот центр был смят полностью. И африканцы начали медленно отступать, освобождая проход между скал.

— Вперед, солдаты Карфагена! — Федор вдруг услышал вопль, пронесшийся над рядами пехотинцев и, обернувшись на знакомый голос, увидел, что шестая спейра под командой самого Акрагара контратаковала римлян и отбросила их почти на десяток метров, немного выровняв фронт. Но легионеры, опомнившись, утроили натиск, и центр обороны снова провалился под ударами римских мечей, изрубивших здесь почти всех бойцов. В этой мясорубке Акрагар пропал из поля зрения. Федор не видел своего начальника, доспехи которого еще недавно сверкали на солнце, и не слышал его криков и приказаний.

Окончательно сломив первую линию обороны, воодушевленные римляне врубались во вторую, оттеснив солдат Ганнибала еще метров на пятьдесят. Легионеры сотнями вливались в освободившийся проход, напирая на своих сзади и не давая им даже подумать об отступлении. Тем временем фронт прогнулся настолько, что фланги африканцев, оттесненные к скалам, рисковали быть просто раздавленными этим потоком. Римляне лишь сдерживали их для того, чтобы те не помешали им развивать успех в центре.

Сообразив, что римляне вот-вот прорвутся — в дело вступили уже замыкающие манипулы легиона — и нигде не находя Акрагара, Федор принял решение атаковать.

— Вперед! — заорал он, взмахнув фалькатой. — За мной, солдаты!

И седьмая спейра ударила в бок римлянам, атаковав арьергард наступающих сил. В узком ущелье уже давно стоял невообразимый грохот от скрежета мечей, а теперь вообще все утонуло в общем крике тысяч глоток.

После лобового столкновения с легионерами и без того изогнутый от быстрого перемещения строй спейры распался на отдельные поединки. На пути у Федора возник мощный римлянин, уже потерявший в бою шлем, но продолжавший лихо размахивать мечом и поразивший на его глазах одного за другим двух финикийцев. Впрочем, командир седьмой спейры оказался удачливее. Приняв удар противника на щит, он ответным выпадом поразил его в грудь. Фальката отскочила в сторону, скользнув по отличнейшей кольчуге, защищавшей тело легионера.

— Хороший доспех, — усмехнулся Федор, — но он тебя не спасет.

— Ты знаешь наш язык, варвар? — огрызнулся римлянин, отскочив на шаг назад.

— Да, — ответил Федор, принаравливаясь для нового удара. — Я выучил его для того, чтобы сказать тебе, что ты уже мертвец.

Он снова взмахнул фалькатой, но на этот раз римлянин прикрылся щитом. Удар Федора был силен, и skutum развалился на две части. Тогда здоровяк, наклонив голову, с криком бросился на противника. Морпех прыгнул в сторону и нанес резкий удар с оттягом. Угодил по затылку. Римлянин выронил меч и рухнул на колени, залившись кровью. Федор успел увидеть, как тот обхватил голову, и сквозь его сжатые пальцы потекли алые струйки

крови.

Затем на морпеха налетел другой легионер с копьем в руке. Федор едва успел уклониться от удара, и копье, чиркнув по шлему у виска, прошло мимо. Коротким движением морпех ткнул противника острием фалькаты в бок. К счастью для него, кольчуги на этом бойце не оказалось, а кожаный панцирь не спас от мощного удара. Мертвый римлянин рухнул на тело поверженного первым соратника. А Федор отер пот со лба, инстинктивно поднял повыше круглый щит и огляделся по сторонам.

Повсюду высились уже горы трупов и раненых солдат. Римляне и финикийцы лежали вперемешку. Живые солдаты прыгали между ними, нанося друг другу раны и увечья оружием, а когда лишались его, то рвали противника руками и даже зубами, достигнув за время схватки последнего предела иступления.

На глазах у Федора Летис лишившийся в битве щита и меча, отбил кулаком удар римского копейщика. Затем выхватил у него копье и прикончил нападавшего его же оружием. Но тут же был атакован следующим римлянином, вооруженным мечом. Тогда Летис, не имея под руками других средств защиты, потащил из тела только что убитого легионера копье, но древко с металлическим острием обломилось, и у него в руках осталась только палка. Разъяренный Летис сумел увернуться от удара меча и точным ударом вогнал палку в глаз римлянину.

Потрясенный увиденным, Федор на несколько секунд забыл о том, что сам находится в гуще сражения, и это едва не стоило ему жизни. Римский солдат, возникший рядом, ткнул его мечом в грудь, но угодил в нагрудные пластины из металла.

— Ах ты, тварь! — разъярился Федор и, отпрыгивая назад, рубанул его в полете сверху вниз острием.

Клинок звякнул о шлем легионера, срубив с того плюмаж из красных перьев. Но римлянин нанес новый удар. На сей раз удар пришелся в щит, но на излете поранил левое плечо. По руке поползла струйка крови.

— Как ты меня достал! — не выдержал Федор и, совершив новый прыжок, выставил вперед щит, налетев на легионера. Тот прикрылся своим щитом, но Федор был более рослым, и ему удалось сбить противника с ног.

Когда легионер оказался распластанным на камнях, а его щит отлетел в сторону, командир седьмой спейры, не теряя драгоценных секунд, вогнал фалькату в живот противнику и для надежности провернул клинок. Римлянин издал предсмертный хрип и выронил меч на камни.

Федор быстро поднялся, снова осматриваясь по сторонам. Пока морпеха никто не атаковал. Более того, его спейра уничтожила всех легионеров, оказавшихся на пути, правда, и сама уменьшилась более чем наполовину. Сами же римляне и не думали обороняться здесь до последнего. Бросив свой арьергард на растерзание, они все силы вложили в последний удар и прорвались.

Бой в ущелье и вокруг Федора затихал. Со своего места он видел, как плотные ряды римлян — а их оставалось еще несколько тысяч — пробив центр обороны последней линии африканских пехотинцев, вырвались на свободу. Сохраняя боевой порядок, римляне устремились по дороге вперед, оставив позади Тразиментское озеро.

Опустив взгляд, Федор вдруг увидел тело Акрагара. Командир двадцатой хилиархии лежал в трех шагах от него и был мертв — из его груди торчал пилум, проткнувший тело военачальника насквозь. Шлем его валялся рядом, а остекленевшие глаза Акрагара застывшими зрачками смотрели в небо.

Федор выдернул пилум из груди Акрагара и подозвал жестом ближайших солдат, приказав им отнести тело командира в лагерь, где его похоронят с почестями. Солдаты тотчас принялись изготавливать носилки из копий. Подошедший к ним Урбал в залитых кровью доспехах некоторое время смотрел на погибшего командира, затем покосился на Федора, но ничего не сказал, а лишь усмехнулся, подняв глаза к небу. Он словно разговаривал с богами, вершившими судьбы смертных. Но Федору сейчас было не до

отвлеченных понятий. Римляне прорвались, бой еще не закончился.

— Построиться! — приказал он оставшимся в живых солдатам. — Мы будем продолжать преследование противника, пока не уничтожим его.

И солдаты седьмой спейры с присоединившимися к ним остатками пехотинцев из пятой, четвертой, восьмой и еще нескольких оставшихся без командиров подразделений устремились в погоню за римлянами. Всего под командой Федора оказалось человек триста или четыреста. Он, впрочем, не считал. Бой у Тразиментского озера случился жестокий. Погибла почти половина африканцев, защищавших дорогу, в числе которых оказались Акрагар и два других командира хилиархий, а также все командиры спейр. Федор был единственным из них, кто выжил в этой мясорубке. Жив остался и его помощник Маго, умертвивший своей рукой не меньше десятка римских солдат.

Легионеры потеряли в этом прорыве не меньше трех тысяч человек. Трупы их устилали в этом месте всю дорогу Рим-Арреций вперемешку с африканскими пехотинцами.

Построив оставшихся воинов в боевой порядок, Федор снова повел изможденных солдат в бой. Они догнали и преследовали римлян до тех пор, пока не миновали лагерь карфагенской армии, находившийся у дороги, и к преследованию не подключилась иберийская и нумидийская конницы.

Прорвавшимися римлянами командовал явно хороший стратег. Легионеры стойко отражали нападения легкой конницы и пехотинцев Федора, с каждым часом уходя все дальше от места боя. В конце концов, к месту перманентного сражения прискакал сам Ганнибал и приказал прекратить преследование. К этому времени солдатам Федора и нумидийцам постоянными атаками удалось уничтожить еще несколько сотен легионеров.

— Пусть уходят, — сказал вождь армии Карфагена, глядя, как легионеры удирают в сторону Рима. — Эти люди лучше других расскажут о своем поражении согражданам и посеют панику в Риме задолго до нашего появления. Армия Фламиния уничтожена, а эти нам принесут больше пользы живыми, чем мертвыми.

Вечером Ганнибал устроил в лагере настоящий пир по случаю победы над римским консулом. Фламиний погиб сам и положил на поле сражения почти тридцать тысяч человек. Остальные бежали, чтобы донести весть о разгроме до самого Рима. Победители захватили множество оружия и доспехов. Сняли тысячи отличных кольчуг с поверженных римлян и переоделись в них. В число счастливицов попали Летис и Урбал, изорвавшие в бою свои доспехи и заменившие их на новые. Федор, также имевший возможность оценить в бою прочность кольчуги противника, все же предпочел свои доспехи римским.

Тем же вечером, на общем военном совете, при свете костров, освещавших богатую добычу, Ганнибал поздравил свою армию с блестящей победой и назначил новых командиров хилиархий вместо погибших в сражении у Тразиментского озера, воздав павшим почести. Новым командиром двадцатой хилиархии стал Федор Чайкаа.

— Ты был прав, — признал Урбал, когда они вдвоем пили вино на общем пиру. — Словно предвидел будущее. Боги тебя не обманули.

— Это судьба, — просто ответил морпех, погруженный в свои мысли.

— Что-то ты не весел, Федор, — хлопнул его по плечу Летис. — Вроде не ранен, стал большим командиром. Добычи получишь немало за победу.

Но Федор только отмахнулся. Он, конечно, гордился, что под его началом теперь оказалось больше тысячи человек, но думал сейчас совсем не об этом. Все его мысли касались близкого Арреция, где находилась вилла сенатора Марцелла. Узнав о поражении Фламиния, тот наверняка бросится в бега, навстречу наступавшей армии второго консула. И увезет с собой Юлию, если она там. А она еще там. Федор чувствовал это.

А потому он вдруг резко встал и направился к шатру Ганнибала, у которого тоже шумел пир по случаю победы. Командующий был на месте и пировал со своим братом и высшими чинами армии. Не без труда, но Федор пробрался к нему, добившись немедленной встречи.

— Что тебя беспокоит? — удивился Ганнибал, когда ему доложили, что

новоиспеченный командир двадцатой хилиархии просит его о немедленной встрече. — Почему ты не пируешь, Федор Чайкаа, когда все предаются радости? Выпей вина и оставь заботы до завтра. Сегодня наш праздник!

Они вошли в шатер, чтобы шум не мешал им говорить. Хотя и здесь он звучал ненамного тише.

— Во время боя я немного отвлекся на римского офицера, — соврал Федор, — поведавшего мне о том, что у Арреция находится вилла сенатора Марцелла. Я думаю, тебе знакомо это имя.

Ганнибал нахмурился.

— Марцелл... как же... хорошо знакомо. Это он помог отобрать у нас Сицилию, убив множество солдат Карфагена. Старый волк с острыми зубами. Ты говоришь, он здесь?

— Недалеко, — подтвердил Федор. — Подле Арреция, на своей вилле. Боги отдают его в руки Карфагена. Но надо спешить. Узнав о разгроме Фламиния, он наверняка пустится в бега.

— Что ты предлагаешь? — посмотрел в глаза Федору Ганнибал, опуская кубок с вином на стол.

— Дай мне мою новую хилиархию, и я приведу тебе его живым, — пообещал Федор. — Хотя, возможно, хватит и нескольких спейр. Я уверен, что римлян там немного. Но надо выступать немедленно. Прямо сейчас.

— Что ж, — кивнул Ганнибал, — решено. Возьми пятьсот человек. Лазутчики доносят, что армия Сервилия на подходе. Они не осмелятся напасть на нас, но, столкнувшись с небольшим отрядом, могут попытаться выместить на нем всю свою ярость. И приведи мне Марцелла.

— Будет исполнено, — Федор поклонился и вышел из шатра.

Глава одиннадцатая

Марк Клавдий Марцелл

Рассвет еще не полностью позолотил верхушки скал, и не успели похоронные команды очистить дорогу от трупов, а пятьсот африканцев, не слишком довольные, что их оторвали от пира победителей, уже оставили далеко позади место недавней битвы у Тразиментского озера.

Отправляясь в этот набег, Федор блефовал. Он не знал точно, сколько километров до Арреция и уж тем более не знал, где находится вилла самого сенатора. Но страстное желание увидеть Юлию во что бы то ни стало целиком захватила его сознание. Он даже ни во что не посвятил друзей, сказав им то же, что и остальным солдатам — предстоит внезапно напасть на виллу в окрестностях Арреция, где скрывается важный римский полководец Марк Клавдий Марцелл. В случае успеха всех ждет особая награда.

Наспех пообщавшись перед выходом с Юзефом, с разрешения Атарбала показавшим ему секретную карту, Федор выяснил, что до Арреция совсем недалеко. Примерно полдня пути от озера, если поторапливаться. А что касается виллы сенатора, то определить ее местоположение среди других вилл, он собирался сходу, понадеявшись на помощь богов и собственную интуицию.

Пустив вперед пятнадцать человек из своих разведчиков под предводительством Урбала и Летиса, прихватившим вдобавок с собой толмача, сам новоиспеченный командир двадцатой хилиархии быстро передвигался по дороге на юг с основными силами, не встречая сопротивления. Повсюду он видел пустынные села и брошенные повозки, следы недавнего бегства легионеров и местного населения. Однако, Арреций находился еще в руках римлян, и Федор полагал, что его граждане надеялись продержаться до прихода армии второго консула. И потому убежали не все. Если, конечно, страх перед Ганнибалом не заставил их покинуть свои жилища, ведь ничто больше не защищало их от прихода великого карфагенянина.

Примерно к обеду уставшие пехотинцы приблизились к городу, уже видневшемуся на недалеких холмах. Здесь, у пустынной развилки дорог, одна из которых сворачивала в сторону и обходила Арреций справа, Федора ожидали разведчики под командой Урбала и Летиса, успевшие кое-что разузнать. У них в руках находилось несколько пленных, валявшихся в придорожной канаве. Среди них оказались трое легионеров и двое местных пастухов, перепуганных внезапным появлением карфагенян.

— Мы допросили их, — не тратя времени на пустые разговоры, перешел к делу Урбал. — Пастухи знают, где находится вилла сенатора. Они готовы проводить. Легионеры тоже знают, но говорить отказываются. Летис хотел устроить им допрос с пристрастием, но тут показали вы.

— Не надо, — поморщился Федор. — Нам достаточно пастухов. А что касается легионеров... — он вдруг задумался. — Что они говорят еще?

— Двое молчат. Но один из них, самый хлипкий, — ответил за друга Летис, — после того, как я съездил ему хорошенько по ребрам жердиной, рассказал, что с той стороны Арреция стоит несколько сотен легионеров, из тех, что оставил здесь Фламиний для охраны армейских складов с продовольствием. Узнав о вчерашнем разгроме, они хотели отступить на юг, но сенатор им не позволил, приказав дожидаться легионов Сервилия, которые вот-вот должны подойти.

— Какой сенатор? — не понял Федор.

— Тот самый. Марцелл, — пояснил Летис.

— А он что, разве имеет право командовать? — удивился еще больше Федор, приблизившись к охраннику, «дававшему показания». — Ведь он же не консул и не полководец в ранге консула. Или это не так?

— Нет, — проблеял испуганный легионер, совсем еще пацан, даже похожий с виду на Териса, с честью прошедшего вчера испытание и даже убившего двух римлян в рукопашной. — Но наши командиры, узнав о победе Ганнибала над огромным войском Фламиния, просто хотели сбежать, отступив на юг. А Марцелл, услышав об этом, явился в расположение частей и публично обозвал трибуна и всех центурионов трусами. После такого оскорбления им ничего не оставалось делать, как готовиться к обороне и молиться, чтобы Ганнибал не повернул вдруг на север. Нашу центурию с опционом послали охранять въезд в город. А нас троих отправили проверить дорогу. Здесь нас и схватили.

— Значит, город сейчас защищает всего несколько сотен солдат? Отлично! — кивнул Федор и, повернувшись к Летису с Урбалом, заявил. — Считайте, Арреций у нас в руках.

— Ты знаешь, где вилла сенатора? — осведомился Федор, снова обернувшись к солдату.

Легионер осторожно кивнул, покосившись на товарищей.

— Много там солдат? — продолжал допытываться Федор.

— Не знаю точно, — легионер вжал голову в плечи. — Но сенатор увел с собой человек пятьдесят из наших. Трибун разрешил, но сразу после этого ускакал из города, оставив командование на примпила.

— А Марцелл, что, не собирался бежать? — удивился Федор, все еще не веря своему счастью.

Легионер пожал плечами, планы римского чиновника ему были неизвестны.

— Что ж, — подвел итог Федор, — у нас есть отличный шанс захватить сенатора и, может быть, склады с продовольствием. Вставай, солдат, ты проведешь нас на эту виллу.

— А что делать с остальными? — поинтересовался Летис.

— Пастухов тоже возьмем с собой. На всякий случай, — ответил Федор. — А легионеров казнить. Они нам не нужны.

Летис вынул фалькату и двумя отточенными движениями быстро проткнул связанных римских легионеров, одного за другим, столкнув их мертвые тела обратно в канаву. На пастухов и единственного оставшегося пока в живых солдата экзекуция произвела неизгладимое впечатление.

Решив, что пленный не врет, Федор разделил свои силы. Одну спейру он оставил на развилке, в резерве, чтобы те охраняли дорогу и пресекли при необходимости возможную контратаку или обходной маневр римлян. Три сотни человек отправил в город, чтобы провести разведку боем и захватить склады, воспользовавшись внезапностью. Если не считать кордона из одной центурии римлян, расположившейся на въезде в город, то подступы к Аррецию вообще никто не охранял.

С остальными Федор двинулся напрямик на виллу сенатора, находившуюся с восточной стороны города, в огромном квартале, облюбованном местными чиновниками из высшего магистрата. Там, где холмы утопали в зелени, обтекавшей изящные здания с колоннами и портики, выстроенные на греческий манер.

Несмотря на полученные данные и желание быстрее оказаться на месте, Федор все же двигался осторожно. Бог его знает, сколько тут на самом деле легионеров. А в его планы не входило быть убитым в двух шагах от места встречи с любимой девушкой.

Он как в воду смотрел. Когда до живой изгороди, окружавшей виллу Марцелла, указанную пленным солдатом — огромного архитектурного ансамбля из четырех зданий, окруженных парками с фонтанами — оставалось не более трехсот метров, из-за соседней, казалось, покинутой виллы навстречу финикийцам легким галопом выехало человек тридцать конных римлян. Командовавший ими декурион оказался парнем не робкого десятка.

— Карфагеняне! — заорал он, увидев солдат противника, и, взметнув вверх руку с копьем, понесся в атаку.

Остальные всадники устремились за ним. В пехотинцев полетели копья, поразившие многих, а на остальных римляне обрушились с мечами, врубившись на скаку в колонну африканцев. Увидев мчавшуюся прямо на него лошадь, Федор мгновенно вспомнил о встрече с римскими всадниками на дороге в Геную, после которой еще не успел до конца оправиться, и отпрыгнул в сторону, выронив щит. Если бы не Летис, оказавшийся рядом и прикрывший Федора от брошенного копья своим щитом, морпех бы точно погиб, так и не успев как следует вступить в должность, не говоря уже об исполнении остальных желаний. Но друзья и боги хранили его.

Эта внезапная атака дорого обошлась пехотинцам, декурион и его всадники хорошо знали свое дело. Им удалось уничтожить в бою больше двадцати ливийцев, правда, и сами римляне полегли до единого.

Однако, на этом плохие новости еще не заканчивались. Из-за возникшего при столкновении шума их заметили охранники на вилле сенатора. И когда пехотинцы Федора подступили к живой изгороди, за которой начинался ухоженный парк с дорожками, фонтанами и статуями, их там уже ждали. Весь парк оказался перегорожен тремя шеренгами легионеров, и было их здесь несколько больше пятидесяти. При таком раскладе силы атакующих африканцев примерно равнялись мощи тех, кто защищал Марцелла.

Федор не стал посылать за остальными солдатами, он всецело полагался на пришедших с ним. Перед тем, как бросить своих бойцов в атаку, он лишь попытался проникнуть взглядом за шеренги римского охранения и увидеть сенатора. Но никого не обнаружил. Однако, перед входом в шикарный дом, отстоявший от места новой битвы метров на пятьсот, стояла запряженная четырьмя белыми лошадьми шикарная колесница с замершим рядом легионером, державшим лошадей под уздцы. И что-то говорило морпеху, что сенатор вот-вот появится и, скорее всего, не один.

Первыми в бой вступили трое друзей, по-прежнему державшихся вместе. Римляне метнули в наступающих пилумы, но поразили лишь бежавших за ними пехотинцев. А Летис, Урбал и Федор, отбросив сделавшие свое дело щиты, но не имея дротиков, в ответ швырнули в противников свои кинжалы. Когда трое легионеров рухнули на песок ухоженных дорожек, схватившись за окровавленные шеи, друзья сшиблись с римскими солдатами, вскинув фалькаты. Причем на долю Федора опять достался центурион.

Со всех сторон завязалась схватка. Биться среди фонтанов и статуй для Федора было в

новинку. Словно присутствовало во всем этом что-то неестественное, неправильное. Ведь за последнее время он привык к тому, что битва должна происходить либо в поле, либо в горах, либо в укрепленном лагере, либо уж в открытом море на палубе корабля. А здесь вокруг до последнего момента царили мир и покой, нарушаемый лишь журчанием фонтанов.

Но наседавший римский центурион быстро избавил Федора от философского настроения, так рубанув своим мечом, что морпех едва успел присесть, чтобы не лишиться головы. От второго удара морпех тоже увернулся, ответив выпадом фалькаты.

Но и центурион не зря получил свое звание, он тоже ушел в сторону и запрыгал вокруг Федора, что твой горный козел, то и дело отмечаясь резкими выпадами. Один из них, приличной силы, даже задел Федора вскользь по груди, но морпех остался невредим. Его новехонькая кираса, купленная только вечером на празднике и надетая по случаю вступления в должность, впервые спасла жизнь новоиспеченному командиру хилиархии. Он отбил следующий удар центуриона и, отведя его руку с мечом в сторону, резко нанес ответный удар в живот. Римлянин, защищенный не хуже, все же оказался ранен. Фальката повредив доспехи, соскользнула и воткнулась в бедро. Кровь заструилась по ноге центуриона, издавшего вопль, прямо на песчаную дорожку. Не давая врагу опомниться, Федор взмахнул рукой и с оттягом рубанул по шее невольно согнувшегося пехотинца. Мертвый римлянин рухнул ему под ноги.

Рядом сразил одного из своих врагов Урбал, тоже рубившийся без щита, зато сразу двумя клинками — фалькатой и отобранным у legionera мечом. Он вращал ими, словно многорукий бог, нанося десятки ударов и столько же отбивая. Федор на мгновение даже загляделся, как ловко владеет оружием его друг, поражая legionеров.

— Давайте, римляне! — подначивал Урбал legionеров, уже не решавшихся нападать на него поодиночке. — Что же вы застыли, как изваяния ваших трусливых богов?

Летис, наоборот, предпочитал подручные средства. И когда запас кинжалов у него истощился, а фалькату какой-то удачливый римлянин умудрился выбить из его руки, Летис, не раздумывая, подхватил массивную глиняную вазу, стоявшую, как украшение, на постаменте рядом с садовой дорожкой, оторвал ее и швырнул прямо во врага. Придавленный такой тяжестью legionер больше не смог встать. Летис же, еще не добравшийся до своего оружия, бросил короткий взгляд на статую стоявшего неподалеку Апполона, словно решая, подойдет она в качестве дубины или нет. Но передумал — статуя выглядела слишком массивной — выхватил у мертвого legionера меч и снова вступил в схватку.

Остальные солдаты из подразделения африканской пехоты теснили римлян, но бой еще казался далек от завершения. Звон оружия раздавался по всему парку.

Разделавшись со своим противником, Федор вскинул голову и увидел, как из такого близкого дома спешно вышел сенатор в парадной тоге, словно собирался в Рим на заседание сената, и направился к колеснице, бросив короткий взгляд на сражавшихся. А следом за ним показалась девушка с длинными платиновыми волосами в алой вышитой stole,³³ которая, несмотря на все складки, не могла скрыть полноту еще недавно стройной римлянки. Федор узнал ее с первого взгляда. Это была она. Его любимая Юлия.

Не в силах больше сдерживать свои чувства, он рванулся вперед с криком «Юлия!», но дорогу ему преградили сразу два legionера, заслонив его от взгляда девушки. В ожесточении Федор первым же ударом проткнул одного насквозь, отпихнув его в сторону, но второй оказался проворнее и едва не зарубил Федора.

Отбиваясь от разящих ударов legionера, морпех все время смотрел на лужайку перед домом, рискуя получить смертельный удар, и ему показалось, что уже севшая в колесницу девушка, услышала его крик. Он видел, как она обернулась, и это придало ему сил. Федор рванулся вперед, отбив очередной удар, и с размаху заехав рукоятью фалькаты в зубы legionеру, свалил его на траву. А сам прыгнул в образовавшуюся брешь и бросился бежать

³³ Стола — верхняя одежда римлянок. Похожа на очень широкую тунику с большим количеством складок.

по дорожке в сторону дома, не обращая внимания на преследовавших его врагов.

Перед ним теперь не было никого. Но возница уже хлестнул лошадей, раздался стук копыт, и четверка сильных животных понесла колесницу по свободной дороге в гору. Федор бежал за ней и кричал «Юлия!» до тех пор, пока колесница не исчезла за поворотом. Но прежде чем это случилось, Федор встретился глазами с Юлией и понял, что она узнала его. За то мгновение, пока они обнимали друг друга взглядами, в глазах девушки он прочел любовь, печаль и страх одновременно, ведь он был одет в форму врагов Рима. Теперь она это знала.

Спустя час разведчики доложили, что к Аррецию подходят легионы Сервилия, и Федор приказал отступать, устроив пожар на уже захваченных складах. Покинув город, морпех снова остановился на развилке, пока его солдаты маршировали по дороге к Тразиментскому озеру, и обернулся назад, бросив взгляд на еще одно близкое пожарище. Виллу сенатора он тоже приказал сжечь, чтобы не видеть больше этого проклятого места.

Глава двенадцатая

В дальний поход

Война с Ольвией проходила не так гладко, как хотелось Иллuru, но он на это и не слишком рассчитывал. Особенно когда выяснилось, что всеми силами вторжения будет командовать лично царь Паллак, давно не выезжавший в походы из своей богатой столицы. Но, как ни крути, а Иллур был вынужден подчиниться, — все же не он правил Скифией, хотя и являлся теперь вторым человеком в государстве.

Греки, узнав о вторжении, защищались яростно. Даже несколько уже состоявшихся конных сражений на подступах к Ольвии скифам удалось выиграть с большим трудом, несмотря на то, что внезапное нападение не дало грекам возможности собрать большую армию. Но и той, что у них имелась, хватило для резкого снижения темпов победоносного продвижения орд скифского царя.

И все же через двенадцать дней они уже стояли лагерем под стенами Ольвии. Шатры Иллур и солдат, подчинявшихся его кровному брату Алл-лэк-сею, раскинулись на самом берегу, откуда в это утро морпех заметил греческую квинкерему, которая, прорвав заслон скифских кораблей, смогла уйти в открытое море.

— За подмогой пошли! — разозлился Леха, глядя, как умело лавируют греческие моряки среди превосходящих сил противника. — Я же говорил, что надо было раньше начинать атаку с моря. А теперь, не ровен час, придет сюда греческий флот, и тогда станет еще веселее.

— Ничего, — заметил на это Иллур, тоже недовольный медлительностью царя, — успеем. Должны успеть. Я прикажу кораблям Ичея немедленно атаковать гавань.

— Вот это дело! — кивнул обрадованный Леха. — А то засиделись мы здесь.

— Ну, а нам пора начинать приступ, — завершил Иллур. — Проверь, все ли готово у мастера. Я отправляюсь в ставку Паллака.

Взяв с собой одну сотню из трех, недавно нанятых и подчинявшихся лично ему, Леха с радостью ускакал в расположение «артиллеристов». К началу осады скифы имели уже неплохой «спецобоз», укомплектованный баллистами и катапультами в штурмовом исполнении, хотя на Леху самое большое впечатление производили онагры Калпакидиса.

Второго мастера скифы в поход не взяли. Гиисподис в спешном порядке достраивал в своей бухте еще несколько триер и массивную квинкерему. Да и не было смысла привлекать его к набегу на собственный город. Иллур в этот раз решил не заставлять грека напрягаться и страдать сверх меры, хватит с него флота, предназначенного для захвата его родной Ольвии.

Когда Леха оказался на позиции, где уже полным ходом шла подготовка к началу обстрела Ольвии, чьи стены находились в зоне прямой видимости, то застал там самого Калпакидиса. Греческий мастер гордо прохаживался вдоль строя титанического размера машин, вокруг которых суежилась недавно обученная прислуга, и отдавал последние

указания.

Ларин осадил коня рядом с онагром, где ученый грек через переводчика распекал незадачливых стрелков, умудрившихся неправильно собрать оружие после транспортировки.

— Я же говорил, — кипятился Калпакидис, показывая на одну из самых больших деталей, лежавшую в стороне, — что центральную часть нужно вставлять еще до установки рычагов, а не наоборот! Как вы ее теперь приладите на место? Надо же все опять разбирать...

Стрелки, вчерашние конники, с удивлением смотрели на странный агрегат, призванный метать ядра и зажигательные горшки на большое расстояние и откровенно его боялись. Калпакидис, чувствовавший себя среди всех этих машин, как рыба в воде, казался им тоже чем-то вроде колдуна. Но выхода у них не было. Иллур предоставил своим подданным нехитрый выбор — либо изучить искусство метания снарядов в кратчайшие сроки, либо закончить жизнь позорной смертной казнью. И солдаты, натурально, предпочли первое.

— Ну, как дела? — поинтересовался Леха, соскакивая с коня на землю. — Скоро уже пора начинать.

Толмач перевел.

— Все готово, — Калпакидис взмахнул рукой, указав на выстроившиеся в ряд осадные баллисты с онаграми. И закончил, опустив руку перед последним оружием. — Почти.

— Не подведешь? — на всякий случай Леха пристально глянул в глаза инженеру. — Мы должны завалить этот городишко ядрами по самые крыши. А лучше вообще стереть с лица земли.

— Все будет в порядке, — ответил Калпакидис. — Орудия в норме. Солдаты прошли обучение.

— Да вижу я, как они прошли обучение, — ехидно заметил Леха, поглядывая на оставшиеся после сборки онагра «лишние» детали. — Ну, да ладно.

— Когда поступит приказ, мы не подведем, — успокоил его грек.

На том и сговорились. Леха уже вскочил на коня, собираясь скакать к себе, как вдруг на позициях метателей показался гонец от Иллур с приказом немедленно начать обстрел города.

— Ну, вот тебе и приказ! — молвил Леха, поглядев на мастера, и махнул рукой. — Начинай!

Калпакидис кивнул, в свою очередь махнув рукой, и многочисленная прислуга закричала рычагами, оттягивая назад балки и тетиву метательных механизмов. Скоро все орудия были заряжены. Леха решил еще немного задержаться здесь, чтобы своими глазами увидеть первые попадания снарядов в укрепления Ольвии. Тем более, что гонец ничего другого не передал, а это означало, что прямо сейчас Иллур его видеть не собирался. Если дойдет до конной атаки, то его найдут всенепременно.

Первые камни, просвистев положенное расстояние, ударились в стену греческой цитадели, выбивая из нее куски. Следующая волна пришлась в аккурат по кромке верхней стены, сбросив с нее добрый десяток защитников и разрушив несколько зубцов. Правда, и в перелет ушло немало ядер, но все они упали на город, ломая крыши и калеча находившихся под ними людей, а значит, не пропали зря.

Повернув голову, Леха обнаружил, что почти одновременно с обстрелом началась и морская операция. Корабли скифов, выстроившись клином, на острие которого шла почему-то небольшая либурна, атаковали греческие триеры, перегородившие вход в обширную гавань Ольвии. Началась перестрелка из баллист.

Некоторое время Ларин не мог уяснить замысла Ичея, командовавшего этими силами. Но увидев, как вспыхнул факелом небольшой кораблик, наперерез которому совсем уж собрались рвануться две триеры, а, заметив пожар, отвернули в сторону, начал догадываться. Поджегшие корабль моряки, бросились в воду и поплыли к своим триерам. А полыхающая огнем либурна с намертво закрепленным рулевым веслом направилась прямоком в гавань. Туда, где, кроме военных, собралось немало купеческих кораблей, не успевших до начала

военных действий покинуть Ольвию. Даже со своего места Леха мог видеть лес мачт, поднимавшийся над гаванью. Если эта горящая либурна доберется до цели, и в гавани Ольвии вспыхнет пожар, то Ичей выдержал экзамен на адмирала. Хотя и так уже ясно, что задумка вышла превосходной.

— Вон оно как! — одобрительно кивнул морпех, вспомнив свою неудавшуюся попытку при осаде Херсонеса. — Горящий брандер решил грекам запустить. Дело!

Но перед греками маячило слишком много неприятельских кораблей — Иллур приказал использовать все, что имелось к назначенному часу: триеры, либурны и биремы, включая захваченные у Херсонеса — чтобы отвлекаться на один, пусть и горящий, кораблик. Тем более, без команды. У него, по их прикидкам, было слишком мало шансов добраться до порта. Поэтому триерархи Ольвии сосредоточили свое внимание на маневрирующих судах противника, позабыв о нем.

Понимая, что перед ними неопытные моряки, и преимущество в ближнем бою всегда останется за ними, греческие триеры яростно набросились на корабли скифов, тараня их один за другим. И преуспели в этом. Не прошло и двадцати минут, а уже три скифских судна завалились на борт. Моряки с поверженных кораблей плавали вокруг, пытаясь спастись от лучников неприятеля.

Но очень скоро греки поняли, что имеют дело с достойным противником. Прорвавшись на правом фланге силами четырех триер, скифы умудрились протаранить одну из охранявших вход в гавань квинкерем, а вторую поджечь, забросав ее горшками с зажигательной смесью. Половина «линкоров» защитников оказалась выведена из строя.

А брандер, между тем, благополучно прошел положенное расстояние и врезался в пирс между двумя зерновозами, стоявшими дальше всех на рейде. Его нос разрушился от удара, высыпая наружу горящие поленья, и греческие корабли вспыхнули сразу оба, а с ними вместе загорелся и пирс. Начало хорошему пожару было положено.

— Молодец, Ичей! — восхитился Леха. — Адмиралом станешь!

В этот момент он услышал громкий скрипучий звук и, повернув голову, не поверил своим глазам. Несмотря на продолжавшийся обстрел, греки решили провести контратаку. Главные ворота крепости открылись нараспашку, подъемный мост протянулся через глубокий ров. И по нему из Ольвии вырвался отряд тяжелой конницы, сразу же устремившийся к метательным орудиям. Конных валило не меньше тысячи. А следом за всадниками показались шеренги греческих пехотинцев.

Орудия скифов охраняли всего пятьсот всадников, потому что еще десять тысяч затаились наготове, в близком лагере, где сосредоточилось левое крыло атакующих сил. Но им требовалось время, чтобы доскакать сюда. И в этот промежуток греки могли уничтожить немало машин.

— Говорил я ему: Иллур, не жалея людей для охраны! — выругался Леха, бросаясь к своему коню. — Теперь придется самому выкручиваться.

И подмигнув испуганному мастеру, он снова вскочил в седло и выхватил меч.

— За мной, воины! — заорал Ларин, очутившись рядом со своим отрядом. — За мной, солдаты!

И сотня бородатых воинов устремилась за своим командиром, уже скакавшим к месту завязавшейся неподалеку сечи, где тучами роились стрелы. Там тысяча греков мгновенно смяла, окружила и обошла с правого фланга конное охранение метательных машин, направляясь к ближайшим из них. Но Леха со своими сорви-головами преградил им дорогу.

Летя навстречу неприятелю на своих быстрых конях, скифы сдергивали луки и посылали стрелы точно в цель. К тому моменту, когда они сшиблись с греками не мечях, почти треть нападавших уже валялась на земле, пронзенная острыми стрелами. Но тут греки взяли реванш. Они были одеты в тяжелые доспехи и вооружены копьями и длинными мечами, привычными для них в ближнем бою. Скифы из Лехиной сотни тоже имели такие мечи, но их доспехи не шли ни в какое сравнение с эллинскими, да и действовать они больше привыкли на расстоянии, поражая врага из лука. Тяжелая кавалерия, затянутая в броню и

ничем не уступавшая греческим катафрактариями, у Иллуря тоже имелась в большом количестве, но сейчас находилась в лагере. Впрочем, Леха о ней и не вспомнил.

Отбросив бесполезный лук, морпех направил коня на грека в красном плаще и шикарном шлеме, скакавшего впереди всех. Не рассуждая, Ларин первый ударил его мечом, но тот ловко отвел удар небольшим круглым щитом. Всадники разминулись на скорости, развернулись и снова сшиблись.

На этот раз грек первым нанес быстрый и сильный удар клинком в грудь своему противнику, а Леха, пропустив его, тем не менее, умудрился остаться в живых и даже не упасть с коня. К счастью, доспех выдержал. Превозмогая боль, морпех даже нашел силы ответить. И достал-таки противника, вложив всю свою мощь в яростный удар. Его меч проскользнул под щитом и воткнулся в бок катафрактария, звякнув о доспех. Но, тем не менее, не пробил панцирь, хотя грек согнулся и едва не рухнул с коня. Тогда Леха, не теряя драгоценных секунд, ударил его в плечо, выбив щит, а затем в шею. Тут уж и доспех не помог. Из пронзенного горла брызнула кровь.

— Знай наших! — крикнул Ларин и, убедившись, что враг повержен, развернул коня, чтобы скакать дальше. Но на него уже несли другой грек с длинным копьем. Этот отряд вообще состоял из копейщиков, после первой сшибки с противником бросавших использованное оружие и выхватывавших мечи. Но этот всадник еще не расстался со своим излюбленным боевым другом, что не сулило для Лехи ничего хорошего. Копье, как ни крути, длиннее меча, который можно и не успеть пустить в дело.

Прижав щит к телу, Леха бросил коня навстречу. Удар он отбил, но тот оказался настолько силен, что бравый командир скифов-разведчиков, потеряв щит, вылетел из седла и, сделав кувырок назад, грохнулся на траву. К счастью вовремя сгруппировался и ничего не сломал, сказались месяцы тренировок в морской пехоте. Коней там не было, но падать приходилось и не с такой высоты. Понимая, что от этого зависит его жизнь, Леха подхватил свой меч и поднялся на ноги, озираясь по сторонам. Вовремя. Сваливший его грек, развернув коня, снова приближался. А в руке у него было все то же копье.

Но тут раздался знакомый свист, и эллин, выронив оружие, рухнул прямо под ноги Ларину. Из его груди торчала скифская стрела. Остальные греки, что бились вокруг Лехи с бойцами из его отряда, вдруг судорожно заметались и, развернув коней, стали уходить к воротам. Подняв голову, морпех увидел, что все пространство вокруг заполнено наступающими скифами. Это пошла в атаку тяжелая кавалерия под началом самого царя. Паллак, облаченный в сверкающие на солнце доспехи, скакал впереди своих людей, размахивая мечом. Велик и грозен был царь Скифии.

Такого зрелища Леха давно не видел. Быстро оттеснив остатки конных греков к самым воротам, скифы натолкнулись на пеших, за это время атаковавших правый фланг. Паллак с давно забытым удовольствием рубил головы пехотинцам Ольвии, издалека заметный в своей сверкающей броне. Однако ворота города не закрылись. На помощь пешим солдатам из них выскочил еще один отряд катафрактариев и снова отбросил от стен почти добившихся победы скифов, ведомых в бой царем.

Этот удар оказался столь неожиданным, что два десятка воинов Ольвии прорвались к самодержцу и почти окружили его, стремясь взять в плен. Ближние скифы все же сумели защитить своего повелителя, отбив нападение. Но Паллак играл со смертью. Убедившись в том, что его нельзя пленить, предводитель катафрактариев Ольвии вскинул копье и метнул его в царя Скифии, гарцевавшего в каких-то двадцати метрах. Мелькнув над головами телохранителей, копье вонзилось в грудь царю, и он упал замертво под ноги своему коню.

Вопль ярости прокатился по рядам скифов, узревших смерть властителя, они смяли сопротивление отступающих катафрактариев и на их плечах ворвались в город сквозь открытые ворота. В то же время кораблям Ичея удалось пробить оборону и войти в город с моря. Сброшенный со стен гарнизон отступил, запершись в цитадели, но Ольвия была обречена.

Разграбив и предав огню этот греческий город, скифы пировали несколько дней. А пока

наверху решалась судьба, кому быть новым царем, Леха воспользовался передышкой и вернулся в свое стойбище. Да не один, а с отрядом из трех сотен бородатых конников и несколькими возами добычи. Определив бойцов в соседнее селение, подальше от своей юрты, чтобы не испугать беременную Зарану, он обнял обрадованную наложницу и, погладив по изрядно округлившемуся животу, строго настрого наказал:

— Чтобы родила мне сына, понятно?

Та кивнула, но осторожно поинтересовалась.

— А если родится девочка, как назовем?

— Не знаю пока, — отмахнулся Леха, — успею еще подумать. Скоро, наверняка, опять в поход уйдем. И надолго, чувствует мое сердце. Так что рожать будешь без меня. Как вернусь, все и решим. Дите без имени может пожить немного. Надеюсь, Великая Богиня и Табити не дадут ему пропасть.

А потом состоялся совет старейшин, избравший новым царем всей Скифии достойного вождя Иллур, захватившего Херсонес, Ольвию и почти поставившего на колени Боспорское царство. Леха как в воду глядел, — тот немедленно объявил о том, что собирает все скифские племена и начинает сразу две новых войны. Одно войско скифов немедленно нападет на Боспорское царство с суши и с моря, чтобы окончательно подчинить его скифам. А второе отправится в дальний поход вдоль берега моря на запад и отвоеует все земли в дельте огромной реки, что некогда принадлежали скифам. «Кажется, — с трудом припомнил Леха, погладив свой акинак, — где-то там протекает Дунай».

Глава тринадцатая

Битва при Каннах

Получив от Ганнибала приказ «выступать», африканцы немедленно покинули укрепленный лагерь на холме и вышли к реке, заняв свое место в общих порядках. Войска Карфагена готовились к битве.

Маршируя во главе своей хилиархии к месту общего построения, Федор бросил взгляд по сторонам. Неподалеку, возвышаясь над рекой, виднелась небольшая римская крепость Канны, захваченная войсками Ганибалла несколько недель назад. Римляне устроили в ней склад продовольствия, теперь очень пригодившегося армии финикийцев, отдыхавшей от затяжных переходов в этих благодатных местах.

Утро было славное. Светило солнце, разгоняя остатки приятной ночной прохлады. Пели птицы. Тишь да гладь, если не считать восьми римских легионов, что расположились в своих лагерях неподалеку, беспокоя фуражиров карфагенян несколько последних дней и явно напрашиваясь на неприятности.

Когда двадцатая хилиархия африканцев прибыла к месту построения, встав рядом с галлами, копейщики и пращники уже всю приноравливались к рельефу. Расположившись в несколько линий между рекой и холмами, они готовились отразить внезапное нападение римлян, также выстраивавших свои порядки на виду у неприятеля. Но римляне не торопились. Их здесь, в Апулии, собралось очень много. Еще ни разу за два прошедших с начала войны года Федор не видел столько легионов, сгруппированных в одном месте. По всем признакам, Луций Эмилий Павл и Гай Теренций Варрон — два новых консула, недавно избранных сенатом Рима — отважились, наконец, дать Ганнибалу решающее сражение. К тому же, лишь после того, как созвали со всех подвластных земель силы, почти вдвое превосходящие силы великого карфагенянина, до сих пор наводившего на них ужас.

А между тем, весь прошедший после битвы у Тразиментского озера год оказался относительно спокойным. После разгрома римлян Ганнибал, как ни странно, не пошел на столицу государства, хотя дорога была свободна. Вместо этого, он двинулся дальше на юг, направив армию через Умбрию на побережье Адриатики. Поразмыслив, Федор счел это разумным. Рим хорошо охранялся, взять его сходу представлялось задачей не из легких. А люди до предела измотались при беспримерном обходном маневре по горам, лесам и

болотам, позволившем армии пунов оказаться в тылу у неприятеля.

Напряженные усилия последних месяцев сказались: в армии Карфагена снова начались болезни. Солдаты страдали от цинги, а лошадей мучила чесотка. Стремительные передвижения Ганнибала не давали людям хорошо отдохнуть, и командующий, несмотря на отсутствие между его армией и Вечным Городом больших сил римлян, решил устроить перерыв в победоносной кампании, чтобы накопить сил для следующего удара.

Кроме того, позади армии пунов находилось еще множество не завоеванных земель, и прежде чем двигаться дальше, требовалось их покорить или переманить их властителей на свою сторону. Едва оказавшись в долине реки По, Ганнибал достаточно легко «завербовал» кельтов, ненавидевших Рим и, похоже, собирался привлечь на свою сторону и остальных союзников Рима. Даже надеялся поднять восстание в средней и южной Италии. Чтобы добиться такого результата, Ганнибал, разоряя римские земли, щадил владения его союзников, а пленных отпускал без выкупа. И скоро это начало приносить плоды.

Разбитые у Тразиментского озера римляне долго не могли прийти в себя и чтобы хоть как-то противостоять Ганнибалу выбрали диктора, отдав ему на полгода всю власть в стране. Диктатором стал Квинт Фабий Максим, прозванный самими римлянами из-за бородавки на губе «Прыщавым».

Стратегия нового диктатора на редкость подходила для осуществления планов Ганнибала. Собрав остатки легионов, Квинт Фабий Максим постоянно следовал за армией пунов на уважительном расстоянии, не решаясь вступить в сражение и почти не мешая ей разорять Италию на глазах римских легионеров, которым запрещалось вступать в бой. Это осторожное движение Фабия за армией Ганнибала абсолютно не нравилось ни его офицерам, жаждавшим реванша, ни сенаторам, поставившим на диктатуру, но вполне устраивало великого карфагенянина, несколько раз пытавшегося вызвать Фабия на открытое столкновение. А тот постоянно уклонялся.

Так, без особых событий, прошло много месяцев, в течение которых Фабий смог выиграть время для Рима, немного оправившегося от постоянных поражений, заработал обидное прозвище «педагог Ганнибала»³⁴ и оставил свой пост, передав власть новым консулам.

Повсеместно среди подданных Рима началось брожение, то одна, то другая область отпадала от него, присягая на верность Карфагену. И все это Федор наблюдал целый год, практически беспрепятственно передвигаясь по землям средней и южной Италии вместе с армией пунов.

Но победы его радовали не особенно сильно. Пребывая в состоянии непрерывной войны, он не переставал думать о Юлии. Он так и не доставил финикийскому полководцу ценного пленника, сенатора Марцелла. Рейд на Арреций закончился бесславно.

— Что ж, — решил Ганнибал, выслушав рассказ Федора о внезапно подошедших легионах, — на войне бывает все. Склады с припасами ты поджег. Это уже хорошо. А с Марцеллом мы еще встретимся.

И так же, как Ганнибал хотел снова повстречать своего противника-сенатора, Федор истово мечтал увидеть его дочь Юлию. Но за весь минувший год у него так и не выпало подходящего случая. Армия Карфагена постоянно перемещалась по Италии, терроризируя подданных Рима, а на Федоре лежала теперь ответственность не за три десятка разведчиков или даже сотню человек, а за тысячу двести душ, организованных в спейры. По российским меркам его прошлой службы, он находился теперь в ранге командира полка. На короткой ноге он сошелся с Атарбалом и практически не вылезал из штаба африканцев. Ганнибал частенько отправлял его прославленную двадцатую хилиархию в рейды по различным районам Италии, где вдруг появлялись отдельные отряды римлян.

³⁴ Педагогом (paedagogus) в Риме называли раба, обычно из ученых греков, который сопровождал римского школьника из богатой семьи на занятия. Носил за ним личные вещи и книги.

Сам Федор в разведку теперь не ходил, все больше посылал других, хотя в душе и страдал от этого. Больших сражений давно не случалось, и жизнь стала не такой куражной. Командиром седьмой спейры он назначил своего друга Урбала, а помощником Летиса. Их же, по старой памяти, и отправлял в разведку по римским владениям, как самых проверенных людей. Но о своей главной цели — разыскать Юлию — он не забывал ни на миг. Федор до такой степени подчинил свои действия этому стремлению, что сам допрашивал пленных римлян о местонахождении сенатора Марцелла и с той же целью засылал разведчиков в отдаленные города и деревни, не имевшие к военным действиям никакого отношения.

Урбал и Летис давно заметили, что с их другом что-то происходит. И однажды Федор открылся им, рассказав о своей давней страсти к дочери римского сенатора и о том, что у нее уже должен родиться ребенок. И, возможно, даже от него.

— Так вот зачем мы тогда напали на Арреций, — закивал головой Урбал. — Теперь мне все ясно. А я-то думал, почему ты бежишь за колесницей и кричишь не «Марцелл, остановись!», а совсем другое имя. Сам Марцелл тебе был, оказывается, и не нужен.

— Ты чего, Федор, в Карфагене никого не мог найти? — бестактно поинтересовался Летис.

Федор молча развел руками, мол, «судьба».

— А она хоть красивая? — углубился в тему здоровяк.

— Друзья мои, — улыбнулся Федор, испытывавший облегчение от того, что может хоть кому-то поведать свою тайну, так давно терзавшую его сердце, — если бы вы ее видели!

— Ладно, — кивнул рассудительный Урбал, чувствуя, что его друг безнадежен. — Только ты не забывай, что она римлянка, а мы солдаты Карфагена, которые скоро возьмут Рим. Не рассказывай больше никому об этом, мало ли что, а мы с Летисом будем молчать.

Сказав это, Урбал посмотрел на друга.

— Могила! — рявкнул здоровяк, хлопнув себя кулаком по груди, и добавил. — Только что же ты дальше собираешься делать? Она ведь дочь нашего врага.

— Не знаю, — честно ответил Федор. — Сначала хотел бы ее увидеть. Поговорить. А там что-нибудь придумаю.

Друзья замолчали.

— Нам пора. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — прервав затянувшуюся тишину, Урбал встал и направился к выходу из шатра, увлекая за собой Летиса. Но, обернувшись на пороге, бросил:

— Если что, можешь всегда рассчитывать на нас, Федор.

Летис, ухोдивший последним, снова ударил себя кулаком в грудь, отчего панцирь на нем издал металлический звон, и исчез за пологом шатра.

А буквально за день до предстоящей битвы, разведчики Федора привели к нему в шатер пленного римского офицера. Тот оказался морпехом из римского флота, прикомандированного к легионам Варрона и Павла. Этот флот по приказу консулов блокировал близкое побережье, чтобы к нему в решающий момент не подошли корабли карфагенян.

Офицер происходил из морских союзников Рима и за обещание оставить ему жизнь рассказал, что Марк Клавдий Марцелл, все последнее время возглавлявший пятый легион Сицилии, недавно переведен в Остию на должность претора и теперь командует флотом. А его дочь, жена трибуна Памплония, недавно родила в Риме сына, не очень-то похожего на отца. Об этом сплетничали многие. Сам Памплоний вскоре после рождения сына отбыл в Тарент, наращивающий силы, чтобы противостоять возможному нападению Ганнибала.

«Юлия родила сына, и она сейчас в Риме! — едва не воскликнул Федор. — Значит, надо туда поскорее попасть».

Однако, исполнению его желаний мешали легионы Варрона и Павла, которые следовало сначала разбить. Впрочем, Федора это ничуть не смущало. И утром он выводил свою хилиархию на бой окрыленным. На душе было хорошо, хотелось быстрее взяться за

рукоять фалькаты, чтобы снести побольше голов с напыщенных римских граждан. А желание биться — это уже залог победы.

Ганнибал поставил его хилиархию на правом фланге, ближе к центру основных сил, состоявших из проверенных иберийских и африканских пехотинцев. И, конечно, кельтов, составлявших почти половину сильно возросшей за последнее время армии Карфагена. Эти полки «выгнулись» вперед полумесяцем и растянулись почти на два километра по всему фронту от реки до холмов. Они должны были принять на себя главный удар изголодавшихся по победам римских легионов. Боевых слонов гениальный финикиец почему-то решил не выводить в поле совсем.

На флангах Ганнибал поставил конницу. У подножия холмов, напротив конницы союзников римлян, нумидийскую, а у реки испанскую и кельтскую под командой своего брата. Сам же находился в центре со своими африканцами, ничуть не сомневаясь в том, что именно здесь легионы нанесут свой главный удар. И от того, как выстоят кельты и африканцы Атарбала, будет зависеть победа. Армия Карфагена, как и прежде, превосходила противника в коннице, но легионеров насчитывалось, как минимум, вдвое больше, чем пехотинцев в испанской армии.

— Мы идем на эту битву, чтобы победить! — произнес Ганнибал на общем сборе, перед тем, как вывести свою армию в поле. — Римляне думают, что нас можно сломить числом. Они привыкли просто давить врагов своими необученными легионами, но вы уже не раз доказали, что каждый из вас стоит десяти римлян. Консулы так боятся вас, что привели сюда как раз столько солдат, чтобы вы не скучали. Они готовы сбежать при первых же звуках наших боевых труб и карников, но без хорошей драки мы их не отпустим.

Хохот кельтов послужил ему ответом. Они подняли свои щиты и стали лупить по ним мечами, издавая невообразимый шум, наверняка слышный даже в римских лагерях.

— Этот день станет днем нашей славы! — закончил свою напутственную речь Ганнибал, когда кельты немного поутихли. — Покажите, на что способны солдаты великого Карфагена, призванного владеть миром. Сегодня мы уничтожим эти легионы, и тогда уже ничто не спасет Рим. Вперед!

И вот теперь Федор вспомнил эти слова, вздрогнув при звуках кельтских карников и рогов римлян, разогнавших зловещую тишину над полем у Канн. Глядя, как легионы, сомкнув щиты, начали наступление, Федор подумал: «Допустим, я знаю, чем все это закончится. Читал. Но откуда Ганнибал об этом знает?». Впрочем, это была последняя отвлеченная мысль командира двадцатой хилиархии в тот день.

Почти тотчас велиты — легкая пехота римлян — и копейщики карфагенян закончили свои стычки, отойдя за основные силы. И тогда первые шеренги тяжеловооруженных солдат Рима обрушили удар своих пилумов на первые ряды кельтов и африканцев. Затем воинов Ганнибала накрыла новая волна пилумов. А когда этот «ураган» прошел, многие выжившие воины в первых шеренгах остались вовсе без щитов, вынужденные бросить их на землю вместе с застрявшими в них пилумами. Другие же еще некоторое время потрясали щитами, стремясь освободиться от застрявших копий. Но, в конце концов, тоже избавились от них и, издав боевой клич, сами бросились на наступающих легионеров. Казалось, воздух над равниной треснул от грохота столкнувшихся щитов. И счет убитым пошел на десятки.

Контратаковав римлян, африканцы и кельты некоторое время сдерживали легионеров, но потом, под натиском превосходящих сил противника, все же подались назад. И фронт карфагенян стал выравниваться, превращая полумесяц в прямую линию.

Размахивая фалькатой во главе своих солдат и поражая легионеров, Федор, тем не менее, заметил, как испанская конница атаковала правый фланг римлян и начала теснить его вдоль реки. Там, в отличие от центра битвы, все происходило совсем по другому сценарию. Тяжелые иберийские всадники и кельты с первого же удара проломили оборону римской конницы, призванной консулами сдерживать их атаку, и опрокинули первые ряды, навязав бой по своим правилам. С этого момента битва разделилась на два противоположных направления. В центре разъяренные легионы Варрона и Павла, почуяв, казалось, слабость

пехотинцев Ганнибала, продолжали вгрызаться в их строй и теснить, принуждая к отступлению. А на правом фланге испанская конница развивала свое наступление.

— Держись, ребята! — орал Федор, отбиваясь от наседавших легионеров, то прикрываясь щитом, то нанося ответные удары. — Наш час скоро пробьет!

И этот час пробил, но не так быстро, как хотелось командиру двадцатой хилиархии. Прежде, чем в битве наступил перелом, она длилась несколько часов, в течение которых римские легионы уничтожили несколько тысяч кельтов и африканцев, стоявших в первых рядах. В том числе потери несли и солдаты Федора. Усеивая трупами поле возле Канн, финикийцы отступали, стараясь, насколько возможно, сдерживать натиск римских легионов и не бежать. Но отступали только в центре. Фланги, тоже состоявшие из проверенных в боях африканцев, стояли незыблемо.

«Неужели, я что-то неверно прочел?» — мелькнула паническая мысль в голове образованного морпеха из двадцать первого века, когда он, проткнув очередного римлянина, был вынужден все же сделать шаг назад. Озираясь по сторонам, Федор то и дело видел Ганнибала, пронесившегося на коне вдоль строя, подбадривая своих отступающих солдат и выкашивая подвернувшихся римских легионеров.

И вдруг что-то произошло. Легионы, заставившие фалангу африканцев и кельтов выгнуться полумесяцем в обратную сторону и уже предвкушавшие победу, неожиданно ослабили натиск. А потом и вовсе остановились. Позади римских порядков происходила какая-то суматоха. Присмотревшись, Федор увидел, как испанская конница вместе с кельтами пробила брешь в порядках римлян на правом фланге и прорвалась в тыл пехотинцам, заставив их остановиться, а замыкающие манипулы даже развернуться в обратную сторону, чтобы не получить копьё в спину. Конных воинов Карфагена прорвалось так много, что часть из них даже зашла в тыл левому флангу союзников римлян, почти довершив окружение. Им навстречу ударили нумидийцы, и скоро круг замкнулся. Легионы оказались в котле.

И только тут Федор уразумел, зачем Ганнибал выстроил их таким порядком с ослабленным центром и мощными флангами. Немедленно прозвучала команда, и почти неповрежденные фланги африканцев развернулись внутрь строя, зажав растянутые и потрепанные легионы римлян с двух сторон. И без пяти минут победители оказались побежденными. Почти, поскольку их по-прежнему оставалось очень много. Гораздо больше тех, кто их окружил. Но армия Карфагена вновь почуяла вкус победы.

— За мной, солдаты! — Федор вскинул острие фалькаты вверх. — Настал решающий час. За Карфаген!

И блеснув на солнце начищенной перед боем кирасой, повел свою хилиархию в атаку развернутым строем. На правом фланге его поддержали еще несколько тысяч африканцев и кельтов, поднявших невообразимый гам. Почти столько же карфагенян контратаковало римлян с другой стороны. А сам Ганнибал возглавил удар в центре, так долго сопротивлявшемуся превосходящим силам Рима. И легионы дрогнули. Еще какое-то время они держали удар, а затем оборона рассыпалась и, побросав оружие, солдаты Рима позорно бежали с поля боя. Карфагеняне устремились в преследование, уничтожая сотнями своих заклятых врагов, обративших тыл.

Еще в начале сражения Федор видел, как меткий балеарский пращник ранил камнем одного из консулов, командовавшего правым флангом. Морпех не знал консулов в лицо, поэтому не понял, кого именно, Варрона или Павла. Но легко сообразил, что правый фланг почти сразу остался без верховного командования, и это быстро сказалось на ходе битвы. Римская конница сражалась храбро, но до испанцев и кельтов ей было далеко, хотя легковооруженным нумидийцам римляне противостояли вполне уверенно.

Вместе со своими солдатами Федор добрался до ближайшего лагеря римлян, где они еще пытались организовать оборону. Своей рукой он умертвил не один десяток легионеров, которых спейры африканцев и кельтов до самого вечера гнали вдоль реки и холмов. Многие римляне бросались в воду, спасая свои жизни. Многие бежали, чтобы скрыться в холмах. И

некоторым это удалось. Но большинство осталось лежать на поле битвы.

Как вспоминал Федор, глядя на этот праздник смерти, в битве при Каннах, несмотря на огромное превосходство в силе, римлян poleglo в десять раз больше, чем карфагенян. Меньшая по численности армия пунов за счет мастерства командиров и умения солдат смогла окружить почти восемьдесят тысяч римлян и пятьдесят из них изрубить в куски. Семь тысяч легионеров попали в плен. Раненный пращником консул — все-таки Павл — чуть позже был убит, сражаясь в пешем строю. Здесь же погибли проконсулы Гемин и Регул, рухнул от меча испанского всадника начальник римской конницы Минуций Руф. Полегли тысячи знатных римлян. Остальные бежали, побросав оружие.

Среди тех, кто спасся, оказался и второй консул Гай Теренций Варрон, ставший козлом отпущения за поражение от Ганнибала. Десятки тысяч римлян остались лежать у Канн, и этот день навеки вошел в историю, как день страшного позора римского оружия. Никогда еще надменный Рим не был так унижен. Его лучшие силы в единый миг стали прахом, и ничто больше не могло остановить поход Ганнибала к стенам города.

*Санкт-Петербург,
Июнь, 2007*